

ОЧЕРКИ
ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ
ВОСТОКА.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА ВАМБЕРИ

(Автора Путешествія въ Среднюю Азію)

Переводъ съ нѣмецкаго.

С.-Петербургъ

ИЗДАНИЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобы оставаться вѣрнымъ порядку, принятому мною въ прежнихъ моихъ очеркахъ жизни въ мусульманской Азіи, мнѣ слѣдовало бы выпустить въ свѣтъ прилагаемое сочиненіе не *послѣ*, а *передъ* появленіемъ моего «Ислама въ девятнадцатомъ столѣтіи». Большинство изъ этихъ очерковъ уже болѣе десяти лѣтъ лежатъ между моими бумагами; иные были даже набросаны во время моего пребыванія на Востокѣ, и я лишь потому такъ долго медлилъ ихъ полнымъ изданіемъ *), что, сознавая въ самомъ себѣ недостатокъ въ графическомъ талантѣ, у меня не доставало смѣлости приняться за разработку такого предмета, надъ которымъ трудились уже не мало талантливыхъ писателей.

И если, не смотря на это, я все-таки взялся за эту задачу, то къ этому побудили меня слѣдующія обстоятельства.

Вопервыхъ, меня такъ подстрекнули одобрителные отзывы, полученные мною съ компетентной стороны, что я не могъ противиться искушенію по крайней мѣрѣ попытаться. Вовторыхъ, я уже довольно долго занятъ составленіемъ словаря корней турецко-татарскихъ нарѣчій, и хотя изслѣдованія эти—анатомическое

*) Изъ этихъ очерковъ три или четыре уже были напечатаны въ венгерскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ журналахъ.

расчлененіе замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ языковъ, въ высшей степени способны приковать все мое вниманіе, тѣмъ не менѣе я не стану отрицать, что маленькое отклоненіе изъ области теоріи въ область практики, дѣйствуетъ одинаково благотворно и на умъ, и на расположеніе духа, такъ какъ ничто такъ не освѣжаетъ и не придаетъ столько новыхъ силъ и новой бодрости, какъ временная перемѣна занятій. Въ-третьихъ, каждый, проведеній многіе годы своей юности и возмужалости въ Азіи и близко познакомившійся тамъ со страной и людьми, невольно долженъ чувствовать желаніе описать нравы и обычаи, подстрекавшіе когда-то его любознательность и возбуждавшіе своими странными, своеобразными чертами его живой интересъ, въ особенности, если и въ поздніе годы въ памяти сохранилась вся свѣжесть первыхъ впечатлѣній.

Итакъ, вотъ краткая родословная моихъ «очерковъ», и сообразно ей я прошу читателей судить и о содержаніи этой книги. Умышленно избѣгая излишнихъ подробностей, я старался въ моихъ новыхъ очеркахъ, по возможности вѣрно и неприкрашенно передать когда-то воспринятые мною впечатлѣнія, и если мнѣ случилось, два или три раза втеченіе всей книги, обратиться къ постороннимъ источникамъ, то это было лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда новѣйшія изслѣдованія дополняли мои собственные наблюденія. Вѣрный девизу *utile dulci*, я и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ моихъ сочиненіяхъ, старался популярнымъ изложеніемъ заинтересовать по возможности большій кругъ читателей. Какъ кажется, Азіи суждено сдѣлаться вскорѣ страной свѣта, въ которой Европа будетъ искать разрѣшенія многихъ — крайне-важныхъ, — политическихъ, культурныхъ и соціальныхъ вопросовъ; тѣмъ необходимѣе поэтому разогнать тотъ туманъ, который окружалъ до сихъ поръ наши свѣдѣнія о восточныхъ нравахъ и обычаяхъ.

Домъ и дворъ.

«Дворецъ калифа сіялъ золотомъ и мраморомъ; превосходныя мозаики украшали стѣны и полъ; живительныя ручьи и каскады пространяли пріятную прохладу и сладко убаюкивали своимъ журчаньемъ. Великолѣпныя выющіяся растенія и тѣнистыя деревья служили пріютомъ безчисленному множеству пѣвчихъ птицъ. Потолки блистали позолотою и великолѣпіемъ красокъ. Невольники въ роскошныхъ одѣяніяхъ изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, толпились въ комнатахъ, во внутреннихъ же покояхъ скрывались прекраснѣйшія женщины всего свѣта». — Такими словами описываетъ А. ф. Кремеръ, остроумный и ученый авторъ «Исторіи восточной культуры», дворецъ калифовъ Омеядовъ въ Дамаскѣ. Конечно, каждому изъ насъ не разъ случалось слышать подобныя же или еще болѣе заманчивыя описанія блеска и великолѣпія дворцовъ знаменитыхъ мусульманскихъ князей прошлаго времени, и рассказы эти вовсе не преувеличены; роскошныя постройки Мавровъ въ Испаніи, Аббасидовъ въ Багдадѣ и Тимуридовъ въ Средней Азіи и Индіи дѣйствительно были единственными въ своемъ родѣ и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ восторгъ потомства. Тѣмъ не менѣе, ошибочно было бы выводить изъ этихъ слѣдовъ минувшей роскоши заключенія объ общемъ благосостояніи и богатствѣ страны даже въ то время, но еще болѣе ошибочно было бы судить по этимъ памятникамъ прошлаго восточнаго великолѣпія о теперешнемъ состояніи Востока. Востокъ въ настоящее

время дѣлается, такъ сказать, историческимъ понятіемъ, и, насколько величественныя развалины архитектурныхъ памятниковъ Сулейманіи, Герата, Самарканда и Агры возвышаются надъ окружающими ихъ убогими хижинами, напоминая невольно печальное сказаніе о «Князѣ и нищемъ»,—настолько же отличается презкій Востокъ отъ выпѣшняго, такъ же велико разстояніе между тѣми картинами изъ арабскихъ сказокъ, которыя плѣняли нашу фантазію въ юности и печальною дѣйствительностью теперешняго восточнаго міра.

Обыкновенно, намекая на легкія деревянныя постройки Стамбула, говорятъ, что турки только расположились лагеремъ въ Европѣ. По моему можно было бы идти еще далѣе и утверждать, что всѣ азіаты, вообще, только расположились лагеремъ, такъ какъ частныя ихъ жилища, все равно, построены ли они изъ тростника, глины или кирпича, даже въ самыхъ большихъ городахъ магометанскаго міра, никакъ не могутъ быть названы «домами» въ европейскомъ значеніи этого слова. Въ западной части занимающаго насъ міра, именно тамъ, гдѣ вліяніе строительнаго искусства византійцевъ невольно отразилось на мусульманскихъ завоевателяхъ, дома послѣднихъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, подходятъ нѣсколько подъ европейское значеніе этого слова. Нѣсколько этажей съ многочисленными, большими, конечно защищенными густою рѣшеткою окнами на улицу, крыши, балконы, ворота—все напоминаетъ намъ Западъ, но я опять повторяю, только по внѣшнему своему виду; лишь только мы входимъ внутрь дома, насъ тотчасъ же опять охватываетъ Востокъ. Повсюду огромныя пустыя пространства, но чѣмъ больше и пустѣе комнаты, тѣмъ удобнѣе кажутся онѣ ихъ обитателямъ, вкусъ которыхъ въ этомъ отношеніи отлично выражается поговоркою: «лучше побой въ просторныхъ, удобныхъ покояхъ, чѣмъ вкусныя, лакомыя кушанья въ тѣсненькой коморкѣ». Даже у самыхъ богатыхъ, вся мебель состоитъ изъ дивана вдоль трехъ стѣнъ, и если бы полъ не былъ покрытъ хорошимъ ковромъ, то вся комната казалась бы совершенно необитаемою для европейца. «Вы европейцы, — говорили мнѣ часто, — такъ наполняете свои комнаты всевозможною мебелью, что уже не можете

и двигаться въ нихъ». Изъ этого, однако, никакъ нельзя заключить, чтобы восточный житель свободнѣе двигался въ своемъ жилищѣ, чѣмъ мы. Цѣлый день сидитъ онъ, съ поджатыми ногами, въ углу своего дивана, и только глаза его усаждаются просторомъ огромной комнаты. На нашъ взглядъ, конечно, подобное жилище и неудобно и не красиво и притомъ, только при извѣстныхъ обстоятельствахъ удовлетворяетъ климатическимъ условіямъ. Въ лѣтнее время, правда, оно представляетъ много удобствъ, но зато зимою становится невыносимымъ, и я теперь еще не могу вспомнить безъ содроганія о тѣхъ холодныхъ зимнихъ дняхъ и въ особенности о зимнихъ вечерахъ, которые проводилъ въ Стамбулѣ въ домахъ прежнихъ министровъ. Теплота мангала (угольного таза) достаточна развѣ только для мусульманина, закутаннаго въ свою шубу, и кромѣ того, она очень скоро уходитъ чрезъ тонкія деревянныя стѣны; не разъ приходилось мнѣ поутру счищать съ одѣяла моей, посланной возлѣ окна, постели, снѣгъ, навалившійся втеченіе ночи черезъ щели въ окнахъ и стѣнахъ. Лишь въ самое послѣднее время западное вліяніе стало отражаться на внутреннемъ убранствѣ комнатъ самыхъ богатыхъ турокъ. Они приобрѣли себѣ европейскіе диваны, кресла, стулья и столы, но болѣе изъ уваженія къ модѣ, чѣмъ изъ-за удобства, такъ какъ погрузиться въ мягкія подушки *миндера* (матрацъ дивана приблизительно въ три фута шириною) представляется мусульманину несравненно удобнѣе, чѣмъ сидѣть въ креслѣ, въ которомъ уже нельзя поджать ногъ, а надо оставить ихъ висѣть,—положеніе крайне uncomfortable для восточнаго жителя, вслѣдствіе чего кресло извѣстно на Востокѣ подъ названіемъ *«франкскаго кола»*.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся отъ Турціи во внутренность Азіи, вышій уютный видъ жилищъ все болѣе и болѣе утрачивается и они принимаютъ характеръ той замкнутости и скрытности, которыя развились съ одной стороны подъ вліяніемъ гаремной жизни, а съ другой—вслѣдствіе постоянного трепетанья передъ произволомъ властителей. Тамъ, гдѣ, вслѣдствіе преувеличенной и худо понятой стыдливости, весь женскій полъ считаетъ себя обязаннымъ скрываться отъ муж-

скаго взора и гдѣ богатство и благосостояніе часто служатъ предлогомъ для тиранническихъ угнетеній, очень понятно, что внѣшняя сторона жилища состоитъ изъ голыхъ, покривившихся, попорченныхъ дождемъ стѣнъ, тогда какъ внутри, оно часто бываетъ украшено чрезвычайно роскошно и изящно. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдаются нѣкоторые города Сиріи и Персіи, оправдывающіе до известной степени распространенное на Западѣ понятіе о восточномъ великолѣпіи и удобствахъ. Дѣйствительно, нельзя удержаться отъ удивленія, когда чрезъ узкія, темныя ворота войдешь въ первый пространный дворъ, середину котораго занимаетъ обыкновенно продолговатый резервуаръ воды. Въ особенности хороши здѣсь небольшіе цвѣтушіе сады; и хотя покои, окружающіе дворъ съ трехъ сторонъ, и здѣсь производятъ впечатлѣніе совершенной пустоты, но зато стѣны, богато украшенныя живописью, разрисованныя цвѣтами, птицами, а въ Персіи также и женскими лицами, носятъ на себѣ отпечатокъ настоящей восточной орнаментики. Старая мода украшать потолокъ богатою позолотою, превосходными арабесками и зеркалами сохранилась только во внутренней Азій, и персы, какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, занимаютъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи. Къ большому удивленію европейца, раскрашенныя картинки при нашихъ модныхъ журналахъ, идутъ въ большомъ множествѣ на украшеніе персидскихъ гостинныхъ. Картинки эти составляютъ даже предметъ очень распространенной торговли.

Айванъ сирійцевъ и туркестанцевъ, просторныя, открывающіяся на дворъ сѣни, замѣняетъ у персовъ *талляръ*, большая, устланная коврами зала; передняя часть ея занята большимъ, рѣзнымъ окномъ постоянно открытымъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, изъ котораго представляется видъ на сады и резервуаръ съ водою. Здѣсь принимаютъ гостей, занимаются дѣлами и здѣсь же проводятъ цѣлыя часы въ неподвижномъ лицецрѣпіи зеленого газона и волнующейся поверхности бассейна, такъ какъ по словамъ арабскаго поэта три вещи изгоняютъ заботу изъ сердца человѣка: текущая вода, зеленая трава и прекрасное лицо:

„Selasetun jezilu' min el kalb el hazn
El Moi dschari, el hadhravat ve vedschih ul husn“.

Зимою роль зеленого газона и воды играет очагъ. «El nar fakihat esch schita» (очагъ—это плоды зимы) говоритъ аравитянинъ; но конечно очагъ этотъ можно назвать такъ только въ восточномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ онъ вовсе не могъ бы удовлетворить требованіямъ нашего болѣе суроваго климата. У европейца, когда онъ сидитъ у мангала или одчака (камина), постоянно мерзветъ одна сторона тѣла, тогда какъ его нестерпимо печетъ съ другой, если только онъ, подобно мусульманину, не закутается въ толстое одѣяло и шубу, и не въ состояніи высидѣть цѣлые часы безъ малѣйшаго движенія на томъ же мѣстѣ—положеніе, которое для европейца конечно, скоро сдѣлалось бы еще болѣе невыносимою мукою, чѣмъ даже самый холодъ. Еще болѣе чуждо намъ употребленіе *тандура*, особеннаго приспособленія, посредствомъ котораго теплота угольной печки сохраняется въ толстыхъ ваточныхъ одѣялахъ, подъ которыя подлѣзаетъ иногда цѣлое общество, такъ что изъ подъ него остаются видными только головы и руки. Тандуръ употребляется въ особенности женщинами и составляетъ non plus ultra восточнаго понятія о комфортѣ. Конечно, о руководѣлыхъ или какихъ-либо другихъ занятіяхъ, при этомъ не можетъ быть и рѣчи, и дорогое время проводится за пѣснями, болтовнею или разсказами сказокъ и случаевъ изъ жизни святыхъ.

Хотя дома на Востокѣ своимъ наружнымъ и внутреннимъ убранствомъ, далеко не соответствуютъ нашимъ понятіямъ объ изяществѣ и роскоши, но все-таки нельзя отрицать, что, во многихъ отношеніяхъ, они болѣе удовлетворяютъ требованіямъ удобства и гигиены, чѣмъ у насъ на Западѣ. Уже одно то обстоятельство, что во всей магометанской Азій каждый живетъ въ своемъ собственномъ домѣ, имѣетъ значительное преимущество передъ нашею казарменною системою въ большихъ европейскихъ городахъ. Но къ этому присоединяются еще другія удобства, такъ напр. просторные дворы и, по возможности, обильное снабженіе водою. Но что всего замѣчательнѣе, —

это очень распространенное на Востокѣ обыкновеніе раздѣлять жилища на лѣтнія и на зимнія. Какъ для бѣднаго жителя пустынь, такъ и для горожанина, переменна жилища по времени года составляетъ необходимость. Повсемѣстно, даже у народовъ иранскаго происхожденія, существуетъ опредѣленіе яйлакъ и кашлакъ (лѣтнее и зимнее жилища), и это всего лучше свидѣтельствуетъ о туранскомъ происхожденіи этого обычая; дѣйствительно, даже и въ наше время, турки, по выбору и по удобствамъ своихъ лѣтнихъ виллъ, превзошли всѣхъ восточныхъ народовъ. О прелестныхъ кіоскахъ тимуридовъ въ Царевшанѣ и Мургабѣ можно, правда, судить теперь только по историческимъ памятникамъ и по великолѣпнымъ развалинамъ, но и въ настоящее время яйлаки на берегахъ Босфора единственные въ своемъ родѣ и, по своимъ удобствамъ, превосходятъ всѣ виллы на свѣтѣ. На разстояніи не болѣе часа отъ шума, толкотни и спертаго воздуха узкихъ улицъ большого города, въ этихъ яйлакахъ можно наслаждаться прохладнымъ сѣвернымъ вѣтеркомъ, отъ котораго приходится даже иногда защищаться теплою одеждою. А какъ прелестны здѣсь вечера и въ особенности чудныя лѣтнія ночи! Невозможно представить себѣ болѣе высокаго наслажденія, чѣмъ то, которое испытываешь въ іюньскій или іюльскій вечеръ, слѣдя съ просторной террасы (Искелле), у самаго моря, за волшебною картиною ночи на берегахъ Босфора. Темносиній небосклонъ съ безчисленными звѣздами соперничаетъ по блеску съ искрящимся отраженіемъ своимъ въ чистомъ зеркалѣ моря. Невольно впадаешь въ сладкое забытѣ, отъ котораго пробуждаютъ только раздающіеся время отъ времени, среди глубокой ночной тишины, глухіе вслѣски веселья плывущаго мимо кайка или протяжный пѣвучій голосъ муэззина, призывающаго къ ночной молитвѣ «As salatu chair min al naum» (молитва полезнѣе сна) слышится съ высокаго минарета. Но, добрый муэззинъ, призывъ твой бесполезенъ; кому придетъ въ голову уснуть, когда и съ открытыми глазами впадаешь въ такіе очаровательные сны! Если небо покрыто облаками, то обитатели моря замѣняютъ до нѣкоторой степени недостающій блескъ звѣздъ. Каждая малѣйшая рыбка оставляетъ свѣ-

тящийся слѣдъ въ волнахъ Босфора, богатыхъ содержаніемъ фосфора. Мы можемъ какъ въ акваріѣ прослѣдить всѣ ея движенія назадъ и впередъ, а кто возьмется описать ту картину, которую представляетъ теперь охота дельфина или меченоса. Сперва замѣчаются въ водѣ нѣсколько зазубренныхъ, свѣтящихся лучей: это авангардъ убѣгающаго стада рыбокъ, вскорѣ слѣдуетъ и вся толпа, въ видѣ свѣтящагося потока, разливающагося міриадами звѣздъ, а вотъ несется съ быстротою стрѣлы компактный, свѣтящийся конусъ хищной рыбы, разгоняя передъ собою во всѣ стороны трепещущія искорки разбѣгающихся крошекъ. Цѣлыми часами не могъ я оторваться отъ этого увлекательнаго зрѣлища и всегда причисляю мое пребываніе на Босфорѣ (я много лѣтъ сряду проводилъ лѣто въ одной виллѣ, въ Канлиджѣ, на азіатскомъ берегу) къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ моихъ, богатой путешествіями и приключеніями, жизни.

Но отъ этихъ прелестныхъ, свѣтлыхъ сторонъ нашей картины приходится намъ обратиться теперь къ ея темнымъ сторонамъ. Изъ нихъ, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ темныхъ — это общественное разъединеніе обоихъ половъ, сильно развитое вообще на востокѣ, въ особенности же въ магометанскомъ свѣтѣ, и соединенное съ нимъ разграниченіе дома на двѣ половины. *Гаремъ* и *саламликъ* (запретное мѣсто и мѣсто привѣтствія) у турокъ, или *эндерунъ* и *бирунъ* (внутри и извнѣ) у персовъ, суть названія, значеніе которыхъ вошло въ плоть и кровь восточнаго общества, да и въ самомъ домѣ они составляютъ камень преткновенія, о который поминутно приходится наталкиваться. Раздѣляющая стѣна состоитъ у бѣдныхъ изъ простой занавѣски, у богатыхъ изъ нѣсколькихъ промежуточныхъ комнатъ, называемыхъ *мабенингъ*, и составляющихъ родъ предхрамій передъ святилищемъ, черезъ которое никогда не должна переступать нога чужого човѣка. Только въ случаяхъ болѣзни позволяется доктору или другу дома переступить черезъ эту заповѣдную черту. Но въ этомъ случаѣ передъ нимъ всегда идетъ егнухъ съ громкими возгласами «*Kimse olmazsin*» (да не попадется никто по дорогѣ). Эти крики означаютъ общую *saue qui peut* для всѣхъ, находя-

щихся случайно на пути женщинъ. Заслышавъ ихъ, онѣ тотчасъ же бросаются съ невыразимою поспѣшностью къ дверямъ, ища куда бы спрятаться, точно неумолимый врагъ слѣдуетъ за ними по пятамъ; если которой нибудь изъ нихъ не удастся спастись, то она забивается въ уголъ, закрываетъ лицо обѣими руками и оборачивается спиною къ непрошенному посятителю. По внутреннему убранству, женская часть дома мало отличается отъ селамлика, за исключеніемъ только нѣкоторой вывезенной изъ Европы мебели и другихъ «франкскихъ» нововведеній, которымъ впрочемъ до сихъ поръ чрезвычайно противится прекрасный полъ, всегда отличающійся своею консервативностью. Въ высшихъ слояхъ общества гаремъ всегда имѣетъ особую кухню, особые кладовыя, особую прислугу и т. д., вслѣдствіе чего содержаніе его обходится очень дорого, и это чрезвычайно затрудняетъ бракъ у мусульманъ. Тѣмъ не менѣе, эта часть дома представляетъ сравнительно лишь мало удобствъ. Правда, что при этомъ устройствѣ можно напр. спастись отъ непріятныхъ гостей или избавиться отъ воркотни сварливой супруги, не оставляя однако дома и не опасаясь преслѣдованія. Кромѣ того, гаремъ удобенъ также и для религіознаго лицемѣрія, такъ напр. во время строгаго поста Рамазана, не нарушая приличія и не представляясь невѣрующимъ въ глазахъ мужской прислуги, можно полакомиться въ гаремѣ наперекоръ закону. Возможно также, что гаремъ представляетъ еще и другія, неизвѣстныя мнѣ преимущества, но какъ ничтожно-малы кажутся они всѣ въ сравненіи съ тою дисгармоніею, которую вызываетъ всюду на Востокѣ этотъ неестественный обычай, дѣлающій совершенно невозможнымъ семейство, въ нашемъ смыслѣ этого слова, интимное, нравственное сближеніе обоихъ супруговъ и наслажденіе домашнею жизнью.

Общій характеръ семейной жизни съ ея разьединеніемъ и безсодержательностью отражается и на томъ огромномъ персоналѣ прислуги, который каждый богатый мусульманинъ считаетъ себя обязаннымъ содержать, если желаетъ прослать знатнымъ человѣкомъ и доставить себѣ хотя нѣкоторыя удобства. Впрочемъ, въ обществѣ,

въ которомъ раболѣпство и низкопоклонничество составляютъ основной тонъ, довольно трудно опредѣлить, гдѣ собственно начинаются настоящія слуги. Въ турецкихъ домахъ собственно слуги начинаются съ *кафтанъ агаси* или *къми*. Первый изъ нихъ, въ буквальный переводъ — хранитель верхняго платья, имѣетъ нѣсколько чиновный отгѣнокъ, тогда какъ послѣднему, въ переводъ — управляющему, поручено завѣдываніе всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Какъ тотъ, такъ и другой такъ же мало слуги, какъ у насъ на Западѣ дворецкій или управляющій дома, хотя оба наживаются на счетъ своего господина; часто они бываютъ даже гораздо богаче этого послѣдняго, но продолжаютъ носить имя слуги или изъ благодарности или же изъ приличія, какъ маску скромности. Вся же должность ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы отъ времени до времени подать чубукъ или стаканъ воды. Непосредственно за ними въ іерархіи турецкой прислуги слѣдуютъ люди, которымъ поручена забота о трубкахъ, о бѣльѣ, кофе, посудѣ или о гардеробѣ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ подѣ своимъ начальствомъ много другихъ низшихъ чиновъ, общее число которыхъ представляетъ довольно почтенную цифру. Но и это еще не удовлетворяетъ требованіямъ турецкаго благосостоянія; въ домѣ должны еще находиться нѣсколько отпущенныхъ на волю невольникъ, которые, подобно пріемышамъ, получаютъ пожизненное содержаніе и, хотя въ старости иногда и оставляютъ домъ, но въ молодости слѣдуютъ точно тѣни за каждымъ шагомъ своего господина, такъ что послѣдній, по крайней мѣрѣ такъ было двадцать лѣтъ назадъ, даже и на простую прогулку не выходитъ иначе, какъ въ сопровожденіи 5 или 8 спутниковъ.

Не смотря на это, турки, относительно числа прислуги, представляются намъ еще скромными, сравнительно съ требованіями персидскаго домохозяйства. У персовъ, когда господинъ выходитъ на прогулку, то не только позади, но и впереди его должна идти огромная свита спутниковъ, а знатымъ господамъ предшествуетъ даже цѣлый авангардъ, состоящій изъ оборванныхъ, немытыхъ, нечесанныхъ и некормленныхъ слугъ, которые проходятъ двумя рядами пе-

редѣ мирзою или ханомъ. «Искать счастья» значить, въ Иранѣ, присоединиться къ свитѣ какого нибудь господина, и это надо понимать буквально, такъ какъ самъ господинъ часто въ теченіи цѣлыхъ недѣль ежедневно появляется въ городѣ, между подобными рядами слугъ, не зная и половины ихъ въ лицо, не говоря уже о томъ, что большей части онъ ихъ ничего не платитъ и даже не кормитъ ихъ. Трабанты эти цѣлыми днями стараются поймать взоръ господина, и если это имъ удастся, то начинаютъ предаваться надеждѣ получить какое-либо опредѣленное назначеніе въ его домѣ. Само собою разумѣется, что въ такомъ счастливомъ случаѣ, жатва должна соответствовать томительному постѣву, прогулкамъ на пустой желудокъ и долгимъ ожиданіямъ. Конечно, и въ Персіи иногда бываютъ преданные слуги, но ни одинъ изъ нихъ не откажется поживиться при случаѣ насчетъ своего господина. Уже на Босфорѣ настъ очень поражаетъ то, что господинъ совершенно равнодушно относится къ тому, что слуга его, получающій сотенное жалованье, проживаетъ иногда тысячи и, кромѣ того, наживаетъ себѣ дома и земли. Но въ Персіи дѣло обстоитъ еще гораздо хуже, такъ какъ тамъ слуга, при поступленіи, прямо уговаривается съ господиномъ, на какой *медахиль* (незаконную прибыль) можетъ онъ рассчитывать. У господина спрашиваютъ *bona fide*, на сколько можно его обкрадывать ежемѣсячно. Этотъ послѣдній самъ назначить сумму, но въ душѣ рассчитываетъ при этомъ новозможности надуть своего собственнаго слугу относительно обѣщанной ему вольности.

Если вы спросите меня, какую пользу или какое удобство извлекаетъ для себя господинъ изъ этого огромнаго числа прислуги съ жалованьемъ или безъ жалованья, то конечно я буду въ большомъ затрудненіи, что вамъ на это отвѣтить. Говоря вообще, это множество лѣнтяевъ содержать не столько изъ-за личнаго удобства, какъ изъ желанія блеснуть многочисленною свитою. Многие желаютъ также прослать кормильцами голодныхъ и нуждающихся, не принимая въ соображеніе, что преслѣдованіе подобныхъ гуманныхъ цѣлей было совершенно умѣстно во время матеріальнаго величія исламскаго обще-

ства, но совершенно не подходит къ теперешнему состоянію общаго обѣднѣнія и національнаго уиадка. Какъ общество, такъ и государство страдаютъ одною и тою же болѣзнію; оба употребляютъ болѣе, чѣмъ нужно рабочихъ силъ, дурно кормятъ и дурно оплачиваютъ своихъ слугъ и черезъ это оба способствуютъ какъ собственному разоренію, такъ и размноженію лѣвитяевъ и тунеядцевъ ¹⁾).

¹⁾ Прислугу высшаго общества въ Константинополѣ я рассмотрѣлъ подробно въ главѣ V „Высокая Порта и ея столица“.

Семейная жизнь.

Къ картинѣ, набросанной нами въ предыдущей главѣ, мы присоединимъ теперь картину обыденной семейной жизни. Отношеніе между обѣими такое же какъ между оболочкою и тѣломъ; одна вполне соответствуетъ другой, потому что если ужъ-видѣ дома и двора неприятно поражаетъ европейца, то еще болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ на него знакомство съ семейною жизнью, если только вообще можно говорить о семейной жизни на Востокѣ. Какъ при посѣщеніи большихъ пустыхъ покоевъ, такъ и здѣсь насъ охватываетъ чувство неуютности и холода, не согрѣваемого ни однимъ свѣтлымъ лучемъ любви, согласія и нѣжности. Уютная и привлекательная картина семейной жизни на Западѣ подернута на Востокѣ таинственнымъ покрываломъ и отъ нея вѣетъ мертвящимъ холодомъ.

Да послѣдуетъ за мною читатель въ турецкій домъ въ Константинополь въ ранніе часы утра.

Вотъ раздаются нѣсколько глухихъ ударовъ въ *долабъ*, въ круглый барабанъ, которые служатъ сигналомъ слугамъ и преимущественно тѣмъ членамъ семейства, которымъ не дозволено переступать за порогъ гарема. Удары эти становятся все громче и громче и вскорѣ затѣмъ раздаются тяжелые шаги слуги, которому молодая невольница передаетъ важное сообщеніе, что хозяинъ дома изволили встать съ постели, взяли ванну и вскорѣ осчастливятъ се-

ламликъ своимъ присутствіемъ, чтобы выкурить тамъ свой утренній чубукъ. Затѣмъ наступаетъ небольшая пауза. Но вскорѣ распростра- няется извѣстіе, что паша, бей или эфенди извоили „выдти“, т. е. перешли изъ женскаго отдѣленія дома въ мужское. Извѣстіе это быстро подымаетъ на ноги всю мужскую прислугу. Слуга, обязанный подавать чубукъ или наргиле, направляется тяжелыми, лѣнивыми шагами по корридорамъ, въ комнату своего господина, то потирая руками заспанные глаза, то раздувая полною грудью огонь, который долженъ оживить наркотическій ядъ. За нимъ слѣдуетъ слуга съ подносомъ кофе или чаю, потому что, хотя господинъ и покушалъ уже въ гаремѣ, но въ селамликѣ долженъ опять повторить ту же церемонію. То, что происходило тамъ, здѣсь не принимается въ со- ображеніе; здѣсь онъ, такъ-сказать, вторично долженъ проснуться. Онъ самъ ни съ кѣмъ не здоровается и никто не привѣтствуетъ его, такъ-какъ по понятіямъ восточнаго этикета, слуга никакъ не смѣетъ здороваться съ своимъ господиномъ. Большими глотками при- хлебываетъ онъ свой кофе и потягиваетъ свою трубку. Но едва ус- пѣлъ онъ покончить съ этимъ дѣломъ, какъ къ нему приближается *ве- киль харджъ* (дворецкій) или *хазинедаръ* (секретарь), предлагая ему на разсмотрѣніе длинные счета, прося его разрѣшенія на необ- ходимыя домашнія издержки или его подписи, т. е. печати, чтобы получить нужную сумму денегъ у семейнаго банкира, — такъ какъ само собою разумѣется, что у магометанъ обязанности хозяйки дома лежатъ на хозяйинѣ. Съ заспанною, недовольною миною пробѣгаетъ властитель длинные столбцы домашнихъ издержекъ и нехотя берется за шелковый мѣшечекъ, въ которомъ хранятся его различныя печати; сокровище это онъ прячетъ даже отъ собственныхъ дѣтей и ни днемъ, ни ночью не снимаетъ его съ груди. Счета провѣрены, деньги выданы; восточный господинъ не можетъ удержаться при этомъ отъ глубокихъ вздоховъ. Онъ отлично знаетъ, что половина издержекъ наврана; онъ убѣжденъ, что человѣкъ, прослужившій у него въ домѣ уже 10 или 15 лѣтъ, во все время обкрадывалъ его и также будетъ обкрады- вать и въ будущемъ; все это не можетъ-быть тайною для него, такъ

какъ слуга этотъ, получая ежемѣсячно жалованье въ 200 или 250 піастровъ, умудряется прожить 500, а иногда даже 1000 піастровъ. Постронныхъ занятій у него никакихъ нѣтъ, откуда же беретъ онъ эти деньги, если не воруетъ ихъ? Турокъ жалобно вздыхаетъ, но помочь дѣлу не можетъ. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что тайное воровство не есть еще такое зло и мудро придерживается пословицы, что, «не слѣдуетъ отгонять муху уже насосавшуюся вашею кровью, такъ какъ на мѣсто ея прилетитъ тотчасъ же другая, еще болѣе голодная».

Тѣ же отношенія находимъ мы въ общественной жизни. Чиновники съ ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ 500 піастровъ проживаютъ ихъ тысячу и т. д. Султанъ или шахъ отлично видитъ, что тотъ или другой, не занимаясь ни торговлею, ни промышленностью, получая только свое скромное жалованье, наживаютъ огромныя состоянія. Случается, правда, особенно на отдаленномъ востокѣ попасться иной, насосавшейся до-сыта мухѣ, и тогда изъ нея заразъ выжимаютъ всю кровь, которую ей удалось собрать по каплямъ; но на Босфорѣ стыдятся такого варварства и турецкая пословица говоритъ: «*Radischahin mali deniz, Jemejen domuz*» (Богатство падишаха есть море, кто не черпаетъ изъ него, тотъ свинья).

Но довольно объ этой своеобразной государственной экономіи.— Посмотримъ далѣе, что происходитъ въ домѣ. Послѣ утомительнаго занятія счетами и провѣрками, господинъ для подкрѣпленія выкуриваетъ вторую трубку. Снова раздаются удары въ долабъ. Звонкій, молодой голосъ зоветъ одного изъ слугъ, обыкновенно самаго старшаго и довѣреннаго изъ нихъ, чтобы передать ему молодого бѣя, который также желаетъ оставить гаремъ и поздороваться съ своимъ отцомъ. Слуга становится предъ занавѣсью скрывающею дверь въ гаремъ, протягиваетъ за нее руки и такимъ образомъ выводитъ одного, а иногда и нѣсколько мальчиковъ заразъ. Дѣтей, наряженныхъ въ чистенькія платья, ведутъ къ ихъ отцу; хотя старшему изъ нихъ не болѣе 4—5 лѣтъ, но онъ ужъ настолько знакомъ съ требованіями этикета, что позволить себѣ сѣсть въ присутствіи своего отца не иначе, какъ послѣ многократно-повтореннаго приглашенія, такъ

какъ въ знакъ почтенія ребенокъ долженъ стоять предъ отцомъ, а почтеніе на Востокѣ внушается дѣтямъ рано и часто замѣняется любовью.

По удаленіи дѣтей начинается настоящая работа, продолжающаяся часовъ до 11, т. е. до завтрака или, если хотите, до обѣда. Это самое оживленное время дня въ домѣ мусульманина, который скоро устаетъ отъ малѣйшаго напряженія и лишь въ ранніе утренніе часы способенъ предаваться своимъ занятіямъ съ извѣстнымъ оживленіемъ и трудолюбіемъ. Въ Константинополѣ, Тегеранѣ и другихъ мѣстахъ, въ это время всего вѣрнѣе можно рассчитывать найти хозяина дома. Если онъ чиновникъ, а большинство магометанъ высшихъ классовъ причисляются къ чиновникамъ, то въ эти часы дня онъ принимаетъ подчиненныхъ. Въ передней селамлика толпятся слуги входящихъ и уходящихъ гостей, а комнаты наполнены густымъ дымомъ отъ курящихся трубокъ. Однако 20 или 30 гостей все вмѣстѣ едва ли проявляютъ столько признаковъ оживленія и врядъ ли поддерживаютъ такой живой разговоръ, какъ двое или трое собравшихся европейцевъ, въ особенности южно-европейцевъ. Торопливость вообще ненавистна мусульманамъ, они избѣгаютъ ее такъ же, какъ и всякаго движенія, безъ котораго могутъ обойтись.

Въ противоположность нашимъ понятіямъ, они считаютъ тѣлесный и душевный покой главнымъ условіемъ здоровья. Но чрезвычайно странно, что эти господа, несмотря на то, что остаются въ теченіи нѣсколькихъ часовъ неподвижно въ одномъ и томъ же положеніи, тѣмъ не менѣе проявляютъ, по истинѣ, удивительный аппетитъ ко времени завтрака, къ которому присоединяются все присутствующіе, безъ особаго приглашенія; если считается невѣжливымъ оставаться въ комнатѣ, гдѣ ѣдятъ другіе и самому не принимать участія въ ѣдѣ, то еще болѣе неприлично было-бы отнустить гостя голоднымъ послѣ продолжительнаго утренняго визита.

Лишь только слуга объявитъ, что кушанье подано, все общество начинаетъ приготовляться къ ѣдѣ. Завтракъ, который, судя по числу блюдъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ удостоился бы названія обѣда,

оканчивается обыкновенно въ сравнительно очень короткое время. Конечно, многимъ уже приходилось удивляться, какимъ образомъ мусульмане, которые вообще ненавидятъ торопливости, выказываютъ ее только во время обѣда, хотя и знаютъ весь вредъ ея; эти люди, которые отличаются такою медленностью въ походкѣ, въ рѣчахъ, вообще во всѣхъ своихъ поступкахъ, только во время ѣды оказываются бодрыми и проворными. Я часто раздумывалъ о причинахъ этого явленія и убѣдился наконецъ, что однообразие мужскаго обществa породило эту общераспространенную, анти-гигіеническую привычку. Если бы всѣ эти почтенные магометане имѣли возлѣ себя, подобно намъ въ Европѣ, хорошенъкую сосѣдку, которая вызывала бы ихъ на разговорчивость, даже когда они не были бы къ ней расположены, если бы имъ приходилось думать о томъ, какъ услужить остроумной и любезной женщинѣ, они конечно поняли бы удобства нѣкоторыхъ промежутковъ между различными кушаньями и, главное, убѣдились бы, что оживленный разговоръ, совершенно имъ неизвѣстный, значительно увеличиваетъ матеріальное наслажденіе обѣдомъ. Проглотить въ четверть часа какія нибудь 10 или 15 кушаній значить обратить желѣдокъ въ упругій, торопливо набитый мѣшокъ, и дѣйствительно наши восточные братья походятъ послѣ ѣды на людей навьюченныхъ подобнымъ мѣшкомъ. Они становятся еще лѣннѣе, еще тяжелѣе, и не легкая задача вызвать турка или перса на какую нибудь работу немедленно послѣ его завтрака, хотя на Босфорѣ, правда, мушны отправляются лишь послѣ ѣды, т. е. приблизительно въ 11¹/₂ часовъ въ свои бюро. Тогда селамликъ нуетъ, и домъ принимаетъ другой видъ.

Занавѣсъ передъ дверью гарема начинаетъ оживленно шевелиться, зоркіе мышата замѣчаютъ, что кошка вышла изъ дома, и начинаютъ смѣло двигать своими головками. Невольницы или вообще молоденькія дамы находятъ, что теперь время позабавиться немножко шутками и разными шалостями. Онѣ начинаютъ стучать, звать, чтобы приманять того или другаго слугу, и затѣмъ опять быстро скрываются за занавѣскою; перекидываются съ нимъ словами, дразнятъ

его, но при этомъ показываютъ ему на видъ только кончикъ платья или, много, одинъ или два пальчика. Въ это время дня, дамы рѣшаются выдти въ селамликъ безъ боязни нескромныхъ взоровъ. Онѣ пускаются въ невинныя шутки съ оставшимися въ домѣ слугами, но шутки эти не заходятъ за предѣлы приличія, такъ какъ сами слуги обыкновенно свято сохраняютъ честь того дома, въ которомъ ѣдятъ свой хлѣбъ. Часто случается, что слуги, проводившіе всю свою жизнь въ одномъ домѣ и часто разговаривавшіе съ женскими членами семейства, ни одну изъ нихъ не видѣли въ глаза. Мушина, разговаривающій съ женщиною, обязанъ опускать глаза къ землѣ. Мнѣ всегда было чрезвычайно трудно слѣдовать этому обычаю, но лишь только мнѣ случалось по забывчивости поднять взоры на собесѣдницу, какъ тотчасъ же грозное „эдэбли оль“! (будь приличенъ) призвало меня къ порядку, и я снова долженъ былъ опускать глаза.

Эта принужденная и противуестественная стыдливость, этотъ взглядъ на женщинъ вообще и отношенія къ нимъ, совершенно противныя нашимъ европейскимъ понятіямъ, представляются намъ черною точкой, влияніе которой пагубно отражается на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ и даже въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ семейной жизни. Какъ странно бываетъ иногда видѣть какъ трехлѣтнее дитя является къ своему отцу, находящемуся въ мужскомъ обществѣ, чтобы сообщить ему что-то, отецъ наклоняетъ къ нему голову, и ребенка, краснѣя и конфузливо оглядываясь вокругъ себя, шепчетъ ему нѣсколько словъ на ухо. Это онъ передаетъ порученіе своей матери, даже самое имя которой считается неприличнымъ упомянуть въ мужскомъ обществѣ. Каждый благовоспитанный человѣкъ, если разговоръ случайно коснется его дочерей или другихъ женскихъ членовъ его семейства, всегда считаетъ нужнымъ употребить при этомъ лишь какое нибудь выраженіе указывающее, что дѣло идетъ о женскомъ полѣ вообще, и старается прекратить какъ можно скорѣе подобный разговоръ. О семейныхъ празднествахъ, семейныхъ собраніяхъ, словомъ о семействѣ вообще, конечно не можетъ быть и рѣчи при подобныхъ условіяхъ. Возьмемъ напр. „хатэмъ“, т. е. праздникъ окончанія корана.

ВАМБЕРИ.

Библиотечная Сестры

Восточная Библиотечная

101581

Въ одной комнатѣ—я говорю о семействахъ средняго сословія—собра-
лось все мужское общество. Мальчикъ только что произнесъ заучен-
ную напередъ рѣчь, отецъ невольно проливаетъ радостныя слезы, но
напрасно ищетъ онъ глазами ту, которой по праву подлежало бы всего
больше раздѣлять его радостное волненіе. Напрасно! Мамаша находится
вѣроятно не ближе какъ во второй или третьей комнатѣ и много если
позволить себѣ взглянуть украдкой черезъ занавѣску на торжество
своего ребенка. Такой же мрачный отпечатокъ лежитъ и на обру-
ченьяхъ, конфирмаціяхъ и другихъ проявленіяхъ радости или горя въ
семейной жизни. Подъ гнетомъ тѣхъ общественныхъ понятій, по ко-
торымъ мушина представляется существомъ совершенно отдѣльнымъ,
неимѣющимъ ничего общаго съ другимъ поломъ, появленіе какого-
нибудь семейства въ публику принимаетъ иногда очень смѣшной видъ.
Я долженъ сознаться, что низшіе классы общества не стѣсняются этими
противуестественными предразсудками, но высшіе классы въ Турціи
и Персіи должны подчиняться имъ. Положимъ напр. что какой-ни-
будь эфенди или бей, ханъ или мирза является на базаръ вмѣстѣ
съ женою, сыновьями и дочерьми, чтобы сдѣлать какія-нибудь не-
обходимыя покупки. Мужскіе члены семейства группируются вокругъ
отца, но мать съ дочерьми остается изъ приличія шаговъ на десять
позади. Если *pater familias* желаетъ посовѣтоваться съ своею су-
пругою насчетъ чего нибудь, то долженъ говорить, отворотивъ голову
и какъ будто обращаясь къ толпѣ, а супруга уже сама должна до-
гадаться, что слова его относятся къ ней. Тоже повторяется съ со-
отвѣтствующими варіаціями во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, кото-
рыя мнѣ случалось наблюдать во время моего многолѣтняго пребыва-
нія на востокѣ, при моихъ близкихъ сношеніяхъ съ мусульманскимъ
обществомъ. Меланхолически мрачная домашняя жизнь всегда напо-
минала мнѣ объ однообразной жизни пустынныхъ келій нашихъ за-
падныхъ монастырей.

Если теперь мы пожелаемъ окинуть взоромъ общую картину се-
мейной жизни на Востокѣ, то европейскій глазъ поразятъ въ ней
всего болѣе слѣдующія черты. Прежде всего мы замѣтимъ въ ней

отсутствіе того единодушія, той интимности и любви, которыя у насъ поставляются обыкновенно цѣлью всѣхъ стремленій семейства. Разъединеніе и несогласіе проходятъ мертвящими нитями чрезъ всю ткань мусульманской семейной жизни, отравляя все и расшатывая всѣ семейныя основы. Вслѣдствіе того, что супруги проводятъ большую часть дня отдѣльно другъ отъ друга, не только становится невозможнымъ взаимное сочувствіе одинъ другому во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ, но мужъ и жена образуютъ обыкновенно въ домѣ двѣ партіи, между которыми релігіозные и общественные законы воздвигаютъ непреодолимую стѣну, такъ что, при всей доброй волѣ, имъ почти невозможно соединиться. Жена, хотя бы и происходила изъ невысокаго званія, всегда имѣетъ большое число родственницъ и прислужницъ и, при отсутствіи настоящихъ занятій, предается всевозможнымъ причудамъ; если же хозяинъ дома откажется удовлетворить какую нибудь изъ нихъ, то всѣ женскіе члены семейства, въ числѣ ихъ даже собственныя его дочери, тотчасъ же становятся къ нему враждебно. Это положеніе на военную ногу у нѣкоторыхъ проявляется уже тотчасъ послѣ брака, у другихъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ. И хозяинъ дома, если только онъ не желаетъ дозволить каждому обворовывать себя или не покровительствуетъ всевозможнымъ интригамъ и клеветамъ, вскорѣ начинаетъ такъ ненавидѣть свой гаремъ, что охотно избѣгаетъ его въ теченіи всего дня и находитъ спокойствіе только въ селамликѣ. Конечно, онъ тамъ остается не одинъ; старшіе изъ мужской прислуги, нѣкоторые мужскіе родственники образуютъ около него кружокъ, и хотя партія его конечно сильнѣйшая въ домѣ, тѣмъ не менѣе доброе согласіе и единодушіе навсегда изгнаны изъ его семейной жизни.

Далѣе не только у магометанъ, но и у всѣхъ жителей Востока насъ поражаетъ то обстоятельство, что дѣти оказываютъ своимъ родителямъ болѣе вѣншнаго почтенія, нежели любви. Мы уже говорили, что на Востокѣ ребенокъ не смѣетъ сѣсть въ присутствіи отца прежде чѣмъ не получитъ на это разрѣшенія. Ребенокъ не смѣетъ ни говорить громко, ни курить чубукъ передъ отцомъ, вообще не

предпринимаетъ ничего, гдѣ бы высказывалась нѣкоторая доля самостоятельности. Поверхностному европейскому наблюдателю, можетъ понравиться подобный обычай и онъ можетъ принять его за выраженіе доведеннаго до высшей степени почтенія дѣтей къ родителямъ. Но такой взглядъ былъ бы ошибочнымъ. То, что видитъ поверхностный наблюдатель, объясняется просто холоднымъ этикетомъ, а ужъ никакъ не любовью, уже потому, что упомянутая вѣжливость оказывается только отцу, а не матери. Я часто пытался найти причину этого противуестественнаго и необъяснимаго отношенія. То, о чемъ я прежде только догадывался, теперь стало мнѣ совершенно ясно. Несомнѣнно, что ребенокъ, взрослый въ гаремѣ, сдѣлавшійся уже съ раннихъ лѣтъ свидѣтелемъ всѣхъ интригъ и скрытыхъ подкоповъ, направленныхъ противъ отца, скоро утрачиваетъ всякую любовь къ послѣднему. Къ этому присоединяется еще то, что ребенокъ, все равно, мальчикъ или дѣвочка, до десятаго года, а часто еще и дальше, остается въ гаремѣ, и даже мальчики не покидаютъ его иначе какъ въ сопровожденіи своего *лаа*, въ большинствѣ случаевъ евнуха или какого нибудь необразованнаго слуги. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что дѣти болѣе привязаны къ своимъ матерямъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ положительно я не могу, потому что хотя большинство дѣтей и питаютъ болѣе искреннюю привязанность къ своей матери, чѣмъ къ отцу, но я никакъ не могу не упомянуть о томъ обстоятельстве, что очень часто матери, бывшія прежде невольницами, не пользуются одинаковымъ почетомъ съ своими свободно рожденными дочерьми, а такихъ невольницъ много въ домахъ знатныхъ магометанъ. Какъ ни велика къ нимъ любовь господина, но все таки имъ часто напоминаютъ какъ дорого за нихъ заплатили, какъ бѣдно одѣты, какъ неловки и необразованны онѣ были, когда ихъ только что приняли въ домъ. Хотя это часто напоминаетъ въ видѣ шутки, но чувство ребенка должно быть глубоко оскорблено при видѣ подобнаго обращенія съ матерью. Конечно, въ большинствѣ случаевъ дѣтская привязанность осилить самолюбіе, но часто происходитъ и противоположное, и мнѣ припоминается одинъ случай,

который можетъ служить подтвержденіемъ моихъ словъ. Мнѣ были поручены двое воспитанниковъ, изъ которыхъ одинъ отличался кротостію, послушаніемъ и прилежаніемъ, другой же, напротивъ, оказался забіякой, непокорнымъ и лѣнтяемъ. Первый слушался своей матери съ перваго слова, другой же причинялъ своей немало горя своимъ непослушаніемъ. Оба они были дѣти *одного* отца, но разныхъ матерей, и когда мнѣ случалось выговаривать непокорному за его дурное поведеніе и выставять ему брата какъ примѣръ послушанія, то дрянной мальчишка нагло отвѣчалъ мнѣ «ужь не хочешь ли, чтобъ я слушался мою мать какъ братъ мой слушается свою? но вѣдь за его мать заплатили 40,000 піастровъ, а за мою только 20,000!»—Я конечно вполне признаю, что законы природы всегда остаются тѣми же, и что приведенный мною случай принадлежитъ къ рѣдкимъ исключеніямъ, тѣмъ не менѣе, никто вѣроятно не станетъ отрицать, что въ той же степени, какъ нашъ западный міръ, разносящій повсюду побѣдоносный факелъ просвѣщенія, возвышается надъ вялымъ, распадающимся восточнымъ міромъ, такъ и семейство на западѣ составляетъ рѣзкую противоположность съ домашнею жизнью на Востокѣ.

Женщины.

Много уже было писано и говорено о женщинахъ магометанской Азін; иные безмѣрно критиковали ихъ, другіе, напротивъ того, восхваляли и описывали въ яркихъ краскахъ поэзій, но не смотря на все это восточныя женщины все еще мало извѣстны у насъ или по крайней мѣрѣ представляются намъ не въ совершенно вѣрномъ свѣтѣ. Конечно, я не имѣю намѣренія соперничать съ княгиней Бельджіозо и ея книгою: «Тридцать лѣтъ въ гаремѣ» или съ извѣстною англійскою гувернанткою послѣдней египетской вице-королевы, такъ какъ дамы эти конечно могли очень многосторонне разсмотрѣть этотъ предметъ. Однако я думаю, что тоже имѣю право вставить словечко, ибо и мнѣ часто представлялся случай наблюдать вблизи гаремную жизнь; мнѣ на долю даже вышло счастье преподавать уроки французскаго языка одной принцессѣ крови. Потѣшные это были право уроки! Принцесса Ф..., дочь султана и невѣстка великаго визиря, сидѣла въ своемъ бѣломраморномъ дворцѣ между Бебекомъ и Эмирджіаномъ, скрытая тяжелымъ занавѣсомъ отъ монаховъ взоровъ, тогда какъ я, въ сосѣдней комнатѣ, подъ присмотромъ грознаго евнуха, съ нѣмецко-французскою грамматикою Ана въ рукахъ, выкрикивалъ ей черезъ занавѣску: «mon père est bon», а нѣжный женскій голосокъ отвѣчалъ мнѣ: «benim babam eji dir». Учитель и ученица могли слышать, но не видѣть другъ друга. Въ подобныхъ же отношеніяхъ находился я и къ другимъ дамамъ менѣе благородной крови. Даже

жилище мое въ теченіи многихъ лѣтъ находилось въ верхнемъ этажѣ дворца моего богатаго и могучаго покровителя, на разстояніи лишь нѣсколькихъ шаговъ отъ занавѣса гаремной двери, и такъ какъ я былъ принятъ не въ одно, а въ нѣсколько семействъ, и пользовался всюду репутаціею человѣка уважающаго святость обычаевъ, то, конечно, мнѣ представлялось болѣе случаевъ для наблюденія, чѣмъ большинству людей моего пола и племени.

Мои наблюденія на Босфорѣ, пополненные тѣмъ, что я видѣлъ въ Персіи и Средней Азіи, привели меня къ тому убѣжденію, что мы въ Европѣ, въ нашихъ сужденіяхъ о магометанскихъ женщинахъ, впадаемъ во многія ошибки, объясняемые конечно тою чрезмѣрною скрытностью, которою окружена семейная жизнь на Востокѣ. Въ особенности ошибаемся мы въ нашихъ сужденіяхъ о социальномъ положеніи женщины вообще, которая кажется намъ, вслѣдствіе гаремнаго заключенія и безчеловѣчныхъ религіозныхъ вѣрованій, очень приниженною и придавленною; женщина на Востокѣ вообще представляется намъ существомъ лишеннымъ всякой воли и совершенно предоставленнымъ во власть своего господина. Но это не вѣрно. Въ низшихъ слояхъ общества между положеніемъ женщины въ магометанской Азіи и въ Европѣ почти нѣтъ никакой разницы, и я думаю даже, что въ свободномъ, просвѣщенномъ и могущественномъ Альбіонѣ, полиціи чаще приходится имѣть дѣло съ мужьями,—которые, подъ вліяніемъ гнѣва или винныхъ паровъ, позволяютъ себѣ уже черезчуръ грубо обходиться съ женами,—нежели кади на магометанскомъ Востокѣ. Я конечно не стану отрицать, что на турецкихъ крестьянкахъ лежатъ всѣ заботы о домѣ и дворѣ, тогда какъ мужья ихъ предаются лѣни или раззорительной игрѣ, но и у насъ, въ большинствѣ европейскихъ городовъ, положеніе замужнихъ работницъ не многимъ лучше, онѣ также старѣются преждевременно, подвергаются всевозможнымъ лишениямъ и кромѣ того не пользуются тѣми благотворными попеченіями, которыя, обыкновенно, при строго патріархальныхъ семейныхъ отношеніяхъ на Востокѣ, выпадаютъ тамъ на долю женщинъ. Въ среднемъ и высшемъ сословіяхъ такъ сильно возмущающія насъ оковы

выражаются только во внѣшнихъ стѣсненіяхъ. Многоженство, это позорное постановленіе магометанскаго общества, далеко не такъ обыкновенно и не такъ распространено на Востокѣ, какъ обыкновенно думаютъ у насъ. Хотя я самъ ужасаюсь моей смѣлости, но не могу не заявить, что во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ магометанскихъ странахъ изъ тысячи семействъ врядъ ли найдется одно, глава котораго пользуется дѣйствительно своимъ законнымъ правомъ на многоженство. Въ турецкомъ, персидскомъ, авганскомъ и татарскомъ простомъ народѣ оно не только не встрѣчается, но даже и невозможно, такъ какъ для содержанія нѣсколькихъ женъ требуются большое хозяйство и значительное состояніе. Также рѣдко, почти что въ одиночныхъ случаяхъ, встрѣчается оно и въ среднемъ классѣ, ибо одни лишь эксцентричные люди предаются этому нравственному уродству и въ такомъ случаѣ имъ на старости обыкновенно горько приходится раскаиваться въ этомъ. Мнѣ живо припоминается одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ Константинополя, про котораго рассказывали, что къ концу каждаго мѣсяца, когда истощится его содержаніе, ему приходится отбиваться отъ четырехъ туфель, такъ какъ извѣстно, что турецкія дамы, желая дать ощутительное проявленіе своему гнѣву, тотчасъ же хватаются за туфлю, которую тутъ же срываютъ съ своей ножки. Бѣдный Кэмаль эфенди! Онъ былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и остротъ своихъ друзей. Впрочемъ, тоже было бы вѣроятно и безъ его четырехъ женъ, такъ какъ слабоуміе и тупость такъ и просвѣчивали въ его глазахъ. Я не могу впрочемъ отрицать, что въ высшихъ и самыхъ высшихъ кругахъ, это социальное зло развито въ ужасающихъ размѣрахъ, но оно не столько зависитъ отъ дозволеннаго закономъ многоженства, сколько есть слѣдствіе вольностей, которыя хозяйинъ дома позволяетъ себѣ относительно множества невольницъ, содержимыхъ имъ по требованіямъ роскоши и моды. Невольницы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возвышаются до степени женъ, и тогда отношеніе ихъ къ «бойюкъ ханымъ» или «бегумъ», какъ называется первая жена, представляется намъ немногимъ лучше, чѣмъ отношеніе какой нибудь отдаленной, бѣдной родственницы у

насть на западѣ, къ хозяйкѣ дома. Правда, что законъ охраняетъ и другихъ женъ, но общеуважаемый обычай предоставляетъ такіа прерогатива бойнокъ ханымъ, которыя лишь рѣдко кто либо рѣшится у нея оспаривать. Мнѣ припоминается много примѣровъ изъ турецкаго и персидскаго общества, въ которыхъ первая жена, хотя была уже стара, лишена всякихъ прелестей и сверхъ того отличалась сварливымъ и несноснымъ характеромъ, тѣмъ не менѣе держала своего могучаго супруга въ полнѣйшемъ порабощеніи. Такъ Фуадъ-паша, извѣстный во всей Европѣ какъ *bon vivant*, дерзалъ лишь вдали отъ своего дома, на квартирѣ одного изъ своихъ близкихъ друзей, доставлять себѣ роскошь тайнаго гаремчика, и лишь только вѣсть объ этомъ дошла до его супруги, ему тотчасъ же пришлось отослать поспѣшно всѣхъ своихъ красавицъ въ Александрію. Какъ я уже замѣтилъ выше, невольницы (называемыя въ Турціи халаикъ) составляютъ предметъ роскоши самихъ женъ, которыя очень гордятся ихъ числомъ и красотой. Халаикъ прислуживаютъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ, но горе тому папѣ или сынку паши, который соблазнится ихъ искрящимися, бойкими глазками и дастъ увлечь себя на путь порока!—Въ Персіи, гдѣ нравственность еще болѣе шатка и гдѣ установленіе „сига“ или „никіа“, т. е. временнаго и постоянного брака, представляетъ еще болѣе широкое поле распушенности нравовъ, положеніе женщины въ высшихъ кругахъ дѣйствительно довольно печально и становилось бы часто отчаяннымъ, если бы оно не смягчалось внимательствомъ многочисленныхъ родственниковъ женскихъ членовъ семейства. Это печальное отношеніе встрѣчается впрочемъ гораздо чаще у кадждаръ, теперешняго царствующаго дома, нежели въ настоящихъ персидскихъ кругахъ, тогда какъ въ Средней Азіи, въ ханствахъ богатые таджики болѣе предаются полигаміи, нежели узбеки. Вообще же положеніе персидскихъ женщинъ лишь очень мало отличается отъ положенія остальныхъ магометанскихъ сестеръ ихъ, т. е. онѣ также не только являются полновластными хозяйками дома, но часто и во внѣшнихъ дѣлахъ заставляютъ своего супруга чувствовать свою волю; многія изъ нихъ

напр. принимали живое участіе въ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ послѣдняго десятилѣтія, и вмѣшательства ихъ не рѣдко переходили въ интриги, опасныя для государства.

Все сказанное о многоженствѣ относится также и къ разводамъ, которые по магометанскимъ законамъ дѣлаются вообще очень легко, но на самомъ дѣлѣ встрѣчаются и на Востокѣ не чаще, чѣмъ напр. въ протестантской Англіи или Америкѣ. Причина этого замѣчательнаго явленія заключается главнымъ образомъ въ томъ ореолѣ святости, которымъ окружены семейные узы въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка и который не позволяетъ ему переступить черезъ нихъ. Въ такомъ обществѣ, гдѣ отецъ встрѣчаетъ съ извѣстною стыдливостью своего будущаго зятя и въ первый день свадьбы едва дерзаетъ взглянуть ему въ лицо, тамъ, гдѣ супругъ краснѣетъ, когда входитъ въ чужое общество вмѣстѣ съ своею женою, которая въ этомъ случаѣ всегда остается нѣсколько шаговъ позади его, тамъ, конечно, порядочный человѣкъ не скоро рѣшится передать другому ту жену, которую когда-то называлъ своею. Въ высшихъ кругахъ Персіи—сами князья составляютъ въ этомъ печальное исключеніе—разводы происходятъ гораздо чаще, и судьба разведенной женщины, въ особенности если она не имѣетъ своего частнаго имущества, дѣйствительно бываетъ печальна. Но я опять-таки повторяю, что подобныя случаи сравнительно рѣдки, и мы значительно преувеличиваемъ ихъ въ нашемъ воображеніи.

Главнымъ же образомъ отличаются женщины на Востокѣ отъ западныхъ сестеръ полнымъ невѣжествомъ и необразованностью сердца и ума. Въ этомъ отношеніи онѣ остаются даже далеко позади того, чѣмъ были западныя женщины въ средніе вѣка. Многія изъ нихъ не имѣютъ даже понятія о существованіи женскаго образованія, не только о необходимости его. Значительное большинство женщинъ не умѣютъ читать и писать, и почти все по образованію стоятъ ниже мущины, окончившаго курсъ въ первоначальной школѣ. Это печальное положеніе зависитъ не столько отъ религіознаго запрещенія, сколько отъ страшнаго понятія, по которому ученіе нужно только

тѣмъ, кто обращается въ свѣтъ. Врядъ ли надо говорить, что при такомъ понятіи всѣ человѣческія права попираются жестокимъ образомъ. Много прекрасныхъ цвѣтковъ завядаютъ въ зародышѣ; что же касается даровитости азіатскихъ женщинъ, то она доказывается уже тѣмъ, что многія изъ нихъ безъ всякой посторонней помощи и поддержки, развили въ высокой степени свои умственные способности, и женщины-писательницы не рѣдко могли соперничать съ самыми блестящими *bel-esprit* своего времени.

Но я слишкомъ вдаюсь въ общія замѣчанія, которыя хотя и вѣрны, но никогда не могутъ быть такъ убѣдительны, какъ примѣры изъ дѣйствительной жизни. Поэтому, да позволить мнѣ читатель представить ему для поясненія жизни и нравовъ женщинъ магометанской Азіи нѣсколько изъ тѣхъ картинокъ, за которыми мнѣ самому приходилось слѣдить, иногда съ удовольствіемъ, часто съ негодованіемъ, но всегда съ живымъ интересомъ.

I.

Утро. Въ Мабейнѣ (родъ передней гарема) замѣтно необыкновенное оживленіе. Въ этотъ часъ долженъ явиться передъ дверью гарема продавецъ невольниковъ въ сопровожденіи черкеса, чтобъ заключить свой отвратительный торгъ съ хозяйкою дома. На Босфорѣ и вообще на Востокѣ, женщины считаютъ прибыльною отраслью торговли покупать молоденькихъ, еще неразвитыхъ невольницъ, воспитывать ихъ и потомъ продавать за цѣну въ 20 или 30 разъ большую; даже самыя богатые и знатныя не гнушаются подобнаго торга, прельщающаго ихъ алчность, и даже султанскій гаремъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Хотя пятая часть невольниковъ и невольницъ, появляющихся на рынкѣ, разбираются перепродавцами (*дэллаль*), но во всякомъ случаѣ $\frac{4}{3}$ ихъ резервируются для постоянныхъ покупателей. Вотъ въ преддверіе гарема является неслышными шагами оборванный черкесъ, дикой наружности, въ своихъ

кавказскихъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ высокою мѣховою шапкою на головѣ и съ грудью, покрытою патронами. Онъ вооруженъ съ ногъ до головы и постоянно носитъ при себѣ порохъ и пули. Онъ влечетъ за собою двухъ дѣтей, полумертвыхъ отъ холода и голода. Ихъ станowiąть передъ занавѣсью, за которой находится хозяйка, окруженная совѣтницами, которыя всѣ разсматриваютъ внимательными взорами этотъ живой товаръ. Обѣ стороны начинаютъ торговаться. Дѣти между тѣмъ дрожать отъ холода и усталости и бросаютъ умоляющіе взоры то на безжалостнаго отца, то на женщинъ, стоящихъ за занавѣскою; бѣдняжки въ эту критическую для нихъ минуту не знаютъ къ кому обратиться, къ тому ли, кто продаетъ, или къ тому, кто покупаетъ ихъ. Часто приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, и онѣ всегда производили на меня потрясающее впечатлѣніе.

Но вотъ торгъ заключенъ, послѣ долгихъ переговоровъ, которые велись въ полголоса и во время которыхъ покупательницы и продавецъ совсѣмъ не видѣли другъ друга. Грубый, оборванный черкесъ, изъ котораго въ Европѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ хотѣли сдѣлать героя свободы, беретъ свои червонцы. Онъ уже почти спустился съ лѣстницы, какъ вдругъ опять поспѣшно возвращается и съ громкими криками требуетъ себѣ платъ проданныхъ дѣтей, о которомъ, по его словамъ, не было упомянуто въ торгѣ. Начинаются новые переговоры, но наконецъ ему бросаютъ жалкіе лоскуты коленкора или стараго полотна, въ которое были завернуты его питомцы. Лохмотья эти врядъ ли имѣютъ цѣну самой плохой попоны европейской лошади, которую продавецъ охотно предоставляетъ покупателю; но жадный черкесъ схватываетъ ихъ и поспѣшно убѣгаетъ съ ними. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою превосходный образецъ того народа, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Европѣ хотѣли видѣть «мучениковъ свободы» и подъ этимъ именемъ собирали для нихъ не мало денегъ. По истинѣ, ѣдкая иронія! Покупатель, само собою разумѣется, оказывается великодушнѣе продавца, и не успѣли еще умолкнуть шаги удаляющагося бездушнаго отца или дяди, какъ бѣдныя

дѣти уже переносятся изъ нищеты и варварства въ роскошь и цивилизацію и встрѣчаютъ обыкновенно ласковое и нѣжное обращеніе. Какъ госпожа, такъ и учительница выказываютъ къ нимъ обыкновенно снисходительное участіе. Ихъ обучаютъ, развиваютъ въ нихъ понятіе о приличіяхъ и свѣтскомъ обращеніи, и еслибы только не приходилось имъ промѣнять чистый ароматичный воздухъ родныхъ горъ на постоянное затворничество въ душной атмосферѣ гарема, то этимъ новымъ пришельцамъ дѣйствительно не было бы повода сожалѣть о происшедшей въ ихъ судьбѣ перемѣнѣ.

Что ожидаетъ этихъ невольницъ въ будущемъ, покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Одной изъ нихъ удастся можетъ быть привлечь вниманіе молодаго наслѣдника ея господъ, и въ отдаленномъ будущемъ ей свѣтитса надежда сдѣлаться когда-нибудь самой полновластною хозяйкою всего дома; другая попадетъ можетъ быть, черезъ сношенія съ султанскимъ гаремомъ, во дворецъ, и если только фортуна улыбнется ей, то со временемъ она можетъ сдѣлаться повелительницею многихъ милліоновъ правовѣрныхъ. Кто возьмется предсказать напередъ, какая будетъ ихъ судьба? Вѣрно только то, что онѣ гораздо менѣе достойны сожалѣнія, нежели обыкновенно думаютъ на Западѣ. Самый торгъ конечно отвратителенъ, но въ остальномъ судьбу рабынь можно назвать не только сносною, но даже, до извѣстной степени, счастливою. Онѣ дѣлаются либо гордостью своей госпожи, либо предметомъ торговой спекуляціи. Въ обоихъ же случаяхъ, ихъ всегда хорошо кормятъ, роскошно наряжаютъ и даютъ имъ сравнительно хорошее воспитаніе; обучаютъ немного читать и писать, но больше обращаютъ вниманіе на пѣніе, танцы и женскія рукодѣлья. При этомъ, если онѣ выкажутъ хорошій характеръ и нѣкоторую привязчивость, то на нихъ скоро начинаютъ смотрѣть какъ на настоящихъ членовъ семейства. Я сказалъ, что невольницы составляютъ гордость госпожи, и въ объясненіе можно замѣтить, что во всѣ времена знатныя дамы обращали большое вниманіе на число и качество окружающихъ ихъ невольницъ, и такъ какъ эти послѣднія всѣ одинаково красивы и молоды, всегда превосходно одѣты и

пользуются хорошимъ обращеніемъ, то чужестранцы часто принимаютъ ихъ за настоящихъ женъ пашы, хана или бея. Одно время много говорили о двухъ, даже четырехъ тысячахъ женъ Абдуль Меджида. Возможно, что въ султанскомъ дворцѣ дѣйствительно находилось приблизительно такое число женщинъ, но лишь немногія изъ нихъ дѣйствительно имѣли право на названіе «жены». Гаремъ покойнаго султана Махмуда удался въ Эски Сэрай, а гаремъ царствующаго султана расположился въ Бешикташѣ и въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій находилось огромное число бывшихъ женъ, тетокъ, племянницъ и разныхъ женскихъ должностныхъ лицъ, изъ которыхъ каждая, уже ради приличій, должна была имѣть въ своемъ распоряженіи отъ четырехъ до пяти прислужницъ или невольницъ. Сложите теперь число эксъ-чиновницъ султана Махмуда съ числомъ дочерей и близкихъ родственницъ царствующаго султана, помножьте эту сумму на 5 или на 8 (число спутницъ первыхъ) и вы получите то ужасающее число женщинъ, которое населяетъ гаремъ этого великаго повелителя. Я принялъ минимальное число 5, хотя хорошо помню, что хацинедаръ (хранительница сокровищъ) матери покойнаго султана Абдуль Меджида, одна имѣла въ своемъ распоряженіи 50 невольницъ, изъ которыхъ всѣ славились своею красотою. Если къ этому почтенному числу женщинъ, вы прибавите еще огромное число балтаджи (мужскихъ слугъ сераля) и евнуховъ, то получите понятіе о томъ, на какую большую ногу ведется домохозяйство на Босфорѣ.

Послѣ этого небольшого отступленія въ область торговыхъ дѣлъ, составляющихъ любимое занятіе дамъ высшихъ классовъ общества, обратимся снова къ описанію женскихъ занятій по утрамъ. Въ это время берутъ обыкновенно ванну, о которой рѣчь будетъ впереди, или же ожидаютъ европейскаго доктора, который является въ гаремъ, въ сопровожденіи евнуха или какого-либо мужскаго друга семейства, чтобъ навѣстить больныхъ женщинъ или просто справиться о ихъ здоровьѣ. Въ этихъ случаяхъ женщины принимаютъ обыкновенно подъ густымъ покрываломъ того, которому, изъ гигиеническихъ требованій, должны открыть вещи, окруженные обыкновенно непро-

нищаемымъ мракомъ. Случалось иногда, въ тѣхъ случаяхъ, когда докторъ не понималъ турецкаго языка, что мнѣ выпадало на долю сопровождать его при подобныхъ визитахъ, и при этомъ намъ представлялись иногда препотѣшнѣйшія сцены. Всѣ турчанки очень заботятся о своей внѣшности, и часто, когда докторъ кончалъ свое дѣло съ больными, его поджидала при выходѣ изъ гарема цѣлая толпа черныхъ и бѣлыхъ служанокъ; всѣ онѣ стояли съ высунутыми языками, чтобы показать ихъ доктору, и съ протянутыми руками, чтобы дать пощупать себѣ пульсъ,—и можно себѣ представить, какое это было смѣшное зрѣлище! Въ это же время отправляются обитательницы гарема на базаръ. Въ сопровожденіи какого-нибудь домашняго слуги или обезличеннаго сына жаркой Африки проходитъ турецкая дама, окруженная спутницами, своею заученно-развалистою походкою вдоль по улицамъ. Поэты часто сравнивали женщинъ съ луною, окруженною плеядами, и такъ какъ равномерная походка вредила бы вѣрности поэтического сравненія, то дочери Востока намѣренно принимаютъ небрежность въ своихъ движеніяхъ. На базарѣ у нихъ не много дѣла, но за малѣйшею покупкою онѣ отправляются три или четыре раза. Въ этомъ отношеніи свѣтъ всегда остается тѣмъ же. Лэди лондонскаго высшаго общества просиживаетъ иногда часами, даже въ дурную погоду, въ модныхъ магазинахъ на Бонд-стритѣ, а турчанка въ своей легкой обуви часами бродитъ по базару. Которая изъ двухъ поступаетъ благоразумиѣе, рѣшить довольно трудно.

II.

Пятница послѣ обѣда. Въ гаремѣ господствуетъ необыкновенное оживленіе. Евнухи стоятъ на дворѣ, вооруженные шпорами съ неизбѣжнымъ кнутомъ въ рукахъ и готовятся сѣсть на лошадей. Послѣ долгихъ туалетныхъ сборовъ появились наконецъ по-одиночкѣ младшія ханумы (жены) и только Бойюкъ-ханымъ (первая жена) заставляетъ ждать себя. Кареты уже готовы, чтобы везти ихъ на обычную прогулку

по пятницамъ. Наконецъ является и властительница, сопровождаемая значительною толпою женщинъ и дѣвушекъ; изъ послѣднихъ, однако, лишь самыя приближенныя принимаютъ участіе въ прогулкѣ. Въ первую, богато украшенную карету, садится госпожа съ одною или двумя товарками по положенію, а иногда съ какою-нибудь старшею пріятельницею или прислужницею. Во второй и третьей каретахъ размѣщаются обыкновенно младшія ханумы, въ послѣднихъ же — рѣзвыя веселыя халаики. Весь этотъ длинный рядъ каретъ знатнаго гарема подвигается медленно по улицамъ, подъ неизбѣжнымъ присмотромъ гарем-агасси (евнуха), который ревностно заботится о томъ, чтобы удалять христіанскихъ селадоновъ, но относится болѣе снисходительно къ подмигиваніямъ и шуткамъ правовѣрныхъ ухаживателей. Эти подмигиванія рѣдко относятся къ молодымъ ханумамъ, но обыкновенно обращены къ толпѣ халанкъ, которыя едва успѣваютъ поддерживать, при помощи своихъ платковъ или лентъ, такъ называемый, разговоръ цвѣтовъ.

Все шествіе направляется въ сэйръ (гулянье), которыми вообще такъ богаты окрестности Константинополя. Послѣдуемъ и мы за этимъ обществомъ. Измѣнчивые законы моды предписываютъ для каждаго дня другое *Sejr jeri* (мѣсто гулянья). По понедѣльникамъ все хорошее общество отправляется въ Модабурну (мысль моды), по вторникамъ — въ Кадикой, по средамъ и четвергамъ — въ Канлиджія, а по пятницамъ весь *beau monde* встрѣчается въ Кіагадханѣ или Кандили. Прибывъ на назначенное мѣсто, всѣ выходятъ изъ каретъ, халаики разстилаютъ ковры на зеленой травѣ; всѣ садятся и взорамъ наблюдателя представляется очень живописная группа, поражающая яркостью цвѣтовъ и своеобразіемъ положеній. Мы, европейцы, идемъ гулять, а про восточныхъ жителей можно сказать, что они гуляютъ сидя, такъ какъ дамы эти могутъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ просидѣть неподвижно на своихъ коврахъ, восхищаясь красотой природы и поддерживая, какъ уже упомянуто, при помощи своихъ платковъ и движеній пальцевъ, разговоръ съ толпящеюся вокругъ нихъ молодежью. Старшія изъ дамъ сидятъ обыкновенно обратясь

лицомъ внутрь кружка и улаживаютъ себя куреніемъ трубки, подаваемой имъ черными прислужницами, которыя, въ случаѣ нужды, могутъ также, развернувъ свои мантили, служить ширмами. Хотя-бы годы и провели безчисленное множество морщинъ на ихъ лицахъ и изгладили послѣдніе слѣды ихъ бывшей красоты, эти почтенныя матроны все еще боятся, открывъ свои прелести, возбудить преступную страсть къ себѣ. Старушки всегда отличаются большимъ жеманствомъ, чѣмъ молодыя и должны быть благодарны тѣмъ строгимъ религіознымъ предписаніямъ, которыя спасаютъ ихъ отъ многихъ горькихъ разочарованій. Въ группѣ молодыхъ женщинъ рѣдко которая позволяетъ себѣ курить открыто, но большей части они увлечены живымъ разговоромъ; человѣкъ, непосвященный въ тайны восточной мимики, врядъ ли догадается, что когда одна изъ нихъ поправляетъ напр. свое покрывало у угловъ глазъ, складывая два, три или четыре пальца руки, или играетъ кисточкою на переднемъ концѣ своей легкой, шелковой мантили, то этимъ подаетъ извѣстный сигналъ.

Но молодой бей или эфенди, расхаживающій, повидимому совершенно беззаботно, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, отлично понимаетъ эти знаки и отвѣчаетъ на нихъ соотвѣтствующей мимикою. Точно также какъ нельзя помѣшать розѣ цвѣсти, такъ нельзя удерживать и женщину отъ игры фizioноміи, и въ прелестныхъ окрестностяхъ Константинополя и другихъ городовъ Турціи, въ полуденныя часы прекрасной поры года, постоянно разыгрываются любовныя драмы, прелесть которыхъ еще возвышается вліяніемъ красоты окружающей природы.

Роль турецкихъ Sejr jeri принимаютъ на себя въ Персіи прогулки верхомъ. Здѣсь развлеченіе соединяется съ набожностью. Обыкновенно отправляются на богомолье къ одной изъ гробницъ святыхъ не очень отдаленной отъ города; Персія вообще богата ими и гробницы эти, расположенныя большею частью среди тѣнистаго сада, представляютъ отличныя мѣста для свиданія влюбленныхъ парочекъ. Высшій свѣтъ Тегерана имѣетъ свой шах-абдуль-азимъ, т. е. большое тѣнистое кладбище Испагани. Память о мертвыхъ и любовныя игры

кажутся намъ вещами совершенно противоположными, но на Востокѣ на- кладбищахъ постоянно разыгрываются любовныя драмы живыхъ. Точно также и прогулки Ширази, Кума, Нишабура и Герата всегда расположены въ непосредственной близости гробницъ давно умершихъ святыхъ. Средняя Азія имѣетъ тоже свои чихаръ-баги, общественныя сады съ проточною водою или стоячими бассейнами, но въ нихъ не допускаются женщины.

Видишь ли ты, любезный читатель, эту группу наѣздницъ, которая направляется изъ современной столицы Ирана черезъ ворота Шахъ-Абдуль-Азимъ къ гробницѣ святого того же имени? Еслибы не маленькія туфельки въ стременихъ и не огненные глаза, блестящіе сквозь узкія щели покрывала, ты могъ бы подумать, что бодрые кони навьючены неуклюжими темно-синими полотняными мѣшками. И дѣйствительно, это полотняные мѣшки, но въ нихъ заключены кокетливыя, рѣзвыя дочери Ирана, которыя, какъ настоящіе потомки парсѣйскихъ прародителей, оказываются всегда очень искусными наѣздницами. Но вотъ на встрѣчу имъ мчится полнымъ галопомъ всадникъ. Какъ молнія проносится онъ мимо закутанной красавицы; но молнія эта не прошла безъ слѣда, такъ какъ въ моментъ ихъ встрѣчи, они успѣли обмѣняться нѣсколькими словами. Немного минутъ спустя, вдали опять подымается облако пыли и снова показывается наѣздникъ. Это тотъ же самый, какъ и прежде, и ему снова удастся обмѣняться нѣсколькими словами. Эта игра повторяется нѣсколько разъ, и наконецъ развязный селадонъ присоединяется къ свитѣ своей возлюбленной и, гарцуя возлѣ болѣе широкаго мѣшка, въ которомъ заключена тетка или прислужница красавицы, заводитъ съ нею разговоръ. Сама красавица продолжаетъ свой путь какъ ни въ чемъ не бывало, во главѣ каравана, но, повидимому, все слышитъ и все видитъ, такъ какъ отъ времени до времени вставляетъ и свое словцо, или бросаетъ на лету какое-нибудь жолкое замѣчаніе, возбуждающее обыкновенно общую веселость. Такъ ухаживаютъ въ Персіи во время прогулокъ верхомъ, служа въ то же время и святому и богу любви. Легкомысленныя дочери Ирана ко-

нечно не думали, что смиренный дервишъ, слѣдовавшій за ними издали на своемъ скромномъ ослѣ, наблюдалъ за ними, съ намѣреніемъ описать ихъ впослѣдствіи невѣрнымъ франкамъ. Никому неизвѣстный и никѣмъ не замѣчаемый, часто бывалъ я зрителемъ подобныхъ сценъ, которыя всегда возбуждали во мнѣ живой интересъ; и дѣйствительно, можетъ ли быть что-либо привлекательнѣе, какъ наблюдать за людьми всѣхъ странъ и климатовъ, за всѣми проявленіями ихъ скорби и радости, за рѣзвою юностью и за серьезною старостью?

III.

Совсѣмъ другой характеръ принимаютъ разговоры и развлечения женщинъ дома, въ четырехъ стѣнахъ. Здѣсь совершенно забывается приличіе, всякія стѣсненія откладываются въ сторону, и шалости необразованныхъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ женщинъ, дѣйствительно представляютъ иногда отвратительное зрѣлище. Если даже въ мужскихъ кружкахъ магометанскаго общества разговоръ лишается, вслѣдствіе отсутствія женщинъ, всякой соли и отличается банальностью и фривольною распушенностью, то еще болѣе поражаетъ это насъ въ гаремныхъ кружкахъ. Никто не стѣсняется выборомъ предмета разговора, и ничто не можетъ быть непріятнѣе какъ слышать старыхъ матронъ и молоденькихъ дѣвушекъ, разговаривающихъ между собою совершенно свободно о вещахъ, которыя заставили бы покраснѣть даже самую испорченную изъ ихъ сестеръ въ Европѣ. Когда наскучать разговоры, обращаются къ танцамъ, на которые на Востокѣ смотрятъ какъ на пластическое изображеніе чувственныхъ возбужденій, и которые, какъ и слѣдуетъ ожидать, по смыслу своему еще предосудительнѣе болтовни нескромныхъ язычковъ. Въ персидскихъ и турецкихъ гаремахъ въ танцовщицы берутся обыкновенно нарочно для этого воспитанныя невольницы, которыя сами аккомпанируютъ себѣ кастаньетами и бубнами и часто выполняютъ свои представленія съ удивительнымъ искусствомъ, хотя представленія эти напоми-

наютъ болѣе шутики вольтижера, нежели тѣ ритмическія движенія, посредствомъ которыхъ хореографическое искусство современной Европы умѣетъ такъ изящно выражать всѣ перемѣчивыя ощущенія радости и удовольствія. Только этимъ можно объяснить, почему магометане видятъ въ танцахъ занятіе недостойное свободного, образованнаго человѣка, какъ это доказываетъ слѣдующій анекдотъ, объ одномъ персидскомъ дипломатѣ на берегахъ Босфора. Въ честь этого дипломата одинъ изъ его европейскихъ коллегъ давалъ балъ. Иранскій придворный помѣстился на возвышеніи. Заиграла музыка, веселыя пары закружились по залѣ, и важный персъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что все это дѣлается единственно для его удовольствія; но въ ту минуту, когда самъ хозяинъ, г. NN пригласилъ хорошенькую даму и готовился начать вальсировать съ нею, онъ вскочилъ съ своего мѣста, бросился къ хозяину и воскликнулъ: «Господинъ, ты оказываешь мнѣ много, слишкомъ много чести, я никакъ не могу допустить, чтобы и ты протанцовалъ передо мною!»

Танцы въ общественной жизни выполняются, само собою разумѣется, безбородыми юношами, одѣтыми въ женское платье, которые извѣстны въ Турціи подъ именемъ «ченги» и принадлежатъ обыкновенно къ еврейскому или цыганскому племени. Въ прежніе вѣка ченги были въ большой модѣ, но теперь ихъ можно встрѣтить уже рѣже въ Константинополѣ и другихъ большихъ городахъ. Въ Персіи любовь къ танцамъ гораздо распространеннѣе; но всего необузданнѣе проявляется она въ Средней Азіи, въ особенности же у таджикскаго населенія, гдѣ въ каждой бѣдной деревушкѣ находится нѣсколько такихъ художниковъ, принадлежащихъ обыкновенно къ хорошо поставленнымъ семействамъ.

Но вернемся къ гаремнымъ удовольствіямъ.

Танцы и разговоры смѣняются въ свою очередь общественными играми и разсказываніемъ сказокъ. Подобно мужчинамъ, и женщины имѣютъ также своихъ «медда», сохраняющихъ въ памяти значительный запасъ самыхъ безумныхъ и фантастическихъ исторій и обладающихъ притомъ талантомъ отлично разсказывать ихъ, примѣшивая

къ нимъ для разнообразія одну или нѣсколько главъ изъ Кульзумъ-Нэнэ (женскій катехизисъ), книги, въ которой Исламъ изложенъ примѣнительно къ низкому уровню женскаго ума, но въ которомъ сверхъ того, не мало страницъ посвящены описанію различныхъ талисмановъ и эликсировъ, для сохраненія красоты, мужской любви и т. п.

Въ театральныхъ представленіяхъ также нѣтъ недостатка на Востокѣ, но они находятся еще въ очень примитивной ступени, и это тѣмъ удивительнѣе, что религіозныя представленія, мистеріи, такъ способствующія вообще развитію драматическаго искусства, уже болѣе двухъ столѣтій разыгрываются въ Персіи и далеко оставляютъ за собою христіанскія мистеріи на Западѣ. Я присутствовалъ при представленіи подобныхъ мистерій въ Тиролѣ и смѣло могу утверждать, что «Тасси» въ Иранѣ по постановкѣ, мимикѣ и игрѣ актеровъ превосходятъ подобныя представленія на Западѣ, не исключая даже и знаменитыхъ мистерій въ Оберъ-Аммергау. Одна изъ главныхъ причинъ неразвитія драматическаго искусства на Востокѣ заключается конечно въ затворничествѣ женщинъ. Тамъ, гдѣ всѣ актеры мужчины, поневолѣ недостаетъ тѣхъ тонкихъ оттѣнковъ, той прелести истины, безъ которыхъ не можетъ существовать живой интересъ къ театральнымъ представленіямъ. Подобныя развлечения замѣняются обыкновенно на Востокѣ такъ называемыми *Orta-Ojuni* (промежуточными представленіями) или хаяломъ, или наконецъ Кара-гоце, такъ называемыми китайскими тѣнями. Первые изъ нихъ происходятъ обыкновенно на публичныхъ мѣстахъ, причемъ актеры, окруженные густою толпою, разыгрываютъ какой-нибудь грубый фарсъ самымъ балаганнымъ образомъ, придумывая безумныя импровизаціи въ самую минуту игры. Послѣдніе составляютъ развлечения *intra muros*. Хаялджи устанавливаетъ свою лавочку въ углу комнаты, и когда потушатъ всѣ свѣчи, заставлятъ прыгать свои неуклюжія фигуры на освѣщенномъ кругѣ полотна, причемъ, подражая различнымъ голосамъ, заставлятъ каждую фигуру произносить какой-нибудь, по большей части очень циничный монологъ. Какъ дѣйствія, такъ и рѣчи бываютъ обыкновенно такъ безвкусны

и такъ оскорбляютъ всякое нравственное чувство, что европеецъ можетъ только недоумѣвать, какъ возможно забавляться такимъ отвратительнымъ вздоромъ; и всего удивительнѣе при этомъ, что отцы, не задумываясь, позволяютъ своимъ женамъ и дочерямъ присутствовать при этихъ представленіяхъ и платить за нихъ дорогую цѣну. Увертюра начинается обыкновенно жалобою карагоца, пропѣтою въ носъ, въ которой пѣвецъ сокрушается о бренности всего земного, о непрочности человѣческой власти, о порочности нашего времени, словомъ, обо всемъ, но только не о собственныхъ грязныхъ рѣчахъ. Надо замѣтить при этомъ, что циничный карагоцъ всегда представляется намъ моралистомъ и всегда убѣждаетъ публику въ пользу терпѣнія и снисхожденія. Вдругъ раздаются безумные крики, споръ и брань, и на сцену или, правильнѣе, на полотно, является оборванный персіанецъ съ длиною бородою и высокой шапкѣ, который высовываетъ языкъ до пояса, въ то время, какъ по всему тѣлу его пробѣгаютъ мыши, крысы и всевозможныя насѣкомыя. Иранецъ, любимый предметъ всѣхъ насмѣшекъ и шутокъ турецкаго остроумія, начинаетъ хвастливымъ тономъ выставять преимущества своей націи, восхвалять красоту своей родины, и находится еще въ разгарѣ своего краснорѣчія, какъ вдругъ раздается громкій шумъ и на сцену появляется пѣтъ турка, который однимъ ударомъ сваливаетъ его на землю и оставляетъ его тамъ корчиться въ теченіи нѣкотораго времени. Публика въ восторгѣ, раздаются громкія рукоплесканія; карагоцъ снова начинаетъ тянуть въ носъ свою пѣсню, снова жалуется на бренность всего земного, и т. д. до безконечности. При этомъ всѣ, старый и малый, смѣются до слезъ, тогда какъ европейскій житель никакъ не можетъ понять, какимъ образомъ люди, проявляющіе въ другихъ отношеніяхъ и вкусъ и здравый смыслъ, могутъ забавляться подобнымъ ребяческимъ вздоромъ.

IV.

Намъ предстоитъ еще упомянуть объ очень темной сторонѣ въ женской жизни, бросающей свою тѣнь на всю общественную и государственную жизнь, и въ которой можно совершенно вѣрно искать причину всѣхъ социальныхъ золъ. Я говорю здѣсь о заключеніи браковъ, которые у всѣхъ народовъ магометанскаго міра происходятъ одинаково ненормально, нелѣпо и протівно здравому смыслу. Во всѣхъ странахъ Востока именно тѣмъ, которыхъ это касается всего ближе и которыя собираются заключить союзъ на всю жизнь, не предоставляется въ этомъ дѣлѣ никакого голоса. Родители, опекуны, тетки и дяди, влюбляются, такъ сказать, за самихъ помолвленныхъ, видятъ, слышатъ и рѣшаютъ за нихъ; что же касается до личнаго ихъ знакомства до свадьбы, то оно считается совершенно излишнимъ, и принимается, что благословенія фатиха вполне достаточно, чтобы доставить согласіе и взаимное расположеніе будущимъ супругамъ. Правда, и на Востокѣ случается иногда, что молодой человѣкъ находитъ возможность бросить бѣглый взглядъ на свою суженую. Для этой цѣли устраиваютъ нарочно встрѣчи, вопреки всѣмъ запрещеніямъ религіи. Но при этомъ жениху дѣйствительно удается только взглянуть на невѣсту, такъ какъ разговаривать съ нею считалось бы дѣломъ совершенно неслыханнымъ, и то, что посланная имъ сваха найдетъ прекраснымъ, милымъ или умнымъ, то и долженъ онъ принять на вѣру. Въ болѣе восточныхъ странахъ бракъ заключается уже съ самаго дѣтства, причемъ для супруговъ конечно вытекаетъ то преимущество, что они знакомятся между собою съ раннихъ лѣтъ. Но въ сущности дѣло нисколько не измѣняется, и въ большинствѣ случаевъ брачные узы соединяютъ людей, не имѣющихъ другъ къ другу ни малѣйшаго расположенія, ни сочувствія. При этомъ дѣйствительно можно считать чудомъ благополучный исходъ столь многихъ браковъ.

Это положеніе дѣлъ очерчено очень рѣзко въ переведенномъ мною

«Оригинальномъ водевилѣ», появившемся въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ фельетонѣ турецкой газеты «Dscheridei Hawadis» (Сборникъ новостей). Авторъ этого водевиля, появляющагося теперь въ первый разъ на европейскомъ языкѣ, никто иной, какъ Шинази эфенди, членъ учебнаго совѣта, одинъ изъ тѣхъ муяль, которыхъ послалъ Решидъ паша въ Парижъ, чтобы привить къ нимъ западную культуру и поколебать въ нихъ магометанскій фанатизмъ. Шинази вернулся, какъ и слѣдовало ожидать, совершеннымъ атеистомъ; магометанскіе нравы и обычаи, магометанское общество и его взгляды, стали ему ненавистны, и такъ какъ о бракѣ онъ думалъ вѣроятно такъ же, какъ думаетъ каждый изъ моихъ читателей, то прибѣгнувъ къ иронической музѣ, чтобы осмѣять его. Одноактный водевилъ этотъ конечно очень слабъ, какъ драматическое произведение, но онъ даетъ лучшее понятіе о нравахъ его родины, нежели самыя обстоятельныя описанія.

СВАДЬБА ПОЭТА

SCHAIR BYLENMESİ

Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Муштакъ-бей, женихъ и возлюбленный Кумри-Ханимъ.

Хикметъ-эфенди, пріятель Муштакъ-бея.

Кумри-Ханимъ, возлюбленная Муштакъ-бея и сестра Сакине-Ханимы.

Сакине-Ханимъ, невѣста Муштакъ-бея и сестра Кумри-Ханимы.

Циба-Дуду, сваха со стороны жениха.

Хаббе-Надинъ, свать со стороны невѣсты.

Эбуль Лакланатъ-уль-Энфи, заключаетъ свадебный контрактъ Сакине-Ханимы.

Батакъ-Эсе, ночной сторожъ.

Атакъ-Кезе, мусорщикъ.

Сосѣди изъ рабочаго званія.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ невѣсты.

ЯВЛЕНИЕ I.

Муштакъ-бей и Хикметъ-эфенди.

Муштакъ-бей. Наконецъ-то сегодня моя свадьба! Что за счастье, что свадебный контрактъ мой заключенъ. Впрочемъ изъ разсѣянности и изъ любви я уже готовъ былъ жениться и безъ всякаго контракта.

Хикметъ-эфенди. Какъ это возможно!

Муштакъ-бей. А почему же итъ! Вѣдь это и называютъ бракомъ по любви.

Хикметъ. Какъ странно!

Муштакъ. Правда твоя. Много счастья желаю я тѣмъ, которые женятся не по любви и не по взаимному расположенію и все-таки умудряются прожить. Что до меня касается, то никогда не взялъ бы я Кумри-Ханимъ въ жены, еслибъ она не заслужила всей моей любви. Что скажешь, развѣ не умно было съ моей стороны такъ втюриться въ нее.

Хикметъ. Возможно, что и умно.

Муштакъ. Она также молода и добра, какъ и прекрасна. Право, я доволенъ ею во всѣхъ отношеніяхъ. Ахъ, еслибы только у моей голубки не было сестры, такой отвратительной вороны.

Хикметъ. Право! Какъ же ее зовутъ.

Муштакъ. Если не ошибаюсь, она называется Сакине-Ханимъ. Бѣдняжка! Даже самое имя ея мнѣ не нравится.

Хикметъ. Почему же?

Муштакъ. Она не только вѣчно у насъ на дорогѣ, и лишена всякой красоты, но до 45-лѣтняго возраста просидѣла въ дѣвушкахъ и черезъ это потеряла весь свой умъ. Ахъ! мнѣ право стыдно, что у меня будетъ такая невѣстка!

Хикметъ. Чего же стыдиться! Кто любитъ розы, не долженъ бояться шиповъ.

Муштакъ. Ну, такъ хочешь ли я подарю ее тебѣ, и притомъ по контракту. Да и почему вамъ не ужиться съ нею? Или она поумнѣетъ, или ты станешь дуракомъ.

Хикметъ. Берегись только, чтобъ тебя самого не одурачили и не подсунули ее тебѣ вмѣсто Кумри-Ханимъ. Уже такъ устроенъ свѣтъ! Ну, слыханное ли дѣло выдавать младшую сестру замужъ, когда старшая сидитъ еще въ дѣвушкахъ.

Муштакъ. Ого! Я не люблю такихъ шутокъ. Если это шутка, такъ пусть и остается шуткою.

Хикметъ. А не ты ли самъ дарилъ мнѣ ее шутя?

Муштакъ. Какъ шутя? Я дарилъ ее тебѣ совершенно серьезно.

Хикметъ. Извиненіе твое обиднѣе самаго оскорбленія.

Муштакъ. Откуда же ты взялъ, что я передъ тобою извиняюсь?

Хикметъ. Вотъ какъ!

Муштакъ. Тс. Вотъ идетъ Циба-Дуду, моя сваха. Быть можетъ она ведетъ съ собою и мою голубку. Подожди меня въ сосѣдней комнатѣ, я скоро приду къ тебѣ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Муштакъ-бей. Циба-Дуду.

Циба. Радостную вѣсть приношу я тебѣ, сынъ мой. Сейчасъ придетъ твоя невѣста; она уже на дорогѣ сюда.

Муштакъ. Ахъ матушка! Что сталъ бы я дѣлать безъ тебя! Никакъ не достигъ бы мнѣ исполненія моихъ желаній! Ужъ я и не знаю право, какъ отблагодарить тебя за всю твою доброту.

Циба. Ахъ сынъ мой! Да что же бы я стала дѣлать на свѣтѣ, еслибы не занималась подобными благодареніями? Кому же вѣдь я знаю твою доброту! Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не приму отъ тебя. Я не хочу другой награды, какъ прожить до тѣхъ поръ, пока увижу твоихъ дѣтей съ сѣдыми бородами.

Муштакъ. Наконецъ исполнила ты всѣ мои желанія. Живи же такъ долго, какъ только возможно. (*Прыгаетъ и скачетъ отъ радости*).

Циба. Будь же разуменъ, мой дружокъ. Ты уже перешелъ тѣ годы, когда люди женятся и тебѣ бы слѣдовало стыдиться немножко.

Муштакъ. Да развѣ это стыдно жениться? Я такъ думаю со-всѣмъ напротивъ. Но теперь убирайся отсюда и поджидай мою невѣсту. А я здѣсь буду упражняться въ стыдливости.

ЯВЛЕНИЕ III.

Муштакъ-бей (*одинъ*). Наконецъ-то засажу я мою птичку въ клѣтку. Ахъ еслибы я могъ уже пріютиться подъ ея крылышками! Но у людей есть кормъ, который зовутъ деньгами. Что стану я дѣлать, если она попроситъ его у меня? Конечно, я дамъ ей все, что только могу; но самое большое, что могу я предложить ей—это надежду. А какъ же на счетъ подарковъ жениха? Я одарю ее стихами въ честь ея свадьбы. И этимъ она должна удовлетвориться.

Голубка, идеаль моей души
Въ твоёмъ желаю сердцѣ я свить себѣ гнѣздо
Люблю тебя всѣмъ сердцемъ, отъ всей моей души
И въ сердцѣ твоёмъ пѣжномъ, совою себѣ гнѣздо!
Вотъ подарокъ, по истинѣ достойный такого поэта, какъ я!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Муштакъ-бей, Циба-Дуду, Хаббе-Кадинъ, Сакине-Ханимъ.

Циба. Вотъ, сынъ мой, мы и привели твою невѣсту. Возьми же ее за руку и усади въ уголокъ.

Муштакъ (*дѣлаетъ на радостяхъ безумный прыжокъ и направляется на встрѣчу Сакине-Ханимъ, которую ведетъ Хаббе-Кадинъ*). Ахъ!

Циба (*къ Хаббе-Кадину*). Ахъ, другъ мой! Женишокъ нашъ едва взглянулъ на невѣсту и уже обезумѣлъ отъ радости.

Муштакъ. Не отъ радости, а отъ горя разрывается мое сердце!

Хаббе-Кадинъ. Взгляни, какъ дрожитъ невѣста. Поддержи ее, не то она упадетъ (*сажаетъ Сакине-Ханиму на стулъ*).

Муштакъ. Что все это значить?

Циба. Вотъ твоя подруга, по гробъ жизни, вотъ твоя милая жена — Сакине-Ханимъ.

Муштакъ. Пусть духъ мой разстанется съ тѣломъ прежде, чѣмъ назову ее своей супругой!

Циба (*къ Хаббе-Кадину*). Слышишь ли ты; женишокъ нашъ что-то началъ завираться! Быть можетъ чрезмѣрная радость свела его съума.

Хаббе (*къ Цибу*). Бѣдняжка. Исполненіе его желанія привело его къ сумашествію!

Муштакъ. (*въ отчаяніи*). Ахъ! Ахъ! Ахъ!

Циба. Только не плачь. Пусть плачутъ твои враги.

Муштакъ. Ахъ, какъ посмѣялись бы мои враги, еслибы видѣли теперь мое положеніе.

Циба. Поди же сынъ мой, отдерни покрывало съ лица твоей невѣсты, чтобы порадовать твое сердце ея видомъ.

Муштакъ. Почему же это? Или ты хочешь, чтобы я, увидя ея, перепугался еще болѣе?

Циба. Взгляни же на нее, сынъ мой, взгляни поскорѣе, чтобы ты не сомнѣвался, что она самая и есть твоя избранная.

(*Она и Хаббе-Кадинъ принуждаютъ Муштакъ-бея приподнять покрывало съ лица Сакине-Ханимъ*).

Муштакъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу! (*Отдергивая руки, онъ зацепляется за покрывало Сакине-Ханимъ и парикъ ея остается въ его рукахъ. Зрителямъ открывается лицо и сѣдые волосы Сакине-Ханимъ*). Что-жъ это такое?

Циба. Ахъ какія страсти. Посмотрите! Онъ вырвалъ у бѣдняжки ея прекрасные, золотистые волосы!

Муштакъ. Вотъ ужъ правда! Ея сѣдые волосы блестятъ какъ бѣлое золото! Не такъ ли?

Циба. Слова твои оскорбляютъ не ее, а меня и Хаббе-Кадина. Погоди, дружокъ, я научу тебя разговаривать. (*Къ Хаббе-Кадину*). Поди, свать, уведи скорѣе невѣсту и призови сюда господина, заключившаго свадебный контрактъ. Онъ сидитъ теперь въ сосѣдней кофейнѣ; пусть приведетъ онъ съ собою и всѣхъ сосѣдей, чтобы они облагоразумили этого человѣка.

ЯВЛЕНИЕ V.

Муштакъ-бей, Циба-Дуду.

Муштакъ. Какъ, ты думаешь, что сосѣди насильно заставятъ меня жениться?

Циба. Да, они либо поведутъ тебя въ брачный покой, либо посадятъ тебя въ тюрьму.

Муштакъ. Въ тысячу разъ охотнѣе просижу я въ тюрьмѣ, чѣмъ дома съ такою женою.

Циба. Ну такъ ступай же въ тюрьму; скоро узнаешь, какъ тамъ пріятно.

Муштакъ. Я и тамъ проживу счастливо, сопутствуемый благословеніями и добрыми пожеланіями моихъ кредиторовъ, которыхъ пріобрѣлъ, благодаря тебѣ.

Циба. А ну, какъ ты тамъ заболѣешь?

Муштакъ. Мои кредиторы пошлютъ ко мнѣ доктора, который будетъ за мною ухаживать.

Циба. Зачѣмъ это?

Муштакъ. Вѣдь, если со мною случится бѣда, то и они понадутъ въ затрудненіе.

Циба. Что-жъ имъ до этого?

Муштакъ. Пусть я ослѣпну, если смерть моя не будетъ для нихъ потерей.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Муштакъ-бей, Циба-Дуду, Хаббе-Кадинъ, Эбуль Лаклакатъ, Батакъ-Эсе и сосѣди.

Эбуль Лаклакатъ (*выходитъ въ ночномъ колпакѣ*). Съ какой стати потревожили вы мой сонъ и привели меня сюда? Посмотрите-ка только въ какомъ я костюмѣ — точь въ точь будто я собираюсь выйти на сцену. Что значить весь этотъ шумъ?

Циба (*закрывая себѣ лицо подоломъ своего платья, иплуметъ руку Эбуль Лаклакаты*). Прости насъ, сударь. Вотъ посмотри-ка, этотъ негодяй самъ назвался женихомъ, а теперь прогоняетъ отъ себя любимую имъ женщину, вырвавъ у ней всѣ волосы. И, мало того, еще осынаетъ ее, свата и меня такою бранью, что я и повторять-то ее стыжусь.

Эбуль (*Муштаку*). Ахъ ты безстыдникъ!

Муштакъ. Позвольте мнѣ, сударь, рассказать вамъ всю правду, какъ все дѣйствительно происходило.

Эбуль. Молчи! Цибу почитаю я какъ вторую мать и быть не можетъ, чтобъ она наврала мнѣ.

Циба. Да, сударь, онъ во что бы то ни стало обязанъ жениться на этой дѣвушкѣ.

Эбуль. Это правда. Если онъ не возьметъ ее, то отъ этого пострадаетъ ся доброе имя. (*Къ сосѣдямъ*). Не такъ ли, господа сосѣди?

Сосѣди. Это вѣрно.

Муштакъ. Я не могу жениться на ней, сударь. Тутъ очевидно ошибка; не эта, а младшая сестра была мнѣ обѣщана и ту я и требую.

Эбуль Лаклакаты. Это что еще за пустяки! Тебѣ обѣщали старшую.

Муштакъ. По истинѣ не эту.

Эбуль. Не хочешь ли ты и меня прославить лгуномъ. Что за безстыдство!

Батакъ-Эсе. Я, сударь, и не то еще могу поразсказать о немъ! Какъ ночной сторожъ обязанъ я расхаживать по ночамъ въ этой части города. Однажды, проходя такимъ образомъ, встрѣчаю я этого молодца посреди улицы и спрашиваю его: откуда ты? И знаете ли, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Я изъ таратра (театра). Очевидно, онъ просто хотѣлъ позабавиться надъ мною бѣднымъ.

Муштакъ. Что за проищательность!

Батакъ. Посмотрите-ка на этого человѣка, съ лошадинымъ име-

немъ! Ахъ ты, если не перестанешь ругаться, то я заставлю тебя замычать.

Эбуль. Нашъ молодчикъ не только безстыдникъ, но и дуракъ притомъ!

Батакъ. По моему его слѣдовало бы запереть заразъ и въ тюрьму, и въ сумасшедшій домъ.

Эбуль. Мой совѣтъ, сначала преслѣдовать его за грубость, а потомъ и совѣтъ изгнать изъ этой части города. Намъ не нужно такихъ!

Сосѣди. Не надо, не надо намъ его.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Муштакъ-бей, Циба-Дуду, Хаббе-Кадинъ, Эбуль Лаклакаты, Батакъ-Эсе, Атакъ Кезе, Хикметъ-эфенди.

Атакъ (*съ корзиною на головѣ; въ одной рукѣ онъ несетъ лопату, въ другой метлу*). Не надо намъ его!

Хикметъ (*входя за Атакомъ*). Кого это вамъ не надо?

Атакъ. А я почемъ знаю? Сосѣди такъ говорятъ и я повторяю за ними. Вѣрно ужъ они правы, если такъ говорятъ.

Хикметъ. Да въ чемъ же правы сосѣди?

Атакъ. Я знаю только, что они правы, но въ чемъ—это мнѣ неизвѣстно.

Хикметъ. Зачѣмъ же мѣшаешься ты въ дѣла, въ которыхъ ничего не понимаешь?

Атакъ. Вотъ вопросъ? Да развѣ я не принадлежу также къ *старшинамъ* этой части города?

Хикметъ. Кто же ты собственно такой?

Атакъ. Какъ, ты даже не знаешь, кто я такой?

Хикметъ. Право не знаю.

Атакъ. Почему же спрашиваешь ты о томъ, чего не знаешь? Ахъ какъ ты невѣжественъ! Ну, такъ узнай же, что я, въ крайнемъ кварталѣ города...

Хикметъ. Ахъ ты олухъ!

Атакъ. Если бы ты столько же имѣлъ ума, какъ я, то былъ бы такимъ же олухомъ. Да и что же собственно въ этомъ? На-ка, попробуй подмести улицу, увидимъ, съумѣешь ли ты взяться за дѣло?

Эбуль (*указывая на Мушатака*). Не вздумалъ ли ты защищать этого грѣшника? Одобряющій преступленіе такъже виновенъ, какъ и совершившій его; поэтому ты заслуживаешь такое же наказаніе, какъ и тотъ.

Хикметъ. Прошу извиненія, сударь. Я знаю теперь мою вину, но не знаю, въ чемъ тотъ преступилъ.

Эбуль. Хуже его вины совѣтъ и не можетъ быть. Онъ отказывается жениться на помолвленной съ нимъ дѣвушкѣ и требуетъ ея младшую сестру. Это что такое?

Хикметъ. Не сердись, сударь (*въ тихомолку указываетъ ему на кошелекъ съ деньгами*). Мы просимъ у тебя младшую.

Батакъ. Что-жъ это такое, сударь? Вы даёте подкупить себя?

Эбуль (*Батаку*). Чтобъ я, да былъ способенъ на это! Никогда въ жизни! (*тихо Хикмету*). Спусти ка его въ мой боковой карманъ. (*Хикметъ опускаетъ кошелекъ съ деньгами въ карманъ Эбуля*).

Атакъ. Вы шепчете ему, чтобъ онъ положилъ кошелекъ въ вашъ карманъ.

Эбуль. Какой вздоръ! Я сказалъ что либо подобное? Я просто приказалъ ему отойти отъ меня, чтобъ не возбуждать въ васъ подозрѣнія.

Батакъ. Миѣ сдается, что вы уже припрятали денежки.

Эбуль. Упаси Богъ! Да отсохнеть моя рука, если я только дотронулся до денегъ.

Хикметъ. Я попрошу васъ сударь изложить это дѣло такъ какъ оно есть, а затѣмъ поступить сообразно вашей обязанности.

Эбуль. Теперь, когда вы излагаете ваши желанія такъ разумно, мѣсто гнѣва въ моемъ сердце заступило состраданіе. (*Къ сосѣдямъ*). Миѣ сейчасъ только пришло на память новое и рѣшительное доказательство въ этомъ дѣлѣ.

Сосѣди. Что же такое?

Эбуль. Не правдали, я сказалъ давеча, что обручилъ бѣольшую дѣвушку.

Сосѣди. Точно такъ.

Эбуль. Но это не значило, ту, которая старше годами, но ту, которая бѣольше ростомъ. Вѣдь старшей уже перешло за 40, поэтому она не годится для жениха. Вотъ что я знаю навѣрное и могу засвидѣтельствовать по совѣсти.

Батакъ. Въ этомъ и мы готовы присягнутьъ.

Сосѣди. Да, это вѣрно.

Эбуль (*Хаббе-Кадину*). Поди, свать, и приведи сюда ту дѣвушку, которая выше ростомъ, т. е. младшую, настоящую невѣсту. Я хочу собственноручно передать ее жениху, чтобы больше уже не могло произойти ошибки. (*Хикмету*). Если и теперь еще не все въ порядкѣ, то скажите въ чемъ дѣло, и я все вамъ устрою, такъ какъ считаю честью служить вамъ.

Батакъ (*Муштакъ-бей*). Все, что я прежде говорилъ вамъ, сударь, прошу васъ считать ни чѣмъ инымъ, какъ простою шуткой. Я былъ въ печальномъ настроеніи духа и хотѣлъ разсѣяться и посмѣяться.

Атакъ (*Хикмету*). Прошу у васъ извиненія, сударь. Если мнѣ въ другой разъ случится вмѣшаться въ другія дѣла, кромѣ чистки улицъ, то пусть я не буду человекомъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Муштакъ-бей, Хикметъ-Эфенди, Циба-Дуду, Хаббе-Кадинъ, Кумри-Ханимъ, Эбуль-Лаклакатъ, Батакъ-Эзе, Атакъ-Кезе, сосѣди.

Хаббе-Кадинъ (*ведетъ Кумри-Ханимъ, которая то отираетъ глаза, какъ будто плачетъ, то закрываетъ лице руками и сквозь пальцы взглядываетъ на Муштакъ-бей*). Вотъ, сударь, настоящая невѣста.

Эбуль (*Хаббе-Кадинъ*). Но отчего же она плачетъ. Смотри, теперь она пожалуй еще откажется отъ жениха.

Хаббе (*обмѣнявшись нѣсколькими словами шепотомъ съ Кумри-Ханимъ*). Она сейчасъ призналась мнѣ въ причинѣ своихъ слезъ, и это не та, которую ты подозрѣвалъ, сударь.

Эбуль. Чтожъ это за причина?

Хаббе. Ахъ, если я скажу ее тебѣ, то только оживлю печаль бѣдняжки. Прежде плакала она съ горя, что не достанется жениху. Теперь же плачетъ о своихъ прежнихъ, напрасно пролитыхъ слезахъ.

Эбуль (*тихо Кумри*). Я такъ тронуть твоими слезами, что изъ состраданія, охотно возьму на себя отдать тебя жениху. (*Ведетъ Кумри-Ханимъ къ Муштакъ-бею*). Вотъ сударь, возьми ее и постарайся развеселить ее. Живите счастливо. Желаю вамъ этого отъ всей души и отъ всего сердца. (*Хикмету*). Нѣтъ ли у васъ еще какогонибудь дѣла до меня?

Хикметъ. О нѣтъ, мы бы желали только, чтобы вы увели отсюда всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ конечно, самой молодой парочки.

Эбуль. Ваша просьба для меня законъ, сударь. (*Сосѣдямъ*). Теперь вы можете идти, друзья мои. (*къ Цибъ*). Ступай отсюда сваха (*къ Хаббе*). Ступай и ты свать.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Муштакъ, Хикметъ, Кумри.

Муштакъ (*держитъ Кумри за руку. Оба въ восхищеніи стоятъ другъ возлѣ друга и обмѣниваются нѣжными взглядами. Къ Хикмету*). А ты, не уходишь съ сосѣдями? Или у тебя еще осталось здѣсь дѣло?

Хикметъ. Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось только сказать тебѣ парочку словъ.

Муштакъ. Ахъ, другъ мой, приходи завтра; тогда говори ихъ хоть тысячу, я охотно выслушаю тебя.

Хикметъ. Нѣтъ, я хочу говорить съ тобою немедленно.

Муштакъ. Ну, говори, только скорѣе. *(обращается къ Кумри, почти не слушая Хикмета).*

Хикметъ. Ахъ, любезный другъ!

Муштакъ. Ты еще не кончилъ?

Хикметъ. Подожди немножко, я только что начинаю.

Муштакъ. Ахъ, какъ ты надоѣдливъ!

Хикметъ. Раскаяваешься ли ты въ томъ, что собирался жениться, не посоветовавшись съ такимъ другомъ какъ я.

Муштакъ. Ужъ не хочешь ли вачать меня исповѣдывать теперь? Что это все значить?

Хикметъ. Видишь ли, такъ всегда бываетъ съ тѣми, которые въ дѣлахъ любви и дружбы довѣряются посредникамъ, думающимъ только о собственной выгодѣ.

Муштакъ. Ахъ, милый другъ! Отправляйся же туда куда тебѣ надо. Ты вѣрно опоздаешь; я не хочу задерживать тебя долѣе.

Хикметъ. Посмотри какого труда стоило тебѣ жениться, хотя ты и хорошо зналъ твою жену.

Муштакъ. Ахъ, я чуть не забылъ. До свадьбы я все желалъ бы увидѣть мое счастье во снѣ. Теперь я вспомнилъ объ этомъ. Пойду прилягу и если я увижу сонъ, то ты завтра растолкуешь мнѣ его.

Хикметъ. Ступай же и поразмысли о томъ, что должны испытывать тѣ, которые женятся, не зная другъ друга.

Муштакъ *(Потирая глаза)* увы! Совѣты твои нагнали на меня непреодолимый сонъ. Съ твоего позволенія, я прилягу немножко.

Хикметъ. Я уйду. Дѣлай теперь что хочешь, только не забывай полученнаго урока.

Муштакъ. Какъ же мнѣ забыть его? Развѣ не достаточно причинилъ онъ мнѣ горя и хлопотъ? Я основательно изучилъ теорію брака, стараюсь не оплошать и на практикѣ.

Одежда и украшенія.

Если бы была возможность перенестись внезапно изъ среды западнаго міра въ Среднюю Азію, то конечно прежде всего насъ поразило бы различіе въ человѣческой одеждѣ, причину котораго надо искать не только въ климатическихъ условіяхъ, но и въ различныхъ нравахъ и культурно-историческихъ отношеніяхъ. Что азіаты отдаютъ преимущество яркимъ цвѣтамъ, это конечно слѣдуетъ приписать младенческому состоянію ихъ цивилизаціи, которая, несмотря на то, что народная жизнь ведетъ свое существованіе уже втеченіе многихъ тысячъ лѣтъ, нигдѣ еще не достигла возмужалости. Если ужъ и у насъ на западѣ во время среднихъ вѣковъ преобладали яркіе цвѣта въ одеждѣ, и даже и теперь еще низшіе слои общества, подобно дѣтямъ, любятъ все яркое и пестрое, то конечно какому-нибудь курду, узбеку или арабу совершенно простиительно, если ему менѣе нравится платье, окрашенное скромными цвѣтами, лиловымъ или пепельно сѣрымъ, чѣмъ пунцовымъ или пурпуровымъ. У всѣхъ восточныхъ народовъ распространено мнѣніе, что темный цвѣтъ одежды мрачно отражается на душѣ и возбуждаетъ меланхолію, тогда какъ свѣтлые, яркіе цвѣта веселятъ глазъ и сердце. Только дервишъ, это бродячее изображеніе ничтожества и непрочности всего земного, обязанъ носить платье земляного цвѣта, если ужъ онъ, что было бы еще похвальнѣе съ его стороны, не можетъ рѣшиться ходить совершенно нагимъ. При этомъ блескъ его добродѣтели долженъ столько же вы-

дѣлаться отъ мрачнаго цвѣта его одежды, какъ сладкое пѣніе буль-буля (соловья) отъ его темнаго, непельно-сѣраго оперѣнія. Замѣчательно, что цвѣтъ одежды становится все ярче по мѣру того, какъ мы подвигаемся къ Востоку. На берегахъ Босфора уже давно вышли изъ моды ярко-красныя джуббѣ янычарскихъ чорбаджи *) и шафранно-желтые костюмы придворныхъ пажей, въ которыхъ еще продолжалъ жить духъ янычаровъ; только Накиб-эль-Эшрефъ и шерифъ Мекки, какъ предполагаемые потомки пророка по прямой линіи, имѣютъ право щеголять свѣтло-зелеными одеждами и чалмами, точно также, какъ и остальные сенды, къ какому бы скромному званію они не принадлежали. Пророкъ любилъ зеленое, и хотя послѣдняя живая вѣтвь уже завядастъ на могилѣ великаго прародителя, но потомки его все еще отдають предпочтеніе цвѣту надежды, не смотря на нынѣшнее жалкое положеніе магометанскаго міра. Невинная иллюзія! Впрочемъ, путешественники наши совершенно справедливо жалуются на все болѣе и болѣе исчезающую живописность колорита на Востокѣ. Только тогда, когда собираются большія толпы народа въ Константинополь, фереджѣ (женскіе плащи) или пестрыя шали, употребляемыя какъ поясъ низшимъ и среднимъ классами, а иногда и шальвары какого-нибудь странствующаго фанатическаго муллы или эснафа (ремесленника) напоминають намъ прежнюю живописную яркость цвѣтовъ на Востокѣ. Вообще же простонародье одѣвается въ черный и темные цвѣта, и это сдѣлалось модою во всѣхъ почти городахъ, ибо, какъ ни странно это можетъ показаться, въ Турціи уже существуетъ многочисленный классъ, который видитъ въ свѣтлой, пестрой одеждѣ признакъ кабалука (грубости) или тюркюка (туречины), что почти равнозначно съ первымъ. Тоже мнѣніе распространено и въ Персіи. Ярко-пунцовый цвѣтъ былъ здѣсь очень любимъ во времена Сѣфевидовъ, но въ настоящее время онъ уже вытѣсненъ изъ всѣхъ слоевъ общества, хотя и теперь еще отдають

*) Чорбаджи военный чинъ, соответствующій чину полковника въ современной турецкой арміи.

предпочтеніе одноцвѣтнымъ матеріямъ, но эти послѣднія окрашены уже обыкновенно въ болѣе скромные оттѣнки зеленаго, желтаго или голубаго цвѣта. Только юмады остались вѣрны старымъ обычаямъ и, подобно своимъ осѣдлымъ одноплеменникамъ и единовѣрцамъ въ Средней Азіи, все еще предпочитаютъ пеструю, яркую одежду. На базарѣ въ Эрзерумѣ, Харпутѣ, Діарбекирѣ или Мосулѣ часто можно встрѣтить какого нибудь кочевника курда въ ярко-красномъ плащѣ, сапогахъ и шальварахъ, а въ высшемъ классѣ чиновниковъ въ Средней Азіи все еще считается большою честью получить въ подарокъ отъ хана чапанъ или тогу огненнаго цвѣта и щеголять въ нихъ въ публичныхъ мѣстахъ. Хивинскій ханъ выписываетъ себѣ ежегодно отъ шести до десяти верблюжьихъ व्यюковъ, пестрыхъ русскихъ платковъ, чтобы раздаривать ихъ своимъ приближеннымъ, въ знакъ своей ханской милости. Для Бухары и Кокана надо принять двойное количество, и, подобно тому, какъ въ Китаѣ извѣстные цвѣта составляютъ исключительную принадлежность извѣстныхъ должностей, такъ и въ этихъ ханствахъ, по законамъ этикета, только тѣ семейства имѣютъ право носить свѣтло-красную одежду, глава которыхъ получилъ подобный подарокъ отъ повелителя.

Но если относительно цвѣта, различіе между одеждою на Западѣ и на магометанскомъ Востокѣ постепенно сглаживается, то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло относительно покроя и формы платья. Что касается послѣдняго, то прежде всего обращаютъ вниманіе на удобство, а затѣмъ на приличіе. Удобство требуетъ широкой одежды съ обильными складками, которая позволяла бы свободно садиться, поджавъ ноги, не стѣсняла бы движеній и въ жаркую погоду пропускала бы воздухъ. Приличіе въ одеждѣ судится, конечно, съ магометанской и вообще съ азіатской точки зрѣнія. По нашимъ европейскимъ понятіямъ приличіе виолнѣ соблюдено, если извѣстныя части нашего тѣла прикрыты платьемъ, но восточныя требованія идутъ дальше, и платье должно быть сшито такъ, что не должно даже допускать подозрѣнія о существованіи подобныхъ частей тѣла. Плотно прилегающія одѣянія, обрисовывающія контуры тѣла, считаются по-

этому вполне неприличными; все должно быть скрыто въ морѣ складокъ, такъ чтобы можно было только догадываться, но ничего не видѣть. Такъ какъ обычай этотъ существуетъ въ Азіи уже съ незапамятныхъ временъ, то мы можемъ принять съ полною достовѣрностью, что мѣшкообразная форма одежды почти не измѣнилась со временъ сѣдой древности. Въ широкихъ складкахъ развивающагося платья совсѣмъ пропадаетъ самъ хозяинъ, отъ котораго ничего не остается видимымъ, кромѣ лица; руки и ноги также тщательно прикрываются. Эта некрасивая свособразность покроя, конечно, колола глаза турецкимъ портнымъ и реформаторамъ, когда они въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали дѣлать попытки замѣнить національный костюмъ европейскимъ платьемъ. Въ настоящее время турецкія понятія о модахъ, въ особенности у мужчинъ, все болѣе и болѣе приближаются къ европейскимъ, хотя старое поколѣніе и любитъ передѣлывать европейское платье на турецкій ладъ. Панталоны ихъ по длинѣ и ширинѣ составляютъ безконечныя складки, и въ нихъ легко могли бы вмѣститься два или три человѣка, даже при нѣкоторой ихъ дородности. Сетри (сюртукъ или кафтанъ, какъ его можно назвать) долженъ быть такъ широкъ, чтобы подъ нимъ можно было носить одну или двѣ короткихъ энтари (ваточныхъ куртокъ) изъ шелковой или шерстяной матеріи, которыя замѣняютъ жилетъ. Этотъ сюртукъ, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, плотно застегивается даже при 34° R. Полы его должны быть такъ широки и такъ находить одна на другую, чтобы даже при быстрой походкѣ не распахиваться, и сверхъ того должны быть такъ длинны, чтобы совершенно прикрывать ноги, когда турокъ подожметъ ихъ подъ себя. Галстухъ считается совершенно излишнею роскошью, и такъ какъ шелковая рубашка (харири) не имѣетъ воротника, то шея и затылокъ остаются непокрытыми при всякой погодѣ. Но въ особенности поражаетъ насъ у подобныхъ европейскихъ турокъ ихъ обувь и головной уборъ. Первая какъ зимою, такъ и лѣтомъ состоитъ изъ толстыхъ нижнихъ и верхнихъ башмаковъ, и въ ней даже самая маленькая нога начинаетъ походить на ступню слона. Нельзя смотрѣть безъ жалости на тучнаго

эфенди, когда онъ въ жаркій лѣтній день пробирается по отвратительной мостовой Константинополя въ своей неуклюжей двойной обуви. Но что же сказать о головномъ уборѣ? Какую потѣшную карикатуру своего образца, живописной шапочки грековъ, составляетъ новѣйшая турецкая феска. Молодые турки носятъ, правда, маленькія фески и менѣе надвигаютъ ихъ на лобъ, но старые господа, къ которымъ въ новѣйшее время присоединился его величество султанъ, выбираютъ ихъ такими огромными и безформенными, что голова въ нихъ представляется какимъ-то шаромъ, плавающимъ въ огромной красной кастрюлѣ. Лба, глазъ, ушей, ничего не видно подъ подобнымъ мѣшкомъ; и какъ должна потѣть, столь герметически закупоренная голова, можно судить по тѣмъ каплямъ пота, которыя текутъ со лба и затылка страдальца эфенди.

Въ предшествующихъ строкахъ мы представили слабую картину цивилизованнаго, такъ сказать, противъ воли османлиса. Пока они молоды и неженаты, турецкіе франты охотно одѣваются совершенно *à la française*, многіе даже заказываютъ свое платье у французскихъ портныхъ; но по мѣрѣ того, какъ съ годами они наживутъ себѣ жиру и утратятъ подвижность, почтенные турки начинаютъ вздыхать о своемъ старомъ національномъ костюмѣ, который въ дѣйствительности удобнѣе для нихъ и даже, можетъ быть, болѣе удовлетворяетъ гигиеническимъ потребностямъ, конечно, съ точки зрѣнія мѣстныхъ климатическихъ условій. Что касается цѣны, то костюмъ этотъ, правда, стоитъ дороже нашего, но за то носится гораздо долѣе и болѣе соотвѣтствуетъ вкусамъ мусульманина, нежели перенятія европейскія моды.

Кромѣ всего сказаннаго, мусульманинъ требуетъ еще отъ своихъ одеждъ, чтобы они какъ можно болѣе увеличивали размѣры его тѣла и придавали ему величественный, почтенный и внушительный видъ. Въ европейскомъ платьѣ онъ не достигаетъ этой цѣли, но его національный костюмъ вполне удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Шальвары, на которыя идетъ обыкновенно отъ 10 до 15 аршинъ широкаго сукна, не только значительно утолщаютъ его въ бедрахъ, но

въ соединеніи съ широкимъ поясомъ, состоящимъ изъ толстой шали, обвитой отъ 10 до 15 разъ вокругъ тѣла, скрываютъ его кривыя, невзрачныя ноги. Сюда присоединяется еще длинная, опускающаяся до ногъ джуббэ, подъ которой носятъ, поверхъ рубашки, короткая, ваточная энтари, а сверху нея еще широкая куртка, называемая сальта; наконецъ, *finis coronat opus*, весь нарядъ довершается громадною чалмою, которая у всѣхъ магометанскихъ народовъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что ночью можетъ служить подушкою, а днемъ замѣняетъ зонтикъ. Такимъ образомъ правило: «изъ карликовъ дѣлать великановъ» получаетъ здѣсь дѣйствительное выполненіе; въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ такъ не оправдывается поговорка: «платье дѣлаетъ людей» какъ на Востокѣ. Это стремленіе внушить одеждою почтеніе къ себѣ еще яснѣе выражается въ обыкновеніи турокъ Румелии и Анатолиіи постоянно носить при себѣ много оружія. Правда, теперь уже давно прошло время, когда османлисы или магометане вообще могли внушать ужасъ этими воинственными эмблемами. Теперь оружіе ихъ представляется въ сравненіи съ новѣйшими европейскими изобрѣтеніями невинною дѣтскою игрушкою; но не смотря на это, турокъ никогда не оставляетъ его, ни зимою, ни лѣтомъ, ни дома, ни на улицѣ, ни въ мирномъ совѣтѣ, ни въ мечети. Наши туристы нерѣдко пугаются при видѣ подобнаго расхаживающаго арсенала, но все это не болѣе какъ совершенно безвредныя побрякушки. Самъ вооруженный съ ногъ до головы магометанинъ далекъ отъ мысли внушать этимъ дѣйствительный ужасъ; его ятаганъ, его пистолеты, сабля и другое холодное оружіе не болѣе какъ предметы роскоши, какъ воспоминанія о желѣзномъ вѣкѣ минувшаго азіатскаго могущества. Поэтому мы не должны удивляться, что чѣмъ дальше углубляемся на Востокѣ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ рѣзкихъ проявленій этого чисто восточнаго взгляда. Длинная джуббэ, чакшуръ и шальвары западныхъ магометанъ, кажутся въ глазахъ ихъ восточныхъ братьевъ такими же мизерными, невзрачными и невнушительными, какъ нашъ европейскій костюмъ въ глазахъ турка. Я склоненъ думать, что граница ловкой, плотно прилегающей къ

ляшкамъ джуббѣ, находится тамъ, гдѣ кончается царство османли-совъ, представителей западнаго магометанства въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Арабы, курды, персы, авганы и среднеазіаты называютъ свое верхнее платье джуббѣ, но, по покрою, оно болѣе напоминаетъ старую, примитивную гирку или абѹ и болѣе приспособлено къ требованіямъ азіатской лѣтн. Аба состоитъ изъ двухъ или трехъ кусковъ матеріи, соединенныхъ между собою не вертикальнымъ, но горизонтальнымъ швомъ; во многихъ мѣстахъ она вся тканая и представляетъ ни что иное, какъ широкій, открытый спереди кафтанъ, который вмѣсто воротника имѣетъ полукруглое отверстіе, вмѣсто рукавовъ — двѣ продолговатыя дыры, а вмѣсто пуговицъ — два короткіе висячіе шнурка, и наконецъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ, можетъ складываться такъ, что ее скорѣе можно принять за несшитый кусокъ матеріи, нежели за готовое платье. По такому же фасону изготовлялись въ средніе вѣка знаменитыя энтари Дамаска и Алеппо, и даже войлочные платья Бруссѹ и Коніи ткутся изъ одного куска, причемъ вовсе не заботятся о томъ, чтобы они хорошо сидѣли; вообще, въ чемъ можно убѣдиться уже съ перваго взгляда, при шитьѣ платья въ магометанской Азіи вовсе не принимаются въ соображеніе ни красота, ни мода, а считается, что платье вполне удовлетворяетъ своей цѣли, если только прикрываетъ тѣло. Европейскіе художники желаютъ видѣть въ небрежно-висящихъ складкахъ восточныхъ одеждъ что-то живописное и даже поэтическое, но я думаю, что взглядъ этотъ не подтверждается никакими эстетическими правилами; восточный житель въ своей одеждѣ, также какъ и во всемъ своемъ существѣ, проявляетъ только одно — глубокое равнодушіе ко всему земному; вкуса же и изящества, по нашимъ понятіямъ, никогда не замѣтно въ его нарядахъ. Если мусульманинъ желаетъ прослыть богатымъ или знатнымъ, то увѣшиваетъ себя драгоценными камнями или другими украшеніями; онъ блеститъ серебромъ и золотомъ, но украшенія эти не составляютъ части его одежды. Нерѣдко можно встрѣтить людей, въ особенности стараго

поколѣнія, которые расхаживаютъ въ оборванныхъ платьяхъ, но при этомъ украшены драгоцѣнными камнями, опоясываютъ грязную, невзрачную поддевку дорогимъ поясомъ и даже расхаживаютъ на-босу ногу и въ лохмотьяхъ, и тѣмъ не менѣе носятъ на себѣ столько драгоцѣнностей, что даже не большая часть ихъ свидѣтельствуешь уже о благосостояніи.

Я не стану отрицать, что видъ араба, завертывающагося съ живописною небрежностью въ свою аба, перса, стройное тѣло котораго теряется въ роскошныхъ складкахъ его суконой джуббѣ или авгана, перебрасывающаго черезъ плечо свою полотняную тогу, подобно какому-нибудь древнему римлянину, невольно поражаетъ нашъ европейскій глазъ, привыкшій къ цѣлесообразности костюмовъ на Западѣ. Но что касается до меня, то въ этихъ явленіяхъ я всегда искалъ причину причинъ, и потому въ моихъ глазахъ, мнимый романическій колоритъ Востока утратилъ свое обаяніе. Желаніе придать себѣ величественный видъ при помощи просторныхъ, пышныхъ одѣяній всегда казался мнѣ дѣтскимъ и варварскимъ; но еще менѣе нравилось мнѣ въ восточномъ покроѣ платья, то, что онъ мѣшаетъ всякому занятію, такъ какъ дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на магометанина, закутаннаго до самыхъ пятокъ, и весь костюмъ его тотчасъ же выразить намъ вполне ясно, что человѣкъ этотъ рожденъ для лѣни и бездѣйствія. Все развиваетъ въ немъ эту порочную апатію, и если въ разгарѣ работы ему и случится приподнять свое платье (на Востокѣ говорятъ даже, чтобы обозначить прилежнаго человѣка,—онъ заткнулъ себѣ подолъ платья за поясъ), то и тогда онъ не въ состояніи двигаться такъ же свободно, какъ житель Запада, весь костюмъ котораго свидѣтельствуешь о живой дѣятельности и непрерывной работѣ.

Поэзія, хотя и не сознательно, проглядываетъ только въ головномъ уборѣ магометанина. Чалма (изъ дюльбендской кисеи, называемой по-французски *dulban* или *türban*) по красотѣ, если не по удобству, превосходила во всѣ времена головной уборъ жителей Запада. На одной появившейся въ Стамбулѣ литографіи всѣхъ султановъ отъ Османа

до Абдуль-Меджида, мы можем видѣть приблизительно 32 чалмы. Очень замѣчательно, что всѣ онѣ очень различны между собою и всѣ ясно выражаютъ религіозныя и политическія убѣжденія своего времени. Отъ временъ смерти пророка до паденія Калифата Аббасидовъ религіозно-официальная чалма состояла просто изъ шапочки, обвитой полотномъ; въ послѣдствіи плоскій свертокъ обратился въ валець; чалма не свивалась уже, но сплеталась; во времена Орхана этотъ уборъ сдѣлался такимъ сложнымъ, что каждый знатный магометанинъ долженъ былъ держать при себѣ особаго слугу, чтобы завязывать свою чалму. Воинственные султаны носили маленькія, легкія чалмы, фанатики и ревнители большія, конусообразныя—превосходное средство сдѣлать голову тяжелѣе, чтобы она сама собой наклонялась впередъ и придавала человѣку такой видъ, какъ будто онъ углубленъ въ религіозныя размышленія и наклоняетъ голову, не смѣя приподнять свой взоръ кверху. Веселые, легкомысленные правители завязывали чалму фантастическими узлами; завоеватель Кипра съумѣлъ выразить въ легкомысленныхъ плетенкахъ своей чалмы пристрастіе къ виннымъ напиткамъ и красивымъ черкешенкамъ. Другіе завоеватели украшали свои чалмы перьями цапли или подобными же знаками владычества; изнѣженные герои гарема увѣшивали ихъ жемчужными нитями,—словомъ, нельзя и перечислить, чего только они ни выдѣлывали съ своими чалмами; но при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ чалма всегда оставалась красивою и живописною; такого же надо назвать ее и теперь, хотя она и доживаетъ уже свои послѣдніе дни. Жители Запада говорятъ: волосы служатъ украшеніемъ головы, житель Востока съ такимъ же правомъ можетъ сказать это о своей чалмѣ, и дѣйствительно, почтенный ново-османлисъ въ красномъ, кастрюлеобразномъ головномъ уборѣ выглядитъ очень не авантюжно возлѣ своего правовѣрнаго брата на Востокѣ. Ослѣпительная, бѣло-снѣжная чалма муллы, хотя въ настоящее время и не завязывается такъ тщательно, какъ въ былые дни, все же придаетъ ему извѣстную величественность; тоже можно сказать и о чалмѣ турокъ въ Анатоліи, на которую уотребляется толстая пестрая шаль и ко-

торая особенно къ лицу людямъ, высокаго роста. Но чалму нельзя назвать только головнымъ уборомъ; днемъ она можетъ замѣнять зонтикъ, ночью служить удобною подушкою, а многіе употребляютъ ее, какъ настоящій несессеръ; иные держатъ въ ей складкахъ зубочистки, зубныя щетки, порошокъ для глазъ, иногда даже немного соли и перцу; другіе хранятъ въ ней свои деньги, бумаги и письма, а многіе осушаютъ объ нее свои руки, по крайней мѣрѣ послѣ религиозныхъ омовеній. Головной уборъ, соединяющій столько удобствъ и удовлетворяющій столькимъ различнымъ требованіямъ, конечно, представляетъ не мало преимуществъ. Можно ли удивляться поэтому, что турки такъ неохотно промѣниваютъ свою чалму на феску? «Всѣ правовѣрные — братья», сказалъ пророкъ, и хотя чалма и не можетъ служить явнымъ признакомъ національности, тѣмъ не менѣе на ней всегда можно замѣтить различіе состоянія, религій и образа мыслей. Въ то время, какъ въ извѣстныхъ странахъ евреи и христіане обязаны носить черныя чалмы изъ грубыхъ шерстяныхъ тканей, какъ символъ своего печальнаго рабскаго положенія, въ другихъ странахъ, какъ напр. въ Персіи и Средней Азіи, этотъ головной уборъ совершенно воспрещенъ имъ. Между самыми правовѣрными чалмы зеленого цвѣта составляютъ исключительную принадлежность потомковъ пророка; по странной случайности эти послѣдніе въ Константинополѣ занимаются обыкновенно зеленою торговлею, такъ что цвѣтъ ихъ чалмы служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комическою вывѣскою ихъ занятія. Въ Персіи члены этого блаженнаго семейства избрали для своей чалмы во время жизни голубой цвѣтъ, а зеленый идетъ на куполы ихъ мавзолеевъ. Купцы и рабочіе предпочитаютъ пестрыя чалмы; имъ, какъ мірянамъ, позволительно находить удовольствіе въ мірской суетѣ и выражать его въ пестротѣ своихъ чалмъ. Но символомъ благороднаго происхожденія, учености, набожности и владычества всегда была и остается бѣлая чалма. Даже различныя ступени цивилизаціи, на которыхъ находятся племена Ислама, выражаются въ формѣ этого замѣчательнаго головного убора. Шерифъ Мекки, также какъ и всѣ благородные жители этого священнаго

города гордятся тѣмъ, что повиваютъ свои полотенца такимъ же образомъ, какъ это дѣлали при жизни пророка. Въ Багдадѣ, Дамаскѣ и Іерусалимѣ многіе хвалятся тѣмъ, что чалма ихъ сохранила ту же форму, какъ во времена калифовъ, тогда какъ въ Брусѣ, Коніи и Бухарѣ набожные братья различныхъ орденовъ стараются доказать, что въ своихъ головныхъ уборѣхъ слѣдуютъ еще модѣ Бекташа, Мевлана, Джелаледина Руми и Бехаэддина. Собраніе различныхъ чалмъ представляетъ намъ глубокомысленную историческую картину, и въ то время какъ остальные части одежды подверглись вліяніямъ времени, чалма остается непоколебимою представительницею минувшихъ столѣтій, утраченного величія и глубоко вкорененныхъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій.

Но въ бѣльѣ, или лучше сказать, въ равнодушіи къ чистотѣ этой необходимой туалетной принадлежности, всего лучше сказывается намъ Востокъ со всѣми своими правами и со своею опасною философіею. Мы, конечно, совсѣмъ не знаемъ, заботились ли римляне, греки или другіе народы древности о своемъ бѣльѣ, но я думаю, можно смѣло утверждать, что у всѣхъ упомянутыхъ націй оно находилось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у жителей Востока въ наше время. Не только бѣднѣйшіе и средніе слои общества на Востокѣ, но и самые вышніе и богатые, выказываютъ поразительную небрежность относительно своего бѣлья.

Хотя въ Турціи и арабскихъ городахъ уже въ средніе вѣка былъ распространенъ обычай носить бѣлую, пѣжную одежду изъ газоподобныхъ, полушелковыхъ, полшерстяныхъ матерій, но вообще никто не заботился о томъ, чтобы мѣнять ее такъ часто, какъ требовала этого чистоплотность; точно также и теперь еще часто случается, что въ гардеробѣ какого-нибудь богатаго господина, наряду съ очень роскошною верхнею одеждою, находится всего двѣ, три и много шесть рубашекъ. Въ Персіи и на отдаленномъ Востокѣ, дѣло обстоитъ еще гораздо хуже. Люди, бросающіе сотни червонцевъ на наряды и украшенія, имѣютъ обыкновенно лишь столько бѣлья, сколько нужно для одной перемѣны, и не только богатые купцы, но

даже высоко-аристократическіе ханы и министры по скудости своего бѣлья стоятъ ниже самыхъ бѣдныхъ людей на Западѣ. Въ Персіи простонародье носитъ обыкновенно нанковыя рубашки темно-синяго цвѣта, такъ какъ при подобномъ цвѣтѣ менѣе замѣтна грязь, но за то замѣтнѣе бѣленькія насѣкомыя. Но ничего не можетъ быть отвратительнѣе для чужестранца, какъ видѣть, что у какого-нибудь богатаго господина, окруженнаго многочисленною толпою слугъ и увѣшаннаго драгоценными рубинами и брилліантами, изъ-за великолѣпнаго шелковаго одѣянія, торчитъ кончикъ грязной рубашки. Во время моего пребыванія въ Тегеранѣ, даже его величество имѣло всего-на-всего 10 европейскихъ рубашекъ, которыя, къ ужасу всѣхъ правовѣрныхъ сыновъ, мылись, крахмалились и гладились руками невѣрныхъ. Кромѣ того, бѣлье въ Иранѣ отъ соприкосновенія съ вонючею гевною, которою намазывается все тѣло, пріобрѣтаетъ очень непріятный запахъ, и въ этомъ рѣзкомъ контрастѣ между внутреннимъ неряшествомъ и внѣшнимъ щегольствомъ видно всего лучше какъ все на Востокѣ дѣлается только напоказъ. Въ Средней Азіи, гдѣ достигающая до щиколодокъ, рубашка служитъ и домашнимъ платьемъ, а въ лѣтнее время составляетъ всю одежду, заботятся нѣсколько болѣе о чистотѣ бѣлья. Бѣлая рубашка къ тому же необходима во время молитвъ; но не смотря на все это, ни туркестанцы, ни авганы не могутъ похвалиться избыткомъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ живо припоминается какъ сыну знаменитаго Достъ Мухамедъ хана приходилось иногда ложиться совершенно голымъ, прикрываясь только своимъ верхнимъ платьемъ, въ то время, когда слуга его занимался стиркою его единственной рубашки. Поистинѣ княжескія понятія о чистоплотности!

На отдаленномъ Востокѣ одѣяніе отличается еще большею длиною, пышностью, нецѣлесообразностью и неэстетичностью. Чрезвычайно замѣчательно, что народы, проводящіе большую часть жизни на лошадяхъ, носятъ такія пышныя, богатые складками платья, которыя повидимому мало приспособлены къ кавалерійскимъ упражненіямъ. Но магометанскій всадникъ старается еще увеличить пышность

своихъ одеждъ, потому что тогда лошади, а не ему самому, приходится поддерживать эту тяжесть. Не только узбеки въ Бухарѣ, Коканѣ и Кашгарѣ напоминаютъ своими костюмами пышныхъ дамъ середины 18 столѣтія, но сами харезмиры и воинственные авганы, — возбуждающіе своимъ героизмомъ и неустрашимостью такое восхищеніе въ англійскихъ писателяхъ, — какъ иѣшіе, такъ и на лошади, походятъ не столько на воиновъ, сколько на хористокъ изъ оперы Навуходоносоръ. Плотно прилегающія платья дѣйствительно придаютъ меньше граціи, чѣмъ пышныя, но за то они несомнѣнно удобнѣе; во время же битвы и при рукопашномъ боѣ широкія складки азіата, за которыя легко ухватить его, нерѣдко оказываются гибельными для своего хозяина.

Восточные наряды!... Не правда ли, любезный читатель, что при этомъ словѣ ты уже настораживаешь уши и приготавливаешься къ чему-то великому и баснословному. Описатели Востока уже настроили твою фантазію, но, несмотря на это, позволь мнѣ не жертвовать истинною изъ-за интересныхъ, сенсаціонныхъ описаній и сказать тебѣ прямо, что отъ прежняго, относительно, великолѣпія Востока осталась теперь только жалкая мишура. Любовь къ украшеніямъ, о которой намъ придется говорить еще впоследствии, дѣйствительно существуетъ, но украшенія эти рѣдко когда могутъ возбудить восхищеніе европейскаго глаза. Почтенный османлисъ передалъ свою страсть къ нарядамъ женщинамъ, и эти послѣднія дѣйствительно увѣщиваютъ себя крупными жемчужными нитями, ожерельями, браслетами, аграфами, кольцами и серьгами, тогда какъ мужчины ограничиваются перстнями, печатками и карманными часами, украшенными рубинами, брильянтами и сапфирами. Печати, эти стереотипныя подлинны мусульманъ, сохраняются въ маленькихъ шелковыхъ мѣшечкахъ, которые и днемъ и ночью носятъ на груди своего хозяина и ревниво скрываются даже отъ членовъ собственнаго семейства. Онѣ вытѣзываются обыкновенно очень искусно на драгоценныхъ камняхъ, оправляются въ золото и иногда имѣютъ большую цѣнность по своей древности. У мусульманъ можно также нерѣдко найти часы старин-

ныхъ англійскихъ фабрикъ, украшенные брильянтами, и даже слуги носятъ иногда швейцарскіе часы цѣною отъ 500 до 1,000 франковъ. Турки стараго поколѣнія, по прежнему обычаю, украшаютъ свои сѣдла, но новѣйшіе турки перенесли эту роскошь на кареты и на нихъ проявляютъ ее часто до комичнаго. Великолѣпныя кареты, заказанныя въ Парижѣ, украшенные серебромъ и зеркальными стеклами, конечно, уже въ нѣсколько недѣль ломаются въ куски объ отвратительную мостовую древней Византіи, и никогда еще не случалось, чтобы карета, прибывшая съ береговъ Сены или Дуная на Босфоръ, выдерживала здѣсь болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Но если и на этотъ предметъ роскоши жертвуются огромныя суммы денегъ, то еще несравненно болѣе щеголяютъ турки своими трубками: большіе, янтарные мундштуки украшаются у богатыхъ людей драгоценными камнями, и при торжественныхъ случаяхъ гостямъ подаютъ чубуки, изъ которыхъ каждый стоитъ нѣсколько тысячъ франковъ. Когда пылнѣшій бельгійскій король, тогда еще герцогъ брабантскій, посѣтилъ Востокъ и находился въ гостяхъ у Абдулъ-Меджида, ему подали нѣсколько подобныхъ чубуковъ; они, конечно, возбудили его восхищеніе, которое онъ тотчасъ же и выразилъ султану, на что этотъ послѣдній, съ обыкновенною восточною формулою вѣжливости отвѣтилъ ему: «считай ихъ своею собственностью». Само собою разумѣется, что въ устахъ его это было простою фразою, которую никто не счелъ бы серьезною. Но принцъ, въ жилахъ котораго текла кобургская кровь, посмотрѣлъ на это иначе и въ день отъѣзда приказалъ уложить въ свои сундуки всѣ эти вещи, цѣна которыхъ превосходила много сотенъ тысячъ франковъ. Турки, приставленные къ особѣ бельгійскаго наслѣдника, съ ужасомъ и удивленіемъ слѣдили за его сборами и старались объяснить ему слова султана въ ихъ обыкновенномъ восточномъ значеніи; но его высочество не обратилъ на это никакого вниманія, замѣтивъ только, что «султанъ никогда не шутилъ», и дѣйствительно всѣ эти драгоценности отправились съ нимъ вмѣстѣ въ Брюссель. Въ замѣнъ ихъ герцогъ брабантскій прислалъ султану въ подарокъ художественную вазу, укра-

шенную замѣчательными барельефами и гравюрами, но которая по цѣнѣ не равнялась и сотой долѣ того, чего стоили увезенные имъ недобровольные дары.

Въ Персіи выставляютъ на видъ еще болѣе роскоши относительно трубокъ, и вообще персы больше всѣхъ другихъ восточныхъ народовъ, любятъ щеголять своимъ богатствомъ и украшаютъ свои платья, а въ особенности сѣдла (такъ какъ персовъ, вѣрныхъ старому обычаю, все еще можно назвать наѣздническимъ племенемъ *par excellence*), драгоценными камнями и металлами. Домашняя утварь и обѣденная посуда теперь уже рѣже дѣлаются изъ благородныхъ металловъ, и только у богатыхъ семействъ кое-гдѣ можно найти еще серебряные тазы и кувшины для воды, подсвѣчники и тарелки и золотые шербетницы, сохранившіеся отъ добраго стараго времени. Единственную посуду, объ украшеніи которой заботятся теперьшніе турки на Востокѣ, составляютъ маленькія блюдечки для кофейныхъ чашекъ (зарфъ); туземные ювелиры готовятъ филигранной работы и нерѣдко украшаютъ даже драгоценными камнями. Такъ какъ, при постоянно усиливающемся вліяніи западной цивилизаціи, старые турецкіе нравы вытѣсняются все далѣе и далѣе на Востокъ, то и богатое, дорогое оружіе можно найти теперь еще только въ Аравіи и Курдистанѣ, хотя серебряныя или золотыя сабельныя ножны или рукоятки; длинные, дамаскированные, украшенные золотомъ, серебромъ или камнями ружейные стволы, цѣнные ханджары и ятаганы принадлежать уже къ рѣдкостямъ и обыкновенно вывозятся европейскими туристами, жадными до древностей. То цѣнное оружіе, которое привозится на константинопольскій базаръ изъ Румеліи и Анатоліи, тотчасъ же попадаетъ въ потокъ, уносящій всѣ подобныя вещи въ Европу и рѣдко возвращающій что-либо изъ нихъ обратно на Востокъ. Иранъ сохраняетъ въ этомъ отношеніи болѣе оригинальности; хотя фабрикація извѣстныхъ въ древности испаганскихъ и хоросанскихъ клинковъ теперь уже почти что прекратилась, но приличіе все-таки требуетъ, чтобы каждый знатный персіанинъ имѣлъ у себя нѣсколько великолѣпныхъ экзем-

плярровъ оружія. У воинственныхъ среднеазіатовъ, которые уже въ средніе вѣка выказывали большую заботливость объ украшеніи своихъ сабель, кинжаловъ и щитовъ, конечно, еще сильнѣе проявляется страсть къ этому виду роскоши и даръ того или другаго цѣннаго оружія и теперь еще считается равнозначнымъ пожалованію чиномъ.

Чрезвычайно характеристично вообще, что у народовъ Востока на драгоцѣнные камни и благородные металлы смотрять не только какъ на предметы украшенія, но придаютъ имъ сверхъестественное значеніе и считаютъ ихъ талисманами и вѣрными лекарствами противъ многихъ болѣзней. Человѣку, страдающему желтухою, совѣтуютъ носить постоянно при себѣ золотыя монеты, въ томъ убѣжденіи, что желтыя монеты привлекутъ къ себѣ родственный цвѣтъ и уничтожатъ его. Если долго смотрѣть въ свѣтлый кристаллъ алмаза, то мрачныя мысли разсѣваются, заботы всѣ забываются, замѣняясь веселымъ настроеніемъ духа; человѣкъ, унимающійся темно-красными лучами рубина, можетъ опьянѣть и не прибѣгая къ запрещеннымъ напиткамъ. Красный рубинъ и красное вино имѣютъ между собой что-то родственное въ глазахъ мусульманина и оба служатъ метафорою для красныхъ губокъ красавицы. Поэты такъ часто сравнивали рубинъ и вино съ женскими губами, что влюбленный мусульманинъ, цѣлуя холодный камень, дѣйствительно представляетъ себѣ, что получаетъ въ отвѣтъ поцѣлуй горячихъ, дѣвичьихъ губъ. Въ лазури бирюзы отражается воспоминаніе веселыхъ, беззаботныхъ дней и минувшихъ радостей. За этотъ камень, въ особенности когда онъ имѣетъ форму женской груди, часто платили сотни червонцевъ. Мусульманинъ вертитъ и поворачиваетъ эти камни передъ глазами въ надеждѣ открыть въ нихъ какую-нибудь особенную, еще незамѣченную имъ красоту и выражаетъ свое восхищеніе ихъ блескомъ и игрою, глубокими издохами и чувствительнымъ аханьемъ. Каждый камень имѣетъ свою особенную цѣну и свое особенное значеніе. Набожный дервишъ или монахъ украшаетъ поясъ умѣренности своего оборваннаго платья аграфомъ изъ камней, дарованныхъ ему главою его ордена, и скорѣе согласится отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ, отъ всего, что

ему дорого, нежели разстаться съ этою святыней. Я часто наблюдалъ религіозныхъ мечтателей въ то время, какъ они съ смиреннымъ благоговѣніемъ, взирали на особый видъ камней, украшенныхъ жилками и извѣстныхъ подъ названіемъ лунныхъ камней. Камни эти находятся преимущественно въ окрестностяхъ Неджефа, у гробницы Али, и, по понятіямъ магометанъ, жилки на нихъ ни что иное, какъ отдѣльные волосы изъ благословенной бороды чтимаго всѣми героя-калифа. Камни эти привозятся даже на границы Китая, и хотя они очень обыкновенны въ упомянутомъ мѣстѣ и находятся тамъ на поверхности земли, но въ Яркандѣ, въ Кашгарѣ и во всемъ восточномъ Туркестанѣ ихъ охотно обмѣниваютъ на гораздо болѣе драгоценные камни. Въ чудодѣйственныхъ камняхъ, которые по большей части употребляются какъ противоядія, также нѣтъ недостатка; они находятся въ особенномъ почетѣ у сыновъ пустыни, и я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ одинъ случай, который и многимъ изъ моихъ читателей покажется вѣроятно совершенно неправдоподобнымъ, когда туркменскій шейхъ на моихъ глазахъ излечилъ однажды чело-вѣка, укушеннаго ядовитою змѣею, единственно тѣмъ, что чертилъ по ранкѣ отъ укушенія какимъ-то чернымъ камешкомъ, до тѣхъ поръ, пока не прекратилась всякая боль. Многіе мусульмане придаются ревно ѿнымъ поискамъ за камнемъ мудрости и нѣкоторые утверждаютъ даже, что нашли его. У старыхъ развалинъ и вообще въ мѣстахъ, про которыя носятся слухи о колдовствѣ и о проявленіяхъ нечистой силы, часто можно встрѣтить истощеннаго, оборваннаго дервиша, который бродитъ по нимъ цѣлые дни, даже мѣсяцы, не возбуждая ни въ комъ удивленія. «Онъ ищетъ камень мудрости», такъ объясняютъ себѣ его поведеніе и не только никто не мѣшаетъ ему, но его даже снабжаютъ пищею и питьемъ все то время, которое онъ посвящаетъ этому безполезному занятію.

Но наибольшаго своего развитія достигла роскошь на драгоцѣнные камни въ Средней Азіи во время магометанскихъ князей среднихъ вѣковъ. Восточныя и западныя части Стараго Свѣта, не исключая и Европы, получили отсюда большую часть своихъ драгоцѣн-

ныхъ каменьевъ, и распространенные рассказы о дворцахъ багдадскихъ калифовъ, испаганскихъ сѣфевидовъ, индійскихъ князей въ Лагорѣ и тимуридовъ въ Трансоксаніи, нисколько не преувеличены. Берега Аравійскаго залива, Индіи, Бедахшана и Хоразана были тѣми мѣстами, откуда добывались драгоцѣнные каменья; тамъ были найдены тѣ блестящіе солитеры, которые сіяютъ какъ солнце въ діадемахъ многихъ восточныхъ князей, и тамъ алчные повелители имѣли возможность наполнить свои сокровищницы. Паденіе той или другой династіи обыкновенно снова приводило въ обращеніе собранныя сокровища. Въ началѣ они увозились почти всегда на Западъ, но въ послѣдствіи стали попадать также на Югъ и Сѣверъ, и такъ какъ воинственная Азія, истощаемая постоянною анархіею, со времени пробужденія Запада все болѣе и болѣе впадала въ непробудный сонъ, которому суждено можетъ быть перейти въ смерть, то мы должны принять, что неисчислимыя сокровища ея прежнихъ властителей начали постепенно истощаться уже съ самаго конца среднихъ вѣковъ. Многія изъ нихъ были разсыяны по всѣмъ частямъ свѣта; немало изъ нихъ вернулось также обратно въ мрачное лоно земли, и тѣ, которыя находятся еще въ наше время во дворцахъ магометанскихъ князей, представляются намъ въ сравненіи съ прежними жалкою мишурою. Время яркаго блеска и ослѣпительнаго великолѣпія восточной роскоши уже миновало.

Но все, что мы говорили до сихъ поръ о любви къ украшеніямъ, относится только къ мужчинамъ. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о восточныхъ женщинахъ, возбуждавшихъ часто живой восторгъ въ нашихъ поэтахъ и писателяхъ; онѣ еще до сихъ поръ мало извѣстны у насъ. Женщины магометанскаго Востока не принадлежатъ обществу и потому по щегольству и желанію пустить нить въ глаза значительно уступаютъ мужчинамъ. Строго говоря, у нихъ только два различныхъ одѣянія, домашнее и публичное. Дома женщина носитъ одежду изъ прозрачныхъ матерій, легкаго, даже можно сказать легкомысленнаго, покроя. Все направлено къ тому, чтобы выставить ея красоту въ яркомъ свѣтѣ въ глазахъ ея супруга и по-

велителя; но въ то время, какъ въ предѣлахъ гарема, она является въ кокетливомъ и щегольскомъ туалетѣ, за порогъ гарема она можетъ переступить не иначе какъ закутанная покрываломъ и совершенно неузнаваемая. Въ этомъ отношеніи турчанкамъ опять-таки принадлежитъ первое мѣсто, уже по тому вкусу, который онѣ проявляютъ въ своихъ домашнихъ одеждахъ. «Три звука восхищаютъ меня и плѣняютъ мои чувства», говоритъ поэтъ, «цишь! цишь! жаркого,—глюкть! глюкть! бутылки съ виномъ,—и чухъ! чухъ! шуршащаго женскаго платья». Шелковыя шальвары, ниспадающія въ роскошныхъ складкахъ до самыхъ щиколодокъ, дѣйствительно производятъ при ходьбѣ шуршанье, которое, въ ушахъ турка, звучитъ какъ небесная мелодія! Босая ножка скрывается въ крошечныхъ туфелькахъ, которыя мелькаютъ въ складкахъ шальваръ. Бюстъ всегда открытъ, и легкія прозрачныя энтари, подвязанныя поясомъ, образуютъ изящную, фантастическую юбочку. Особенно же привлекателенъ головной уборъ, задорно одѣтый немножко наосторону, изъ подъ котораго ниспадаютъ длинныя, развѣвающиеся локоны. Головной уборъ этотъ состоитъ изъ маленькой шапочки или изъ тонкихъ, какъ паутина, платковъ; онъ чрезвычайно красивъ, необыкновенно идетъ къ шаловливымъ личикамъ рѣзвыхъ красавицъ и такъ молодитъ ихъ, что въ немъ трудно представить себѣ серьезную головку. Турчанки умѣютъ завязывать эти головные платки чрезвычайно скоро, несмотря даже въ зеркало; но тѣмъ не менѣе всѣ бахромки и кисточки расположены такъ живописно, что вполне оправдываютъ восхищеніе восточныхъ поэтовъ. Легкій костюмъ этотъ нисколько не стѣсняетъ движеній. Бѣлыя какъ мраморъ руки выказываются во всей своей пластической красотѣ изъ подъ широкихъ рукавовъ, и все равно сидитъ ли турецкая красавица за пальцами, стоитъ ли скрестивъ руки передъ своимъ повелителемъ, занимается ли домашнимъ хозяйствомъ или рассказываетъ мѣрными шагами по комнатамъ, домашній нарядъ всегда придастъ ей такую очаровательную прелесть, какъ ни одинъ дамскій костюмъ во всемъ свѣтѣ. Къ сожалѣнію, явленіе это представляется намъ совершенно одиночнымъ. Если отъ ханимовъ турец-

каго гарэма мы перайдёмъ къ женщинамъ въ Персіи, Авганистанъ и Средней Азіи, то у нихъ не найдемъ ни слѣдовъ поэзіи, ни признака вкуса. Дочери Ирана своими нижними юбочками, перенатыми у индійскихъ баядерокъ, съ короткими, покрывающими только грудь верхними рубашками, съ красными ногами и взбитою головною прическою, съ руками и затылкомъ, обезображенными татуированіемъ, скорѣе напоминаютъ безвкусно-одѣтыхъ гетеръ, чѣмъ тѣхъ скромныхъ розъ или очаровательныхъ красавицъ, которыхъ воспѣваютъ туземные поэты. Во всемъ ихъ существѣ, также какъ и въ ихъ нарядахъ, сказывается распущенность и неэстетичность; они представляются намъ воплощеніемъ гаремной оргіи и, кромѣ того, свидѣлствуютъ о привычкахъ къ мотовству. Верхній покровъ, спадающій въ роскошныхъ складкахъ съ боковъ, состоитъ у богатыхъ изъ драгоценныхъ шалей, такъ что подобное верхнее платье стоитъ часто гораздо болѣе 100 червонцевъ. Но, въ свою очередь, какъ бѣдны, неуклюжи и неизящны кажутся намъ жены узбековъ даже въ сравненіи съ персіянками! Гаремное затворничество, азіатское варварство, магометанская суровость и нищета, все способствовало къ обезображенію ихъ нарядовъ. Во многихъ частяхъ Средней Азіи сомнительно даже, существуетъ ли специальное женское платье; по крайней мѣрѣ я слышалъ во многихъ мѣстахъ, что многія части одежды служатъ какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ. Шальвары, рубашка и куртка одинаковы у обоихъ половъ. Часто женщину можно отличить отъ мужчины только по большей яркости увѣшивающихъ ее лоскутковъ коленкора или мебельной матеріи. Жена узбека или таджика завертывается даже и дома въ широкія складки, она закутана одинаково какъ зимою, такъ и лѣтомъ; даже о волосахъ заботятся онѣ только въ ранней молодости; старыя же матроны считаютъ ихъ совершенно бесполезнымъ и очень неудобнымъ придаткомъ, поэтому стригутъ ихъ очень коротко. Прозрачныя кисеи, тонкія шелковыя матеріи, искусно сплетенныя кружева—все эти и многіе другіе наряды женщинъ на Босфорѣ, замѣнены здѣсь свѣтлою парусиною, привозимою изъ Россіи, которая отчасти идетъ на безвкусную конусообраз-

ную чалму, отчасти же обвертывается въ видѣ колбасы вокругъ ногъ. У среднеазіатовъ, конечно, нѣтъ недостатка въ тяжелыхъ шелковыхъ матеріяхъ, какъ напр. кимчай, дарай и этресь, но онѣ идутъ только на мужскія одѣянія и служатъ единственно для украшенія мужчинъ. Этотъ варварскій обычай лишать женщинъ всѣхъ нарядовъ и всякихъ украшеній, распространенъ впрочемъ только въ Трансоксаніи и Авганистанѣ; въ магометанской Индіи, хотя религіозныя правила соблюдаются такъ же строго, но старыя индійскія законы уже значительно смягчены; даже и въ Бухарѣ, повидимому, не всегда господствовалъ этотъ обычай, такъ какъ исторически доказано, что во время процвѣтанія тимуридовъ женщины являлись публично. Но въ настоящее время бѣдный прекрасный полъ находится въ очень печальномъ состояніи относительно своей одежды, нарядовъ и украшеній.

Домашній костюмъ женщинъ магометанскаго Востока вѣроятно возбудитъ поэтому разочарованіе во многихъ изъ моихъ читателей, привыкшихъ представлять себѣ все въ волшебномъ свѣтѣ «Тысячи одной ночи», или въ тѣхъ яркихъ, фантастичныхъ краскахъ, которыми обилуютъ описанія восторженныхъ европейскихъ поэтовъ. Та одежда, въ которой женщины являются въ публичныхъ мѣстахъ, еще гораздо невзрачнѣе ихъ домашняго костюма. Впрочемъ, что я говорю объ «одеждѣ?» Правильнѣе было бы говорить о покровѣ, который совершенно окутываетъ ихъ, или о тираннической маскѣ, за которою даже самая чудная красавица, со всѣмъ совершенствомъ своихъ юныхъ формъ, покажется старою и неуклюжею. Въ сравнительно цивилизованной части западной Азіи этотъ покровъ принимаетъ форму плаща (фередже), верхній воротникъ которой спускается спереди и сзади до колѣнъ и не застегивается, а придерживается руками на груди. Во время ходьбы верхняя часть такъ широко открывается, что почти спадаетъ съ плечъ, но за то нижняя часть обхватываетъ тѣло такъ плотно, что даже мѣшаетъ ходьбѣ и обрисовываетъ именно тѣ части тѣла, которыя наши дамы умѣютъ такъ искусно скрывать въ цѣломъ морѣ складокъ. Верхнюю часть тѣла прикрываетъ у ту-

рецкихъ дамъ либо широкій, плотно сложенный тюлевый шарфъ, либо шаль, на головѣ же онѣ носятъ уже довольно извѣстный въ Европѣ яшмакъ, вуаль, который конечно скорѣе можетъ возвысить красоту, нежели скрыть ее, такъ какъ глаза, носъ и ротъ остаются открытыми, а сильно нарумяненные щеки и подрисованныя брови, видимыя сквозь прозрачный газъ, могутъ показаться неопытному взгляду вполне естественными.

Эта очень сложная мода турецкихъ дамъ составляетъ изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Какъ видно по старымъ гравюрамъ, она не существовала ни въ 17, ни въ 18, ни даже въ началѣ 19 столѣтія, да и въ настоящее время, во всѣхъ частяхъ Оттоманской имперіи, встрѣчается только у женъ турецкихъ чиновниковъ. Аравитянки и персіянки внѣ дома не пользуются преимуществами ни турецкаго яшмака, ни кокетливой фередже. Выходя изъ дому, онѣ заворачиваются въ темный полотняный платокъ, называемый чадра (палатка или покрывало), верхніе концы котораго засовываются за поясъ; тогда какъ нижніе надо поддерживать руками, и это такъ обезображиваетъ несчастныхъ дамъ, что издали ихъ можно принять скорѣе за ходячіе мѣшки или за бродячихъ мумій, чѣмъ за хорошенькихъ женщинъ. Лицо ихъ прикрываетъ полотняный платокъ въ видѣ полотенца, называемый рубандъ, т. е. личный оковы, который переходитъ передъ глазами въ густую сѣтку, пропускающую лишь очень небольшое количество свѣта. У богатыхъ эти рубанды украшаются иногда аграфами изъ благородныхъ металловъ или драгоценныхъ камней, что всегда напоминало мнѣ роскошный замокъ у тюремной двери. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы на Востокъ, тѣмъ сложнѣе и непроницаемѣе дѣлается эта чадра, а въ Туркестанѣ ханжество дошло до того, что совершенно сравняло одежды мужчинъ и женщинъ, чтобы такимъ образомъ, отнявъ всякія внѣшнія различія между обоими полами, не допустить даже возможности грѣховнаго кокетства. Здѣсь, несчастныя дочери узбековъ должны накидывать на себя длинные халаты съ непомятно длинными рукавами; полы ихъ доходятъ до самыхъ ногъ и между тѣмъ какъ имъ приходится поддерживать су-

дорожно сжатыми руками переднюю часть этого одѣянія, голова ихъ прикрывается толстою сѣтью изъ конскаго волоса, такъ что въ подобной одеждѣ онѣ уже, конечно, никого прельстить не могутъ. Въ Турціи и Персіи часто удается даже безъ всякой дерзости или нескромности подглядѣть ту или другую красавицу въ то время, когда она приподнимаетъ свой бѣлый визирь, чтобы выпить глотокъ воды или выкурить трубку, но въ Туркестанѣ что-либо подобное считалось бы смертнымъ грѣхомъ, и женщина на улицѣ скорѣе согласилась бы сломать себѣ руку или ногу, чѣмъ на минуту показать свое лицо непокрытымъ. Но то, что всего болѣе поражаетъ насъ на отдаленныхъ границахъ Ислама, это то, что всѣ женщины, подобно другимъ своимъ сестрамъ, прилежно занимаются изготовленіемъ разныхъ нарядовъ, очень искусно вышиваютъ и ткутъ тонкія матеріи, но не смѣютъ употреблять эти произведенія своихъ трудовъ и искусства для собственнаго украшенія. На базарахъ главныхъ городовъ Трансоксаніи часто попадаются дѣйствительно образцовыя вышивки, но всѣ онѣ назначены только для мужчинъ. Цѣлые мѣсяцы, иногда даже цѣлые годы, должна трудиться бѣдная женщина надъ какимъ нибудь великолѣпнымъ нарядомъ и можетъ порадоваться своей работѣ только тогда, когда онъ украшаетъ ея господина, въ большинствѣ случаевъ ея тирана.

Украшенія женщинъ магометанскаго Востока назначаются главнымъ образомъ для ихъ домашняго наряда. Турчанки украшаютъ преимущественно голову и шею. Въ первомъ случаѣ хорошенькая шапочка или задорно повязанный платочекъ увѣшиваются дорогими жемчужными нитями, брилліантовыми аграфами или украшаются діадемами; на шеѣ же висятъ драгоцѣнныя ожерелья, спускаясь до самой груди. Кольца носятъ только старыя женщины, браслеты же, напротивъ того, служатъ украшеніями для молодыхъ. Серьги находятся въ повсемѣстномъ употребленіи, но кольца въ носу никогда не обезображивали турецкихъ дамъ. Этой, теперь уже отживающей моды, придерживаются искони только женщины Аравіи и кочующихъ племенъ, а у турчанокъ и персіянокъ это украшеніе попадаетъ развѣ только

въ видѣ исключенія. Болѣе распространено оно у народовъ Средней Азіи, гдѣ иная высокорожденная дочь узбека навѣшиваетъ иногда на свой носикъ такой тяжелый грузъ, что невольно начинаетъ гнустись при разговорахъ.

Въ послѣдніе упомянутыхъ нами странахъ маленькіе или большіе вѣнцы изъ серебра или латуни также употребляются въ видѣ головного убора. Кромѣ того, всѣ женщины увѣшиваютъ себя большимъ числомъ амулетовъ, причемъ менѣе обращается вниманіе на чудодѣйственную силу таинственныхъ словъ, чѣмъ на цѣнный, тяжелый футляръ; подобно тому, какъ узбекъ считаетъ, что лошадь его достаточно украшена только тогда, когда звонъ и бряцанье сопровождаютъ каждый шагъ ея, такъ и нарядомъ своей жены онъ доволенъ лишь тогда, когда она не можетъ ступить безъ того, чтобы увѣшивающія ее побрякушки, ударяясь другъ о друга, не производили звонкаго шуршанья. Посѣтители послѣдней географической выставки въ Парижѣ, незнакомые съ этимъ обычаемъ, постоянно принимали эти странныя украшенія ханскаго гарема въ Хивѣ, вывезенныя русскими какъ трофеи съ береговъ Оксуса на берега Сены, за висюльки какого-нибудь роскошнаго сѣдла; и дѣйствительно, въ глазахъ каждаго разумнаго человѣка побрякушки эти должны казаться болѣе умѣстными на шеѣ лошади, чѣмъ на груди молодой женщины.

Кушанья.

Словами: «Jemek tschikti» (кушанье подано) призываются къ столу какъ мужскіе, такъ и женскіе члены семейства. Какъ уже упомянуто выше, гаремъ и селамликъ имѣютъ въ богатыхъ домахъ отдѣльныя кухни, отдѣльныя столовыя и различное обѣденное время. Такъ какъ мущины обѣдаютъ обыкновенно въ первомъ этажѣ дома, то я попрошу тебя, любезный читатель, послѣдовать вмѣстѣ со мною, послѣ провозглашенія «Jemek tschikti» за айвомъ (армянскимъ слугою), который подымается по лѣстницѣ, неся на головѣ большой круглый, тяжелый подносъ съ разными блюдами. Въ просторной передней его уже ожидаютъ нѣсколько голодныхъ лѣнтяевъ, которыхъ здѣсь называютъ слугами; они снимаютъ у него съ головы его благоуханную ношу и ставятъ ее на полъ. Въ то время, какъ айвы и слуги окружаютъ круглый подносъ, открываются постепенно нѣсколько боковыхъ дверей, черезъ которыя входятъ всѣ члены семейства, участвующіе въ обѣдѣ. Обѣденный столъ такъ простъ, какъ только возможно. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ онъ состоялъ просто изъ круглаго стола, возвышающагося не болѣе какъ на поларшина отъ пола, вокругъ котораго *more consueto* разсаживались на корточкахъ гости. Въ настоящее же время цивилизація *à la française* ввела въ употребленіе круглый столъ съ одною ножкой, на который ставится зини (круглое блюдо изъ желтой мѣди) съ нѣсколькими лож-

ками и порціями хлѣба; что же касается ножей и вилокъ, то современный восточный этикетъ все еще не можетъ примириться съ ними. Колоть и рѣзать дары Божіе считается дѣломъ грѣховнымъ. Къ тому же, ножи и вилки дѣйствительно оказываются почти излишними, такъ какъ даже твердыя кушанья развариваются такъ, что распадаются на куски при малѣйшемъ прикосновеніи.

За подобнымъ столомъ разсаживаются всѣ участвующіе, какъ кому угодно; только гостямъ назначаютъ, сообразно ихъ чину, мѣста подлѣ хозяина дома. Послѣдній подастъ знакъ, обыкновенно ударяя въ ладоши, и официантъ ставитъ на столъ блюдо, полученное имъ уже изъ третьихъ рукъ; хозяинъ первый выбираетъ себѣ изъ него пальцами кусокъ, а примѣру его слѣдуютъ и остальные. Изъ каждаго блюда удастся взять никакъ не больше пяти кусковъ, такъ какъ тепы обѣда обыкновенно очень обилень и блюда поэтому смѣняются чрезвычайно быстро. Только-что намѣреваешься полакомиться какимъ-нибудь кушаньемъ, какъ вотъ уже раздается повелительное «каль-диръ» (снимай), и лакомое блюдо тутъ же исчезаетъ со стола. Вино или спиртные напитки рѣдко подаются во время обѣда, и слуги, стоящіе позади стульевъ, подаютъ только стаканы съ водою. Избалованнаго европейца довольно непріятно поражаетъ, что ему приходится ѣсть сладкія, кислыя, соленыя и прныя кушанья изъ той же посуды, такъ какъ восточный обѣденный этикетъ не предписываетъ перемѣны тарелокъ; въ замѣнъ этого онъ дозволяетъ кончику языка извѣстную вольность, которую европейецъ привыкъ считать довольно неэстетичною. Но и у самихъ мусульманъ можно замѣтить въ этомъ отношеніи національные оттѣнки. Въ лучшемъ старо-турецкомъ обществѣ дозволяется подвергать этому примитивному омовенію указательный, третій и четвертый пальцы; въ Персіи эта вольность распространяется на всѣ пять пальцевъ, но только до перваго сустава, тогда какъ авганамъ и татарамъ предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода. Вообще за обѣдомъ всѣ хранятъ глубокое молчаніе, прерываемое только шагами слугъ; разговоры, эта соль европейскихъ обѣдовъ, совершенно тамъ неизвѣстны, и несмотря на значительное

число блюдъ, отъ 4 до 16, весь обѣдъ въ знатныхъ турецкихъ домахъ, рѣдко продолжается болѣе полчаса.

Обѣденный этикетъ повсюду одинаковъ во всей Оттоманской имперіи; онъ представляетъ намъ смѣсь старо-турецкихъ и греческихъ обычаевъ и уже значительно разнится отъ персидскаго. Въ Иранѣ, этой предполагаемой странѣ утонченнаго восточнаго вкуса, чужестранная мода еще не ввела въ употребленіе столовъ и стульевъ; здѣсь обѣдаютъ еще, сидя на полу, и различныя кушанья ставятся на турецкій или туркменскій коверъ, а иногда и на войлочную циновку, и притомъ не подаются поочередн, а ставятся всѣ заразъ.

Обѣдающіе не поджимаютъ ногъ какъ турки, а сидятъ на корточкахъ и наклоняются къ столу съ извѣстною осторожностью, чтобы не запачкать бороды маленькими остатками кушаній. Лѣвую руку они держатъ на груди, часто даже прячутъ ее въ складкахъ одежды и дѣйствуютъ только правою рукою и притомъ съ извѣстною граціей. Гости выхватываютъ себѣ по произволу куски варенаго или жаренаго мяса, различныхъ пилавовъ, овощей, пирожныхъ и т. д., не стѣсняясь выборомъ и вкусомъ хозяина дома или другихъ гостей. Лишь насытивъ нѣсколько свой аппетитъ, берутся они за длинные, передаваемые другъ другу полотенца, чтобы смести съ себя слѣды того или другого кушанья, или же утоляютъ свою жажду глотками шербета. Вообще можно сказать, что въ турецкихъ домахъ больше заботятся о чистоплотности, нежели въ персидскихъ, и всего яснѣе проявляется это именно въ обѣдахъ. Турокъ хорошаго общества очень заботится о своихъ вышитыхъ золотомъ гавлю (салфеткахъ), тогда какъ персіяне употребляютъ обыкновенно одно длинное полотенце изъ коленкора, которое разстилается на колѣни всѣхъ собравшихся гостей и о которыхъ они вытираютъ себѣ руки, ротъ и бороду. Въ тотъ же кусокъ коленкора завертываютъ потомъ и остатки кушаній для слѣдующаго дня. Турокъ, до и послѣ обѣда, тщательно вымываетъ себѣ руки и бороду, даже полощетъ иногда ротъ; персіянинъ же довольствуется лишь нѣсколькими каплями холодной воды и притомъ видитъ въ этомъ не болѣе какъ религіозную церемонію.

Въ отдаленной Азіи, на восточной границѣ мусульманскаго міра, дѣло обходится еще примитивнѣе, и конечно читатель, услышавши одно имя узбека, авгана, туркмена или киргиза, не станетъ уже ожидать отъ меня привлекательныхъ или изящныхъ описаній. Обычаи этихъ племенъ, несмотря на тысячелѣтнее существованіе Иранской культуры, дѣйствительно представляютъ мало привлекательнаго. Среднеазіатъ, правда, при каждомъ удобномъ случаѣ, много разъ въ теченіи одного дня, прибѣгаетъ къ своему дестурхамъ (скатерть); онъ разстилаетъ ее передъ каждымъ посѣтителемъ и предлагаетъ ему обильную пищу, но въ домѣ его даже ложка составляетъ рѣдкость; въ дѣло употребляются не только пальцы, но и вся рука; салфеткою служить рукавъ или полы кафтана, и весь обѣденный этикетъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ дома, отъ времени до времени, расколеть кость для гостя или подать ему комокъ жира. — «*Infandum iubes renovare dolorem!*» Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ содраганія о тѣхъ обѣдахъ, въ которыхъ мнѣ приходилось участвовать подъ войлочными палатками или въ глиняныхъ хижинахъ въ тѣхъ странахъ, тогда даже воспоминанія о персидскихъ и турецкихъ обѣдахъ вызывали во мнѣ умиленіе.

Описавши обѣденный этикетъ, скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ кушаньяхъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто на всемъ азіатскомъ материкѣ, отъ Китая до Адри, принадлежитъ безспорно рису, и различные способы его приготовленія такъ же многочисленны, какъ классификаціи его потребителей. Въ составъ средне-азіатскаго аша или пилава входитъ нѣсколько различныхъ ингредиентовъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ риса, маркови, сушеныхъ сливъ и мяса, само собою разумѣется съ обильною приправою бараньяго жира. Это кушанье происходитъ изъ туранской возвышенности, отсюда оно перешло къ авганамъ, которые поэтому называютъ его узбекскимъ пилавомъ, а отъ нихъ оно, въ свою очередь, перешло къ персамъ, называющимъ его авганскимъ пилавомъ. Здѣсь собственно находится географическая граница этого способа приготовленія риса. Персы не мало гордятся своею національною кухнею, въ которой дѣйствительно находится

длинный списокъ различныхъ родовъ чилава и пилава, изъ которыхъ первый служить, впрочемъ, не болѣе какъ приправою къ мяснымъ и молочнымъ блюдамъ. Кромѣ того, персіянинъ различаетъ красный, бурый и желтый пилавы. Цѣлыя провинціи употребляютъ рисъ вмѣстѣ хлѣба; вареный рисъ носятъ при себѣ въ карманѣ пояса, и безъ него немислимъ ни одинъ обѣдъ. Замѣчательно, что къ западу отъ персидской границы важность этого кушанья уменьшается потому что, хотя и у турокъ ни одинъ обѣдъ не обходится безъ риса, но не надо забывать, что у нихъ пилавъ только заканчиваетъ обѣдъ, тогда какъ на Востокѣ онъ составляетъ главное кушанье. Въ простонародьи еще сохранилось пристрастіе къ пилаву, богатые же люди, насытившись уже передъ тѣмъ различными другими кушаньями, обыкновенно едва прикасаются къ нему.

Послѣ риса первое мѣсто занимаютъ овощи и плоды. Эти послѣдніе у нихъ по большей части тѣже, какъ и у насъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ видовъ тыквъ, бамія и патлидчана (баклажана). За турецкимъ обѣдомъ подаются очень часто отъ 6 до 8 различныхъ блюдъ изъ этихъ овощей, которыя приготавливаются здѣсь очень вкусно, но въ Персіи совершенно несъѣдобны для европейца. Персіяне употребляютъ очень много овощей въ сыромъ видѣ, а именно огурцы, латукъ, лукъ, крессъ и т. д. Въ средней Азіи и у авгановъ овощи рѣдко ѣдятъ вареными, но зато потребляютъ ихъ во множествѣ сырыми. Не надо забывать также о различныхъ родахъ фаршированныхъ овощей, называемыхъ дольма, изъ которыхъ такъ назыв. яланджи-дольма (лже-фаршъ) слыветъ въ Турціи большимъ лакомствомъ. Ее приготавливаютъ не на говяжьемъ жирѣ, а на прованскомъ маслѣ, и такъ какъ ѣдятъ холодною, то она очень удобна во время путешествій, на охотѣ и для деревенскихъ пикниковъ.

Мясо занимаетъ лишь третье мѣсто; ни по качеству, ни по приготвленію, оно не можетъ считаться такимъ же питательнымъ какъ у насъ въ Европѣ. Обыкновенно ѣдятъ баранину, а говядину употребляетъ лишь простонародье въ Персіи и нѣкоторыя, болѣе бѣдныя кочующія племена средней Азіи. Мусульманинъ расточаетъ вос-

торженные похвалы мясу различных караманских и кивирджикских породъ и справедливо, потому что дѣйствительно оно очень вкусно, хотя все иначе и далеко не такъ питательно какъ говядина; какъ уже было замѣчено, его развариваютъ до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ мягкимъ какъ масло. Само собою разумѣется, что и домашними птицами не пренебрегаютъ, но приготовленіе ихъ, за недостаткомъ соусовъ, не удовлетворяетъ вкусу европейца. Самыя извѣстныя мясныя блюда слѣдующія: *яна* (просто вареное мясо съ большимъ количествомъ бульона, *кебабъ* или *шини-кебабъ* (мелкіе куски мяса приготовленные на вертелѣ), *кйма* (рубленное мясо) и еще много другихъ, за болѣе подробными свѣдѣніями о которыхъ мы отсылаемъ любителей къ турецкой поваренной книгѣ, изданной въ Лондонѣ въ 1859 году.

Я едва не забылъ упомянуть о пирожныхъ, называемыхъ у турокъ татлиликъ, а у персовъ ширини, и безъ которыхъ не обходится ни одинъ обѣдъ, даже самый скромный. Безчисленные виды халвы (приготовленные изъ рисовой муки и сахара) различаются по запаху и цвѣту. Не менѣе великъ и списокъ бѣрековъ, мучное блюдо въ родѣ нашихъ колдуновъ, только начиненныхъ обыкновенно шпінатомъ. Очень любима также баклава, тѣсто, пропитанное масломъ и сахаромъ, и въ истребленіи его турецкій желудокъ поистинѣ совершаетъ чудеса. Персидскія лакомства отличаются большею элегантностью; въ свое время одинъ хаджи Бекиръ пользовался большою славою въ приготовленіи рахат-лукума (отрада глотки), и издѣлія его вывозились въ большомъ количествѣ въ Европу. Персидскія конфеты очень распространены въ Турціи, Аравіи и Египтѣ. Прибывшему гостю, герою дня, подносятъ въ видѣ поздравленія цѣлыя коробки конфетъ, а на огромныхъ деревянныхъ подносахъ (гонджа), на которыхъ, во время свадебъ, безчисленная прислуга разноситъ свадебные подарки, обыкновенно красуется нѣсколько дюжинъ коробокъ съ конфетами. Даже на любовномъ языкѣ разноцвѣтныя конфеты играютъ роль толмача при любовныхъ изліяніяхъ, и человекъ, желающій дѣлать побѣды

надъ сердцами азіатскихъ красавицъ, долженъ знать не только языкъ цвѣтовъ, но и языкъ конфетъ.

Да позволить мнѣ читатель заключить эту часть моихъ описаний нѣсколькими общими замѣчаніями. Роскошь, относительно кушаний и посуды, вообще далеко несоотвѣтствующая нашимъ понятіямъ, значительно уменьшилась за послѣднее время на Востокѣ, соотвѣтственно общему упадку. Въ средніе вѣка богатые и знатные мусульмане отличались безграничнымъ гостепріимствомъ и на содержаніе ихъ огромной свиты требовалась огромная кухня и баснословное количество разныхъ припасовъ. О нѣкоторыхъ правителяхъ рассказываютъ, что на хозяйство ихъ шли ежедневно сотни штукъ рогатаго скота и барановъ, сотни центнеровъ жиру, даже сотни центнеровъ пряностей. О послѣднемъ изъ Сафаридовъ, побѣжденномъ великимъ Саманидомъ, рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Князь этотъ, взятый въ плѣнъ, въ день своего пораженія, поручилъ простому солдату приготовить себѣ скромный ужинъ въ горшкѣ съ узкимъ горлышкомъ. Когда кушанье было готово, его поставили на землю, чтобы дать простыть; въ это время къ нему подкралась голодная собака и всунула голову въ горшокъ, но такъ какъ не могла вытащить ее обратно, то въ испугѣ убѣжала съ горшкомъ и содержимымъ. При видѣ этого потѣшнаго зрѣлища, князь громко разсмѣялся. «Скажи ради Бога, — спросили у него приближенные, — что въ состояніи разсмѣшить тебя въ теперешнемъ твоёмъ положеніи?» «Посмотрите, — отвѣчалъ князь, — не далѣе какъ сегодня поутру управляющій мой доложилъ мнѣ, что для перевозки моей кухни едва ли достанетъ 300 верблюдовъ, а теперь одна тощая собака уноситъ и посуду и ужинъ. Не странныя ли бываютъ прихоти у судьбы?» Восточные историки рассказываютъ дѣйствительно невѣроятное о роскоши стола нѣкоторыхъ историческихъ знаменитостей. На пиршествахъ ихъ передъ гостями ставились сотни жареныхъ барановъ, лошадей и верблюдовъ и цѣлые ряды сосудовъ съ молокомъ и медомъ. Особенно отличались въ этомъ отношеніи Тимуръ и персидскій шахъ Сулейманъ, но въ особенности довели свою роскошь почти до баснослов-

наго нѣкоторые турецкіе султаны. Если сохранившіяся описанія хотя на половину справедливы, то всѣ попытки этого рода новѣйшаго времени, напр. великій 40-дневный пиръ Абдуль-Меджида въ 1857 году, о которомъ такъ много говорили въ то время въ Европѣ, покажутся намъ ничтожными и жалкими въ сравненіи съ безграничною расточительностью прежнихъ временъ. Но если турки утратили славу своего прежняго великолѣпія, то они вполне сохранили репутацію невоздержности въ ѣдѣ. «Аравитянинъ ѣстъ покуда насытится, турокъ до тѣхъ поръ, пока готовъ лопнуть», такъ говоритъ пословица, и я могъ убѣдиться по собственному опыту, что она не лишена основанія, хотя и противорѣчитъ прекрасному четверостишію, которе Фуадъ-паша, остроумнѣйшій турокъ новаго времени, велѣлъ вырѣзать золотыми буквами на стѣнѣ столовой въ своей прелестной виллѣ въ Канлиджа. Четверостишіе это, принадлежащее перу Калифа Али, можно перевести слѣдующимъ образомъ:

La takun bil-'ejschi merûh al-fue' âd
 Inn er rizk min el Allah kerim
 Kun ghanijj al kalbi w-akna'bil kalil
 Mut falâ tatlub ma'ischan min la'im.

Не мучь свое сердце заботами о пищѣ,
 Ее намъ посылаетъ всемілостивый Богъ,
 Сохраняй веселый духъ и довольствуйся малымъ. .
 Умри! но не принимай пищи отъ ничтожныхъ людей!

Попойка.

Вечеръ! Одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, чудныхъ осеннихъ вечеровъ, прелесть которыхъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе на тѣхъ, кто имѣлъ случай видѣть ихъ на берегахъ Босфора. Последніе лучи заходящаго солнца окружаютъ волшебнымъ сіяніемъ развалины Румели-Гиссара и бросаютъ блѣдный отблескъ на великолѣпный лѣтній кіоскъ Абдулъ-Меджида и на весь длинный рядъ Яли Каулиджія, Чибуклу, Хункиаръ-Скелесси до самаго замка Бейкосъ съ его многочисленными террасами. Въ воздухѣ царитъ невозмутимая тишина, темно-синія волны Босфора, волнуемая въ теченіе дня свѣжимъ поирадомъ (сѣвернымъ вѣтромъ), теперь улеглись совершенно. Наши кайки (гребцы), которые въ теченіи всей дороги, отъ сераля до быстрины Кандилли, двигали стройную лодку сильными ударами веселъ, теперь также предаются покою и широкими свѣжно-бѣлыми рукавами своихъ рубашекъ отираютъ потъ съ своего разгоряченнаго лба. И мы всѣ, сидящіе въ лодкѣ, мой начальникъ, два хранителя печатей, секретарь и остальная свита, вдыхаемъ полною грудью свѣжій воздухъ, который шлетъ намъ отецъ Борей изъ отдаленнаго сѣвера, изъ той страны, которую фантазія наша окружаетъ обыкновенно чудовищными призраками, но которая круглый годъ снабжаетъ жителей Стамбуль жиромъ *) и кромѣ того посылаетъ имъ благо-

*) Употребляемое въ Константинополѣ сало называется сибир-яги—сибирское сало и привозится сюда изъ Россіи.

творную для ихъ нервовъ прохладу. Проѣзжая мимо оконъ и садовъ различныхъ виллъ, мы замѣчаемъ многихъ изъ знакомыхъ намъ пашей, эфенди или беевъ, которые, закутавшись въ свои лѣтнія шубы, сидятъ, скрестивъ ноги въ уголку дивана, и посвящаютъ все свое вниманіе стоящему передъ ними подносу съ маленькими бутылками, графинчиками, рюмками и тарелками. Но вотъ мы достигли Искелле (пристани), гдѣ черные и бѣлые слуги уже дожидаются прибытія нашей лодки, осторожно схватываютъ нашу подъ руки, помогаютъ ему сойти на берегъ и мѣрными шагами сопровождаютъ хозяина дома черезъ длинную переднюю до занавѣса гарема.

Въ это время въ одной изъ комнатъ селамлика слуги уже разставили на одномъ или нѣсколькихъ подносахъ все нужное для нашего чакмака (пирушки). Это должно служить только приготовленіемъ и, такъ сказать, подстрекнуть нашъ аппетитъ, въ родѣ русскихъ закусокъ и французскаго *absinthe*; поэтому все приготовлено въ маленькихъ размѣрахъ. Графины съ водой и бутылки раки наполнены только до половины, точно также какъ и маленькія фарфоровыя блюда, содержимое которыхъ поражаетъ только своимъ качествомъ. Оно состоитъ изъ ломтиковъ хлѣба, цикорнаго салата, холоднаго угря, селедки, соленнаго языка и холоднаго жаркого; все это окружено фисташками, жаренымъ горохомъ, лѣсными орѣхами и безчисленнымъ множествомъ лакомствъ, извѣстныхъ надъ общимъ именемъ *мецэ* (сласти). Все это должно возбудить нашу жажду и заставить насъ быстрѣе взяться за бокалы. Непосвященный могъ бы пожалуй назвать такую закуску обѣдомъ, а не приготовленіемъ къ нему, и дѣйствительно, многіе принимаютъ за нее съ такимъ жаромъ, что у нихъ не остается силъ для самаго дѣла; но таковъ ужъ древній обычай, и чѣмъ больше число блюдъ, тѣмъ больше ожидаютъ удовольствія отъ предстоящей попойки.

Въ упомянутой мною залѣ собралось между тѣмъ все мужское общество—члены семейства, закутанныя въ голубыя, лиловыя, желтыя или зеленныя шубы, а гости въ обычныхъ сатри. Всѣ расположились соотвѣтственно своему положенію. Въ комнатѣ господствуетъ

молчаніе. Глаза у всѣхъ гостей какіе-то томные, члены вялые; на всѣхъ видны явные слѣды утомленія, причѣмъ я не берусь рѣшить, есть ли это слѣдствіе напряженной дѣятельности въ присутственныхъ мѣстахъ Порты, или же продолжительнаго лентяйничества и чрезмѣрнаго употребленія кофе. Но какъ бы то ни было, всѣ эти господа кажутся утомленными, и вялыми. Но вотъ самый знатный изъ всего общества подаетъ знакъ, сопровождаемый возгласомъ «гельзинъ» (начинайте) и первый рядъ бокаловъ обносится кругомъ. Присутствовавшіе слуги исполняютъ роль виночерпѣевъ. Одному подаютъ они рюмку раки, вмѣстѣ со стаканомъ воды, другому предлагаютъ блюдо съ мецѣ. При этомъ считается неприличнымъ выказывать излишнюю жадность. Поэтому всѣ гости, слегка наклоня голову и едва вытягивая руку, берутъ то, что предлагаютъ имъ слуги, пропускаютъ это въ себя какъ бы нехотя и затѣмъ снова опускаются въ мягкія подушки дивана. Также комедія повторяется одинъ, два или три раза сряду. Между тѣмъ мастика (водка) начинаетъ производить свое дѣйствіе; какъ будто электрическая искра прошла по всѣмъ присутствующимъ; головы, руки и ноги начинаютъ двигаться бодрѣе и оживленнѣе, глаза блестятъ необыкновенною рѣшимостью и всѣ видимо начинаютъ восхищаться зрѣлищемъ вечернихъ сумерекъ на Босфорѣ. «Черезъ твои очки», слышу я, говорить одинъ турокъ европейцу, «ты никогда не будешь въ состояніи оцѣнить всѣ красоты нашего Богазичи (Босфора), лучше взгляни на нихъ черезъ двѣ рюмки водки; онѣ оживятъ твое зрѣніе и покажутъ тебѣ все, какъ бы окруженнымъ блестящимъ сіяніемъ».

Первая четверть часа пирушки уже прошла, и вся картина нѣсколько измѣнилась. Подчиненные, окружавшіе сначала своего начальника съ почтительною робостью, мало по малу откладываютъ въ сторону всякую застѣнчивость, удерживавшую ихъ на мѣстахъ. Не дожидаясь слуги, каждый хватается самъ за рюмку, всѣ смотрятъ въ глаза начальнику, и такъ какъ къ своей радости замѣчаютъ, что этотъ послѣдній подмигиваетъ имъ одобрительно, то вскорѣ изъ комнаты изгоняютъ всѣхъ слугъ и гости сами принимаютъ на себя роль

ганимедовъ. Можетъ ли секретарь или статскій совѣтникъ NN лучше изъявить свою преданность, какъ взявшись самъ прислуживать своему начальнику. Рюмки, предлагаемая эфенди, опоражниваются скорѣе, такъ какъ вѣжливость не позволяетъ заставлять его долго ждать, и гости, сидѣвшіе въ началѣ такъ тихо и чинно другъ возлѣ друга, теперь становятся все оживленнѣе и шумнѣе; важные и неважные— всѣ теперь перемѣшаны—попойка достигла своей второй стадіи.

Вотъ уже третья четверть часа приходитъ къ концу. Никого изъ слугъ не остается въ комнатѣ; отъ времени до времени только появляется тотъ или другой изъ нихъ, чтобы наполнить опорожненные графины раки изъ большого сосуда (хассирлика) въ кладовой, или подать еще блюдо съ мецэ; вообще же общество предоставляется самому себя, такъ какъ проявленія веселости становятся настолько шумными и несдержанными, что заставляютъ желать нѣкоторой исключительности. Тотъ, кому случилось бы вступить въ это время въ кругъ пирующихъ, былъ бы пораженъ исчезновеніемъ всякихъ официальныхъ различій, образующихъ обыкновенно такую непроницаемую стѣну въ обществѣ. Подчиненный, который въ обыкновенное время никогда не забываетъ о своемъ низкомъ чинѣ, входя въ комнату, осматривается вокругъ съ невыразимымъ смущеніемъ, садится послѣднимъ и не иначе какъ на кончикъ стула, никогда не осмѣливается говорить громко, а передъ начальникомъ, стоитъ, скрестивъ руки на груди, подобно человѣку, обреченному на жертву,—теперь усѣлся совершенно непринужденно на диванѣ рядомъ съ послѣднимъ. Сюртуки всѣхъ присутствующихъ разстегнуты, фески или чалмы сбились на сторону, лица разгорѣлись, глаза блестятъ, рѣчь льется ничѣмъ не сдерживаемая, и cadaго изъ присутствующихъ можно было бы принять не за спокойнаго, сдержаннаго мусульманина, а за пламеннаго возбужденнаго неаполитанца. «Raki dafi meğafi», т. е. «о раки! ты, который разгоняешь всѣ заботы!» такъ восхваляютъ этотъ панитокъ аравитяне, и слова эти вполне справедливы; дѣйствительно, кто возьмется оцѣнить, сколько заботъ и тревоженій обыденной жизни, сколько страха и гнѣва, сколько злобы

и зависти, сколько тревогъ въ ожиданіи дипломатическихъ нотъ, сколько отчаянія и оскорбленнаго самолюбія въ сердцахъ молодыхъ членовъ посольства и турецкихъ сановниковъ, заливалось этими маленькими рюмочками раки!

Отъ времени до времени попойка оживляется музыкою. Канумъ (гусли) были прежде и остались и теперь любимымъ инструментомъ турецкаго и персидскаго знатнаго общества. То, что мы называемъ музыкальнымъ вечеромъ, извѣстно на Востокѣ подъ именемъ *таксимъ*; слушать хорошую музыку считается высокимъ духовнымъ наслажденіемъ, и общій восторгъ доказывается тою безмолвною тишиною, которая наступаетъ тотчасъ лишь только раздадутся первые аккорды! Въ подобныя минуты я никогда не могъ достаточно надивиться всемогущему влиянію музыки. Музыкантъ, сидя на полу въ углу комнаты, беретъ сначала, въ видѣ прелюдіи, нѣсколько тихихъ, грустныхъ аккордовъ, при чемъ любимый инструментъ его издаетъ глубоко потрясающіе душу звуки. Всѣ присутствующіе внимаютъ ему въ полномъ безмолвіи, кое-гдѣ слышатся только глубокіе вздохи и громкое аханье; многіе проливаютъ слезы, начинаютъ даже громко рыдать, какъ дѣти, и, что всего страннѣе, самъ музыкантъ часто бываетъ растроганъ не менѣе своихъ слушателей, и не можетъ удержаться отъ слезъ во время своей игры и пѣнія.—Счастливые, вѣчно памятные мнѣ часы моей молодости! Съ какимъ живымъ никогда не ослабѣвающимъ интересомъ наблюдалъ я тогда за всѣми проявленіями этого чуждаго намъ міра, за всѣми обычаями этого чуждаго намъ народа!

Музыка—это единственная поэтическая сторона занимающей насъ картины; въ другихъ же отношеніяхъ наблюдателю представляются только мрачныя тѣни и отвратительные образы, потому что попойки эти, хотя и окрещенныя скромнымъ названіемъ закуски, продолжаются часто въ теченіи многихъ часовъ и сопровождаются всѣми отвратительными послѣдствіями чрезмѣрнаго употребленія алкоголя.

Я долженъ припомнить читателю, что все это происходитъ еще до ужина, и такъ какъ вся прислуга, стоя и сидя на корточкахъ, во все-

возможныхъ положеніяхъ, дожидается приказанія подавать кушанье, то понятно, что тому или другому изъ слугъ удастся взглянуть черезъ щель въ занавѣскѣ на то, что происходитъ въ гостиной; вообще же они вздохами и позѣвываніемъ обнаруживаютъ свою скуку. Эти вечернія развлеченія продолжаются не рѣдко два или три часа сряду, и часто заходятъ далеко за полночь. Въ полу-или совершенно пьяномъ состояніи, все общество отправляется наконецъ къ столу, гдѣ безъ аппетита, какъ бы нехотя набиваютъ себѣ желудокъ. Послѣ ужина само собою разумѣется, каждый отправляется въ постель, но прежде чѣмъ заснуть, не разъ приходится прибѣгать къ графину съ водою; хотя турки и утверждаютъ, что дѣйствіе раки далеко не такъ вредно какъ дѣйствіе вина, тѣмъ не менѣе эти попойки, всѣ безъ исключенія, оставляютъ по себѣ слѣды неводержности. Всѣ почтенные эфенди старѣютъ очень рано, и, конечно, раки значительно способствуетъ этому преждевременному истощенію нервной системы; подъ его вліяніемъ потухаетъ и та слабая искра умственной дѣятельности, которая въ старину хотя изрѣдка оживляла магометанское общество, несмотря на отдѣленіе обоихъ половъ.

Всюду, гдѣ распространяется турецкое населеніе и гдѣ соблюдаются магометанскіе обычаи, водку предпочитаютъ вину, хотя въ Оттоманской имперіи и приготовляются различные превосходные сорта винъ. Говорятъ, то вино производитъ головную боль, но это только предлогъ; въ сущности же пренебреженіе къ вину объясняется совсѣмъ другою причиною, а именно вино называется «шарабъ», и такъ какъ въ Коранѣ строго запрещается употребленіе послѣдняго, но не упоминается о неизвѣстномъ въ Азіи во времена пророка раки, то сунниты пользуются этою недомолвкой и думаютъ, что такимъ образомъ, могутъ безъ грѣха удовлетворять своей страсти къ пьянству.

Иначе думаетъ и дѣйствуетъ шіитская Персія. Здѣсь сокъ винограда всюду пользуется рѣшительнымъ предпочтеніемъ. Впрочемъ на вино смотрятъ здѣсь какъ на средство приближаться къ Богу, а на пьянство какъ на экстазъ, воспламеняющій любовь къ Богу. Но ка-

кимъ образомъ можетъ набожность соединяться съ кощунствомъ, — объяснить довольно трудно. И тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что напр. Хэйямъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ персидскихъ поэтовъ, во многихъ изъ своихъ ропсодій неуважительно относится къ великому Аллаху. Однажды вечеромъ, когда этотъ глава софи, пироваль на терасѣ своего дома и внезапный порывъ вѣтра опрокинулъ и разбилъ кружку его съ виномъ, то онъ выразилъ свое неудовольствие въ слѣдующихъ богохульныхъ стихахъ:

Ibriki mej mera schikesti Rebbi!
 Ber men deri eîschra bebesti Rebbi!
 Ber chak berichti meji nabi mera,
 Chakem bedihen! meger tu mesti Rebbi!

(Ты разбилъ мою кружку съ виномъ, о великій Боже!
 Ты закрылъ передо мною райскія двери, о Боже!
 Ты разлилъ по землѣ мое сладкое вино,
 Прости меня! но я думаю, что ты самъ пьянъ, о Боже).

Мнѣ случалось присутствовать на пирушкахъ въ очень различныхъ классахъ общества; самыя интересныя изъ нихъ происходили въ прелестномъ Ширазѣ, въ странѣ вѣчно благоухающихъ цвѣтовъ. Попойки въ Персіи носятъ скромное названіе мигмани (угощеніе) и происходятъ обыкновенно не въ доступномъ для всѣхъ селамликѣ, а въ эндерунѣ (гаремѣ), что уже само по себѣ составляетъ преступленіе противъ религіи, такъ какъ, собственно, только кровнымъ или молочнымъ родственникамъ дозволенъ доступъ въ эту часть дома. Здѣсь попойки также происходятъ по большей части въ прохладные вечерніе часы, съ тою только разницею, что напиваются обыкновенно не до, но послѣ ужина. Если ты, любезный читатель, желаешь составить себѣ понятіе о подобномъ угощеніи, то слѣдуй за мною во время небольшой прогулки къ одной изъ виллъ за стѣнами города. Пройдя садъ передъ домомъ и нѣсколько дворовъ, мы доходимъ наконецъ до самой святыни, до запертой комнаты, гилсовыя стѣны которой почти совершенно пусты, тогда какъ полъ, напротивъ того, покрытъ толстымъ іездерскимъ ковромъ, сверхъ котораго разо-

стлано еще толстое полотно. На двухъ или трехъ большихъ подносахъ разставлены чрезвычайно разнообразныя яства, распространяющія вокругъ себя паръ и благоуханіе. Одинъ изъ довѣренныхъ слугъ дома проводилъ насъ до сихъ поръ съ таинственною миною. По знаку хозяина дома, мы садимся на полъ и, попробовавъ того или другаго кушанья, тотчасъ же должны взяться за кружку вина. Персидскій этикетъ во время пирушки значительно отличается отъ турецкаго. Правиль приличія и намѣренной воздержности мы здѣсь не находимъ вовсе, но при этомъ наблюдателя поражаетъ больше всего та заботливость, съ которою персіянинъ оберегаетъ свое платье и бороду отъ прикосновенія съ кушаньями въ то время, когда съ наклоненною впередъ головою опоражниваетъ свой стаканъ. Такъ какъ малѣйшая капля вина или крошка свиного жира оскверняетъ платье и коверъ и мѣшаютъ молитвѣ, то всѣ очень остерегаются пролить на себя и каплю той жидкости, которую вливаютъ въ себя цѣлыми бутылками. Но это далеко еще не самое потѣшное изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ религіозное лицемѣріе у азіатовъ, а въ особенности у персовъ, извѣстныхъ издавна своимъ искусствомъ въ притворствѣ! Но при всемъ томъ здѣсь довольно мало заботятся о границахъ приличія, и попойки и пирушки очень часто переходятъ въ настоящія оргіи. Изъ турецкаго общества, уже въ концѣ прошлаго столѣтія, были изгнаны неприличные танцы, извѣстные подъ названіемъ «кучэкъ», но въ Персіи они процвѣтаютъ и до настоящаго времени, и безъ танцевъ немыслима ни одна попойка. При этомъ господствуетъ такая дикая суматоха, такой шумъ и взвизгиванія, какъ въ европейскихъ трактирахъ самаго низкаго разряда. Случается иногда, что одинъ изъ пирующихъ, разгоряченный виномъ, приподымается съ своего мѣста и примѣшивается къ танцорамъ, другой декламируетъ стихи Гафиса или Хэяма, тогда какъ третій, пробужденный глухими возгласами ближняго муэззина (призывателя къ молитвѣ), машинально начинаетъ творить молитву и кладетъ свою священную, пятиугольную печать туда, гдѣ все залито виномъ и гдѣ недостойное увеселеніе создало притонъ разврата.

Персія не только въ настоящее время отличается своимъ пристрастіемъ къ вину, такую же славою пользовалась она и много столѣтій тому назадъ, когда армянская колонна Джульфы у Испагани, на которую складываютъ обыкновенно отвѣтственность за всѣ грѣхи, не покидала еще береговъ Аракса. Здѣсь гораздо значительнѣе число преступающихъ заповѣдь: «*La teskiru*» (не опьяняйтесь), чѣмъ въ Турціи. Здѣсь пьютъ не только вечеромъ, но и во всякое время дня, и страсти этой предается не только извѣстный классъ, такъ называемой, интеллигенціи, но и самые муллы и даже жены повелителей. Попойки устраиваются въ публичныхъ садахъ, даже на кладбищахъ, и я никогда не забуду одной пирушки на могилѣ Гафиза, въ которой мнѣ случилось однажды участвовать въ кругу многихъ *bel-esprits* Ши-раза. Прекрасная плита изъ бѣлаго мрамора, которую Кэримъ Ханъ Зенди, этотъ любимѣйшій изъ персидскихъ шаховъ, велѣлъ соорудить надъ бранными останками знаменитаго сына своей родины, служила намъ столомъ, и, съ извѣстной точки зрѣнія, этого нельзя было назвать профанаціей, такъ какъ чѣмъ могли мы почтить память великаго пѣвца вина лучше, чѣмъ его любимымъ виномъ? За бокалы нельзя приниматься ранѣе окончанія послѣдней вечерней молитвы; въ Персіи дѣйствительно пьютъ изъ набожности, и тотъ, кто знаетъ какъ прекрасно бываетъ по ночамъ звѣздное небо южной Персіи, конечно не удивится, что пирующие, при появленіи cadaго новаго созвѣздія, приходятъ въ новый восторгъ и съ новыми силами вливаютъ въ себя драгоценный сокъ хюллари. Еще одинъ бокалъ въ честь Керванкуша (избавителя каравановъ)! а теперь выпьемъ за Бинатъ-уль-нааша (дочь мертвеца: большая и малая медвѣдица)! такъ подстрекаютъ пирующие другъ друга, и въ волшебной тишинѣ ночи, среди невозмутимаго покоя обширнаго кладбища, заунывные мелодіи пѣсенъ Гафиза дѣйствительно способны настраивать къ поэтическому экстазу.

Къ востоку отъ Персіи кончается царство вина и его поэзія. Грубые народы Авганистана и центральной Азіи слѣпо придерживаются слова Корана, не позволяя себѣ толковать ихъ въ свою

пользу; поэтому спиртные напитки строго запрещены у нихъ. Только евреи въ Бухарѣ, Карши и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, съ искони изготовляютъ изъ различныхъ туземныхъ, превосходныхъ видовъ винограда, столько вина, сколько требуется для ихъ религіозныхъ обрядовъ; но сынъ Израиля подвергается страшному наказанію, если своимъ издѣліемъ ввести правовѣрнаго въ искушеніе, и побудить его на смертный грѣхъ пьянства. Но за то тѣмъ неудержимѣе предаются жители этихъ странъ страсти къ другимъ одуряющимъ веществамъ, какъ напр. гашишу и опию, о которыхъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ, и дѣйствіе которыхъ, само собою разумѣется, оказывается гораздо пагубнѣе дѣйствія спиртныхъ напитковъ.

Послѣ всего сказаннаго, читатель, безъ сомнѣнія, пришелъ уже къ убѣжденію, что народы Азіи, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не пьютъ, но опиваются и смотрятъ на вино не какъ на напитокъ полезный для здоровья, но какъ на одуряющее средство; дѣйствительно, порокъ этотъ, несмотря на запрещеніе Корана, коренится въ нихъ уже съ давнихъ временъ. Можно сказать даже, что прежде, когда въ другихъ отношеніяхъ еще строже придерживались ученія пророка, онъ былъ еще распространеннѣе, чѣмъ въ настоящее время. Уже о колифѣ Іезидѣ I рассказываютъ, что онъ сильно предавался пьянству, и притомъ получалъ свое вино, къ которому примѣшивалъ, для усиленія дѣйствія, еще мускусу, изъ окрестностей самой Мекки, именно изъ Таифа. Въ похвалу его сына Велида I, говорятъ, что онъ опивался только черезъ день, остальные же калифы, и въ особенности Велидъ II, услаждались виномъ въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ. При Аббассидахъ, нѣкоторые изъ представителей пророка держали даже особенныхъ выпочерпѣвъ, а изъ позднѣйшихъ магометанскихъ властителей многіе окончили свою жизнь въ бѣлой горячкѣ. Въ этомъ отношеніи востокъ главнымъ образомъ отличается отъ запада тѣмъ, что пьянство здѣсь, хотя не такъ распространено, но зато гораздо интенсивнѣе чѣмъ у насъ въ Европѣ, ибо въ Азіи пороку этому предаются одни верхушки общества, тогда какъ простонародье — я говорю конечно только о магометанахъ — дѣй-

ствительно отличается воздержанностью и въ этомъ отношеніи, значительно возвышается надъ соотвѣтствующими слоями общества западно-христіанскаго міра, для которыхъ пьянство дѣлается источникомъ неисчислимыхъ золъ.

Табакъ и наркотическія средства.

Между всѣми источниками наслажденія, завоевавшими себѣ право гражданства во всей огромной области магометанскаго общества, табакъ и трубка занимаютъ первое мѣсто. Ихъ уже не считаютъ здѣсь предметами роскоши; они сдѣлались необходимостью, и трубка пользуется одинаковымъ значеніемъ какъ въ великолѣпныхъ дворцахъ Стамбула, такъ и подъ войлочною палаткою бѣднаго средне-азіата, который не только не ѣлъ, но даже не видѣлъ никогда хлѣба и которому, послѣ куска вяленой конины и глотка прокислаго кумыса, трубка доставляетъ величайшее блаженство. Много спорили и разсуждали о томъ, перешелъ ли табакъ въ западную часть Азіи изъ Европы или изъ Китая. Предположеніе, что маленькая, жестяная трубка сыновъ небесной имперіи, вмѣстѣ съ китайскимъ вліяніемъ, уже очень рано проложила себѣ путь черезъ монгольскую стѣну до Тянь-Шанскаго хребта, кажется съ виду очень правдоподобнымъ; въ дѣйствительности же мнѣніе это ошибочно, такъ какъ въ средніе вѣка табакъ былъ неизвѣстенъ жителямъ востока. Это доказывается уже тѣмъ, что многочисленные толкователи ученія Магомета, въ своихъ разсужденіяхъ о «запрещеніи всѣхъ опьяняющихъ средствъ», лишь въ самое послѣднее время начинаютъ упоминать объ этомъ растеніи. Далѣе, доказывается это еще тѣмъ, что во всей литературѣ, какъ турецкой, такъ и персидской и татарской, я не могъ найти ни одного намека на табакъ. Поэты, воспѣвшіе такъ много-

сторонне любовь, вино, цвѣты, музыку и другія радости жизни, конечно не оставили бы безъ вниманія табакъ, это величайшее изъ наслажденій мусульманина. Народамъ Азін нужно долгое время, чтобы освоиться съ какимъ нибудь новымъ обычаемъ. Фантазію ихъ занимаютъ преимущественно уже хорошо знакомые предметы, и, конечно, сравнительной новизнѣ табака слѣдуетъ приписать то, что онъ до сихъ поръ еще не нашелъ себѣ пѣвца. Я сомнѣваюсь также, чтобы поговорка: «Онъ куритъ какъ турокъ» была особенно древняго происхожденія, ибо турки, осчастливившіе своимъ непрощеннымъ посѣщеніемъ юго-востокъ Европы, еще сами не были тогда знакомы съ табакомъ, такъ какъ лишь во время правленія султана Ахмеда IV вышелъ первый султанскій указъ, пытавшійся положить предѣлы наслажденію табакомъ. Въ настоящее время, дѣйствительно, Оттоманская имперія представляется намъ страной, гдѣ куреніе возведено до культа. Царь различныхъ сортовъ табаку, произростающаго въ Румелии, на родинѣ Александра Македонскаго, въ особенности же въ небольшомъ мѣстечкѣ Іендше-Вардаръ, къ сѣверо-востоку отъ Салоникъ. Это маленькое, желтовато-бурое растеніе оставляютъ сохнуть недѣлями, даже мѣсяцами на его родной почвѣ; затѣмъ его упаковываютъ въ маленькіе тюки (богчѣ) и лишь послѣ того, какъ оно пролежитъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ магазинахъ табачныхъ торговцевъ, считаютъ его достойнымъ услаждать, подъ именемъ Лала Гобекъ, вкусъ и обоняніе стамбульскихъ знатоковъ. Табакъ, мелко наръзанный въ видѣ шелковинокъ, цѣнится очень высоко въ султанскомъ дворцѣ и гаремѣ, также какъ и въ высокой Портѣ, гдѣ совѣтъ министровъ обсуждаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ окруженный густыми облаками ароматическаго дыма. Трубки, служащія для наслажденія этимъ превосходнымъ табакомъ, выбираются съ большою заботливостью какъ относительно самой трубки, такъ и относительно мундштука. Глиняная трубка должна носить штемпель фабрики Гассана въ Финдекли (кварталь Константинополя), длинный чубукъ изъ жасминнаго дерева, съ шелковисто-бархатистою корою, долженъ происходить изъ плантацій Брусы, мундштукъ изъ чистаго

прозрачнаго янтара, вырѣзывается въ самую модную форму, а его зивана (тонкая трубочка, на которую онъ насаженъ) точится лучшимъ токаремъ. Лишь такія превосходныя принадлежности куренія считаются достойными служить при употребленіи лучшаго сорта табаку; и само собою разумѣется, что при такой трубкѣ, и слуга (чибукчи) тоже долженъ быть мастеромъ своего дѣла.

Часто забавляло меня наблюдать то серьезное, сосредоточенное вниманіе, съ которымъ чибукчи обращается съ трубкою, набиваетъ ее за нѣсколько дней до употребленія, окружаетъ ее бахромчатымъ кружкомъ и прячетъ въ жестяной ящикъ. Я слышалъ также, что вкусъ трубки зависитъ отъ формы и величины употребляемыхъ при куреніи углей; чибукчи, закуривая трубку, до тѣхъ поръ роется своими щипцами въ горшкѣ съ углями, пока не найдетъ плоскаго, кругловатаго уголька. Слѣдить за слугою въ его приготовленіяхъ, наблюдать какъ онъ, держа въ правой рукѣ длинную трубку, а въ лѣвой, жестяное, круглое блюдо, размѣренными шагами, съ серьезнымъ лицомъ, приближается къ своему господину, становится передъ нимъ на одно колѣно на разстояніи равномъ длинѣ чубука, опускаетъ на полъ блюдо и ставитъ на него трубку, описывая чубукомъ полукругъ такъ ловко, что мундштукъ попадаетъ прямо въ полуоткрытыя губы повелителя,—все это представляетъ очень забавное зрѣлище для европейца, но кажется вполне естественнымъ въ глазахъ турка. Когда господинъ беретъ наконецъ трубку, слуга приподымается съ полу, но не успѣваетъ сдѣлать и шагу, какъ уже его окружаетъ густое облако дыма. Въ первый разъ затынуться изъ трубки считается умѣреннымъ удовольствіемъ, второй и третій разъ самымъ высокимъ, въ четвертый разъ далеко не такъ вкусно, но затынуться въ пятый разъ изъ той же трубки не рѣшится ни одинъ изъ знатоковъ.

Мнѣ говорили, что покойный султанъ Абдулъ-Меджидъ никогда не затягивался больше трехъ разъ изъ одной и той же трубки; бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Аали-паша тоже никогда не выкуривалъ трубку до конца. Но остатки, которымъ пренебрегаютъ знатоки, идутъ на услажденіе прислуги; то, что кажется слишкомъ

крѣпкимъ и острымъ утонченному вкусу турка, вполне соответствуетъ грубому небу дикаго сына Анатоли, на чувства котораго могутъ по-дѣйствовать лишь сильныя возбужденія.

Такъ какъ каждый употребляетъ лишь собственную трубку, то нечего удивляться, что инструментъ этотъ сдѣлался неизбѣжнымъ спутникомъ cadaго знатнаго челоѣка; каждый турокъ всегда носить его при себѣ. Богатые люди держатъ отъ одного до трехъ слугъ, исключительно для попеченія о трубкѣ; на одного изъ нихъ возложены заботы по такъ называемой *petite domestique*, другой же долженъ сопровождать своего господина въ прогулкахъ или при ѣздѣ верхомъ. Длинный чубукъ завертывается въ роскошно украшенный, суконный мѣшокъ, глинянную трубку, табакъ и другія принадлежности носить слуга при себѣ въ особенномъ боковомъ мѣшкѣ. Европѣйцу въ Константинополѣ часто случается наблюдать съ любопытствомъ за какимъ нибудь гордымъ османлисомъ, когда онъ идетъ пѣшкомъ или развѣзжаетъ на своей лошади, а за нимъ слѣдуетъ слуга съ длиннымъ, хорошо упакованнымъ инструментомъ, придающій себѣ такой видъ, точно онъ оруженосецъ какого-нибудь воинственнаго рубаки и сопровождаетъ своего господина на опасное, тайное свиданіе. Да, времена дѣйствительно мѣняются! То, чѣмъ были оруженосцы для прежняго воинственнаго племени, тѣмъ стали теперь чибукчи для ихъ изнѣженныхъ потомковъ.

Любители не рѣдко выкуриваютъ отъ 60 до 80 трубокъ въ день. Трубка неизбѣжно сопровождаетъ турка при каждомъ его занятіи, какъ бы серьезно оно ни было. Въ высокой Портѣ, въ совѣтѣ министровъ, гдѣ обсуждаются всѣ дѣла, касающіяся благосостоянія ихъ отечества, раскинутаго въ трехъ частяхъ свѣта, подняли однажды вопросъ, не слѣдуетъ ли удалять чибукчи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждаются важныя и тайныя государственныя дѣла. Мнѣнія на этотъ счетъ были очень различны, но послѣ долгихъ и жаркихъ преній, все таки восторжествовала партія тѣхъ, которые считали позорнымъ измѣнять старинному обычаю, и невиннымъ чибукчи быть дозволенъ, какъ и прежде, свободный входъ въ

залу, такъ какъ господа ихъ не могутъ обойтись и минуты безъ трубки; между тѣмъ, всѣмъ было хорошо извѣстно, что рѣшеніе это имѣетъ свои неудобства, такъ какъ хитрые слуги, дѣлая свое дѣло, въ тоже время подслушиваютъ не одну государственную тайну, и этимъ объясняется, почему многія важныя извѣстія расходятся по городу еще прежде чѣмъ самъ султанъ или весь чиновный міръ узнаютъ рѣшеніе высшаго совѣта. Чибукичи поэтому, вмѣстѣ съ обитателями гарема, служатъ самыми вѣрными рапортерами для драгомановъ при посольствахъ и для газетныхъ корреспондентовъ. Какъ часто случилось мнѣ видѣть, какъ гордый левантинецъ, который обыкновенно такъ невыносимъ своимъ высокомеріемъ и такъ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, смиренно ухаживаетъ и низко преклоняется передъ какимъ нибудь чибукичи, чтобы выманить у него какое-нибудь важное извѣстіе. Конечно, нечего и говорить, что для самихъ прислужниковъ разносить подобныя вѣсти составляетъ очень прибыльное занятіе, и чибукичи долженъ благодарить небо за безграничную страсть своего господина къ куренію, дѣлающую изъ слуги его неизбѣжнаго alter-ego.

Табакъ и трубка служатъ вѣншими признаками не только различныхъ состояній, но и различныхъ положеній въ свѣтѣ. Какой-нибудь муширъ (маршалъ) нашелъ бы очень неприличнымъ курить изъ трубки менѣе чѣмъ въ 2 аршина длины, тогда какъ въ рабочемъ или низшемъ чиновникѣ сочлось бы большою дерзостью, если бы трубка его превышала обычные размѣры, употребительные для его класса. Начальникъ, разговаривая съ подчиненнымъ, вытягиваетъ свою трубку во всю ея длину, тогда какъ подчиненный, скромно пряча свой инструментъ позади себя, показываетъ на видъ только часть мундштука. Паша пускаетъ такіе клубы дыма, какъ паровикъ, но подчиненный его смѣетъ въ его присутствіи пускать только мелкія колечки, да и тѣ въ сторону; изъ почтенія къ какому нибудь сильному міра сего лучше даже вовсе не курить въ его присутствіи. Такіе же знаки уваженія долженъ оказывать сынъ относительно своего отца, и благовоспитаннымъ ребенкомъ можетъ назваться только

тотъ, который откажется отъ трубки, несмотря на многократныя приглашенія отца.

Женщины не менѣе пристрастны къ куренію, чѣмъ мужчины, но вообще предаются этой страсти менѣе открыто. Уже 13-ти лѣтняя дѣвочка начинаетъ въ тихомолку пробовать свою силу надъ тоненькими папиросками; на 14-мъ или 15-мъ году, когда турецкія дамы уже могутъ вступить въ бракъ, куреніе открыто дозволяется имъ. Съ годами увеличиваются размѣры папиросы и никто не найдетъ страннымъ видѣть 24 лѣтнюю женщину, сидящую на низкомъ диванѣ съ очень почтеннымъ чубукомъ въ зубахъ. Матроны, а въ Турціи каждая женщина послѣ 40 лѣтъ считается матроною, большія любительницы табаку. Трубки и чубуки предписываются правда для гарема сообразно съ извѣстными правилами, но это не мѣшаетъ никому употреблять самый острый и крѣпкій табакъ, такъ что ротъ красавицы, издающій, по словамъ поэта, въ молодости, благоуханіе мускуса и амбры, на нхъ 40-мъ году начинаетъ распространять такой острый и непріятный запахъ, что многихъ дамъ, подобно зачерствѣлымъ матросамъ, можно узнать уже издали по чутью. Подобно мужчинамъ, знатныя ханумы также имѣютъ при себѣ женскихъ чибукчи, которыя сопровождаютъ имъ во время прогулокъ и визитовъ съ тою только разницею, что чубукъ достигаетъ только половины той длины, какъ у мужчины, и завертывается не въ суконный, а въ шелковый футляръ. Во время прогулки, достигнувъ какого-нибудь мѣста, откуда представляется красивый видъ, какъ мужчины, такъ и женщины садятся и закуриваютъ трубки. Первые могутъ избирать для этого всякое публичное мѣсто, послѣднія же должны ограничиться болѣе скрытыми, такъ какъ въ то время когда турецкая красавица поднимаетъ съ лица свой полупрозрачный яшмакъ (вуаль), чтобы предаться наслажденію трубкой, все вокругъ нея должно обратиться въ гаремъ. Часто вокругъ нея ставится стража изъ евнуховъ, и при приближеніи чужого мужчины она тотчасъ же опускаетъ свой вуаль и дожидается пока не пройдетъ нескромный зритель.

Но самую важную роль играетъ трубка у женщинъ во время ихъ

купанья. Всѣмъ извѣстно, что турецкія красавицы проводятъ цѣлыя часы въ горячихъ ваннахъ. Въ нихъ онѣ входятъ обыкновенно часовъ въ 8 утра, въ нихъ же онѣ завтракаютъ и остаются до 3—4 часовъ пополудни. Время это самое счастливое изъ всего дня для магометанскихъ дамъ. Въ промежуткахъ между купаньемъ онѣ обыкновенно наслаждаются трубкой. Посреди жарко натопленной комнаты находится круглое возвышеніе въ видѣ терассы, называемое гѳбекташъ, на немъ покоятся какъ старыя, такъ и молодыя, бѣлоснѣжныя черкешенки располагаются рядомъ съ черными какъ уголь красавицами Судана; инныя растягиваются во всю длину, другія сидятъ съ поджатыми ногами, и всѣ курятъ безъ устали, поддерживая въ то же время безконечные разговоры. Часто какая-нибудь дѣвушка забавляетъ своихъ слушательницъ фантастическою сказкою или же самая ученая изъ этого общества разглагольствуетъ о религіи или восхваляетъ добродѣтели и красоту Айша Фатъма. Во всякомъ случаѣ разговоръ никогда не прерывается. Однако, какъ ни интересно то зрѣлище, которое представляетъ гѳбекташъ, но фотографу пришлось бы дорого заплатить за попытку снять съ него изображеніе.

Константинополь представляетъ въ сравненіи съ провинціями самую образованную и богатую часть государства: это замѣтно уже на трубкахъ. Жители Анатолиі и Румелиі продаютъ лучшую часть своихъ произведеній и довольствуются третьимъ и четвертымъ сортами своего табаку. На берегахъ Чернаго моря курятъ обыкновенно самсунскій табакъ, значительно уступающій по ароматичности и вкусу румелійскому; на восточномъ берегу Средиземнаго моря процвѣтаетъ черная латакія. Трубку набиваютъ ею только до половины, и лучший сортъ этого табаку узнается потому, что уже при второмъ втягиваніи онъ пучится подобно сжатой шерсти и съ трескомъ приподымается черезъ края. Многіе ставятъ латакію, которую мы называемъ аравійскимъ табакомъ, гораздо выше румелійскаго, но это дѣло вкуса. Конечно, у лучшаго сорта нельзя отнять очень пріятнаго аромата, но вообще табакъ этотъ очень крѣпкій, одуряющій и совсѣмъ не имѣетъ той мягкости, которою отличается самсунскій табакъ.

Турки и арабы употребляют преимущественно трубку, и лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются у. нихъ кое-гдѣ наргиле *), какъ называется въ Оттоманской имперіи выродокъ кальяна. Въ деревняхъ, въ особенности въ кофейняхъ, гдѣ собирается все общество, ни одинъ разговоръ, ни одинъ политическій и религіозный споръ не оканчивается безъ трубки. Въ городѣ знатный турокъ никогда не позволить себѣ зайти въ кофейню, но въ деревнѣ не столь строго придерживаются этикета. Чтобъ составить себѣ понятіе о матеріальномъ благосостояніи или объ образованности какого-нибудь мѣстечка или деревеньки, стоитъ только войти въ кофейню. Здѣсь и теперь еще представляется мнѣ серьезная мина самаго хозяина и тѣ любопытно-испытующіе взоры, съ которыми онъ разглядываетъ черты каждаго новоприбывшаго путешественника.

По бородѣ и платью обыкновенно рѣшаютъ, какую трубку подать вошедшему чужестранцу. Если его разговоръ и манеры производятъ хорошее впечатлѣніе, то всѣ присутствующіе наперерывъ предлагаютъ гостю затянуться нѣсколько разъ изъ ихъ трубокъ. Отказаться считали бы очень невѣжливымъ; неприлично было бы даже вытереть мундштукъ, покрытый пѣною и слюною, выказывать брезгливость относительно друга большой грѣхъ, и подобно тому какъ средне-азіаты облизываютъ другъ другу пальцы, точно такъ и турокъ безъ малѣйшаго колебанія принимаетъ предложенную трубку своего сосѣда. Даже во время ѣзды верхомъ тихимъ или скорымъ шагомъ многіе не могутъ разстаться съ своею любимою трубкою. Смотра со стороны на такого наѣздника, галопирующаго на своей быстрой лошади съ круглымъ мундштукомъ между зубами, невольно приходитъ мысль, что ему угрожаетъ неминуемая опасность вышибить себѣ всѣ зубы, и конечно неопытный не избѣгнулъ бы этой участи. Но турки и арабы слишкомъ привыкли курить такимъ образомъ, и дѣйствительно, нельзя

*) Наргиле производится отъ персидскаго слова нарджилъ (кокосовый орѣхъ), такъ какъ кальянъ первоначально приготовлялся изъ этого плода, а впоследствии въ формѣ послѣдняго изъ стекла или глины.

надивиться той ловкости, съ которою они во время ѣзды набиваютъ свои трубки, зажигаютъ ихъ и курятъ, не просыпая при этомъ ни крошки табаку.

Бѣдный, вѣчно кочующій курдъ также предается поклоненію табаку, который употребляется очень размельченнымъ, почти въ видѣ муки и получается по большей части изъ окрестностей Ровандиза и Сулейманіи. Листъ курдскаго табаку длиннѣе и тоньше, чѣмъ румелійскаго, и рыхлость его служитъ причиною, что онъ рѣдко употребляется рѣзаннымъ, а по большей части въ видѣ порошка. Его вывозятъ также на Востокъ, далеко во всѣ провинціи Персіи, гдѣ онъ въ особенности въ употребленіи у турецкаго населенія Ирана. Онъ отличается своимъ острымъ вкусомъ и очень непріятнымъ запахомъ. По большей части его курятъ изъ маленькой жестяной трубки съ короткимъ чубукомъ, инструментъ, который находится въ употребленіи у всѣхъ жителей Персіи, начиная отъ хана до послѣдняго погонщика муловъ. Послѣдніе любятъ его повидимому до страсти, и когда здоровый погонщикъ муловъ покурить нѣкоторое время въ своемъ стойлѣ, то подымающійся дымъ заглушитъ вскорѣ всѣ испаренія стоящихъ тамъ многочисленныхъ муловъ.

Торговля курдскимъ табакомъ совершается еще въ довольно примитивномъ видѣ. Во время моихъ путешествій, во многихъ деревушкахъ, среди племенъ, куда конечно не рѣшился бы завернуть ни одинъ биржевикъ, мнѣ часто случалось встрѣчать торговцевъ табакомъ, которые вымѣнивали этотъ продуктъ на шерсть, козій волосъ и готовые ковры. Алчный курдъ, умѣющій отказывать себѣ во всякомъ наслажденіи, не можетъ однако противустоять искушенію вымѣнять себѣ нѣсколько фунтовъ табаку, и если ни что другое не прельщаетъ его, то отъ табаку онъ не откажется никогда. Одинокій пастухъ, удаляющійся иногда на цѣлый день отъ своей палатки и бродящій съ своимъ стадомъ въ горахъ, не такъ заботливо охраняетъ свой хлѣбъ, свой сыръ и свои деньги, какъ грязную тряпку, въ которую завернуть его запасъ табаку. Начальники разныхъ племенъ курятъ въ присутствіи гостей мягкій, турецкій табакъ,

но когда они одни, то отдають предпочтеніе своему національному произведенію. Метчедъ былъ послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ я находилъ этотъ табакъ; вообще онъ въ употребленіи только тамъ, куда не доходитъ хорошій, персидскій табакъ.

Персія, сливающаяся страною, отличающеюся между всѣми странами передней Азіи своимъ утонченнымъ и развитымъ вкусомъ, умственными преимуществами и самою древнею цивилизаціею, оставила также всѣ другія страны далеко, за собою относительно табаку и трубокъ. Персидскій табакъ, называемый тумбаку, значительно разнится отъ всѣхъ упомянутыхъ до сихъ поръ сортовъ. Аппаратъ для куренія тоже совершенно различенъ; онъ состоитъ изъ различныхъ частей: 1) сосуда съ водою; этотъ послѣдній дѣлается либо изъ глины—всего лучше приготавливаютъ его въ Испагани—или же изъ стекла, вывозимаго изъ Россіи или Богеміи, или наконецъ изъ скорлупы кокосоваго орѣха. Послѣдняя форма совершенно справедливо считается самою роскошною, такъ какъ орѣховая скорлупа оправляется въ серебро или золото и украшается тонкою рѣзбою, а иногда и драгоценными камнями. 2) Деревянная приставка, внутри полая, часто достигаетъ 12 дюймовъ длины и дѣлается изъ чернаго дерева, у богатыхъ изъ серебра, и украшается маленькими цѣпочками и другими украшеніями. Она заканчивается 3) настоющею трубкою, называемою сѣркалянъ, изъ глины или изъ дерева. Внутренняя сторона ея выкладывается известью, а наружная у богатыхъ людей листовымъ серебромъ или золотомъ и роскошно убирается всевозможными драгоценностями. Въ числѣ послѣднихъ особенно выдаются изящные рисунки на эмали, и самые извѣстные мастера въ этомъ дѣлѣ въ Испагани и Ширазѣ часто берутъ за разрисовку и украшеніе такой трубки отъ 20 до 30 червонцевъ. 4) Тонкая трубка прикрѣпляется къ кальяну, черезъ которую подымается дистиллированный дымъ. Во время путешествій она замѣняется длинною змѣвидною кожанною трубкою, называемою марпичъ, при чемъ слуга, который ѣдетъ позади своего господина, держитъ аппаратъ, а въ рукахъ господина находится только мундштукъ.

Это персидская трубка (кальянь), когда она отдѣлана съ роскошью и со вкусомъ, дѣйствительно составляетъ прелестное украшеніе комнаты. Такъ какъ курить ее можно только сидя, то уже по-этому она имѣетъ болѣе восточный характеръ, нежели турецкія трубки. Персы любятъ ее до страсти, и когда онъ, склонившись нѣсколько съ своего сидѣнья, подъ пріятное журчанье воды, пускаетъ легкое облако ароматическаго дыма, то считаетъ себя на верху блаженства. Турецкую трубку можно употреблять во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, но персидская, напротивъ того, представляетъ всего болѣе наслажденія рано утромъ и передъ солнечнымъ заходомъ. Такъ какъ въ каждомъ персидскомъ домѣ посреди двора находится небольшой бассейнъ, то берега его можно назвать мѣстомъ куренія *par excellence*. Въ Персіи увѣряютъ, что куреніе тубмаку составляетъ отличное средство противъ грудныхъ болѣзней, но я расположенъ думать совершенно противное, такъ какъ затягиваться кальяномъ утомляетъ гораздо болѣе, нежели другими родами трубокъ. Настоящее наслажденіе по мнѣнію персіянина чувствуется въ ту минуту, когда мокрый табакъ (сухимъ его никогда не употребляютъ), придя въ соприкосновеніе съ раскаленными углями, начинаетъ распространять легкія голубоватыя облака.

Лучшій сортъ тумаку получается изъ Шираза и его окрестностей, въ особенности же изъ деревни Зерганъ и притомъ въ довольно значительномъ количествѣ, такъ какъ его ежегодно вывозится на нѣсколько сотъ тысячъ червонцевъ. Его вывозятъ обыкновенно цѣльными листьями, упакованными въ мѣшкахъ, и такъ какъ онъ очень рыхлъ, то потребители сами размельчаютъ его руками. Табакъ, назначаемый для куренія, не долженъ оставаться мокрымъ болѣе часа, вода въ сосудѣ тоже должна возобновляться при каждой новой трубкѣ, и вообще персидскія трубки требуютъ гораздо болѣе заботъ и попеченій, чѣмъ турецкія. Богатый персъ нуждается для этого предмета роскоши въ нѣсколькихъ, и ужь никакъ не менѣе двухъ, слугахъ: одинъ изъ нихъ приготовляетъ трубку, другой подаетъ ее. Во время путешествій слугѣ для исполненія его обязанности назначается осо-

бая лошадь. Съ одной стороны сѣдла висить мѣхъ съ водою, съ другой горшокъ съ раскаленными углями, а табакъ и трубка прикрѣплены въ особыхъ футлярахъ къ сѣдельной шишкѣ. Слуги выполняютъ свое дѣло обыкновенно очень проворно, и дѣйствительно интересно видѣть какъ они во время ѣзды собираютъ вмѣстѣ различныя части инструмента и часто на всемъ галопѣ вытянутою рукою подаютъ мундштукъ своему господину.

Такъ какъ персы вообще извѣстны какъ строгіе блюстители этикета, то неудивительно, что употребленіе трубки соединено у нихъ съ безчисленными церемоніями. У нихъ есть особыя трубки для лѣта и для зимы, различныя трубки для людей различнаго состоянія, возраста и пола, и при видѣ той важной мины, съ которою соблюдается весь этикетъ кальяна, мнѣ часто стоило труда удержаться отъ смѣха. Собравшемуся обществу предлагаютъ трубки *en masse*; слуги входятъ въ комнату, маршируя по военному въ тактъ, подходятъ по очереди къ каждому изъ присутствующихъ гостей, и лишь послѣ ихъ удаленія хозяинъ дома легкимъ урчаньемъ начинаетъ увертюру.

Строго соблюдается правило—затянувшись изъ трубки разъ, мѣняться ею съ своимъ сосѣдомъ, причемъ принятіе и передача сопровождаются особыми церемонными поклонами. Здѣсь конечно также считается неприличнымъ отереть мокрый мундштукъ, точно также какъ и взять его въ ротъ болѣе чѣмъ на полдюйма. Эти и много подобныхъ церемоній при куреніи соблюдаются не только между богатыми и знатными, но и въ низшихъ слояхъ общества, такъ какъ каждый персъ желаетъ прослыть образованнымъ.

Персидскія женщины, пользующіяся вообще большею свободою, чѣмъ турецкія, и въ отношеніи куренья подвержены меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ эти послѣднія. Молодыя дѣвушки и матроны въ теченіи нѣсколькихъ часовъ предаются наслажденію трубкой, причемъ богатыя, затянувшись раза три, заѣдаютъ кусочкомъ сахару. Такъ какъ общее куреніе изъ одной трубки служитъ знакомъ особенной интимности, то трубка играетъ важную роль и въ нѣжныхъ *tête-à-tête*. Выраженіе «ѣсть изъ одной тарелки» примѣняется у персовъ

къ трубкѣ. Вообще прекрасный полъ отличается гораздо большею страстью къ табаку и трубкѣ у персовъ, нежели у турокъ, и острый непріятный запахъ изо рта замѣтенъ здѣсь какъ у принцессы, такъ и у крестьянки.

Всего распространеннѣе и роскошнѣе трубки въ Ширазѣ, и во все время моего многолѣтняго пребыванія въ восточныхъ странахъ я не питалъ особаго пристрастія ни къ одному сорту табака и только въ Ширазѣ, когда въ мусалла (общественное мѣсто для молитвы или отдохновенія), на гробницѣ Гафиза или въ саду Саади я примѣшивался съ моею трубкою къ веселому обществу, когда завитки дыма подымались къ чудной лазури южнаго персидскаго неба, трубка моя доставляла мнѣ такое наслажденіе, какого я не испытывалъ болѣе ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, ни вообще нигдѣ на свѣтѣ. Живо сохранилъ я воспоминаніе объ одномъ вечерѣ, проведенномъ среди веселаго общества на кладбищѣ, гдѣ покоится Гафизъ, за кружкою благороднаго вина Хулляри *). Каменная плита надъ могилою этого поэта, такъ превосходно воспѣвшаго вино, служила намъ скатертью; по близости мы развели яркій костеръ и до самаго разсвѣта обходила насъ круговая чаша. Безчисленное множество разъ возобновлялись наши трубки, и пріятный ароматъ ихъ постоянно побуждалъ насъ къ новому возобновленію. При верховой ѣздѣ я также нашелъ персидскую трубку превосходною. Начинаютъ курить обыкновенно тогда, когда постѣ продолжительнаго переѣзда черезъ безплодныя пустыни Персія желаютъ дать нѣкоторой отдыхъ своей лошади, т. е. мѣняють скорую рысь на болѣе тихій шагъ. Болѣе тихія движенія лошади успокаиваютъ возбужденную кровь всадника, и если въ подобную минуту вамъ подадутъ кальянъ, то это можетъ вознаградить васъ за много непріятностей въ жизни. Трубкою обмѣниваются съ остальнымъ обществомъ по пути, и наслажденіе куреніемъ заставляетъ забывать

*) Это превосходное персидское вино чрезвычайно похоже въ первые два года на токайское, и если не вполне равняется ему, то во всякомъ случаѣ занимаетъ послѣ него первое мѣсто.

объ однообразіи дороги. Въ особенности же пріятно курить не верхомъ на лошади, а сидя въ Кэджевэ (корзина, привѣшанная къ вычному животному). Скорченное положеніе тѣла становится черезъ нѣсколько времени невыносимымъ, невольно жаждешь какого либо движенія и считаешь истиннымъ счастьемъ взяться за трубку, набить ее и раздуть жаръ угля, чтобы доставить наслажденіе и себѣ и другимъ путешественникамъ.

Перейдемъ теперь отъ классической почвы Персіи къ болѣе сѣвернымъ областямъ Татаріи или Туркестана. Какъ кочующее, такъ и осѣдлое населеніе береговъ Оксуса и Яксарта отличается грубыми дикими нравами и находится на низшихъ ступеняхъ магометанской цивилизаціи. Тоже можно сказать и объ ихъ удовольствіяхъ; по крайней мѣрѣ трубка, сообразно общему уровню развитія, представляется намъ самою простою и некрасивою во всемъ свѣтѣ, хотя и сдѣлалась для всѣхъ необходимою и предметомъ безграничной страсти. Здѣсь, гдѣ исламъ достигъ крайней границы фанатизма и положилъ свое veto и на куреніе, онъ все же оказывается бессильнымъ противъ этого обычая; въ этомъ отношеніи средне-азіаты не уступаютъ своимъ братьямъ, и туркмены, киргизы, узбеки и таджики всѣ одинаково влюблены въ трубку. Трубка среднеазіатовъ перешла къ нимъ изъ Персіи и ее можно бы назвать вырождающею персидской. Въмѣсто роскошнаго сосуда для воды здѣсь употребляютъ выдолбленную тыкву или, за недостаткомъ ея, сосудъ грубо вырѣзанный изъ дерева. Деревянный придатокъ очень не великъ и, подобно самой трубкѣ, отличается очень грубою работою. Но самая характерная особенность всего инструмента состоитъ въ томъ, что съ одной стороны сосуда съ водою находится тонкая трубка, а съ другой круглое отверстіе, которое во время куренія затыкаютъ пальцемъ. Когда среднеазіатъ передаетъ свою трубку сосѣду, что и здѣсь входитъ въ обычай, то этотъ послѣдній выдуваетъ дымъ, оставленный его предшественникомъ въ водѣ. Этимъ движеніемъ пальца татарскій курильщикъ невольно напоминаетъ флейтиста.

Табачное растеніе произростаєтъ во всей Средней Азій, лучшее получается изъ Карпи и Шехри-Зябзя, родины великаго Тимура. Въ Хивинскомъ ханствѣ также растетъ одинъ сортъ, рафанекъ, очень прославленный и извѣстный, но который тѣмъ не менѣе по ароматичности и мягкости значительно уступаетъ персидскому. Табакъ употребляется здѣсь совершенно сухимъ, и только татарскіе языки и легкія могутъ выдерживать его крѣпкій, ѣдкій и острый дымъ; чужеземцу же достаточно затянуться одинъ разъ, чтобы поплатиться за это головою болью въ теченіе многихъ часовъ; впрочемъ и для туземца стойтъ не малаго труда приучиться къ этому растенію. Старые господа выдумали себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторое облегченіе, которое однако никакъ нельзя назвать эстетичнымъ, а именно вдыхаютъ въ себя дымъ при посредствѣ слуги, т. е. слуга затягивается изъ трубки, удерживаетъ острую, крѣпкую часть дыма и затѣмъ полною грудью вдуетъ послѣдній въ горло своего господина, сидящаго передъ нимъ съ открытымъ ртомъ. У кочующихъ народовъ особенно развита страсть къ табаку. Во время перехода нашего каравана по пустынѣ насъ часто поражалъ видъ киргиза или туркмена, который, завидя насъ издали, на всемъ скаку приближался къ нашему каравану, чтобы выпросить себѣ трубку. Въ началѣ я всегда подозрѣвалъ подобныхъ номадовъ въ разбойничьихъ намѣреніяхъ, но керванбаши (предводитель каравана) зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ наскоро набивалъ трубку и съ обычною вѣжливостью передавалъ ее новоприбывшему. Туркменъ поспѣшно хватался за любимый инструментъ, но затянувшись имъ уже разъ, глаза его начинали блистать, со втораго раза онъ садился какъ опьяненный на землю, а въ третій разъ наркотическій ядъ производилъ на него уже такое дѣйствіе, что трубка выпадала изъ его рукъ и курильщикъ впадалъ въ дикій бредъ. Многихъ схватывала дрожь и сильный припадокъ кашля, другіе падали въ обморокъ. Въ то время, какъ курильщикъ лежалъ съ нѣною у рта на землѣ, караванъ продолжалъ свой путь. Номадъ не скоро оправляется отъ этого состоянія, которое намъ, конечно, казалось бы очень мучительнымъ, но въ которомъ

онъ видитъ великое наслажденіе и охотно готовъ пробѣжать огромное разстояніе, чтобы только доставить его себѣ.

Но даже у кочующихъ народовъ въ палаткѣ богатѣйшихъ изъ нихъ чилимъ (какъ называютъ трубку въ Средней Азіи) не составляетъ рѣдкости. Въ хивинскомъ ханствѣ встрѣчается она особенно часто; въ Бухарѣ не курятъ открыто, а въ Коканѣ вообще курятъ мало. Такъ какъ среднеазіатъ ищетъ въ куреніи не столько удовольствія, сколько наркотическаго опьяненія, то курильщики, привыкшіе къ возбуждительному дѣйствію табака, нашли себѣ превосходный суррогатъ; это — опиумъ, который, какъ я убѣдился по опыту, въ Татаріи употребляется гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Турціи и Персіи. Трубки, начиненныя опиємъ, готовятся и раздаются дервишами, этими прославленными лицемѣрами, которые подъ маскою святости удаляются отъ мірской суеты въ свои ханка (монастыри), чтобы не только самимъ предаваться этому изнурительному наслажденію, но и соблазнять на него другихъ. Въ Средней Азіи ханка служить тѣмъ же, чѣмъ кофейня въ Турціи или чайная лавка въ Персіи. Извѣстныя мѣстности пользуются особенною репутаціею приготовленія маковаго яда. Въ рыночные дни и по праздникамъ въ нихъ толпятся многочисленные курильщики опиѣ. Къ несчастію, порокъ этотъ считается какъ бы атрибутомъ высокаго образованія, и во время моего пребыванія въ Хивѣ ему предавались какъ ханъ и его министры, такъ и весь чиновный міръ. Чрезвычайно замѣчательно, что всѣ курильщики опиума хотя и походятъ по исхудалости на скелеты, но живутъ обыкновенно очень долго, что дѣйствительно необъяснимо при страшномъ дѣйствіи этого яда. Люди уже привычные къ этому дѣлу набиваютъ свою трубку невѣроятно сильною дозою, и никогда не забуду я тѣхъ минутъ, которыя мнѣ случалось проводить съ такими курильщиками опиума, когда они впадали въ свои страшныя подергиванія. У многихъ все лицо искажается отвратительными гримасами; ихъ холодныя и блѣдныя губы подергиваются неестественнымъ образомъ; другіе же размахиваютъ руками и ногами,

пока послѣ страшнаго возбужденія не впадутъ въ непробудный тяжелый сонъ.

Какъ въ самой Бухарѣ, такъ и во всемъ Бухарскомъ ханствѣ ультра-набожные муллы причислили табакъ къ рубрикѣ «опьяняющихъ напитковъ», и такъ какъ эти послѣдніе запрещены Кораномъ, то какъ правительствомъ, такъ и священствомъ строго запрещено курить открыто. Тѣмъ не менѣе, на базарѣ въ Бухарѣ находится большое число табачныхъ лавокъ. Изъ этого видно, что торговля эта все таки терпится правительствомъ, и если потребители предаются этому запрещенному наслажденію дома или въ какомъ-либо укрономъ мѣстечкѣ, то никто не обращаетъ на это вниманія, такъ какъ скрытый грѣхъ совѣмъ не считается грѣхомъ. У кочующихъ народовъ много пословицъ и нравственныхъ изреченій обращено противъ наслажденія табакомъ; такъ напр. если курить путешественникъ, то пройдетъ въ 6 дней 4-хъ дневную дорогу; или: если курить герой, то утрачиваетъ любовь своего коня и своей жены и т. д. Несмотря на все это, обычай курить распространяется все болѣе и болѣе, и кочующіе сыны пустыни, окружающіе каждый прибывшій караванъ съ такою же жадностью выпрашиваютъ себѣ табаку и трубки, какъ жены ихъ хватаются за всякій яркій коленкорový лоскутокъ или за блестящую коралловую нить.

Во время своихъ хищническихъ набѣговъ, туркмены привязываютъ съ одной стороны своего мѣшка съ провизіей небольшой запасъ корма для своего коня, а съ другой—неизбѣжный, грязный аппаратъ для куренія. Они охотно откажутся даже отъ необходимой пищи, если только могутъ предаться опьяняющему наслажденію трубкой. Понятно, что въ средней Азіи съ табакомъ обращаются далеко не расточительно. Одна и таже трубка служитъ часто цѣлому обществу; старцы и представители племенъ затягиваются первые, за ними слѣдуютъ менѣе важные люди, а юношамъ и рабамъ предоставляется уже совершенно обуглившійся остатокъ. Въ выкуренной трубкѣ остаются только одни угли. Улемы или ученые, къ которымъ въ Бухарѣ принадлежатъ всѣ знатные люди, считаютъ трубку нечистою; они не курятъ та-

бакъ, но нюхаютъ его, и притомъ такимъ отвратительнымъ образомъ, какъ трудно даже представить себѣ въ Европѣ. Почти всѣ эти глубокіе ученые, и кромѣ того многіе другіе, носятъ въ своемъ поясѣ маленькую тыкву, служащую имъ табакеркой; почти каждыя десять минутъ они хватаются за послѣднюю, насыпаютъ себѣ на верхнюю поверхность руки буро-желтую пыль, довольно безвкусную, но притомъ острую, подносятъ ее къ широкимъ ноздрямъ и втягиваютъ въ себя сильнымъ вдыханіемъ. Такимъ же образомъ нюхаютъ табакъ и въ другихъ мѣстахъ; но всего отвратительнѣе привычка всовывать табакъ не въ носъ, но тремя пальцами въ ротъ, причемъ его зажимаютъ между языкомъ, небомъ, придерживаютъ во рту нѣсколько минутъ и затѣмъ выплевываютъ. Нельзя не пожалѣть о тѣхъ несчастныхъ, которымъ приходится вести разговоръ съ подобною личностью, такъ какъ на нихъ поминутно попадаютъ табачные брызги.

Въ Бухарѣ, Авганистанѣ и сѣверной Индіи повсемѣстно распространѣн отвратительный обычай жевать табакъ, и его считаютъ отличнымъ средствомъ противъ зубной боли. Возможно, что это и справедливо, но легко себѣ представить, какъ безобразить это зубы. Въ особенности отвратительны женщины, которыя, изъ желанія избѣжать грѣха курить табакъ, предаются этой безобразной привычкѣ. У мужчинъ борода скрываетъ еще до нѣкоторой степени падающую пыль, у женщинъ же гладкій подбородокъ всегда хранитъ грязные слѣды этого удовольствія, и потому я нахожу совершенно естественнымъ, что эти обезображенные дамы кажутся не слишкомъ привлекательными своимъ мужьямъ. Въ Средней Азіи трубка всегда сопровождается чаемъ, и въ особенности кирпичнымъ чаемъ. Напитокъ этотъ, приправленный саломъ и солью, вполне гармонируетъ съ этимъ грубымъ наслажденіемъ и послѣ нѣсколько часового перехода по пустынѣ производитъ дѣйствительно удивительное оживляющее дѣйствіе на усталыхъ членовъ каравана. Чай пьютъ горячимъ и послѣ каждого глотка затягиваются изъ трубки. По мнѣнію татарина, чай и трубка должны всегда идти вмѣстѣ; первый расширяетъ жилы и разжижаетъ кровь, а трубка освѣжаетъ голову и мозгъ. Тата-

ринъ вполнѣ убѣжденъ, что хорошая трубка значительно усиливаетъ зрѣніе.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть объ импровизированныхъ трубкахъ киргизовъ. Эти кочевники умѣютъ доставлять себѣ наслажденіе куренія среди пустыни, безъ всякаго приспособленія, если только имѣютъ подъ рукою немного воды. Мнѣ часто рассказывали объ этомъ, и чтобы убѣдиться, я попросилъ одного киргиза показать мнѣ этотъ фокусъ. Онъ долго шарилъ по полю, пока не отыскалъ глинистую почву; затѣмъ онъ вырылъ сначала въ землѣ маленькую ямку, отверстіе которой было гораздо уже внутренняго пространства. Ямку эту онъ наполнилъ водою и прикрылъ ее трубкою, наскоро приготовленною изъ сырой глины; въ отверстіе всунулъ онъ тростинку, приведя ее въ соприкосновеніе съ водою, такъ что кончикъ видѣлся пальца на два изъ подъ земли. Затѣмъ киргизъ вытянулся на землѣ передъ своею неподвижною трубкою и сталъ курить съ такимъ же наслажденіемъ, какъ будто бы находился во дворцѣ турецкаго или персидскаго сановника. О чистотѣ, конечно, онъ заботился при этомъ очень мало. Кочующіе народы идутъ еще далѣе и вмѣсто табаку употребляютъ одно стенное растеніе. Суррогатъ этотъ растетъ въ видѣ низкаго кустарника, имѣетъ продолговатые листья, въ высушенномъ состояніи бываетъ чернаго цвѣта и такъ крѣпокъ, что европейцу достаточно затянуться имъ разъ, чтобы поплатиться за это головою болью въ теченіи многихъ часовъ. Какъ видно изъ этого, трубка, въ ея самой изящной и самой грубой формѣ, всюду пользуется одинаковымъ попеченіемъ и любовью. Магометанскій народъ, отъ Турціи до далекихъ границъ небесной имперіи, считаетъ ее послѣ хлѣба необходимою приправою жизни; кромѣ того, она составляетъ времяпрепровожденіе для восточнаго свѣта съ его любовью къ *dolce far niente*, и много часовъ проходить легко и пріятно за пусканіемъ колечекъ дыма. Можно быть увѣреннымъ, что если народы Запада и откажутся когда-нибудь отъ табаку, то жители Востока всегда останутся ему вѣрными, такъ какъ трубка вполнѣ срослась со всею ихъ жизнью и ихъ нравами.

Предписываемое религіей воздержаніе отъ вина и спиртныхъ напитковъ значительно увеличило страсть къ наркотическимъ наслажденіямъ. *Гашишъ*, *бенъ* и *опіумъ*, и разныя другія вещества, всѣ одинаково разрушительно дѣйствующія на нервную систему и умственныя способности людей, находятся въ сравнительно незначительномъ распространеніи въ той части магометанскаго общества, которая преступила заповѣдь наслаждаться виномъ и другими спиртными напитками. Доказано, что со времени введенія раки число курильщиковъ опіума въ Турціи значительно уменьшилось, между тѣмъ какъ оно постоянно увеличивается въ болѣе восточныхъ странахъ, которыя строго придерживаются религіозныхъ законовъ. Въ Стамбулѣ сохранилось только воспоминаніе объ «Афіунджиляръ» (курильщики опіума), гдѣ обезображенныя жертвы этой пагубной страсти подъ тѣнью высокихъ деревьевъ насильственно разрушали въ себѣ духъ и тѣло. Часто рассказывали мнѣ, что это увеселительное мѣсто — а такихъ было нѣсколько — съ ранняго утра до поздняго вечера было наполнено народомъ. Курильщикъ опіума судорожно сжималъ въ лѣвой рукѣ трубку, а правою держалъ большую чашку кофе, размахивая ею, чтобы поскорѣе охладить ее. Въ это время часто случалось, что шаловливые уличные мальчишки тихонько подкрадывались къ нему сзади и при помощи длинныхъ соломонокъ вытягивали у него весь его кофе. Живой скелетъ, въ полномъ убѣжденіи, что вынулъ его самъ, съ особеннымъ смѣхомъ, который свойственъ всѣмъ курильщикамъ опіума, обращался къ слугѣ съ требованіемъ: «Кавэджи долъдуръ!» (подлей еще). Чрезвычайно замѣчательно, что законъ религіи закрываетъ глаза относительно этихъ самоубійць. Безуміе этихъ людей объясняется какъ намѣренное подавленіе чувствъ, чтобы чрезъ это еще жарче предаться религіознымъ размышленіямъ. Многие, доведшіе порокъ этотъ до сумасшествія, прослыли святыми, и мнѣ самому случилось встрѣтиться съ подобнымъ полумертвецомъ, который исполнѣ серьезно утѣрялъ меня, что по временамъ внутренній огонь въ его тѣлѣ становится такъ силенъ, что онъ можетъ однимъ своимъ прикосновеніемъ превратить въ укусъ цѣлую бочку вина.

Въ Турціи, какъ уже сказано, введеніе раки положило предѣлъ этому злу, и въ настоящее время почти только одни дервиши стараются употребленіемъ гашиша или опиума довести себя до видѣній и чрезъ это предвкусить будущее блаженство. Поэтому у нихъ всѣ наркотическіе вещества слывутъ подъ именемъ «*эсраръ*» (тайнства). Турецкій эсраръ готовится изъ знаменитыхъ маковыхъ плантацій Бруссы, Исмида и Мосула. Верхніе листки и стебли тщательно собираются, сушатся и растираются при помощи особаго рода патоки въ маленькія лепешки, которыя при куреніи разламываются на куски и кладутся на угли кальяна. Иногда къ этимъ лепешкамъ примѣшиваютъ разныя ароматическія приправы, еще увеличивающія ихъ дѣйствіе и показывающія еще яснѣе чудныя картины рая и усиливающія предчувствіе веземнаго блаженства. Эсраръ встрѣчается также въ формѣ маленькихъ тонкихъ палочекъ, и я самъ проглотилъ однажды кусочекъ такой палочки, величиною съ горошину, чтобы яснѣе убѣдить себя въ ихъ дѣйствіи. Но мой опытъ въ этомъ отношеніи къ сожалѣнію очень ограниченъ, такъ какъ начало и конецъ оныянія проявились совершенно такъ же, какъ и отъ легкаго дѣйствія вина. Впрочемъ, то общество, въ которомъ я находился, въ послѣдствіи рассказывало мнѣ очень забавныя исторіи о моей необыкновенной веселости, окончившейся само собою разумѣется глубокимъ сномъ. Я зналъ европейцевъ, которые подъ вліяніемъ гашиша воображали себя великими поэтами и записывали свои вдохновенія на бумагѣ, но по пробужденіи сами убѣждались въ безумномъ вздорѣ своихъ галлюцинацій. Къ сожалѣнію, многіе европейцы сдѣлались жертвами этого порока, между прочимъ англійскій генераль Г. и баронъ С. Послѣдній, чрезвычайно талантливый и богатый человекъ, палъ наконецъ такъ низко, что цѣлые годы не чесался и не мылся, исхудалъ какъ скелетъ, вмѣсто платья одѣвался въ какія-то лохмотья и въ такомъ видѣ расхаживалъ по улицамъ Константинополя. Его можно было принять за сумасшедшаго, еслибы его иногда въ высшей степени остроумный разговоръ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ не доказывалъ противнаго. Я никогда не забуду, какъ этотъ, когда-то

такой богатый и важный человекъ, прошелъ однажды передъ моимъ домомъ въ Стамбулѣ во время сильнаго зимняго мороза, прикрытый лохмотьями, громко припѣвая:

„Востоку, Востоку,
Гдѣ вѣчно ясный небосклонъ!“

Онъ кончилъ, само собою разумѣется, на улицѣ.

Какъ уже замѣчено, употребленіе наркотическихъ средствъ все усиливается по мѣрѣ нашего удаленія къ востоку. Въ Персіи важную роль играетъ бенгъ, приготовляемый изъ листьевъ *sanabis indica*, растенія, воздѣлываемаго дервишами, а кромѣ того почти каждый человекъ высшаго общества отъ времени до времени глотаетъ маленькія пилюли опиума и тирьяка. «Персъ, который въ теченіи сорока или 50 лѣтъ сряду употребляетъ опиумъ, говоритъ Поллакъ, рѣдко однако принимаетъ въ день болѣе 1—2 граммъ, такъ что въ мѣсяцъ онъ проглатываетъ его отъ 1 до 1½ мискаля (60 до 90 граммъ). Въ сырыхъ низменностяхъ около Каспійскаго моря ежедневная порція бываетъ вдвое больше обыкновенной, отъ 3 до 4 граммъ. У людей, употребляющихъ опиумъ съ такою правильностью, даже при постепенномъ увеличеніи порціи, онъ повидимому не отзывается такъ вредно на весь организмъ, не производитъ никакого нарушенія въ умственныхъ и тѣлесныхъ отправленіяхъ, рѣдко ведетъ къ ослабленію желудка и вообще относится довольно индифферентно ко всѣмъ отправленіямъ человѣческаго тѣла. Говорятъ, что если начать курить опиумъ на 40-мъ, а у Каспійскаго моря на 35-мъ году жизни, то онъ уже не дѣйствуетъ такъ вредно, какъ въ молодыхъ годахъ; персы утверждаютъ даже, что начиная съ 50 лѣтъ человекъ долженъ принимать опиумъ, чтобы сохранить свою силу и свѣжесть, и дожить до преклонныхъ лѣтъ, и я дѣйствительно зналъ стариковъ, отъ 60 до 90 лѣтъ, которые уже болѣе полустолѣтія принимали ежедневно свою порцію опиума.»—Малькольмъ рассказываетъ объ одномъ персидскомъ сановникѣ, съ которымъ познакомился во время своего перваго путешествія въ Персію

и который поразилъ его въ особенности огромнымъ количествомъ тиріака, которое онъ принималъ ежедневно. Малькольмъ старался удерживать его отъ этого страшнаго яда, пророча ему, что онъ скоро сведетъ себя въ могилу. Двѣнадцать лѣтъ спустя, Малькольмъ снова встрѣтилъ этого перса, который казался совершенно бодрымъ и свѣжимъ и уже издали привѣтствовалъ его словами: «Те саябъ! я удвоилъ мою порцію и, какъ видишь, сижу совершенно крѣпко въ сѣдлѣ, вмѣсто того, чтобы лежать въ могилѣ». Но при употребленіи чера дѣло обстоитъ конечно уже совершенно иначе. Этотъ послѣдній употребляется уже прямо какъ одуряющее средство и принимается въ видѣ дыма при помощи трубки. Поллакъ утверждаетъ впрочемъ, что куреніе чера, если только придерживаться извѣстной мѣры, не дѣйствуетъ расслабляющимъ и угнетающимъ образомъ, напротивъ того возбуждаетъ фантазію, располагаетъ къ веселости и придаетъ мыслямъ ясность и оживленіе. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, я могу подтвердить слова Поллака, такъ какъ зналъ многихъ персидскихъ *bel-esprits*, фантазія которыхъ подъ вліяніемъ чера дѣйствительно усиливалась въ необыкновенной степени. Чудесному дѣйствію чера приписываютъ также храбрость магометанскихъ воиновъ, какъ это доказывается многими новѣйшими историческими событіями; такъ напр. говорятъ, что этотъ препаратъ былъ причиною того измѣническаго поступка, который начался съ того, что Экберъ Ханъ застрѣлилъ англійскаго полковника Макнотэна во время разговора, что повело за собою страшную для англичанъ катастрофу въ Авганистанѣ. Поэтому, частому употребленію этого яда не даромъ приписываютъ многіе изъ переворотовъ въ государствѣ и религіозной жизни Ирана, такъ какъ то состояніе экстаза, которое онъ возбуждаетъ, у однихъ усиливаетъ въ высшей степени фантазію, другихъ же обращаетъ въ безсознательное орудіе въ рукахъ ихъ вождей. Подобными же мотивами объясняютъ и дѣйствія столь опасной одно время секты ассасиновъ, берущей свое имя отъ арабскаго слова *гашашинъ* (потребитель гашиша), а также коммунистической секты бабіевъ. Во всякомъ случаѣ потребители опиума, если только своєю не-

умѣренностью не вполне разстрогать свою нервную систему, отличаются отъ другихъ жителей Востока своимъ оживленнымъ, яркимъ блескомъ глазъ, живою рѣчью и проворными движеніями, и часто случается, что до преклонныхъ лѣтъ они сохраняютъ бодрость и дѣятельность. Но опытъ все таки показываетъ, что вообще люди, предающіеся употребленію этого опаснаго средства, рѣдко доживаютъ до 40 лѣтъ, и въ Средней Азіи изъ 10 потребителей опиума 8 навѣрное становятся жертвами этой страсти. Тамъ, гдѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ считается смертнымъ грѣхомъ, потребители опиума встрѣчаются очень часто, въ особенности вблизи монастырей дервишей. Часто случалось мнѣ наблюдать съ ужасомъ, какъ сильные, бодрые люди черезъ вдыханіе въ себя этого яда въ очень короткое время совершенно разрушали себя какъ тѣлесно, такъ и умственно. Порокъ этотъ рѣдко влечетъ за собою смерть; жертва его становится отвратительнымъ скелетомъ и полуумнымъ идіотомъ, но тѣмъ не менѣе достигаетъ преклонныхъ лѣтъ и даже менѣе подвергается болѣзнямъ, чѣмъ другіе люди; но все таки какъ печально должно быть существованіе этого бродячаго трупа и какъ громаденъ вредъ опиума сравнительно съ дѣйствіемъ спиртныхъ напитковъ!

Бані и омовенія.

Законы о баняхъ и омовеніяхъ, предписанные пророкомъ правовѣрнымъ, по строгости мало уступаютъ законамъ браминской религіи. Приписывалъ ли самъ пророкъ слову «тѣтаххеру» (очищайтесь) только физическій смыслъ, а не нравственный, или же тѣлесная чистота должна была служить видимымъ выраженіемъ духовной, — предоставляемъ это рѣшить толкователямъ Корана. Но одно несомнѣнно, — это то, что слово это заставляетъ всѣхъ магометанъ Азіи видѣть въ баняхъ не только необходимѣйшую потребность жизни, но и строгое религіозное предписаніе. Въ настоящее время впрочемъ на всемъ магометанскомъ Востокѣ въ баню отправляются не только для выполненія божескаго закона, для омовенія себя, но видятъ въ этомъ удовольствіе, которому всѣ предаются со страстью. Вернувшись съ утомительнаго пути, окончивъ тяжелую работу, желая оправиться отъ перенесеннаго испуга или отъ чрезмѣрныхъ наслажденій — всѣ тотчасъ отправляются въ баню. Бѣдные и богатые, старые и малые, всѣ предаются этой страсти. То, что у нѣмцевъ называется «Trinkgeld», у русскихъ «на водку», а у китайцевъ «на чай», то на Востокѣ значитъ «на баню». Если хотятъ выставить преимущества какого-либо города, то начинаютъ съ описанія его бань; если же, напротивъ того, имѣютъ въ виду выставить его въ дурномъ свѣтѣ, то распространяются о грязи послѣднихъ, и такъ же какъ иные думаютъ увѣковѣчить свое имя построеніемъ мечетей и караванса-

раевъ, такъ другіе достигаютъ этой цѣли, можетъ быть еще вѣрнѣе, построеніемъ просторныхъ, богатыхъ водою бань. Но какую-бы цѣль ни имѣлъ въ виду самъ пророкъ, несомнѣнно, что въ гигиеническомъ отношеніи онъ сталъ благодѣтелемъ своего народа, такъ какъ при жаркомъ климатѣ большей части восточныхъ странъ частыя омовенія спасаютъ отъ многихъ болѣзней.

Во всей великой области магометанскаго міра, Константинополь есть безспорно тотъ городъ, гдѣ восточныя понятія объ удобствахъ подверглись наиболѣе вліянію западныхъ понятій, и бани ихъ также отличаются отъ всѣхъ другихъ красотою, богатствомъ убранства и элегантностью. Близость богатыхъ мраморомъ острововъ Средиземнаго моря также не мало способствовала великолѣпію бань на родинѣ византійско-римской архитектуры. Много помогло этому также существованіе съ давняго времени большихъ водопроводовъ, и съ тѣхъ поръ, какъ полумѣсяцъ, приписывающій такую догматическую важность банямъ и омовеніямъ, вытѣснилъ изъ Византіи крестъ, разныя драгоценности, вывезенныя изъ Европы во время хищныхъ набѣговъ магометанъ, послужили главнымъ образомъ для украшенія бань. Странная смѣсь понятій о чистоплотности, представляется мнѣ, когда я припоминаю всѣ бани, которыя случалось мнѣ видѣть въ разныхъ магометанскихъ странахъ. Всего же болѣе представляется мнѣ османлискъ, въ особенности принадлежащій къ классу эфенди, когда онъ съ серьезнымъ лицомъ идетъ важною походкою, тогда какъ слѣдующій за нимъ слуга несетъ большой узелъ бѣлья. Онъ едва успѣлъ отворить ведущую въ баню дверь, какъ хозяинъ бани и многочисленная толпа слугъ почтительно выходятъ къ нему на встрѣчу. На высшей площадкѣ сѣней съ большимъ куполомъ новоприбывшаго уже ожидаетъ мягкій диванъ. Всѣ руки заняты раздѣваніемъ его, ноги его всовываютъ въ наалинъ (деревянные башмаки), и нашъ эфенди, почти совершенно нагой, только въ одномъ футта (передникъ) расхаживаетъ такъ гордо, какъ будто бы находился на парадѣ во всѣхъ своихъ орденахъ. За голымъ господиномъ слѣдуетъ также голый слуга съ чубукомъ и чашкою. Отъ передней залы до первой теплой

комнаты всего нѣсколько шаговъ, тѣмъ не менѣ здѣсь опять надо отдохнуть, выкурить трубку и выпить чашку кофе. Вслѣдъ за этимъ чибукчи удаляется и нѣсколько деллаковъ (служители бань) приближаются къ знатному посѣтителю, стыдливо опуская глаза въ землю, какъ требуетъ этого хорошій тонъ; всѣ они сыны Грузин и отличаются красотою формъ и полнотою своихъ членовъ. Тѣлодвиженія, игра глазъ, киваніе головой, все это у хорошо воспитанныхъ деллаковъ совершается по извѣстнымъ правиламъ. По знаку эфенди вся юношеская толпа (бородатые не принимаются на эту службу) тихо схватываютъ его за члены. Сначала его слегка подергиваютъ, а потомъ принимаются мять. При этомъ та игра глазъ, которою этотъ господинъ, котораго мнутъ словно тѣсто, выражаетъ свое большее или меньшее удовольствіе сынамъ Грузіи или Кавказа, рѣшительно неподражаема для европейца.

Изъ умѣренно-теплой комнаты измученный посѣтитель переходитъ въ жаркое отдѣленіе, которое повсюду убрано съ большимъ великолѣпіемъ и составляетъ настоящую святую святыхъ турецкихъ гамамовъ (бань). Солнечные лучи, проходящіе чрезъ шарообразныя, большею частью зеленныя стекла, прикрѣпленныя къ куполу, освѣщаютъ своеобразную картину. Самое легкое движеніе вызываетъ уже здѣсь сильный отголосокъ, и звонъ тонкихъ металлическихъ чашъ, которыми льютъ на себя воду изъ бассейна въ видѣ раковины, шипѣніе мыльной пѣны, аханье и кряхтѣніе моющихся, къ которымъ нерѣдко примѣшиваются звуки веселой пѣсни,—все это производитъ поразительное впечатлѣніе. Куполь этотъ обманываетъ многихъ относительно силы ихъ собственнаго голоса, и многіе предаются здѣсь кратковременнымъ иллюзіямъ относительно его красоты и размѣровъ. Вслѣдствіе этого турецкая пословица и говоритъ о человѣкѣ, воображающемъ о себѣ слишкомъ много: «Онъ кажется пробовалъ свой голосъ въ гамамѣ». Посреди этой комнаты, прямо подъ куполомъ, находится двухфутовое возвышеніе въ видѣ терассы, называемое «гобекъ таши»; здѣсь собираются всѣ любители бань, которые, послѣ того, какъ въ тѣлѣ ихъ уже не осталось ни капли пота, по цѣлымъ часамъ еще бодро разговариваютъ, курятъ табакъ, пьютъ кофе,

иногда развлекаются картами, шахматами или игрою въ трикъ-тракъ, и все это при температурѣ въ 40° R. Еслибы эти гобекташи умѣли говорить, то конечно могли бы многое поразсказать о женскихъ посѣтительницахъ бань, о молодыхъ ханимахъ (турецкія дамы), о кокетливыхъ черкешенкахъ и объ услужливыхъ дочеряхъ Абиссиніи. Я зналъ въ Турціи дамъ, которыя проводили по шести часовъ сряду въ гобекташѣ, употребляли каждый разъ до четырехъ кусковъ мыла на свои волосы, и хотя кожа ихъ начинала походить на вываренную курицу, тѣмъ не менѣе онѣ 3 или 4 раза въ недѣлю предавались этому удовольствію. Удивляться этому нечего! Бани, особенно въ зимнее время, служатъ собраніями для всѣхъ турецкихъ дамъ и замѣняютъ имъ оперу и концерты. Освободившись отъ мужскихъ взоровъ, какъ и отъ взоровъ собственнаго нѣжнаго супруга, онѣ предаются здѣсь безъ стѣсненія всевозможнымъ шуткамъ и играмъ. Въ молчаніи прислуги заручаются подарками, и прислуга дѣйствительно молчитъ. Но интересно было бы выманить у гобек-таши разсказъ о всемъ томъ, чего ему приходилось быть свидѣтелемъ.

Приверженцы древне-восточнаго этикета предпочитаютъ публичной залѣ замкнутость маленькихъ отдѣльныхъ кабинетовъ, передъ отверстіемъ которыхъ вѣшается занавѣсъ съ красно-голубыми полосами, за которую могутъ переступить только собственный слуга, а не прислуга при банѣ. Благовоспитанные люди вообще удерживаются отъ всѣхъ шумныхъ движеній и громкихъ плесковъ водою, отъ стоновъ и аханья. Обряды приличія строго опредѣляютъ, сколько кувшиновъ воды надо вылить на ту или другую часть тѣла, съ которой слѣдуетъ начинать; но что касается покроя и качества бѣлья и количества іерусалимскаго мыла, то этимъ распоряжается измѣняющая мода. Не меньшими церемоніями сопровождается и выходъ изъ внутреннихъ покоевъ бани. Въ каждомъ отдѣленіи приходится заворачиваться иначе, и прежде чѣмъ дойти до первой залы, гдѣ оставлено платье, приходится облачаться въ очень странные костюмы. Процессъ обсушиванія, подаваніе шербета, кофе и другихъ прохла-

дительныхъ напитковъ, несносныя пожеланія здоровья со стороны прислуги и т. д., — все это ужасно надоѣдаетъ европейцу, но кажется выполнѣ естественнымъ терпѣливому, выносливому магометанину и въ его понятіяхъ неразрывно связано съ удовольствіемъ бани. Въ отдаленныхъ частяхъ Азіи баня, *lucus a non lucendo*, скорѣе представляетъ заведеніе, гдѣ можно выпачкаться, чѣмъ очиститься. Чѣмъ дальше удаляешься отъ Константинополя къ Востоку, тѣмъ примитивнѣе становится гамамъ, и даже въ Персіи, въ древнемъ Иранѣ, баня кажется далеко непривлекательною для европейца. Въ азіатской части Оттоманской имперіи Эрзерумъ, Харпутъ, Мосуль, Кесарія, въ особенности же Дамаскъ славятся своими банями. Послѣдній городъ, носящій прозвище «благоухающій», отличается богатствомъ воды. Каждый домовладѣлецъ имѣетъ право основать свои собственныя бани. Однако, хотя многія изъ главныхъ бань основаны еще въ глубокой древности, но по постройкѣ и употребленному на нихъ матеріалу, онѣ значительно уступаютъ банямъ Стамбула.

Настоящею пародіею бани слѣдуетъ назвать такое заведеніе въ Иранѣ, въ этомъ царствѣ древне-азиатской цивилизаціи, въ странѣ, гдѣ всѣ убѣждены, что стоятъ на высшей ступени утонченности, а все остальное человѣчество утопаетъ въ грубости; у народа, который даже прикосновеніе невѣрнаго считаетъ пятномъ, которое можетъ быть смыто только священнымъ омовеніемъ. Когда въ первый разъ я посѣтилъ въ Персіи подобное заведеніе, то уже внѣшній видъ его съ наваленными передъ нимъ кучами конскаго навоза, здѣшняго топлива, возбудилъ мое отвращеніе; но оно еще усилилось, когда, пройдя черезъ круглую переднюю залу, стѣны которой были украшены сценами битвъ изъ эпоса Фирдуси, я вступилъ во внутренніе покои, похожіе скорѣе на погребъ. Со всѣхъ сторонъ кидалась въ глаза грязь съ претензіями на роскошь. Здѣсь церемонія раздѣванія не распредѣляется на нѣсколько комнатъ и купальное бѣлье далеко не въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ въ Турціи. Почти невозможно посѣтить персидскую баню, чтобы не унести съ собою нѣсколько живыхъ и ползающихъ воспоминаній о ней. Уже въ первой

комнатъ вошедшаго охватываетъ сырой и чрезвычайно непріятный запахъ гены или красильнаго вещества (*Lawsonia inermis*) и другихъ маселъ. Но запахъ этотъ становится еще гораздо интенсивнѣе и невыносимѣе во второй комнатѣ—настоящей ваннѣ. Тѣ, которые желаютъ совершить предписанныя закономъ полныя омовенія, входить въ находящійся здѣсь четырехъугольный водоемъ. Въѣстимость его невелика и вода въ немъ мѣняется только одинъ разъ въ день, и когда мнѣ случилось видѣть отъ 8 до 10 персіанъ, стоящихъ вмѣстѣ въ этой грязной лужѣ и трущихся другъ о друга, чтобы стереть съ себя верхнюю перхоть, то я невольно начиналъ раздѣлять то отвращеніе, которое турки чувствуютъ къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Въ турецкихъ баняхъ туалетъ совершаютъ обыкновенно въ жаркомъ отдѣленіи, но персіане предаются этому важному занятію въ третьей, болѣе прохладной комнатѣ; и для нихъ это даже необходимо, такъ какъ двухчасовая операція, во время которой деглякъ занимается окрашиваніемъ волосъ бороды, подошвъ, ладоней и ногтей—посредствомъ упомянутаго растенія, все это окрашивается въ темнокрасный цвѣтъ — была бы нестерпима при высокой температурѣ. Окрашиваніе себя геною составляетъ непонятную страсть персовъ, отъ которыхъ она перешла къ авганамъ. Не только взрослые мужчины и женщины, но даже новорожденные дѣти раскрашиваются геной. При помощи этого растенія бѣлая лошадь превращается въ рыжую, а если въ генну окрашенъ хвостъ лошади, то это значитъ, что она служитъ для исключительнаго употребленія его величества шаха. Генна употребляется для большого числа различныхъ цѣлей и цвѣтъ ея измѣняется отъ темнаго до кирпично-краснаго. Если старики прибѣгаютъ къ ней, чтобы скрыть свои годы, то это вполне естественно, но мы никакъ не можемъ понять, какими соображеніями руководится персъ, хвалящійся своимъ утонченнымъ вкусомъ, когда окрашиваетъ свою черную бороду въ кирпичный цвѣтъ. Но еще менѣе можемъ мы раздѣлять его понятія о чистоплотности, которыя заставляютъ его окрашивать себѣ ладони рукъ, чтобы на нихъ незамѣтно было грязи.

Если ужъ мужчины проводятъ въ баняхъ по два часа за своимъ туалетомъ, то конечно не должно казаться удивительнымъ, что женщины посвящаютъ этому важному занятію отъ четырехъ до шести часовъ. Но западный читатель никакъ не долженъ воображать себѣ, что дама въ этомъ издревле прославленномъ отечествѣ розъ выходитъ изъ бани наряженная и украшенная. Хотя вообще персіянки соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о женской красотѣ, по туалетъ ихъ, въ которомъ краска играетъ важную роль, чрезвычайно обезображиваетъ ихъ. Точно также глазъ европейца не видитъ и слѣда привлекательной красоты въ родимомъ пятнѣ (халь), будетъ ли оно природное или искусственное, между тѣмъ восточные поэты такъ высоко цѣнятъ и прославляютъ его, что Гафизъ согласенъ былъ даже отдать два замѣчательнѣйшихъ города Средней Азіи за пару родимыхъ пятенъ. Персидскія женщины татуируютъ себѣ щеки, шею и грудь посредствомъ ѣдкаго камня, а дамы полусвѣта покрываютъ себя даже чрезвычайно смѣлыми рисунками, и въ Испани одна эмансипированная дочь Ирана вывела даже на себѣ большую картину охоты. Несмотря на всѣ заботы, которыя персидскія дамы посвящаютъ своему туалету, относительно чистоплотности онѣ далеко уступаютъ турчанкамъ. Мыло употребляютъ только богатѣйшія изъ нихъ, простонародью же суррогатомъ его служить одинъ родъ глины, которую иногда парфюмируютъ духами; по большей же части употребляютъ безъ всякихъ приправъ, въ ея естественномъ состояніи. Въ особенности же не отличаются чистотою волосы, которые не моютъ, но покрываютъ толстою корою ренга—родъ тѣста чернаго цвѣта. Чтобы не приходилось каждый день чистить и расчесывать волосы, многіе примѣшиваютъ къ ренгѣ клейкія вещества, и можно представить себѣ, какъ благоухаетъ головка подобной красавицы, въ особенности въ лѣтнее время. Какъ различны внѣшній видъ и внутреннее устройство персидскихъ бань отъ турецкихъ, такъ же различно и время посѣщенія ихъ въ обѣихъ странахъ. Въ Турціи въ ранніе часы утра только бѣдные и подчиненные посѣщаютъ бани, но въ Персіи совсѣмъ иначе. Здѣсь чужеземца уже съ ранняго утра поражаетъ одно-

образный звукъ трубы; это подается сигналъ всѣмъ правовѣрнымъ, что бассейнъ въ баняхъ наполненъ теплою водою. Такимъ же образомъ какъ въ Европѣ выгоняють по утрамъ изъ стойлъ скотъ и лошадей на водопой, такъ же въ Персіи напоминають повелѣніе Пророка «тетахеру!» Но хотя и давно уже раздается ежедневно призывъ трубы, но и до сихъ поръ еще не понялъ персъ настоящаго смысла слова своего Пророка.

Въ еще болѣе восточныхъ областяхъ магометанской цивилизаціи, у авгановъ, туркестанцевъ, туркменовъ и киргизовъ бани составляютъ учрежденіе далеко не малой важности. Бани въ сунитскихъ Хивѣ, Бухарѣ и Гератѣ по постройкѣ и внутреннему убранству стоятъ на одинаково низкой степени и производятъ впечатлѣніе крайней нищеты. Въ столицѣ узбековъ, также какъ и на берегу Зарешана бани находятся обыкновенно подъ землею. По лѣстницѣ спускаются въ дѣхлицъ (переднюю часть зданія), гдѣ складываютъ свое платье въ отдѣльныя кучки, причемъ случаи воровства или подмѣниванія чрезвычайно рѣдки. Отсюда тѣсный ходъ ведетъ въ настоящій гамамъ, или какъ называютъ его узбеки, въ исигликъ, гдѣ руки могучихъ татаръ растирають и разминають посѣтителя. Мнѣ случалось видѣть какъ два такихъ услужливыхъ великана заразъ обрабатывали свою жертву, и «champrooing», какъ говорятъ англичане, ни въ одной части Азіи не развито такъ сильно какъ въ упомянутыхъ странахъ. Изъ гамама переходятъ въ настоящее мѣсто купанья; оно состоитъ изъ камеры съ куполообразною крышею, посрединѣ которой находится большой, наполненный водою котелъ, снабженный кранами, такъ что каждый изъ купающихся можетъ по желанію самъ облить себя горячею водою. Противъ cadaго крана находится огороженное мѣсто, такъ какъ по магометанскому закону брызги воды, попавшіе на сосѣда, дѣлають его нечистымъ. Краны въ Турціи и Персіи приготовляются изъ серебра или желтой мѣди искусной работы, но у узбековъ они просто деревянные. Въ ихъ заведеніяхъ вообще не замѣтно и слѣдовъ роскоши, зато и плата сравнительно ничтожна, и часто даже, чего никогда не случается въ

западной Азіи, многихъ посѣтителей пускаютъ бесплатно, особенно зимою, чтобы спасти отъ тяжкаго грѣха правотѣрнаго, который уже не имѣетъ возможности совершать свои благочестивыя омовенія въ открытой рѣкѣ.

Кочующее населеніе Туркестана выполняетъ эту религіозную обязанность чрезвычайно своеобразно, такъ какъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, человѣка пренебрегающаго гусль (полное омовеніе съ головы до ногъ) ставятъ почти на ряду съ отступникомъ. Въ стѣняхъ Гергня, въ окрестностяхъ Мерва, также какъ къ сѣверу отъ Яксарта и Оксуса, всюду, гдѣ располагаются станомъ номады, часто по утрамъ случается видѣть матрону, стоящую передъ входомъ своей палатки съ распушеннымъ платкомъ въ рукахъ; за этою импровизированною занавѣскою находится ея супругъ, который обливаетъ голое тѣло своей супруги нѣсколькими ведрами холодной воды. Когда караванъ нашъ проѣзжалъ по безводной пустынѣ мимо такихъ палатокъ, мнѣ часто случалось видѣть какъ присѣвшаго на корточкахъ номада слуга его осыпалъ пескомъ, — поистинѣ не особенно пріятный туалетъ! Но это считается суррогатомъ бани, точно также какъ существуютъ извѣстные суррогаты омовеній (тэйелимунъ), къ которымъ мнѣ самому приходилось прибѣгать, когда мы путешествовали въ степи, гдѣ нельзя было достать даже воды для питья, не только что для обрядныхъ омовеній. Если палатки раскинуты на берегу рѣки, въ особенности же если присутствіе и надзоръ муллы побуждаютъ къ строгому выполненію закона, молодыя женщины никогда не забываютъ уже съ ранняго утра погружаться въ холодныя ванны, при чемъ взоры чужихъ и знакомыхъ нисколько не стѣсняютъ ихъ; магометанскія понятія о приличіяхъ еще не перешли къ нимъ, но за то имъ неизвѣстны также и соединенные съ ними пороки.

Послѣ ваннъ первое мѣсто въ обрядовыхъ предписаніяхъ магометанъ занимаютъ омовенія. Дѣйствительно, странно видѣть передъ собою цѣлый народъ, который, занимаясь подробностями своего туалета, воображаетъ себѣ, что совершаетъ богоугодное дѣло. У магометанъ существуютъ даже толстыя книги, рассматривающія съ чисто-восточ-

наго мелочностью и подробностью всѣ мельчайшіе пункты этихъ предписаній. Конечно, европеецъ не можетъ удержаться отъ улыбки каждый разъ, когда ему случается видѣть правовѣрнаго, который съ кувшиномъ въ рукахъ, умильно подымая взоры къ небу, омываетъ себѣ лицо, руки и ноги. «Чистыми мы должны предстать предъ престолъ Господа» такъ говорить законъ. Нечистота эта переносится не на душу, а на тѣло; поэтому прежде чѣмъ становиться на молитву, необходимо выполнить пять очень сложныхъ и до мельчайшихъ подробностей предписанныхъ омовеній, называемыхъ *абдэстъ* или *тахаремъ*. Во время всей этой процедуры не только нельзя говорить, но и не слѣдуетъ думать о чемъ-либо другомъ, какъ только о Богѣ и его святости.

Очистившись такимъ образомъ, мусульманинъ считаетъ себя достойнымъ предстать предъ Аллаха, и когда онъ разложить свой коверъ по направленію къ Меккѣ и соберетъ свои мысли, то можетъ начать намазъ. Прежде всего онъ приподымаетъ обѣ руки съ обѣихъ сторонъ надъ головою, такъ что большіе пальцы находятся какъ разъ за ушами. Мусульманинъ вполне убѣжденъ, что когда приставить себѣ такое подобіе ослиныхъ ушей, то будетъ въ состояніи отвлечь свои мысли отъ постороннихъ предметовъ и обратить ихъ къ Богу. Впрочемъ, это движеніе предписывается только мужчинамъ, такъ какъ каноническій законъ сомнѣвается въ полной развитости чувствъ женщинъ и потому предписываетъ имъ подымать руки только до висковъ. Когда молящійся выполнить описанное выше движеніе руками, онъ вытягиваетъ шею, скрещиваетъ руки на груди и кладетъ низкій поклонъ, описывая всѣмъ тѣломъ прямой уголъ. Затѣмъ онъ снова приподымается и тотчасъ же опять опускается на землю, такъ что лобъ, носъ и колѣна его касаются земли: это называется *сэдждъ*. Движеніе это повторяется еще разъ и этимъ заканчивается кикая (колѣнопреклоненіе). По окончаніи послѣдней кикая — число ихъ различно во время каждой изъ пяти ежедневныхъ молитвъ — мусульманинъ остается еще въ теченіи нѣсколькихъ минутъ совершенно неподвижно на колѣнахъ, склонивъ голову на грудь и

съ видомъ полнѣйшаго умиленія и смиренія. Положеніе это, въ особенности на открытомъ воздухѣ и при солнечномъ восходѣ или заходѣ, дѣйствительно представляетъ очень выразительную картину богопочитанія, и ни у одного другого народа нельзя встрѣтить такихъ внѣшнихъ знаковъ столь глубокой искренности и преданности къ Богу, какъ у этихъ людей. Во время молитвы каждый мусульманинъ открываетъ своему Создателю самыя сокровенныя и горячія желанія души и думаетъ, что находится съ нимъ въ непосредственномъ сношеніи. Поэтому мнѣ вполне было понятно, что мои друзья и спутники всегда приподымались съ своихъ молитвъ съ выраженіемъ видимой радости и сіяющими глазами; они казались такими веселыми и довольными, какъ будто облегчили свое сердце отъ тяжкаго гнета. — Относительно омовеній надо еще замѣтить, что предписанія чистоты, играющія такую важную роль повсюду на Востокѣ, имѣютъ болѣе глубокое вліяніе на магометанское общество, нежели думаютъ обыкновенно поверхностные путешественники. Несмотря на бѣдную и грязную одежду, простонародье многихъ мѣстъ мусульманско-азиатскаго міра гораздо чистоплотнѣе, нежели живущіе съ ними вмѣстѣ христіане, и такъ какъ бани и омовенія возведены до культа, то народъ оказывается даже чистоплотнѣе, чѣмъ соответствующіе классы народа въ Европѣ. Соответственно предписаніямъ чистоты, уже съиздавна обращалось большое вниманіе на сосуды и аппараты для мытья. Многіе выражали свою гуманность не только построеніемъ мечетей, школъ, больницъ, мостовъ и каравансараевъ, но и закладкою водоемовъ и колодцевъ. Уже съиздавна обращали большое вниманіе на практичную и изящную форму рукомошниковъ и тазовъ. Въ прежнія времена они готовились изъ золота или серебра, служили предметами роскоши и становились даже предлогами для придворныхъ титуловъ и должностей. Ибрикдаръ (носитель рукомошника), который обязанъ былъ носить этотъ сосудъ за султаномъ во время публичныхъ церемоній, пользовался значительнымъ почетомъ въ Турціи, въ Средней же Азійи должность эта подъ названіемъ афтабеджи часто возлагалась на принцевъ крови.

Школы.

Если ты, любезный читатель, во время прогулки по какому нибудь восточному городу, какъ бы малъ онъ ни былъ, услышишь изъ какого нибудь дома звуки дѣтскихъ голосовъ, къ которымъ примѣшивается густой баритонъ старика, то знай, что ты находишься передъ магометанскою школою низшаго разряда, которая во всякомъ случаѣ заслуживаетъ твоего посѣщенія. При входѣ твоёмъ врядъ ли смолкнетъ шумъ голосовъ, хотя прекрасные, умные глазенки ребятешекъ, расположившихся въ живописномъ порядкѣ на полу, всё тотчасъ же уставятся на тебя; только ходжа, у котораго отъ усилій даже чалма приподнялась кверху, пріостановитъ немного равномерныя движенія своей чрезмѣрно длинной трости. Трость эта не даромъ такъ длинна; вѣдь надо же, чтобъ и мальчишки на послѣднихъ мѣстахъ получали тотчасъ наказаніе за всякій свой проступокъ. Весь классъ занятъ заучиваніемъ азбуки (элифъ-бе), и бѣдныя дѣти сами не знаютъ, слѣдитъ ли имъ глазами за написанными огромными буквами, или же за движеніями рта ходжи; кое-какъ они успѣваютъ дѣлать и то и другое заразъ. Чрезвычайно сложная азбука арабскаго языка, въ которой одинъ забытый значокъ превращаетъ жизнь въ смерть и любовь въ ненависть, заучивается ими въ сравнительно короткое время, и если ты, читатель, спусти нѣсколько мѣсяцевъ опять посѣтишь ту же школу, то застанешь учениковъ уже за заучиваніемъ изреченій Корана, повторяемыхъ ими при каждой изъ пяти ежеднев-

ныхъ молитвъ. Все это дѣти туранскаго или иранскаго происхожденія, которымъ очень трудно усвоить себѣ грубые семитическіе горловые звуки. Тѣмъ не менѣе для нихъ это необходимо, какъ бы ни приходилось изъ за этого искривлять свой ротъ и подбородокъ. Магометъ не принималъ въ соображеніе національности, слѣдовательно никто не имѣетъ права ссылаться на различіе органовъ, и греки, албанцы, курды, черкесы, персы, авганы и турки, всѣ съ гармоническимъ единодушіемъ обязаны коверкать свой органъ рѣчи по образцу арабскихъ сыновъ пустыни. Но ученики заняты не только механическимъ заучиваніемъ стиховъ Корана, имъ уже рано начинаютъ преподавать науки и съ раннихъ лѣтъ знакомятъ въ Турціи съ Биргеви, а въ Персіи съ Ильми-галь. Такъ называется родъ катехизиса, содержаніе котораго такъ же мало доступно молодымъ умамъ, какъ многіе изъ нашихъ трудныхъ богословскихъ догматовъ, почему обыкновенно въ обоихъ случаяхъ и не достигаютъ цѣли. Но Биргеви и Ильми-галь давно уже признаны краеугольнымъ камнемъ магометанской науки, и такъ останется вѣроятно еще долгое время.

Послѣ урока чтенія, который скорѣе можно назвать урокомъ кричанія, принимаются за джузъ (тетрадь). Она сшита изъ желтой или красной лакированной бумаги и послѣ каждаго употребленія ее вытирають губкою, и затѣмъ она въ слѣдующій разъ опять годна къ употребленію. Въ то время какъ наши европейскія дѣти списываютъ обыкновенно много дюжины тетрадей, маленькій азіатецъ можетъ научиться писать, не испортивъ болѣе четырехъ листовъ бумаги. Само собою разумѣется, что и чернила у нихъ различны отъ нашихъ; они не столь жидки и легко могутъ стираться. Перья ихъ, съ очень широкимъ концомъ, соотвѣтствуютъ другимъ письменнымъ принадлежностямъ. Относительно этихъ послѣднихъ существуютъ правила въ стихахъ, написанныя Абдулъ Гассаномъ Али и названныя «Сынъ привратника»; они обучаютъ учениковъ относительно чинки перьевъ, приготовленія чернилъ и выбора бумаги. «Рука и пальцы ваши, говоритъ поэтъ, всегда должны заниматься только писаніемъ полезныхъ вещей, которыя вы оставите позади себя, когда придетъ вамъ время

оставить эту родину разочарованій». Магометане гораздо болѣе обращаютъ вниманіе на хорошій почеркъ, чѣмъ мы, и онъ составляетъ необходимый атрибутъ каждого человѣка, желающаго прослыть образованнымъ. Хотя арабская пословица: «всеѣ каллиграфы дураки» и не далека отъ латинскаго изреченія «doctores male pingunt», тѣмъ не менѣе изъ сотни грамотныхъ людей на мусульманскомъ Востоку едва ли найдутся двое или трое съ дурнымъ почеркомъ; исковерканныя буквы встрѣчаются у нихъ гораздо рѣже, чѣмъ у насъ. У нихъ насчитываютъ восемь различныхъ шрифтовъ, изъ которыхъ каждая страна усвоила себѣ особенный родъ. Странно только, что въ элементарныхъ школахъ преподается только печатный шрифтъ (нэсхи) и ученикамъ предоставляется уже самимъ научиться впоследствии рукописному шрифту.

Такъ же, какъ при урокахъ чтенія и при урокахъ письма мало обращается вниманія на различныя національности. Обучаютъ только арабскому языку, ореографія котораго вытекаетъ изъ грамматики, а о правописаніи на національномъ языкѣ заботятся очень мало, и этимъ конечно объясняется, что многіе очень образованные турки почти совсѣмъ не умѣютъ правильно писать на своемъ родномъ языкѣ, т. е. на турецкомъ. Въ глазахъ правотѣрныхъ письмо служитъ преимущественно средствомъ для распространенія божественной книги, а на пользу его въ дѣлахъ обыденной жизни смотрятъ какъ на совершенно побочную вещь. Поэтому искусство письма имѣетъ у мусульманъ религіозный характеръ, и не только самое письмо, но и письменныя принадлежности окружались прежде такими почестями, что о шейхѣ Абдуль-Кадири Гилани рассказываютъ, въ доказательство его набожности, будто онъ ходилъ на базаръ, гдѣ продаютъ бумагу, не иначе какъ очистивъ себя сначала обрядными омовеніями. Бумага, на которой написаны божественныя слова, до сихъ поръ считается священной во всехъ мусульманскихъ странахъ. Многіе султаны и другіе магометанскіе правители сами переписывали Коранъ для собственнаго употребленія, а извѣстный евнухъ Мурада IV не мало гордился тѣмъ, что, не смотря на свое огромное состояніе, питался

единственно на тѣ средства, которыя доставляло ему переписываніе Корана.

Первый урокъ въ школѣ сопровождается извѣстною торжественностью; всѣ старые ученики отправляются за своимъ будущимъ товарищемъ и ведутъ его, одѣтаго въ праздничное платье, увѣшаннаго шарфами и съ азбукою въ шелковомъ футлярѣ, въ школу подъ звуки священныхъ гимновъ. Точно также хатэмъ, т. е. первый разъ, когда ребенокъ прочтетъ весь Коранъ, празднуется религіозными церемоніями и становится семейнымъ событіемъ. Даже и бѣднѣйшіе по мѣрѣ возможности празднуютъ хатэмъ, а у богатыхъ онъ становится предлогомъ великолѣпныхъ пиршествъ. Учитель, ведя за руку ученика, появляется среди уже собравшагося общества; посрединѣ комнаты ставится новый пюпитръ, снабженный двумя створками и называемый рахле, учитель и ученикъ садятся за него, и конечно каждый, кому во время подобнаго праздника случалось быть свидѣтелемъ радости отца и родственниковъ, слушающихъ съ умиленіемъ гнусливое чтеніе юнаго отпрыска семейства, повѣрить съ трудомъ, что какъ виновникъ торжества, такъ и всѣ присутствующіе не понимаютъ ни слова изъ читаемаго; судя по обстановкѣ легче было бы представить себѣ, что ребенокъ только-что проявилъ блестящія доказательства своихъ умственныхъ способностей замѣчательнымъ объясненіемъ темныхъ мѣстъ Корана. Когда магометанскій ребенокъ нѣсколько преуспѣетъ въ наукахъ, а именно познакомится съ элементарными правилами арабской грамматики, то приступаетъ, само собою разумѣется со скоростью улитки, къ изученію языка и къ тому страстно желаемому предмету, который служить источникомъ всякой науки, а именно къ пониманію Корана и Фикихъ (религіозные законы). Ничто не можетъ быть нецѣлесообразнѣе того метода, посредствомъ котораго обучаютъ языку, а именно: ребенокъ долженъ заучивать грамматику по-арабски и притомъ въ мельчайшихъ ея подробностяхъ. Метода этого, уже сотни лѣтъ нисколько не измѣнишагося къ лучшему, придерживаются во всѣхъ магометанскихъ странахъ. Ученикъ начинаетъ съ первой тетради Эмзеле, за этимъ слѣ-

дуетъ Бина (синтаксисъ), затѣмъ Илаль, Максудъ, Мантикъ и т. д., пока наконецъ все его грамматическое зданіе не увѣичается ученіемъ просодіи.

Изъ свѣтскихъ наукъ—самое большое, если преподаются начальныя правила счисленія или геогонія и космогонія, основанныя на традиціяхъ Корана. Да и къ чему мучить учениковъ приобрѣтеніемъ европейскихъ наукъ, въ сущности такихъ скучныхъ? Здѣсь, гдѣ учителю приходится только вдаваться въ поэтическія, фантастическія описанія семи земель и семи небесъ, считается вполне достаточнымъ, если только ученикъ узнаетъ величину діаметра этихъ предполагаемыхъ міровъ. Ему говорятъ, что 500 лѣтъ пути отдѣляютъ одну землю отъ другой, и что таково же разстояніе между различными небесами. Первое изъ этихъ послѣднихъ состоитъ изъ смарагда, второе изъ ослѣпительно-бѣлаго серебра, третье изъ крупнаго бѣлаго жемчуга, четвертое изъ рубиновъ, пятое изъ красного золота, шестое изъ желтаго гіацинта и наконецъ седьмое изъ сіяющаго свѣта. Эта своеобразная космологія занимается также океаномъ, опоясывающимъ землю; за предѣлами его находится Куи-кафъ (Кафскія горы), съ вершины которой открывается видъ на все безконечное ничто. Далѣе она рассказываетъ, что всю землю можно пройти въ 500 лѣтъ, изъ которыхъ 200 лѣтъ придется плавать по водѣ, 200 лѣтъ проходить по безплоднымъ степямъ, 80 лѣтъ по странѣ великановъ и всего 20 лѣтъ по извѣстнымъ странамъ. Причина небесной лазури, по объясненію магометанскихъ космологовъ, зависитъ отъ зеленого хризолита Кафской горы, за которою находится не пустое пространство, какъ можно бы подумать, но мѣстожителство ангеловъ, раздѣленное на нѣсколько круговъ, изъ которыхъ одинъ изъ золота, 70 другихъ изъ серебра и 7 изъ мускуса. По магометанскимъ понятіямъ, кромѣ нашей земли, существуютъ еще 6 другихъ на неизмѣримой глубинѣ. Изъ нихъ земля № 2 составляетъ обиталище вѣтровъ, на земляхъ №№ 3 и 4 находятся только камни и адская сѣра, на 5-й извиваются змѣи, на 7-й скорпіоны величиною съ мула и съ хвостомъ длиною съ копые, и наконецъ 7-я составляетъ

резиденцію ужаснаго шейтана (сатаны) со всѣми его мрачными спутниками.

Одно только соображеніе сильно затрудняетъ всѣхъ фантастическихъ космологовъ, гдѣ находится точка опоры всего міра? при чемъ фантазіи ихъ опять-таки предоставляется полная свобода. По ихъ понятію, Господь, сотворивъ всѣ семь земель, самъ убѣдился, что основаніе ихъ не слишкомъ-то прочно, и потому призвалъ къ жизни ангела, который спиною своею долженъ былъ подпирать всѣ земли. Но тутъ представилось невольное затрудненіе; на что же будутъ опираться ноги этого ангела? Для этого Богъ сотворилъ скалу изъ рубиновъ съ 7,000 отверстій, и изъ cadaго изъ этихъ отверстій вытекаетъ море. Но на этомъ все еще не разрѣшилось затрудненіе на счетъ точки опоры. Для поддержанія скалы Господу угодно было создать колоссальнаго быка съ 4,000 глазъ, съ такимъ же числомъ ушей, носовъ, ртовъ, языковъ и ногъ, причемъ каждая нога находилась отъ другой на разстояніи, которое человекъ могъ бы пройти лишь въ 500 лѣтъ. Быкъ этотъ дѣлаетъ два вдыханія въ день, которыя и обусловливаютъ явленія прилива и отлива. Но такъ какъ въ концѣ концовъ и этотъ нѣжный звѣрекъ долженъ же былъ опираться на что-нибудь, то премудрый Господь создалъ рыбу, съ такими широкими поздырями, что въ нихъ всѣ моря свѣта показались бы не больше одной капли и т. д. Впрочемъ, все это еще не доказываетъ, что почтенные турки, персы и арабы не имѣютъ другой географіи. Успѣхи этой науки на Западѣ не безызвѣстны восточнымъ жителямъ, и отъ дней Хаджи Хальфа до новѣйшаго времени не было недостатка въ доказательствахъ серьезнаго изученія географіи въ этихъ странахъ, которымъ мы обязаны многими изъ нашихъ знаній о древней Азіи. Новѣйшая турецкая литература обогащена напр. нѣсколькими хорошими компиляціями изъ новѣйшихъ географическихъ учебниковъ, хотя по нимъ вообще еще мало преподается. Даже въ отдаленномъ Ширазѣ случилось мнѣ присутствовать въ одномъ частномъ домѣ на урокахъ географіи по европейскому образцу; но номсклатура при этомъ очень забавляла меня. Учитель повѣство-

валъ о какой-то «Остеръ-Лашіа», одной изъ частей свѣта, о странахъ, называемыхъ Гуенэ, Нифгаландъ, Нивиперетинъ и т. д. Но когда я постарался объяснить себѣ происхожденіе этихъ странныхъ названій, то убѣдился, что персидскій географъ перековеркалъ эти имена съ англійскаго; «Остеръ-Лашіа» должно было означать *Australasia*, Гуенэ: *Guinea*, Нифгаландъ: *New-Holland*, Нивиперетинъ: *New-Britain*.

Такимъ же духомъ руководствуются и при обученіи исторіи, вводящемъ молодыхъ людей въ храмъ музы Кліо. Какъ и у насъ въ средніе вѣка особенную важность приписывали жизнеописаніямъ мучениковъ и святыхъ, точно также магометане главною цѣлью своихъ уроковъ исторіи ставятъ «Кисасъ-уль-энбіа», т. е. жизнеописаніе пророка и «Тэскрей-эвліа», т. е. біографіи святыхъ. Да и къ чему молодому турку знакомиться съ происхожденіемъ своего народа, съ дѣяніями какого-нибудь Селима, Сулеймана и Мурада IV; или, на что послужить молодому персу знакомство съ культурою древнихъ персовъ, съ цвѣтущимъ временемъ великаго Саманида или Зефида? Достаточно, если суннитъ знаетъ удивительную жизнь какого-нибудь Абдулъ-Кадыръ Гилани, имама Ганифа, Аббаса и др.; если ему внушили, какъ всѣ эти люди, упоенные сверхъестественными наслажденіями, въ теченіе цѣлыхъ недѣль не принимали никакой тѣлесной пищи помимо одной оливки! — «Страхъ Божій составляетъ начало всякой мудрости» говорили сотни лѣтъ тому назадъ и такъ говорятъ и до сихъ поръ. Никогда не забуду я замѣчанія одного персидскаго ученаго, съ которымъ я встрѣтился на развалинахъ когда-то великолѣпнаго коллегіума Мадери шаха въ Испагани. Я сталъ хвалить ему преимущества нашихъ школъ и метода обученія... Мы сидѣли на краю мраморнаго бассейна, въ водѣ котораго плавали осенніе пожелтѣвшіе листья близкихъ платановъ, тогда какъ легкой вѣтерокъ осыпалъ насъ завядшими розовыми листками съ сосѣдняго куста. Мулла Хаджи Кирманшахи, такъ звали моего перса, отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее: «Правда, что вы изобрѣли огненнаго коня (локомотивъ), на которомъ можно объѣхать землю съ

конца въ конецъ быстрѣе, чѣмъ на крыльяхъ вѣтра; натянувъ ваши проволоки—гаша сумма гаша! (Богъ да проститъ мнѣ мои грѣхи)—вы можете спорить въ быстротѣ съ молніею и я не сомнѣваюсь, что вы выдумаете машины, при помощи которыхъ можно будетъ подняться до седьмого неба или спуститься до седьмой земли,—но, скажи мнѣ, кто изъ васъ на Западѣ придумаетъ средство удерживать эти листья платановъ на ихъ вѣтвяхъ или эти розы на ихъ деревьяхъ? Таинство рожденія и смерти открыто только одному существу; можно ли поэтому назвать насъ глупцами, если мы удерживаемся отъ бесполезныхъ усилій и только въ этомъ высшемъ существѣ полагаемъ центръ всего нашего знанія и всѣхъ нашихъ изслѣдованій?» — Подобный образъ мыслей руководитъ не только мусульманъ, но также буддистовъ, браминовъ, и даже христіане, къ сожалѣнію, еще долго не освободятся отъ него вполне.

До сихъ поръ я говорилъ только о первоначальныхъ школахъ въ городахъ и деревняхъ, теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о частныхъ урокахъ, преподающихся на дому сыновьямъ богатыхъ людей, на которыхъ уже значительно отразилось или по крайней мѣрѣ должно было отразиться вліяніе европейскихъ наукъ. Я говорю это по собственному опыту, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ обязанности частнаго учителя, и моя педагогическая дѣятельность среди персовъ и турокъ сохранилась еще живо въ моей памяти. Всѣ мои попытки сообщить высокороденнымъ питомцамъ элементарныя понятія изъ физики, исторіи и географіи разбивались о ихъ фантазію, разгоряченную уже съ третьяго или четвертаго года фантастическими рассказами и сагами гарема. Я объяснялъ имъ напр. самыя обыкновенныя явленія природы по маленькой французской книжкѣ «*Les pourquoi et les parceques*», но лишь только мои ученики услышали мое объясненіе молніи, грома и радуги, какъ вскакивали точно безумные съ своихъ мѣстъ и поспѣшно бросились бѣжать въ гаремъ, чтобы передать матери необыкновенно странныя выдумки франкскаго учителя, и конечно выдумки эти возбуждали ужасъ упомянутыхъ дамъ, и конецъ исторіи неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же, а именно

франги-ходжу объявляли невѣрующимъ осломъ и молили Бога простить отцу семейства грѣхъ, который онъ совершилъ, пригласивъ подобнаго учителя.

Упадокъ мусульманскаго Востока выражается всего лучше въ совершенномъ потемнѣніи того блеска, который въ прошлыя столѣтія окружалъ медресе, высшія школы или университеты. Жалкая противоположность между прошлымъ и настоящимъ никогда не бросалась мнѣ въ глаза такъ ярко, какъ на развалинахъ медресе Ханумъ въ Самаркандѣ. Величественный порталъ необыкновенной высоты, съ искусными нишами, украшенными лѣпною работою въ видѣ сталактитовъ, выложенный чудною мозаикою, изъ которой выдавались превосходно исполненныя изреченія въ каллиграфическомъ совершенствѣ, могъ скорѣе пробудить въ зрителѣ мысль, что онъ находится передъ развалинами дворца могущественнаго правителя, нежели передъ зданіемъ посвященнымъ наукѣ. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ еще ясно сохранились слѣды отдѣльных кабинетовъ, аудиторій, бань и столовыхъ прежняго университета. Вѣрная подруга жизни Тимура, дѣлившая съ своимъ супругомъ и радость и горе, положила основаніе этому зданію и велѣла украсить его со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и съ дѣйствительно княжескою щедростію опредѣлила содержаніе какъ учителямъ такъ и учащимся. А что представляетъ это зданіе теперь? Передній дворъ медресе Ханумъ сдѣлался — по крайней мѣрѣ это было такъ въ мое время — сборищемъ коканскихъ кучеровъ, погонщиковъ ословъ и носильщиковъ! Здѣсь длинноухій осленокъ трется о мозаику портала, другой издаетъ свой пронзительный крикъ тамъ, гдѣ когда-то раздавались кассиды (хвалебныя пѣсни) благодарныхъ учениковъ. Всѣ развалины отдѣльных кабинетовъ наполнены отвратительными нечистотами, и тамъ гдѣ когда-то арабскіе риторы читали свои лекціи, раздаются теперь ссоры, проклятія, крики и грубая брань. Противуположность между этимъ когда-то великолѣпнымъ зданіемъ и теперешнимъ скопищемъ всякаго низкаго люда представляетъ вѣрную картину прежней и теперешней университетской жизни въ Азіи.

Повсюду, отъ береговъ Босфора до бывшей столицы Тимура, обращалъ я большое вниманіе на медресе и подъ вліяніемъ прежнихъ теоретическихъ взглядовъ не могъ смотрѣть безъ сожалѣнія на печальное настоящее. Въ Тавризѣ, Испагани, Нишабурѣ, также какъ въ Стамбулѣ, Багдадѣ и Дамаскѣ слышны жалобы учителей на равнодушіе къ наукѣ; вокругъ нихъ рахле собирается все менѣе и менѣе любознательной молодежи, жалованье ихъ уменьшается съ каждымъ днемъ и большинство прежнихъ сіяющихъ свѣтильниковъ магометанской учености можно сравнить теперь развѣ только съ скромными свѣчами, мерцающими среди общаго мрака. Я опять таки повторяю, что развѣ только Средняя Азія составляетъ нѣкоторое исключеніе изъ этого состоянія, такъ какъ здѣсь я встрѣчалъ еще медресе слава которыхъ привлекаетъ къ нимъ учениковъ изъ отдаленной Аравіи, Индіи, Кашмира, Китая и даже изъ нѣкоторыхъ приволжскихъ городовъ.

Да и можетъ ли это быть иначе? Заслуживаютъ ли большаго вниманія высшія магометанскія школы, погрязшія въ педантическомъ схоластицизмѣ прежнихъ вѣковъ, такъ мало соответствующемъ современнымъ политическимъ и общественнымъ требованіямъ? — Чтобы уяснить себѣ жизнь и занятіе въ какой-либо медресе, намъ не надо обращаться спеціально къ той или другой изъ нихъ. Выберемъ ли мы Нуръ-Османіе, Сулейманіе въ Константинополѣ или Асхаріе въ Каиро, или же Миръ-Арабъ и Кюкель-Ташъ въ Бухарѣ — всѣ онѣ проникнуты тѣмъ же духомъ и различные оттѣнки отражаются только въ одеждѣ и языкѣ учениковъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ извѣстны подъ именемъ «талебэ», въ другихъ подъ названіемъ «соф-та», т. е. пылающихъ любовью къ наукѣ. Если ты, почтенный читатель вступишь со мною въ одну изъ залъ этихъ университетовъ и станешь наблюдать за толпою этихъ пылающихъ любовью къ наукѣ, окружающихъ своего учителя и жадно глотающихъ какъ слова его, такъ и пыль съ его ногъ, то вѣроятно увидишь среди всѣхъ этихъ головъ, увитыхъ чалмами, одного или двухъ слушателей, которые стоятъ всѣхъ ближе къ учителю, пылающими взорами слѣдятъ

за каждымъ его движеніемъ и съ его стороны также пользуются большимъ вниманіемъ, чѣмъ остальные. Это мустайды или самые способные изъ учениковъ, которые по удаленіи мударри (профессора) громко повторяютъ слышанный урокъ, и, выполняя эту должность, они постепенно повышаются изъ младшихъ учителей въ старшіе, если посредствомъ безупречнаго повторенія наизусть того или другого сочиненія по богословію они добудутъ себѣ право иджазэ, равняющагося нашему *jus docendi*. Тогда эти мустайды, уже прежде заслужившіе восхищеніе своихъ товарищей, скоро становятся оракулами, и ихъ также вскорѣ начинаетъ окружать толпа талэбовъ или шухтовъ, прислушивающихся съ жаднымъ вниманіемъ къ каждому ихъ слову.

Такъ образуются университетскіе профессора на мусульманскомъ Востокѣ въ наше время и такъ же было и прежде. Ученики принадлежать по большей части къ низшимъ, иногда даже къ нищенскимъ классамъ общества, такъ какъ давно прошли тѣ времена, когда люди, выходящіе изъ медресе могли рассчитывать на высокія государственныя мѣста, на почетъ, на власть и на богатство; въ настоящее же время только умѣнье говорить и писать по французски и одѣваться на французскій ладъ даютъ право рассчитывать на успѣхъ. Если бѣдный житель деревни прозѣбываетъ въ своемъ сынѣ особенную склонность къ религіозности или къ богословію, то по окончаніи курса первоначальной школы посылаетъ его въ медресе, гдѣ ему при нѣкоторой протекціи удастся добыть себѣ вакантную Худжре (келью). Въ прежнія времена, да еще и въ настоящее время въ Средней Азій, вмѣстѣ съ такою кельею, состоящею изъ четырехъ пустыхъ стѣнъ, полагалось и достаточное количество стѣнныхъ припасовъ, денегъ и платья, такъ что ученики вели совершенно беззаботное существованіе. Но въ настоящее время подобныя стипендіи выдаются чрезвычайно рѣдко. Безсовѣстное обращеніе съ основными капиталами подобныхъ медресе оставляетъ едва достаточно средствъ для покупки необходимыхъ фодла (особый родъ черного хлѣба, который пекутъ ежедневно) и жидкаго супа, который даютъ утромъ и вечеромъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-нибудь бога-

томъ хозяйствѣ, напр. въ домѣ паши, накаплиется слишкомъ много съѣстныхъ остатковъ, вспоминають иногда и о бѣдныхъ софтахъ. Подобнымъ же образомъ получаютъ они отъ времени до времени изъ гаремовъ великихъ людей подарки бѣлья и платья. Мнѣ самому пришлось однажды, послѣ избавленія отъ большой опасности, пожертвовать для этой цѣли пять фунтовъ свѣчь. Громадное разстояніе между прежними и современными медресе бросается всего ярче въ глаза, если сравнить нищету настоящихъ съ рассказами о великолѣпіи ихъ при Тимуридахъ и Сэфидахъ. Этому отношенію къ нимъ со стороны современниковъ вполне соотвѣтствуютъ рвеніе самихъ учениковъ и результаты ихъ ученія. Большинство думаетъ только о томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ столько знаній, сколько необходимо для полученія мѣста хатиба (проповѣдника), муллы или въ крайнемъ случаѣ кади, и въ числѣ учениковъ очень рѣдко случается встрѣтить человѣка, занимающагося ради самой науки. Давно уже прошло время процвѣтанія магометанской науки, когда слава какого-нибудь ходжа распространялась далеко за предѣлы его родины, и лекціи его, переписанныя въ тысячахъ экземплярахъ, расхватывались во всѣ стороны. Я живо припоминаю себѣ какъ одинъ очень талантливый профессоръ университета въ Константинополѣ долженъ былъ, чтобы получить возможность напечатать маленькое сочиненіе о правѣ, въ теченіи цѣлыхъ недѣль просиживать часами въ переднихъ великихъ міра сего.

Еще одно остается мнѣ прибавить о занятіяхъ въ медресе. Они раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ одна посвящена синтаксису и глубокимъ лингвистическимъ изслѣдованіямъ; тогда какъ другая занимается богословіемъ и неразрывно съ нимъ связаннымъ ученіемъ о правѣ. Извѣстно, что магометанскіе законы основаны на Коранѣ и на сохранившихся по преданію поговоркахъ. Не шутка заучить наизусть 7275 различныхъ изреченій, заключающихся въ объемистой книгѣ Аль-Бохари. Само собою разумѣется, что при извѣстной мелочности всѣхъ восточныхъ народовъ и ихъ любви къ хитрымъ толкованіямъ, всѣ эти поговорки, также какъ и различныя

аеты (изрѣченія Корана) вызвали цѣлую толпу комментаторовъ. Тотъ, кто въ состояніи углубиться въ эти изреченія и вывести изъ нихъ на свѣтъ божій какъ можно болѣе сокровищъ, тотъ кончаетъ свой курсъ съ наибольшимъ успѣхомъ и вступаетъ въ общество какъ научное свѣтило.

Рядомъ съ чисто богословскою наукою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преподается также краснорѣчіе, геометрія и астрономія, но медицина, такъ процвѣтавшая когда-то у арабовъ, находится въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Всѣ ученики довольствуются быть признанными за Али-бенъ-Цина (Авиценна), и если немногіе изъ ихъ числа по окончаніи занятій медициною начинаютъ врачебную практику, то къ нимъ обращаются только люди изъ бѣднѣйшихъ классовъ общества, между тѣмъ какъ богатые, въ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ призываютъ гекима-фрэнги (европейскаго доктора).

Никто конечно не можетъ такъ скорбѣть объ этомъ печальномъ состояніи школъ на Востокѣ, какъ тотъ, кто имѣлъ возможность познакомиться съ удивительными умственными способностями восточныхъ народовъ и убѣдился по собственному опыту какъ превосходятъ дѣти на Востокѣ своихъ западныхъ братьевъ по сообразительности, памяти и способности быстро схватывать предметъ. Прежде я старался объяснить себѣ это явленіе тѣмъ закономъ природы, по которому умственные, также какъ и физическія способности достигаютъ скорѣе полной зрѣлости подъ налящими лучами солнца жаркихъ странъ. Такъ напр. нашъ дубъ, растущій такъ тихо, можно сказать такъ томительно, въ послѣдствіи отличается тѣмъ большею крѣпостью и устойчивостью, между тѣмъ какъ быстро расцвѣтающія, великолѣпныя какъ по формѣ, такъ и по яркости красокъ тропическія формы растений завядаютъ гораздо скорѣе. Но въ настоящее время эта метафора уже не удовлетворяетъ меня, и я не могу не высказать своего безусловнаго восхищенія умственными способностями азіатовъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ восточныхъ народовъ, я долженъ признать персовъ самыми способными, за ними слѣдуютъ арабы, затѣмъ авганы и курды, всего же ниже въ этомъ отношеніи стоятъ турки. Но даже

и относительно этихъ послѣднихъ я придерживаюсь моего мнѣнія, которое подтвердить каждый житель запада, имѣвшій случай придти въ близкое сношеніе съ народомъ. Часто случалось мнѣ развѣивать какому-нибудь турку, арабу или персу самые сложные вопросы нашихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, и меня всегда поражало видѣть, что слушатель мой не только понималъ меня, но часто даже отвѣчалъ мнѣ другими вопросами, ставившими меня въ не малое затрудненіе. Напомню еще объ одномъ, а именно о дипломатическихъ сношеніяхъ магометанскаго востока съ христіанскимъ западомъ. Наши дипломаты обучаются годами и обыкновенно выбираются изъ среды аристократіи, на Востокъ же, напротивъ того, министрами и дипломатами часто становятся люди, принадлежавшіе не задолго передъ тѣмъ къ духовенству, къ писарямъ или даже къ рабочему сословію. Ихъ образованіе и ихъ познанія очень незначительны, по крайней мѣрѣ сравнительно съ нашими, и тѣмъ не менѣе персидскій или турецкій дипломатъ никогда не теряется въ присутствіи своего англійскаго, нѣмецкаго, русскаго или французскаго коллеги, хотя конечно ему и случается иногда сдѣлать неловкость. Такъ напр. бывшій министръ М. Паша въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ С., при которомъ я долженъ былъ служить толмачемъ, спросилъ его совершенно наивно: согласится ли Данія на прорытіе Суэзскаго канала? Но вообще говоря они отлично умѣютъ скрывать недостатокъ въ положительныхъ свѣдѣніяхъ. Самаго кратковременнаго пребыванія въ Европѣ или самаго поверхностнаго сношенія съ европейцами уже достаточно, для турецкаго или персидскаго дипломата, чтобы поставить его на одинъ умственный уровень съ европейскими коллегами, и если кто-либо изъ послѣднихъ вступить въ разговоръ съ своимъ восточнымъ собратомъ о вопросахъ дня или о событіяхъ въ high-life, то конечно ни одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, хвалящихся своею Улиссовскою проницательностью, не замѣтитъ, что разговариваетъ съ человѣкомъ, неимѣющимъ даже элементарнаго образованія и уступающимъ по своимъ познаніямъ каждому западному школьнику.

Дѣти на Востокѣ въ особенности поражаютъ своими умственными способностями. Пятилѣтній мальчикъ оказываетъ тамъ столько же сообразительности и здраваго смысла, какъ у насъ 12-лѣтній ребенокъ. Онъ не только держитъ себя какъ взрослый, но часто дѣйствуетъ какъ мужчина, и не разъ случалось мнѣ встрѣчать въ Персіи вдовъ, которыя вмѣстѣ съ своими дочерьми, тетками и другими родственницами отправлялись на богомолье подъ предводительствомъ своего 8-лѣтняго сына. Этотъ послѣдній одѣваетъ въ такихъ случаяхъ болѣе длинныя и широкія одѣянія, чѣмъ было бы прилично для его возраста, и старается всѣми силами придать себѣ глубокомысленное и серьезное выраженіе и скрыть округленность своего дѣтскаго личика. Онъ заботится о квартирѣ, дѣлаетъ покупки и говоритъ о гаремѣ и о женской половинѣ человѣческаго рода такъ, будто бы онъ былъ единственнымъ пѣтухомъ среди всѣхъ этихъ куръ. Часто даже онъ распоряжается вполне самовластно всѣми женщинами, даже собственною матерью, но отъ этой строгости обращенія въ публикѣ тотчасъ же переходитъ дома къ нѣжнымъ дѣтскимъ ласкамъ. Во время моего путешествія отъ Испагани до Шираза меня сопровождалъ 10-лѣтній персіянинъ, который, какъ обладатель 31 мазла, занимался перевозкою кладей изъ одной части Персіи въ другую. Подъ его надзоромъ находилось до 15 слугъ, о которыхъ онъ очень заботился, но держалъ очень строго. Когда мнѣ, самому усталому и сонному, случалось видѣть его въ полуночные часы расхаживающимъ бодрыми шагами позади нашего каравана, помахивая кнутомъ и погоняя своимъ дѣтскимъ голоскомъ муловъ, или же когда онъ вступалъ со мною въ разговоръ, то я всегда невольно сожалѣлъ, что не имѣю при себѣ другихъ европейскихъ свидѣтелей, которые бы подивились вмѣстѣ со мною его ранней самостоятельности и самоувѣренному спокойствію. Необыкновенная память этого мальчика также возбуждало мое удивленіе. Въ ранніе годы моей молодости я занимался въ моемъ отечествѣ преподаваніемъ языковъ, и впоследствии меня чрезвычайно удивляло, что питомцы мои на Босфорѣ запоминаютъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ

мои бывшіе европейскіе ученики. Тогда какъ у насъ ребенокъ лишь послѣ многихъ недѣль ученія удерживаетъ въ памяти мельчайшія очертанія различныхъ странъ, восточный мальчикъ нуждается для этого лишь въ нѣсколькихъ дняхъ. Всѣ уроки языковъ у турокъ, арабтянъ, персовъ и татаръ основаны на затверживаніи наизусть неслыханнаго количества чужестранныхъ словъ и выраженій, очень рѣдко употребляемыхъ въ разговорѣ, и почти всѣ произведенія восточной литературы до невозможности начинены метафорами, синонимами и силлогизмами, въ изобрѣтеніи которыхъ писатели соперничаютъ другъ съ другомъ на перерывъ. Не только въ высшихъ классахъ, но и во всѣхъ слояхъ общества замѣчательно это превосходство умственныхъ способностей надъ западными жителями. Если мы продолжимъ наши сравнительныя изслѣдованія и на низшіе классы общества, то конечно замѣтимъ значительное различіе между крестьянами восточной и западной Европы. Венгерецъ относительно живости и воображенія превосходитъ нѣмецкаго крестьянина, не смотря на то, что послѣдній значительно превышаетъ его по своимъ приобрѣтеннымъ въ школѣ познаніямъ; и также если мы сравнимъ крестьянина изъ Юркшира съ жителемъ села въ Нижней Венгріи, то опять таки замѣтимъ ту же разницу, которая замѣчается между простоватымъ жителемъ Румелии и хитрымъ испаганцемъ.

Но почему же Западъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ превосходитъ Востокъ? Почему же дрожитъ азіатъ даже передъ тѣнью европейца? Почему въ Европѣ все находится на пути развитія, тогда какъ въ Азій все распадается въ развалины? Такъ вѣроятно спроситъ меня читатель. Отвѣтить на это не трудно. Такимъ же образомъ, какъ по мѣрѣ нашего приближенія изъ середины Азій къ европейскимъ границамъ мы замѣчаемъ постепенное пониженіе въ умственной легкости, въ живости темперамента и въ способности быстро охватывать предметъ, такимъ же образомъ, съ другой стороны, подвигаясь съ западнаго конца Европы къ Азій, мы замѣтимъ ослабленіе желѣзной силы воли, непоколебимой выносливости и терпѣливаго, неутомимаго преслѣдованія заданной себѣ цѣли. Если мадьяръ желаетъ

охарактеризовать человека твердаго и выносливаго, то называетъ его нѣмцемъ, и такимъ же представляется въ глазахъ турка каждый «франкъ», т. е. вообще каждый европеецъ. Слѣдовательно и здѣсь оправдывается аксіома: «чѣмъ живѣе умственныя способности, тѣмъ меньше устойчивости, необходимой для успѣха», и восточное остроуміе, какъ бы оно ни ослѣпляло насъ, конечно не можетъ по результатамъ сравняться съ европейскою нравственною твердостью. Къ этому присоединяются еще и физическія особенности. Азіатецъ зрѣетъ очень рано и уже на 25-мъ году своей жизни достигаетъ своего полного физическаго развитія, и лишь немногіе сохраняютъ умственную подвижность послѣ 40-го года. Такимъ образомъ дѣятельности восточнаго жителя полагается предѣлъ уже сравнительно въ раннемъ возрастѣ.

Но еще болѣе подчиняетъ сына Востока европейцу его страстіе къ формѣ и непривычка вникать въ сущность вещей; эта преобладающая любовь къ формальности управляетъ всѣми дѣйствіями и поступками азіатовъ. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ много сходства съ такъ называемыми способными дѣтьми и страдаютъ подобно послѣднимъ тѣми же недостатками. Умственное развитіе азіатовъ проявляется только въ ихъ языкѣ, на него они обращаютъ всего большее вниманіе; для нихъ онъ все охватываетъ и изъ него все вытекаетъ. По старымъ, чисто-восточнымъ понятіямъ, какое нибудь твореніе лишь тогда только можетъ считаться цѣннымъ и привлекательнымъ, когда оно до такой степени напичкано мистическими и напыщенными выраженіями, что понять его становится почти совершенно невозможно, и тому, кто не умѣетъ, подобно мусульманскому пловцу, вытаскивать умственные жемчужины изъ мистической неизмѣримой глубины, тому мало послужить вся его наука. Изъ этого же слѣдуетъ, съ какими трудностями сопряжено изученіе ихъ языка. Турокъ едва на 20-мъ году, персіянинъ на 15-мъ, а среднеазіатецъ на 25-мъ году жизни становится способнымъ цѣнить самыя высшія литературныя произведенія. Какимъ же образомъ можетъ масса когда либо достигнуть образованія, если образованные и отличаются

отъ необразованныхъ тѣмъ, что могутъ въ ихъ присутствіи передать какую нибудь тайну на родномъ языкѣ? Нельзя достигнуть цѣли, если нѣтъ силы для пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ.

Образованіе.

Иранъ по преимуществу считается страной магометанскаго образованія и поэтому мы можемъ выбрать его фономъ для описанія азіата. Вступимъ же, любезный читатель, въ древнюю столицу Сефидовъ и войдемъ въ кружокъ, состоящій исключительно изъ персовъ, такъ какъ туречина и утонченность обращенія считаются несовмѣстимыми понятіями. — Въ этомъ человѣкѣ, который, полусидя, полулежа, занимаетъ середину ковра, ты видишь передъ собою высоко образованнаго азіата. Европейцу онъ можетъ показаться съ перваго взгляда наряднымъ калѣкою, такъ какъ ноги его, эти, по восточному понятію, неприличныя части человѣческаго тѣла, тщательно прикрыты его верхнимъ платьемъ. Показать свои ноги считается безмѣрною дерзостью, поэтому старая пословица и говоритъ: «Остерегайся вытянуть ногу въ тѣхъ случаяхъ, когда тебѣ нужно вытянуть руку». Но возвратимся къ описанію нашего героя. Джуббэ, тонкая ткань изъ верблюжьяго волоса, ниспадаетъ въ симметрическихъ складкахъ съ верхней части его тѣла. Спереди она настолько открыта, что выставяетъ на видъ энтари (поддевку). Чалма повита съ особеннымъ стараніемъ и одѣта такимъ образомъ, что не скрываетъ ни одну изъ чертъ этого дѣйствительно интереснаго лица. И лицо это можетъ служить вѣрнымъ зеркаломъ воспитанія, образа мыслей и занятій этого персидскаго типа. Борода по цвѣту и формѣ не оставляетъ желать ничего, вокругъ рта мы замѣчаемъ странную

черту скромности и дерзости, замѣтной любви къ жизни и пренебреженія къ свѣту, смѣсь самыхъ разнородныхъ понятій, которыя однако открываются намъ только послѣ болѣе продолжительнаго знакомства. Глаза скромно опущены въ землю и модуляція звучнаго голоса свидѣтельствуетъ о долгихъ упражненіяхъ по правиламъ извѣстныхъ представителей утонченнаго вкуса.

Кто же этотъ человѣкъ и какія его занятія?

Это — частное лицо, которое не стремится ни къ какой особенной цѣли, получило воспитаніе согласно старымъ преданіямъ и по правиламъ его располагаетъ всю свою жизнь. Нѣкоторое время предавался онъ теологіи, но вскорѣ убѣдился, что прирожденныя склонности влекутъ его на болѣе свѣтскую дорогу, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу «Сахиби табъ», т. е. имѣетъ въ себѣ поэтическую струнку, развитію которой онъ теперь предается все болѣе и болѣе. Очень сомнительно, принесетъ ли этотъ человѣкъ какую либо пользу своимъ современникамъ или потомству. Но во всякомъ случаѣ, уже при первомъ знакомствѣ съ нимъ обыкновенно убѣждаешься въ его поразительной начитанности. Удивительная память этихъ людей, еще усиленная во время ихъ занятій въ медресе, даетъ имъ возможность, прочитавъ раза три какую нибудь длинную поэму, запоминать ее всю наизусть. Возможно, что эта способность прирожденная; во всякомъ случаѣ, остается неоспоримымъ фактъ, что въ то время какъ мы въ Европѣ читаемъ нашихъ *классиковъ*, персіяне запоминаютъ своихъ поэтовъ. Тѣмъ же, чѣмъ для юношества служатъ: «Садъ розъ» Саади, «Любовныя пѣсни» Гафиза, «Плодовый садъ» Джами и др., тѣмъ дѣлаются для взрослыхъ несравненный эпосъ Фирдуси, мистическая поэзія Месневи, Хакани и др. Стоитъ только персу начать, и онъ можетъ продекламировать вамъ наизусть цѣлыя страницы изъ этихъ твореній. Особенное вниманіе обращается на декламацию, и въ то время какъ «Газель» Гафиза декламируется живо и весело, при декламированіи Месневи напр. тонъ становится мрачнымъ и торжественнымъ, соотвѣтственно содержанію. Такъ напр. строфа:

(„Внемли флейтъ, какъ она жалуется
Объ испытанныхъ мукахъ“)

дѣйствительно произносится такъ, что невольно приходятъ на память плачущій звукъ флейты. Образованный человѣкъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго прегрѣшенія противъ гармоніи стиха, и рѣдко можно встрѣтить образованнаго человѣка, неумѣющаго превосходно декламировать.

Относительно изученія исторіи дѣло обстоитъ хуже. Описанный нами выше типъ настоящаго восточнаго образованія обращаетъ больше вниманія на отдѣльные рассказы, чѣмъ на исторію вообще. Время процвѣтанія Сассанидовъ извѣстно персіянамъ только своею мистическою стороною, зато тѣмъ ближе знакомятся они съ мусульманскою эпохою и занимаются съ такимъ жаромъ вопросомъ о наслѣдствѣ Али и всѣми мелочными подробностями битвъ и страданій Алидовъ, что можно было бы подумать, будто все это происходило лишь вчера, а не отдѣлялось отъ насъ болѣе чѣмъ тысячелѣтіемъ. Періодъ Сефидовъ также не оставляется безъ вниманія, но о немъ извѣстно преимущественно большое число характерныхъ анекдотовъ, тогда какъ о критической оцѣнкѣ прошлаго своей родины не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ всѣ историки въ Персіи и вообще на Востокѣ придерживаются формы простыхъ лѣтописей. Далѣе, каждый свѣтскій человѣкъ обязанъ быть посвященнымъ въ тайны національной музыки, знакомство съ которою требуется въ Персіи отъ каждого образованнаго человѣка, подобно тому какъ у насъ дама, даже совершенно лишенная всякихъ музыкальных способностей, обязана брнчать на фортепиано. Персидская музыка, совершенно различная отъ нашей, уже достаточно обратила на себя вниманіе музыкантовъ-знатоковъ, и потому я скажу о ней только, что даже послѣ многолѣтней привычки она не производитъ пріятнаго впечатлѣнія на европейское ухо. Мѣсто нотъ заступаютъ въ Персіи извѣстныя буквы, служащія ключами, и различныя варьяціи тоновъ слывятся тамъ вообще подъ названіемъ арій. Самыя извѣстныя изъ нихъ, Руссенни, Маками, Ширази, Испагани, Бузеликъ и др., получили какъ мнѣ

разсказывали, свои названія отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ распѣвали уже со временъ глубокой древности.

Если этому прототипу древневосточной культуры мы противопоставимъ теперь образованнаго эфенди, то конечно тотчасъ же замѣтимъ въ немъ раздвоенность различныхъ, противоположныхъ взглядовъ, которая не можетъ произвести на насъ пріятнаго впечатлѣнія. И такъ, перенесемся изъ гостиниой въ Испани въ гостиную Стамбула и рассмотримъ поближе молодого эфенди, члена бюро Амеди или секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ. Р...бей, отпрыскъ знатнаго семейства, на всей фізіономіи своей носитъ слѣды смѣшенія расъ. Этнографъ открылъ бы въ ней примѣсь греческо-армянскаго типа, болѣе слабую семитическаго, къ которой рѣдко присоединяется туранскій типъ; но всего меньше могъ бы онъ открыть въ ней признаковъ чисто азіатскаго типа. Очень рискованно было бы отнести стамбульскаго эфенди къ списку азіатовъ. Цилиндръ и фракъ дѣлаютъ изъ него чистокровнаго европейца, и если бы вы встрѣтили его напр. среди толпы на парижскомъ бульварѣ Montmartre, то врядъ ли отличили бы отъ южнаго француза или испанца. Но рассмотримъ поближе этого псевдо-азіата. Онъ сидитъ на диванѣ не съ поджатыми, но со скрещенными ногами, и поза его повидимому не особенно удобна, такъ какъ панталоны его при этомъ натянуты такъ, что швы готовы лопнуть, а безпрестанныя перемѣны положенія доказываютъ, что онъ не чувствуетъ себя вполне удобно. Не болѣе соответствуетъ цѣли и застегнутый сюртукъ (сэтри) изъ чернаго сукна, съ стоячимъ воротникомъ, который съ одной стороны мѣшаетъ наклонить голову, съ другой же — не даетъ наклониться впередъ, какъ это необходимо при турецкомъ способѣ сидѣнія. Костюмъ этотъ довершается фескою, кокетливо одѣтою на сторону шапочкою, изъ подъ которой хорошо видна вся прическа, такъ какъ господамъ этимъ совершенно чуждъ обычай брить себѣ переднюю часть головы, и какъ ульсъ (локоны) персовъ также не были никогда у нихъ въ модѣ. Если мы присоединимъ къ этому еще неизбѣжныя лайковыя перчатки и

лакированные сапоги, то будемъ имѣть предъ собою совершенно полный портретъ этого представителя новѣйшей азіатской культуры.

Внутренность совершенно соотвѣтствуетъ внѣшности. Изъ школы, частной ли или публичной, онъ вынесъ равно столько познаній въ арабской и персидской грамматикѣ, сколько необходимо для его канцелярской карьеры. Тотъ предѣлъ, къ которому онъ стремится, состоитъ въ томъ, чтобы развиться до хорошаго кіатибъ (писца или стилиста), и это должно понимать такимъ образомъ, что онъ долженъ быть въ состояніи передать безошибочно свою мысль на бумагѣ, такъ какъ это дастъ ему возможность претендовать на должности, почести и на хорошій окладъ жалованья. Турецкая стилистика дѣйствительно не легка, тѣмъ не менѣе европейцу должно казаться забавнымъ, что всѣ стремленія государственнаго человѣка направлены къ тому, чтобы усвоить себѣ тѣ свѣдѣнія, которыми у насъ обладаетъ уже каждый гимназистъ третьяго класса. Предположивъ даже, что нынѣшняя интеллигенція Турціи и Египта достигла уже этого желаннаго китабета, то по этому можно судить, на какомъ ужасномъ *minimum'ѣ* находится національное образованіе. Богатыя сокровища турецкой литературы совершенно неизвѣстны большинству, а лишь рѣдко приходится слышать намеки на Баки, Вехби, Лами или Камельпашазадэ или Саадъ-эдъ-діусъ, какъ это часто случалось еще 30 лѣтъ тому назадъ. Относительно изученія исторіи, какъ уже было упомянуто при описаніи школьнаго образованія, дѣло обстоитъ еще хуже. Зато всѣ эти недостатки вознаграждаются поверхностнымъ изученіемъ французскаго языка, которое доводитъ до того, что учащійся въ состояніи понять легкій романъ или поддержать нѣкоторое время разговоръ на французскомъ языкѣ. Употребить же знанія этого языка какъ средство для усвоенія себѣ западной науки приходитъ въ голову лишь очень немногимъ, да и этимъ послѣднимъ, къ сожалѣнію, лишь въ такомъ возрастѣ, когда всякое ученіе, въ особенности для азіатовъ, сопряжено съ большимъ трудомъ. Вкусъ у этихъ азіатовъ современной культуры также совершенно сомнительный. Подстрекаемые современною модою, они посѣщаютъ европейскіе театры и

вечера, но въ то же время находятъ удовольствіе и въ отвратительныхъ представленіяхъ Карагѣца и въ азіатскихъ фарсахъ. Хотя они выказываютъ на видъ пристрастіе къ нашимъ кушаньямъ, покрою платья, жилищамъ и пр., но въ душѣ тѣмъ не менѣе отдаютъ предпочтеніе національнымъ обычаямъ. Эти вырожденки западно-исламской культуры дѣйствительно должны производить на европейца болѣе непріятное впечатлѣніе, нежели даже самые дикіе представители неподдѣльнаго магометанскаго міра.

Авганы, узбеки и таджики имѣютъ приблизительно столько же понятія объ образованіи, какъ имѣли у насъ въ Европѣ во время кулачнаго права, или въ западной Азіи въ самыя бурныя эпохи ея существованія. У нихъ такъ называемая интеллигенція раздѣляется на двѣ, вполне различныя категоріи, на касту военныхъ или чиновниковъ и на муллъ или свѣтское духовенство. Подобно тому какъ эти послѣдніе считаютъ битвы и ссоры неприличными для своего призванія и во время путешествій и въ богомольяхъ только потому онаясываются мечемъ, что по словамъ Корана каждый, падающій въ битвѣ безоружнымъ, отправляется прямо въ адъ,—точно также такъ называемые сипахи, какъ обозначаютъ первый изъ упомянутыхъ классовъ, считаютъ всякое научное образованіе если не совсѣмъ бесполезнымъ, то во всякомъ случаѣ вовсе не необходимымъ для своего призванія. Хорошо ѣздить верхомъ, стрѣлять въ цѣль, искусно метать копьѣ, въ особенности же соблюдать всѣ приличія, соотвѣтственныя своему положенію въ обществѣ или отличіямъ, полученнымъ отъ правителя — вотъ въ чемъ заключается цѣль ихъ жизни. Каждый аристократъ имѣетъ при себѣ своего писца, исполняющаго обязанности домашняго поэта, счетчика, толкователя словъ, астролога, а иногда и духовника, и если самъ господинъ достигнетъ до того, что можетъ вставить свое словцо относительно не особенно запутанныхъ вопросовъ религій, или же можетъ до нѣкоторой степени понимать читаемыя поэтическія произведенія, то въ глазахъ всего общества онъ достигъ maximum'a тѣхъ качествъ, которыя требуются въ узбекскомъ и авганскомъ большомъ свѣтѣ. Не умѣть читать и писать повсюду считается меньшимъ

стыдомъ, чѣмъ не быть въ состояніи опредѣлить съ перваго взгляда возрастъ лошади или цѣну оружія, не трогая его руками, или, наконецъ, способность къ работѣ раба, не оцупавъ его ногъ. Я никакъ не могу скрыть, что самый образованный джентльмэнъ средней Азіи относительно умственного развитія представляется жалкою карикатурою въ сравненіи съ подобнымъ же себѣ въ Иранѣ и Турціи, и всякій разъ, когда посланникъ изъ Гильмена, съ Оксуса или Яксарта появляется въ дипломатическихъ кружкахъ Тегерана или Константинополя, то мѣстные придворные вдоволь потѣшаются на его счетъ.

Слабые, чрезвычайно слабые слѣды образованія у высшихъ классовъ узбековъ можно замѣтить на старикахъ и султанахъ степныхъ киргизовъ. Русскіе путешественники часто бывали поражены въ палаткѣ подобного предводителя племени патріархальностью манеръ, мраморною неподвижностью лица и подходящими къ случаю изрѣченіями мусульманской философіи. Дѣйствительно я могу себѣ представить, что подобное явленіе поражаетъ сѣвернаго жителя; но это мнимое дарованіе и все это внѣшнее приличіе представляютъ ничто иное какъ послѣднюю и самую отдаленную вѣтвь мусульманскаго образованія, пустившаго свои корни въ Иссыкъ Куръ и въ Алатаускихъ горахъ на развалинахъ соотвѣтствующей буддистской культуры.

Персидскій мирза является намъ послѣднимъ и вѣрнѣйшимъ представителемъ древне-магометанской культуры; что же касается до арабовъ или турокъ, то они не смотря на то, что въ теченіи многихъ столѣтій упрямо противились европейскому вліянію, въ настоящее время уже усвоили себѣ въ манерахъ и во взглядахъ такъ много чужестраннаго, европейскаго, что теперь ихъ также мало можно причислить къ европейцамъ, какъ и къ настоящимъ азіатамъ.

Главнымъ выраженіемъ образованія, почти можно сказать даже важнѣе самаго образованія считается на Востокѣ вѣжливость; и эта черта восточнаго характера, скрывающая въ себѣ всѣ фазы общественнаго и политическаго различій, рѣзко отдѣляетъ Западъ отъ Востока. Разгоряченная фантазія, образный языкъ, пристрастіе ко

всему внѣшнему, къ церемоніямъ и, наконецъ, постоянный трепеть передъ произволомъ тирановъ неизбежно породили значительное разстояніе между словомъ и мыслью. Житель Востока считаетъ себя бозопаснымъ за облакомъ енііама, и такимъ образомъ вѣжливость переродилась въ лстивое лицемѣріе. Чтобъ составить себѣ понятіе о восточной вѣжливости, надо самому присутствовать при встрѣчѣ напр. двухъ персидскихъ крестьянъ. Долгое время стоятъ они другъ передъ другомъ безмолвно и неподвижно, пока не рѣшатъ кому изъ нихъ принадлежитъ честь первому поклониться или завести разговоръ. Когда наконецъ ледъ сломанъ и встрѣтившіеся порѣшили, кому начинать, то одинъ изъ нихъ предлагаетъ своему сосѣду цѣлый рядъ вопросовъ о его здоровьѣ и благосостояніи. Такъ напр.: «Жирно ли твое нѣбо?». «Влажно ли оно?» «Упаси Богъ, нѣтъ ли болѣзней въ твоемъ домѣ?» «Хорошо ли твое здоровье?» и т. д. и т. д. Такихъ вопросовъ предлагается иногда до десяти, даже до 15 и болѣе; но всего комичнѣе во всей сценѣ это то, что первый разговаривающій, окончивъ этотъ допросъ, спокойно выслушиваетъ и самъ отъ своего сосѣда тѣ же вопросы, въ той же послѣдовательности. Эта церемонія соблюдается не только у образованныхъ иранцевъ, но даже у примитивныхъ обитателей степей Туранской возвышенности, и ничто не можетъ быть страннѣе, какъ видѣть этихъ людей, покрытыхъ лохмотьями, съ ихъ грубыми лицами, предающихся утонченнымъ выраженіямъ языка цвѣтовъ.

Въ высшихъ кругахъ понятія о вѣжливости возведены до неизмѣримой высоты; они проявляются какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ въ словѣ и въ дѣлѣ, даже во всѣхъ мельчайшихъ событіяхъ человеческой жизни, и притомъ въ такой степени, какъ оно было бы немислимо у насъ на Западѣ даже въ то время, когда общество наше всего болѣе кичилось утонченною вѣжливостью. «Говорить о себѣ «Я» — это обычай чорта», такъ говоритъ пословица, поэтому въ разговорѣ съ важными лицами запрещенное «я» замѣщаютъ выраженіями въ родѣ: *«твой слуга или твой рабъ»*. Въ письмахъ пишутъ *«Твой, отказывающійся отъ отпускнуой, рабъ»* и т. д. Къ собесѣднику

же своему обращаются съ выраженіями: *«твоя свѣтлѣйшая или высочайшая личность»*. Фразою: *«прахъ отъ твоихъ ногъ»* выражаютъ свое почтеніе, вслѣдствіе котораго разговаривающій осмѣливается приблизиться не къ самому лицу, но только къ праху отъ ногъ его. Я удостоился чести видѣть *прахъ твоихъ ногъ* въ театрѣ; я позволю себѣ сопровождать *прахъ отъ твоихъ ногъ* въ городъ; кто остригъ волосы у *праха ногъ твоихъ*; мать *праха отъ ногъ твоихъ* изволила прибыть сюда и т. д., все это выраженія, которыя для нашего слуха кажутся далеко не эстетичными. Выраженіе *«мой домъ»* замѣняютъ выраженіемъ *«жилище твоего слуги»*, *«мой сынъ»* выраженіемъ *«твой рабъ»*, *«моя жена»* *«твоя рабыня»*. Изъ всего сказаннаго уже можно составить себѣ понятіе какъ напыщенъ и надутъ весь остальной разговоръ. Въ особенности замѣчательна мимика при взаимныхъ привѣтствіяхъ. Османское общество придерживается *«тѣмenna»*, привѣтствія, при которомъ здоровающійся прикладываетъ правую руку сначала къ сердцу, затѣмъ ко рту и наконецъ къ головѣ, и выражаетъ этимъ приблизительно слѣдующее: *«я говорю то, что чувствую, и думаю что говорю, или, другими словами: мои чувства, мои слова и мои мысли всѣ преданы тебѣ»*. Это само по себѣ было бы довольно привлекательнымъ привѣтствіемъ, если бы только привѣтствующій не выражалъ своего почтенія къ высшему слишкомъ низкими поклонами, такъ какъ въ нашихъ глазахъ *«тѣмена какъ бераберъ»* (земной поклонъ) представляется ужъ слишкомъ унижающею церемоніею, но въ свою очередь представляетъ уже значительный успѣхъ сравнительно съ способомъ привѣтствія, употребительнымъ у бирмановъ, сіамцевъ и другихъ восточныхъ народовъ. Въ Персіи излишества поклоновъ бросаются еще болѣе въ глаза, такъ какъ у нихъ кланяются не впередъ, но на бокъ, голова склоняется на правое плечо, и такимъ образомъ открывается шея, какъ бы для того, чтобы выразить начальнику: *«съ моею шею я жизнь мою предоставляю въ твое распоряженіе»*, и вѣжливость эта еще усиливается постоянно повторяемыми словами: *«бели курбанѣтъ шемэмъ»* (я охотно сдѣлаюсь твоею жертвою). Еще болѣе

ясно этотъ обычай выражается въ Средней Азіи, гдѣ придворные изъ почтенія или изъ чувства раскаянія обращаются къ своему повелителю не иначе, какъ съ веревкою вокругъ шеи, и на веревкѣ этой виситъ обнаженный мечъ, т. е. приносятъ съ собою всѣ орудія казни и такимъ образомъ ставятъ свою жизнь въ зависимость отъ малѣйшаго знака повелителя. Впрочемъ, въ остальныхъ случаяхъ среднеазіатъ придерживается еще простой формы «музафеха», т. е. встрѣчаясь другъ съ другомъ берутся за руки или обнимаются, смотря по большей или меньшей близости. При встрѣчѣ съ важными людьми или съ князьями имъ просто кланяются, скрестивъ на груди руки.

Подобно тому, какъ эта преувеличенная вѣжливость въ словѣ и дѣлѣ, неодобряемая собственно исламомъ, развилась вмѣстѣ съ усиленіемъ свѣтской власти калифовъ, тоже можно сказать о напыщенной и вздутой стилистикѣ. Въ этой послѣдней вѣжливость переходитъ въ отвратительную эксцентричность, и въ этомъ отношеніи также впереди всѣхъ стоятъ турки и персы. Они имѣли въ своемъ распоряженіи сокровища двухъ или трехъ языковъ и распоряжались ими съ расточительностью не только для классическихъ твореній, но и черпали изъ нихъ неумѣренно и относительно выраженій вѣжливости. Чтобы дать западному читателю слабое понятіе о восточныхъ формахъ вѣжливости, я приведу нѣсколько отрывковъ изъ рукописнаго турецкаго письмовника 1809 года:

„Мой благородный, высокоуважаемый свѣтлѣйшій сынъ!

О ты, высокій князь порога (титулъ, соотвѣтствующій французскому „huissier“)

Ваше Высокородіе!

«Выражаю мое искреннее пожеланіе: да сдѣлается челнъ твоей судьбы украшеніемъ пристани счастья и веселья, да привлекутъ тебя паруса твоихъ желаній въ гавань блаженства и наслажденій — съ этимъ пожеланіемъ осмѣливаюсь я окунуть перо въ море мыслей, и возбудить въ немъ слѣдующія волны рѣчи. — Сегодня вечеромъ, когда серебряный челнъ 14-дневной луны достигнетъ краевъ зеленого неба, разливъ вокругъ себя любовь и нѣжность, соберемся мы въ Румели

Гиссаръ (деревня на европейскомъ берегу Босфора) и въ этомъ богатомъ прелестями мѣстѣ будемъ услаждать себя всю ночь вплоть до ранняго утра «сухою водою и влажнымъ огнемъ» (водкою). Замедленіе не допускается ни на волосъ; поэтому мы просимъ тебя распустить всѣ паруса и пустить въ ходъ всѣ весла, чтобы скорѣе обрадовать своимъ присутствіемъ твоихъ друзей».

Это образецъ приглашенія на простую пирושку, а вотъ примѣръ приглашенія на ужинъ:

«Свѣтлѣйшій Господинъ! Ваше Высокородіе! Сегодня вечеромъ, по волѣ Господней, когда великій царь всѣхъ созвѣздій, а именно соляце нашего міра, приготовляясь къ своему путешествію въ область мрака, вставить ногу свою въ стремя поспѣшности, — тогда просимъ тебя порадовать насъ лучами красоты твоего соперничающаго съ солнцемъ лица и имъ, подобно зефиру весенняго утра, разсѣять и освѣтить темный мракъ нашей разлуки и одиночества».

При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти церемоніи относятся только къ друзьямъ и знакомымъ, и по нимъ уже можно заключить въ какихъ выраженіяхъ обращаются къ начальникамъ.

Праздники.

Въ сравненіи съ многочисленными празднествами христіанъ, въ особенности восточныхъ, можетъ показаться, что у магометанъ почти вовсе нѣтъ праздниковъ. Впрочемъ, вѣрнѣе было бы сказать, что у всѣхъ послѣдователей ученія Пророка существуютъ праздники, но совсѣмъ нѣтъ дней отдыха. За исключеніемъ, самое большее, трехъ дней въ году, магометанинъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ своей религіи, если по пятницамъ участвуетъ въ джума намази (молитва по пятницамъ), выслушиваетъ тамъ похвалы Пророку, его четьремъ товарищамъ и управляющему султану и затѣмъ выполняетъ предписанное закономъ число рикаа (колѣнопреклоненій). Выполнивъ все это въ точности, онъ съ спокойною душою можетъ продолжать свои обычные занятія. И дѣйствительно, такъ поступаетъ большинство во всѣхъ магометанскихъ странахъ, даже въ мѣстностяхъ извѣстныхъ своимъ религіознымъ рвеніемъ, и если кое-гдѣ лавки и лавки и бываютъ закрыты по праздникамъ, то изъ этого надо только заключить, что ультра-набожный хозяинъ ихъ предается выполненію тѣхъ обязанностей, которыя законъ обозначаетъ подъ именемъ Нафиле, какъ напр. чтеніе религіозныхъ книгъ или извѣстныхъ кассидъ.

Незначительныя по числу и своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, празднества Ислама отличаются отъ христіанскихъ праздниковъ только большею искренностью молитвъ и глубоко торжественнымъ настроеніемъ; и это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что религія на Востокѣ пустила гораздо болѣе глубокіе корни, чѣмъ у насъ. Я еще

живо сохраняю воспоминаніе о тѣхъ приготовленіяхъ къ мѣсяцу Рамазану — какъ извѣстно, постному мѣсяцу, заканчивающемуся Идиситр-Бейрамомъ — при которыхъ мнѣ случалось присутствовать въ теченіи многихъ лѣтъ. Изъ всего магометанскаго міра приготовленія эти на берегахъ Босфора всего блестящее. Если позволяетъ время года, то въ домѣ дѣлають внутреннія и наружныя поправки, окрашиваютъ его вновь, выбивають ковры и мебель, покупають новые кофейники, новыя чашки и вообще новую посуду; запасаются съѣстными припасами отличнаго качества и въ огромномъ количествѣ, и все это ради 30-ти-дневнаго поста, т. е. ради 30-ти-дневнаго бичеванія плоти. Но какъ ни странны всѣ эти приготовленія, тѣмъ не менѣе они вполне соотвѣтствуютъ настоящей цѣли, такъ какъ мѣсяцъ поста въ то же время есть мѣсяцъ величайшихъ излишествъ. Господь Богъ повелѣлъ мучить свое тѣло ради болѣе яснаго пониманія нравственной пользы, но такъ какъ онъ не вполне ясно опредѣлилъ время 24-хъ-часоваго солнечнаго обращенія, то правовѣрные умудряются перехитрить своего Бога, а именно: они постятся днемъ, ночью же предаются тѣмъ большимъ излишествамъ; днемъ спятъ, зато ночью бываютъ тѣмъ бодрѣе. Во всей жизни замѣчаются тогда суэта и безпорядокъ, которые, конечно, могутъ приходиться по вкусу только почтеннымъ мусульманамъ, у которыхъ, какъ извѣстно, время не считается особенно драгоценнымъ сокровищемъ и работа не сдѣлалась привычкою. У меня и теперь еще кружится голова, когда я вспомню объ утреннихъ часахъ лѣтняго Рамазана (вслѣдствіе луннаго года различные праздники выпадаютъ въ теченіи 33 лѣтъ на всѣ различные времена года), которые слѣдовали за ночью, проведенною въ пирушкахъ. Только послѣ нѣсколькихъ недѣль пріучается тѣло къ этому необыкновенному образу жизни. Всѣмъ магометанскимъ міромъ въ теченіи этого времени овладѣваетъ какое-то бѣшенство, и государство дѣлаетъ вполне цѣлесообразно, прекращая на это время всѣ дѣла.

За три часа до солнечнаго заката бродящія тѣни правовѣрныхъ въ Стамбулѣ, также какъ въ Тегеранѣ, Бухарѣ, какъ и въ Фецѣ и

Марокко, даже во внутреннемъ Китаѣ, попадаются по улицамъ вполне истощенныя и апатичныя. Провести цѣлый жаркій день лѣтняго Рамазана, не утоливъ своей жажды каплею воды — даже произнести это слово считается грѣхомъ—или, что еще чувствительнѣе, незатаившись ни разу страстно любимую трубкою, дѣйствительно составляетъ самую невыносимую муку для мусульманина. Тщетно пытается онъ обмануть свои чувства, расхаживая по базару, заходя въ различныя мечети и присутствуя при всевозможныхъ зрѣлищахъ и театральныхъ представленіяхъ—желудокъ ворчитъ, горло пересохло, всѣ чувства ослабли, и только ухо еще выполняетъ свое назначеніе, жадно прислушиваясь, не раздастся ли пушечный выстрѣлъ, объявляющій о заходѣ солнца. Вотъ наконецъ раздался давно жданный громовой выстрѣлъ, и тысячи душъ, или правильнѣе было бы сказать желудковъ приходятъ въ радостное волненіе. Прежде всего бросаются къ трубкамъ, потомъ къ водѣ и наконецъ къ богато-уставленнымъ столамъ. Европейецъ не можетъ составить себѣ и слабаго понятія о томъ, сколько поглощается въ это время. Кушанья не съѣдаются, но торопливо запихиваются въ желудокъ, и дѣйствительно, вполне разумно было повелѣніе пророка, предписывающее правовѣрнымъ молитву тѣрави послѣ подобнаго ужина. Молитва эта состоитъ изъ 20 рикать, изъ которыхъ каждый соединенъ съ 8 различными положеніями тѣла; 8 разъ 20 составляетъ 160; поэтому невоздержному правовѣрному нечего опасаться расстройства желудка, послѣ того, какъ онъ выполнитъ всѣ эти 160 различныхъ тѣлодвиженій. Нѣтъ розы безъ шиповъ, нѣтъ радости безъ горя, нѣтъ рамазаннаго обжорства безъ тѣрави.

Такъ празднуютъ Рамазанъ въ Константинополѣ. Вечернему празднеству придается еще болѣе торжественности яркимъ освѣщеніемъ стройныхъ минаретовъ и транспарантовъ съ изреченіями Корана, увѣщивающихъ стѣны башенъ, и вообще мусульманская столица на Босфорѣ умѣетъ праздновать этотъ мѣсяцъ поста лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Съ этимъ же мѣсяцемъ совпадаетъ и «Ночь судьбы» (Кадръ гѣджези), во время которой султанъ въ великолѣпно-

иллюминированной лодкѣ отправляется къ пристани сераля, а оттуда въ мечеть и за это богоугодное дѣло получаетъ отъ казны въ подарокъ красивую рабыню. Эта ночь судьбы имѣетъ большое значеніе для магометанъ, такъ какъ въ это время Господь Богъ повѣряетъ счетъ грѣховъ каждой души и на слѣдующій годъ начинаетъ новую книгу. Ученые толкователи Корана опредѣлили даже форматъ и цвѣтъ этой небесной счетной книги. Неудивительно поэтому, что правотѣрный въ эту ночь съ умиленіемъ и раскаяніемъ обращаетъ свои мольбы къ божественному счетчику.

Но вотъ мѣсяцъ покаянія пришелъ къ концу. Празднованіе Байрама начинается съ большою торжественностью и внутреннимъ умиленіемъ, понятнымъ только магометанамъ. Всѣ одѣваются въ нарочно-приготовленные для этого случая новыя одежды и расхаживаютъ въ нихъ разбѣренными шагами по улицамъ, базарамъ и публичнымъ мѣстамъ. Если дозволяетъ время года, то украшаютъ себѣ головы цвѣтами, но очень страннымъ образомъ, а именно: затыкаютъ стебли цвѣтовъ подъ чалмы, такъ что сами цвѣты свѣшиваются на лобъ и глаза. Церемонія взаимныхъ визитовъ и поздравленій соблюдается съ величайшею строгостью. Самъ султанъ въ первый день праздника публично принимаетъ всѣхъ приближенныхъ и чиновниковъ. Торжественность, которою сопровождается подобный турецкій придворный праздникъ, представляетъ дѣйствительно интересное зрѣлище. Султанъ помѣщается на возвышеніи въ видѣ террасы на одномъ изъ дворовъ стараго сераля; его окружаютъ первые сановники его двора и затѣмъ передъ нимъ проходятъ въ процессіи одинъ за другимъ всѣ должностныя лица, смотря по своему чину, и каждый, проходя передъ повелителемъ, низко ему кланяется. Въ прежнія времена пышныя, яркія, вышитыя золотомъ и драгоценными камнями платья сановниковъ придавали этому празднеству отпечатокъ настоящей восточной роскоши и великолѣпія, но въ настоящее время широкія и пестрыя одѣянія прошлаго вытѣснены узкимъ, скромнымъ платьемъ европейскаго покроя, и это можетъ служить знаменіемъ времени т. е. упадка Оттоманской имперіи. По закону Рамазанъ-Байрамъ дол-

жень бы продолжаться всего одинъ день, но его празднуютъ обыкновенно три дня сряду, точно также, какъ 70 дней спустя Курбанъ-Байрамъ (праздникъ жертвы) продолжается не 4, какъ назначено, но 6 и даже 8 дней. Замѣчательно, что этотъ послѣдній праздникъ, посвященный воспоминанію добровольной жертвы патріарха Авраама, не имѣетъ въ Турціи того высокаго значенія, какимъ онъ пользуется въ восточномъ Исламѣ. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ Оттоманской имперіи онъ замѣчается только по необыкновенному числу барановъ, пригоняемыхъ въ это время изъ провинцій на улицы столицы. Кто имѣетъ средства, покупаетъ себѣ барана и зарѣзываетъ его собственноручно, произнося при этомъ предписанныя закономъ молитвы. Всего веселѣе встрѣчается этотъ праздникъ въ кельяхъ бѣдныхъ учениковъ медресе, такъ какъ имъ и нищимъ города представляется въ этотъ день рѣдкій случай полакомиться мясомъ, которое жертвуется имъ теперь въ избыткѣ. Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ, въ Оттоманской имперіи соблюдается еще третій, а именно Мевлудъ, т. е. день рожденія Магомета, установленный Мурадомъ III въ 1588 году. Но праздникъ этотъ хотя и признается въ восточномъ Исламѣ, соблюдается тамъ съ гораздо меньшею торжественностью. Въ Константинополѣ его знаменуетъ торжественное шествіе султана въ мечеть, въ сопровожденіи всѣхъ сановниковъ, и въ прежнія времена шествіе это представляло очень великолѣпное зрѣлище, но въ настояще время оно окружено уже далеко не такою пышностью.

Совсѣмъ иной отпечатокъ носятъ на себѣ празднества внутренняго исламскаго міра, такъ какъ здѣсь они состоятъ преимущественно изъ дней скорби и только изъ одного, издревле установленнаго праздника. Къ числу первыхъ принадлежатъ прежде всего тѣ мѣсяцы печали и мести, установленные рвеніемъ шіитскихъ сектъ, которые соблюдаются въ Персіи и такъ странно поражаютъ каждого путешественника на Востокѣ. Все это вращается преимущественно вокругъ войнъ Али за престолонаслѣдіе съ первыми тремя калифами, и во время этихъ праздниковъ глубоко оскорбленному національному герою Ирана воздается столько же почестей, сколько врагамъ его грубыхъ

оскорблений и проклятій. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть о праздникѣ въ честь рожденія Мехди, 15-го шаабана. Праздникъ этотъ установленъ на-зло суннитамъ, утверждающимъ, что имамъ этотъ появился въ свѣтъ лишь послѣ воскресенія, тогда какъ шіиты, напротивъ, утверждаютъ, что онъ родился задолго передъ тѣмъ и еще до сихъ поръ живетъ и скрывается гдѣ-нибудь отъ всѣхъ. Затѣмъ слѣдуетъ праздникъ Гадир-и-хомъ, 17-го Джэмази-уль-ахиръ, въ воспоминаніе того дня, когда Магометъ, во время путешествія изъ Мекки въ Медину, назначилъ своимъ представителемъ своего зятя Али въ Хомской долигѣ—событіе, ясно свидѣтельствующее противъ узурпаціи трехъ первыхъ калифовъ. День смерти Али также сдѣлался глубоко національнымъ днемъ печали, также какъ съ другой стороны, 27-го Рамазана, день смерти Ибни Мульджема, убійцы Али, возведенъ въ радостный праздникъ. Къ этой послѣдней категоріи относится также Омеръ-Сузани (т. е. день сожженія Омера), который празднуется въ день смерти этого самаго важнаго и глубоко-ненавистнаго всѣмъ шіитамъ врага Ислама. Въ этотъ день дѣлается чучело, которое окрещиваютъ именемъ Омера, начинаютъ порохомъ и разносятъ этого ненавистнаго калифа *in effigie* по всѣмъ городскимъ улицамъ, а послѣ всего, къ великому удовольствію публики, взрываютъ посредствомъ ракеты на воздухъ.

Всего оживленнѣе проходитъ праздникъ Могаррэмъ. Въ первые десять дней во всемъ магометанскомъ мірѣ удерживаются отъ публичныхъ развлеченій. Въ странѣ же шіитовъ, уже за четыре недѣли передъ тѣмъ начинаютъ предаваться безконечнымъ печалямъ и траурнымъ церемоніямъ, разыгрываютъ мистеріи, распѣваютъ элегіи и всѣ свои движенія сопровождаютъ безконечнымъ плачемъ и рыданіемъ. Что дѣлалось прежде въ честь Али, теперь повторяется въ честь его злополучныхъ дѣтей Гассана и Гуссеина, а именно, въ честь мученичества послѣдняго, погибшаго такъ ужасно со всѣми своими въ безводной стени Кербела. Солнце освѣщаетъ своими яркими лучами серебристыя волны близкаго Тигра; лагерь раскинутъ лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣки, но никто не смѣетъ достать и нѣ-

сколькихъ капель живительной влаги для изнемогающаго семейства Гуссейна, такъ какъ небольшая толпа путниковъ, окруженная войскомъ Іезида, каждымъ своимъ движеніемъ вызвала бы вѣрную смерть. Али Эберъ, 12-лѣтній любимый сынъ Гуссейна, не можетъ больше выдержать вида своей матери, сестеръ и тетокъ, умирающихъ отъ жажды. Онъ садится на боевого коня и хочетъ пробиться чрезъ непріятельское войско, но безчисленные удары сабель поджидающихъ его враговъ повергають его на землю, и кровь его—красный свекольный сокъ, такъ какъ я говорю здѣсь о представленіи мистеріи—брызгаетъ въ ряды публики и смѣшивается съ струящимися слезами. Вслѣдъ за сыномъ и отецъ, т. е. самъ Гуссейнъ, вступаетъ въ битву; онъ борется какъ левъ, но наконецъ также падаетъ покрытый ранами, и раздающіеся дикіе вопли заглушаютъ гнусливыя элегіи актеровъ. Подобныя представленія, пышныя и великолѣбныя въ городахъ и очень простыя въ деревняхъ, продолжаются въ теченіи цѣлаго мѣсяца, и даже въ отдѣльныхъ палаткахъ не забываютъ представить хотя бы отрывки изъ нихъ. И тому, кто былъ свидѣтелемъ этого четырехъ-недѣльнаго непрерывнаго общаго плача и рыданій, этого посыпанія головы окрашенными опилками вмѣсто пепла, тому вовсе не покажется удивительнымъ, что когда наступитъ наконецъ Рузи Ашюра (10-й день), самый высшій предѣлъ національнаго траура, всѣ шинты въ публичныхъ процессіяхъ бросаются какъ безумные по улицамъ и ведутъ себя какъ бѣсноватые. Они рвутъ на себѣ одежду (причемъ предусмотрительно одѣваютъ на этотъ случай самую плохую), вырываютъ себѣ волосы изъ головы и бороды, ударяются о стѣны или другъ о друга; въ каждомъ городѣ можно даже встрѣтить такихъ официальныхъ мучениковъ, которые, съ горя по погибшемъ Гуссейнѣ, сами наносятъ себѣ раны, конечно на не опасныхъ частяхъ тѣла, и съ настоящимъ героизмомъ размахивають окровавленными членами. Такое самобичеваніе составляетъ впрочемъ довольно выгодное занятіе. Одинъ изъ спутниковъ моихъ путешествій разносилъ свои глубокія раны на рукахъ, подобно цѣнному капиталу, изъ одного города въ другой, показывая ихъ публично и

собирает за это довольно много денегъ. Въ остроумномъ Иранѣ въ особенности хорошо умѣютъ водить другъ друга за носъ насчетъ Господа Бога. Такимъ образомъ, часто случается встрѣчать людей съ 8-угольною язвою на лбу; но ошибочно было бы думать, что снѣжакъ этотъ произошелъ отъ слишкомъ частаго прикладыванія къ 8-угольному камню. Шіиты дѣйствительно вмѣсто ковра употребляютъ въ молитвахъ 8-угольный кирпичъ, къ которому бросаясь на землю, прижимаютъ свой лобъ, и люди съ подобными язвами желаютъ показать свѣту, что поранили себѣ лобъ отъ излишнихъ молитвъ, въ дѣйствительности же произвели себѣ эти раны искусственнымъ образомъ, растравивъ себѣ лобъ.

Но если религіозныя празднества шіитскаго Ислама представляются намъ нелѣпыми, зато нельзя не назвать праздника новаго года, Норузъ, поэтически прекраснымъ. Онъ совпадаетъ съ весеннимъ равноденствіемъ, начинается въ ту самую секунду, когда солнце входитъ въ знакъ Овна, и служитъ единственнымъ памятникомъ религіи древнихъ парсовъ. Праздникъ этотъ соблюдается съ большою торжественностью не только въ шіитскомъ Иранѣ, но и во всѣхъ странахъ восточнаго Ислама. Въ Константинополѣ Норузъ празднуется только въ знатныхъ домахъ различными сладостями и отварами, которые получаютъ въ подарокъ отъ домашняго аптекаря. Но, начиная съ восточной границы Оттоманской имперіи до самаго Китая, Норузъ играетъ почти что болѣе важную роль, нежели всѣ религіозныя празднества. Въ Иранѣ къ нему готовятся уже за цѣлые мѣсяцы, и въ городъ привозится неслыханное количество сахара, леденцовъ, сироповъ, сахарныхъ фруктовъ и т. д. для 13-дневнаго празднованія. Всѣ стараются достать если не полный новый костюмъ, то по крайней мѣрѣ какое нибудь новое платье. Отъ короля до нищаго всѣ получаютъ и раздаютъ подарки, и, дѣйствительно, въ высшей степени интересно быть свидѣтелемъ того радостнаго волненія, съ которымъ встрѣчается начало весны. Празднества начинаются съ минуты опредѣленной астрономами; всего величественнѣе являются эти празднества при дворѣ шаха, который встрѣчаетъ новый годъ

въ кругу своихъ сановниковъ, чтобы тотчасъ при началѣ принять ихъ поздравленія и роздать имъ подарки. Само собою разумѣется, что при этомъ случаѣ не обходится безъ поэмъ въ честь Его Величества шаха и Ея величества Весны, въ которыхъ царское дыханіе сравнивается съ запахомъ розъ. Въ официальныхъ спичахъ также нѣтъ недостатка. Шахъ справляется о состояніи страны, торговли и промышленности и требуетъ свѣдѣній о распространеніи вѣры, на что его превосходительство первый министръ начинаетъ новый годъ безстыднымъ враньемъ, описывая въ яркихъ краскахъ процвѣтаніе и благосостояніе провинцій, погруженныхъ въ дѣйствительности въ самую жалкую нищету. Точно такимъ же образомъ врутъ и представители духовенства, рассказывая о побѣдоносномъ распространеніи Ислама, тогда какъ ненавидимые урусы съ Кавказа и Оксуса все болѣе и болѣе распространяютъ черныя тѣни невѣрія по полямъ Ирана. Какъ вопрошающій, такъ и отвѣчающій отлично знаютъ, что они обмануты и обманываютъ, но это не мѣшаетъ Шах-ин-Шаху раздавать всѣмъ богатые подарки и разсыпать пригоршнями новыя золотыя и серебряныя монеты, такъ какъ начать новый годъ золотыми подарками считается особенно благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Хотя Норузъ празднуется уже искони, но сопровождающіе его обряды значительно измѣнились, даже въ теченіи послѣднихъ столѣтій, такъ какъ со времени французскаго путешественника Тэвено до Поллака, изучившаго всѣхъ лучше Персію, каждый посѣтитель Ирана описываетъ этотъ праздникъ иначе. Ученый Ричардсонъ рассказываетъ, что за нѣсколько минутъ до начала новаго года красивый юноша, представляющій аллегорически новый годъ, становился за дверью спальни шаха и входилъ въ нее безъ доклада въ ту самую минуту, когда на горизонтѣ появлялось солнце. На вопросы шаха: «Кто ты? Откуда? какъ тебя зовутъ? Что ты принесъ мнѣ?» юноша отвѣчалъ: «Зови меня блаженнымъ, я посланъ тебѣ отъ Господа и принесъ тебѣ новый годъ». Вслѣдъ за этимъ другой юноша подносилъ блюдо, на которомъ находились пшеничныя зерна, бобы, чечевица, кунжутъ и рисъ и сверхъ того куски сахара и двѣ новыя монеты, а министры

и сановники государства предлагали булку хлѣба. Шахъ, отвѣдавъ всего что ему предлагали, остатки раздѣлялъ между присутствующими со словами: «Сегодня день новаго года, время, когда все существующее обновляется».

То же, что происходитъ въ царскомъ дворцѣ, повторяется съ незначительными варіаціями и во дворцахъ сановниковъ, тогда какъ въ частныхъ кружкахъ все семейство въ праздничной одеждѣ садится за роскошно уставленный столъ. Посрединѣ послѣдняго (само собою разумѣется, что я говорю здѣсь о коврѣ, разостланномъ на полу, а не о настоящемъ столѣ) находится сосудъ съ водою, на который обращены глаза всѣхъ присутствующихъ. Въ то время когда солнце вступаетъ въ новый знакъ, вода вслѣдствіе легкаго толчка, который будто-бы получаетъ земля, приходитъ въ колебаніе, и это подаетъ сигналъ къ общимъ возгласамъ: «Иди шума мубарекъ бадъ!» (желаю вамъ счастливаго праздника!). Это же поздравленіе раздается въ этотъ день всюду, внутри и внѣ дома, на всѣхъ улицахъ города, словомъ вездѣ, гдѣ встрѣтятся двое людей. Вмѣстѣ съ Норузомъ начинается въ общественной, торговой, промышленной и земледѣльческой жизни новая глава. Время морозовъ, дождей и облачнаго неба уступаетъ веснѣ, небесной лазури, бальзамическому воздуху и нѣжнымъ благоуханіямъ цвѣтовъ. Неудивительно поэтому, что празднества продолжаютъ непрерывно въ теченіи 13 дней. Даже самъ повелитель, вообще такъ заботящійся о своемъ кошелькѣ, не жалѣетъ въ это время расходовъ на общественныя удовольствія.

Даже тамъ, гдѣ иранская культура, развившаяся подъ вліяніемъ идей древнихъ парсовъ, уже болѣе тысячелѣтія была изгнана полчищами турановъ и фанатическихъ арабовъ, даже въ Средней Азіи празднованіе Норуза сохранилось во всей своей древней формѣ. Замѣчательно, что древній Харезмъ, за тысячу лѣтъ тому назадъ прославленная столица культа парсовъ, вѣрнѣе сохранилъ этотъ обычай, нежели всѣ другія части Туркестана. Въ узбекскомъ населеніи Хивы начало весны играть не менѣе важную роль, чѣмъ у персовъ. Въ этотъ день въ первый разъ должна раздаться жалобная пѣснь соловья съ

густолиственныхъ вѣтвей. Драгоцѣнныя волны Оксуса, ради этого праздника, спускаются въ самые отдаленные каналы, на площадяхъ въ городахъ устраиваются бои барановъ и скачки, и кто только имѣетъ возможность, оставляетъ свое жилище, чтобы прожить нѣсколько дней въ палаткахъ, на краю цвѣтущаго дуга. Въ строго мусульманской Бухарѣ Норузъ хотя и празднуется, но не съ тою торжественностью, какъ на крайней восточной границѣ Ислама, а именно въ городахъ восточнаго Туркестана. Нельзя удивляться этому особенному празднеству въ честь природы, если принять въ соображеніе незначительное число праздниковъ Ислама, соединенныхъ кромѣ того съ чувствомъ печали и скорби. Значеніе этихъ послѣднихъ основано главнымъ образомъ на самоуглубленіи въ созерцаніи божества и на восхваленіи пророка, поэтому они исключаютъ всякое веселое настроеніе духа.

Богомольцы и богомолья.

«Es safr Kit' atum min es sakr» (Путешествіе служитъ предвкусіемъ ада) утверждаетъ арабская, распространенная на всемъ Востокѣ поговорка, въ которой многіе видятъ выраженіе восточной любви къ спокойствію, но которая въ сущности есть ничто иное, какъ пародія или совершенно невинная игра словъ *). Какъ извѣстно, путешествіе считается на всемъ Востокѣ пріятнымъ и полезнымъ для здоровья препровожденіемъ времени; у нѣкоторыхъ народовъ любовь къ путешествіямъ переходитъ даже въ настоящую страсть, проявляющуюся очень различно, главнымъ же образомъ въ далекихъ и частыхъ богомольяхъ. Когда у перса или среднеазіата все въ домѣ обстоитъ благополучно, и онъ желаетъ доставить самому себѣ или своей супругѣ особенное удовольствіе, то отправляется на богомолье, точно также, какъ мы предпринимаемъ путешествіе въ Италію, Швейцарію или на тѣ или другія воды, или купанья. Уже задолго передъ тѣмъ начинаютъ копить для этой цѣли деньги, готовятъ платье и вещи, нужныя въ дорогу, и уже напередъ предаются тому удовольствію, которое доставитъ путешествіе по чужимъ странамъ и городамъ и пребываніе въ столькихъ знаменитыхъ, освященныхъ пророкомъ городахъ, посѣ-

*) Слова путешествіе и аѣдъ пишутся такъ одинаково, что достаточно перемѣнить одинъ знакъ, чтобы изъ путешествія вышелъ аѣдъ.

щеніе которыхъ сверхъ того, и въ будущей жизни засчитается богоугоднымъ дѣломъ.

Изъ всѣхъ богомолій путешествіе въ Мекку и Медину, къ этимъ священнѣйшимъ мѣстамъ Ислама, само собою разумѣется занимаетъ первое мѣсто. За этимъ странствіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Хаджъ», слѣдуютъ путешествія къ гробницамъ различныхъ членовъ семейства пророка, такъ напр. въ Кербела и Неджефъ (у шиитовъ), Мешхэдъ, Кумъ и другія мѣста, а также къ гробницамъ Эсаба, помощника пророка въ дѣлѣ основанія религіи, и къ другимъ святымъ и ученымъ. Хотя законъ съ математическою точностью опредѣляетъ, что сходить 7 разъ на поклоненіе могилѣ такого-то и 21 разъ къ могилѣ другого святого—то же, что разъ предпринять путешествіе въ Мекку, тѣмъ не менѣе странствіе по пустынной, песчаной и каменистой Аравіи составляетъ высшій идеалъ страсти мусульманъ къ путешествіямъ, прикрытой религіознымъ предлогомъ. Поэтому мы начнемъ съ «Хаджъ», этого богомолья *par excellence*.

Хотя пророкъ и говоритъ въ своемъ Коранѣ: «Посѣщайте мой домъ», тѣмъ не менѣе, позднѣйшіе правители, чтобъ положить нѣкоторый предѣлъ излишней страсти къ путешествіямъ, установили, что богомолье дозволительно только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Если человѣкъ имѣетъ достаточно средствъ для этого, 2) физически здоровъ, 3) не женатъ, 4) не оставляетъ дома долговъ, 5) можно путешествовать только въ мирное время, 6) предпочитать путешествіе сухимъ путемъ путешествію по морю (такъ какъ первое считается менѣе опаснымъ) и наконецъ 7) богомолья дозволяются только совершеннолѣтнимъ, т. е. достигшимъ 15-ти-лѣтняго возраста. Мусульманскому обществу изъ экономическихъ соображеній, конечно, очень полезно было бы строго придерживаться этихъ постановленій; но религія богата задними дверцами, и одного видѣнія или даже просто многознаменательнаго сна достаточно, чтобы отбросить въ сторону всякія стѣсненія. Чрезвычайно замѣчательно то обстоятельство, что чѣмъ отдаленнѣе страна отъ религіознаго центра магометанскаго міра, тѣмъ живѣе проявляется у ея жителей стремленіе

добыть себѣ почетное названіе «хаджи». Причина этого заключается вѣроятно въ большей интенсивности вѣры на крайнихъ восточныхъ и западныхъ границахъ Ислама, а именно: съ одной стороны, въ Фецѣ и Марокко, а съ другой — въ восточномъ Туркестанѣ и въ трехъ ханствахъ, гдѣ религіозный фанатизмъ гнѣздится еще глубже, чѣмъ въ самой Аравіи; — точно такимъ же образомъ у подножія маяка господствуетъ мракъ, тогда какъ лучи его освѣщаютъ всю окрестность далеко кругомъ. Впрочемъ, въ этихъ хаджи дѣйствительно заключается много романическаго, даже поэтическаго, и въ послѣднія столѣтія они привели ко многимъ важнымъ практическимъ результатамъ, несмотря на всѣ религіозныя бредни, которыя лежатъ въ ихъ основаніи.

Когда я вспоминаю изъ многочисленныхъ моихъ знакомыхъ въ различныхъ странахъ Ислама тѣхъ личностей, которыя приготовлялись къ хаджѣ, то до сихъ поръ не могу удержаться отъ удивленія. Люди эти уже за цѣлыя недѣли или даже мѣсяцы передъ принятіемъ рѣшенія совершенно такъ сказать преобразовывались, и по мѣрѣ того, какъ приближалось время отъѣзда, ихъ волненіе и лихорадочность все увеличивались. Бѣдные и малоизвѣстные люди удаляются обыкновенно безъ шума, такъ сказать незамѣтно, изъ кружка своихъ домашнихъ; обыкновенно они путешествуютъ на чужой счетъ, и человѣкъ, снарядившій на богомолье другого, считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на извѣстную часть Божьей милости. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ уже восемь разъ въ своей жизни совершилъ въ лицѣ другого Тавафъ (путешествіе вокругъ Каабы), и столько же разъ слѣдовательно, сдѣлалъ онъ хаджи, тогда какъ посланные его не имѣли права на этотъ титулъ. Эти послѣдніе могутъ рассчитывать на награду только въ будущей жизни, здѣсь же имъ предоставляется только право быть похороненными въ *ирамъ* (родъ рубашки, которую пилигримы одѣваютъ, приближаясь къ Меккѣ). У богатыхъ, отправление на богомолье сопровождается извѣстною торжественностью. Самъ путешественникъ и всѣ его спутники и слуги одѣваются съ ногъ до головы во все новое; онъ беретъ съ собою въ дорогу луч-

шихъ своихъ лошадей, лучшія сѣдла и сбрую, передъ отъѣздомъ дѣлаетъ обыкновенно свою духовную, и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, эта предосторожность совершенно нелишняя. Онъ прощается со всѣмъ своимъ семействомъ, съ друзьями и родственниками нѣжно и торжественно, такъ какъ ему предстоитъ путь въ сотни или тысячи миль, борьба съ климатическими условіями, неблагопріятными стихіями и съ людскимъ коварствомъ, прежде чѣмъ ему удастся достигнуть цѣли своихъ желаній, Каабы.

Представь себѣ, любезный читатель, нѣсколькихъ богомольцевъ изъ восточнаго Туркестана или изъ Кокана, пускающихся въ дальній утомительный путь, въ Аравію, причемъ они, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могутъ достигнуть цѣли своего путешествія ранѣе 9—10 мѣсяцевъ, а можетъ быть и года. Для этихъ людей слово хаджъ соединяетъ въ себѣ понятіе о безчисленныхъ приключеніяхъ, всяческихъ лишеніяхъ и всевозможныхъ опасностяхъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ отдѣльные путешественники собираются постепенно въ группу и заключаютъ между собою прочныя узы дружбы, иногда даже духовнаго родства. Пришельцы съ дальняго Сѣверо-Востока магометанскихъ странъ сходятся обыкновенно въ Бухарѣ, Гератѣ и Оренбургѣ, тогда какъ путники съ Юго-Востока соединяются многочисленными обществами въ Бомбеѣ или Карши. Тамъ, гдѣ большую часть дороги можно проѣхать водою, трудности путешествія сравнительно не велики, хотя и тутъ хаджи, спертые всѣ вмѣстѣ въ тѣсномъ пространствѣ, не пользуются особеннымъ комфортомъ. Но дѣйствительно съ ужасными трудностями сопряжено путешествіе сухимъ путемъ, считающееся болѣе богоугоднымъ дѣломъ, все равно — я говорю о восточной границѣ Ислама — выберутъ ли путники дорогу къ священнымъ мѣстамъ черезъ югъ Россіи обходя Персію, или же придерживаются юго-западнаго направленія. Для суннитскихъ жителей Туркестана шиитскій Иранъ представляетъ страну, гдѣ богомольцы подвергаются всевозможнымъ опасностямъ и дурному обращенію; ихъ всячески оскорбляютъ, иногда даже нападаютъ на нихъ и грабятъ. При этихъ обстоятельствахъ

совершенно понятно, что путники, достигнувъ Багдада, считают себя уже близкими къ пѣли. Начиная съ Багдада, а съ другой стороны—съ Константинополя, также какъ для правовѣрныхъ сѣверной Африки, начиная съ Каира и Александріи, караваны богомольцевъ становятся очень многочисленными, но въ настоящемъ своемъ свѣтѣ религиозной поэзіи представляются намъ только въ степяхъ старой Азіи. Здѣсь можно встрѣтить отдѣльныя группы, которыя ведетъ ихъ предводитель съ большимъ краснымъ или зеленымъ знаменемъ въ рукахъ. Каждая группа имѣетъ своего особаго священника, который въ то же время выполняетъ должность судьи и рѣшаетъ возникающіе споры. Сверхъ того, каждая группа имѣетъ своего муэззина, призывающаго къ молитвѣ въ открытомъ полѣ, въ городѣ или въ каравансараѣ. Ни одна группа не обходится также безъ цирюльника и безъ шута, который послѣ продолжительнаго перехода, когда постоянное пѣніе «Тэлькинэ» утомило всѣхъ, раздражаетъ уши благочестивыхъ странниковъ своими грубыми шутками. Часто случается, что нѣсколько такихъ группъ путешествуютъ почти рядомъ, не сближаясь между собою. Да и можетъ ли это быть иначе? Одна группа состоитъ изъ еретическихъ шиитовъ, которые, отправляясь въ священные мѣста, преслѣдуютъ совѣтъ другія пѣли; другая группа, напротивъ, составлена изъ грязныхъ, оборванныхъ татаръ, съ ихъ косыми глазами, чуждыми обычаями, непонятнымъ языкомъ, вообще ни въ чемъ не похожихъ на гордыхъ арабовъ, путешествующихъ ко гробу своего соотечественника и пророка и не желающихъ имѣть съ ними ничего общаго. «Всѣ правовѣрные суть братья», сказалъ Магометъ; но желаніе его пока остается одною теорією, а теоріи стары на Востокѣ такъ же, какъ и у насъ на Западѣ.

Послѣ древней столицы калифовъ на Тигрѣ, Дамаскъ считается второю большою станціей и, дѣйствительно, тамъ собираются отдѣльные потоки пилигримовъ съ сѣвера, востока и запада. Дорогу изъ Багдада въ Дамаскъ ни въ какое время года нельзя назвать безопасною или пріятною, не смотря на многочисленныя промежуточныя станціи, поэтому понятно, что бывшая резиденція Омейядовъ, возвы-

шающаяся среди обильно орошеннаго сада, производить такое сильное впечатлѣніе на путниковъ, прибывшихъ сюда издалека. Мнѣ часто случалось слышать персовъ, индійцевъ, среднеазіатовъ и китайцевъ, рассказывающихъ о Дамаскѣ, и всѣ они описывали его какимъ-то земнымъ раемъ.—Начиная съ плодородной долины сирійской столицы караваны богомольцевъ принимаютъ officialный характеръ, такъ какъ къ нимъ присоединяется Суррэ Эмини (надсмотрщикъ надъ Константинопольскими караванами). Дорога идетъ въ юговосточномъ направленіи черезъ пустынную мѣстность, по такъ называемой Сирійской дорогѣ богомольцевъ, въ Хеднасъ, т. е. въ каменистую Аравію. Хотя дорога эта существуетъ уже болѣе тысячи лѣтъ, но не смотря на всѣ посвященныя ей заботы различныхъ магометанскихъ правителей и правительницъ, она до сихъ поръ полна всякихъ мерзостей, порождаемыхъ бѣдною и тощею растительностью. Она проходитъ то по очень скудно заселеннымъ равнинамъ, то по каменистымъ низменностямъ, то по голымъ хребтамъ горъ, то по горячимъ песчанымъ степямъ. Останавливаются караваны либо въ жалкихъ мазанкахъ, либо у развалинъ прежнихъ замковъ. Но какое дѣло магометанину, стремящемуся къ Каабѣ и къ могилѣ пророка, до попадающихъ ему на пути прекрасныхъ памятниковъ прошлаго, напр. до Рабати Аммонъ, этой древне-римской Филадельфін, до Гераца (современнаго Джераша) съ его остатками великолѣпныхъ колоннъ, храмовъ, воротъ, водопроводовъ и бань? Всѣ желанія его направлены къ одному: отыскать цистерну или колодезь съ годною для питья водою; но, къ несчастію, эти послѣднія встрѣчаются все рѣже и становятся все хуже. Къ тому же его сильно заботятъ опасенія нападений, отъ которыхъ не могутъ защитить его ни турецкій султанъ, ни святость его предпріятія. Бэни-Гарбъ, Энезе и многія другія арабскія племена, всѣ жадно слѣдятъ за благочестивыми поклонниками ихъ соотечественника пророка, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти грабятъ и убиваютъ бѣдныхъ хаджи. Къ постоянной боязни хищническихъ нападковъ бедуиновъ присоединяется еще страхъ, поддерживаемый религіозными мѣрами и сказаніями. То попадаютъ имъ на пути огром-

ныя глыбы камней,—по преданію это окаменѣвшіе призраки; то проходятъ они мимо запускѣлыхъ каменныхъ пещеръ, въ которыхъ когда-то цѣлый народъ былъ поглощенъ землею въ наказаніе за его упорное невѣріе въ Магомета, и хаджи невольно кажется, что онъ слышитъ жалобные стоны изъ окружающихъ грудъ камней. Немного да-лѣе его ужасъ возбуждаетъ воспоминаніе безбожнаго племени великановъ Адъ, начальникъ котораго Шеудадъ самъ объявилъ себя богомъ, построилъ цѣлые города изъ золота и серебра, но конечно, въ концѣ концовъ, былъ наказанъ страшнымъ образомъ за свое грѣховное безуміе. Только въ окрестностяхъ Маана, гдѣ отъ главнаго пути отдѣляется дорога въ Палестину, однообразіе пустынной природы прерывается довольно тощими садами и воздѣланными полями; но во всякомъ случаѣ, только сильнымъ религіознымъ увлеченіемъ можно объяснить то восхищеніе, въ которое приходятъ эти путники, когда послѣ 30-дневнаго томительнаго перехода увидятъ наконецъ передъ собою вулканическій бассейнъ, среди котораго находится городъ съ гробницею пророка, а на восточномъ концѣ возвышается чернымъ призракомъ базальтовая гора Огодъ. При взглядѣ на эту гору истинный мусульманинъ долженъ почувствовать зубную боль, потому что у подножія ея происходила та знаменитая битва, во время которой у пророка были выбиты два передніе зуба, тѣ самые, которые и въ настоящее время хранятся точно мощи въ Константинополѣ, въ футлярѣ роскошно украшенномъ драгоценными камнями.

Въ восточной части Медины Ятрибъ возвышается довольно скромное, простое строеніе, съ невзрачнымъ зеленымъ куполомъ; это строеніе надъ гробницею пророка, при видѣ котораго сотни тысячъ прибывшихъ сюда издалека богомольцевъ приходятъ въ неописанное умиленіе. Я назвалъ эту постройку простою, потому что, дѣйствительно, въ сравненіи съ другими, великолѣпными магометанскими зданіями, напр. въ Мешхедѣ и Неджефѣ, чудо Медины едва заслуживаетъ упоминанія и въ то же время служить потомству примѣромъ скромности и простоты пророка. Вся постройка состоитъ изъ неправильнаго четырехугольника, къ которому примыкаютъ многи-

сленные частные дома, и только спереди украшена она построенною недавно входною залю. Внутри ея проходить рядъ колоннъ, частью изъ мрамора и порфира, частью же изъ простого камня, покрытаго штукатуркою. Въ юго-восточномъ углу ея возвышается, въ видѣ птичьей клѣтки, мавзолей пророка, и притомъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ когда-то самъ Магометъ заложилъ первую мечеть и гдѣ онъ испустилъ послѣднее дыханіе въ объятіяхъ своей возлюбленной жены Аиши. Внутри эта святая святыхъ представляетъ родъ постели, окруженной свѣтло-зеленою рѣшеткою съ маленькимъ окошкомъ и украшенной многочисленными позолоченными надписями. Рѣшетка эта чрезвычайно толста и отдѣлена отъ настоящей гробницы узкимъ, темнымъ ходомъ, въ которомъ находятся служители храма, такъ называемые потомки пророка, которые получаютъ чрезъ упомянутое окошечко, изъ рукъ пилигримовъ подарки, подносимые имъ въ честь ихъ славнаго прародителя. Служители храма рѣдко кого впускаютъ въ это таинственное святилище, и лишь посредствомъ громадныхъ денегъ удастся самымъ богатымъ изъ хаджи добыть себѣ доступъ въ него.

Вокругъ этой рѣшетки, въ особенности тамъ, гдѣ лежитъ голова пророка, толпятся пилигримы и съ приподнятыми руками повторяютъ молитву: «Миръ да будетъ съ тобою, о пророкъ! да сохранить тебя Аллахъ и ниспошлетъ на тебя свою милость! Миръ да будетъ съ тобою, о другъ Аллаха! Миръ да будетъ съ тобою, о лучшее изъ всѣхъ созданій Аллаха! Я свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха; признаю, что ты его пророкъ и вѣрный служитель; я свидѣтельствую, о пророкъ Аллаха, что ты выполнилъ твое назначеніе, исповѣдовалъ твою вѣру и храбро сражался за твоего Господа и чтилъ твоего Бога, пока не наступило для тебя знаніе (часъ смерти). И мы, друзья твои, о пророкъ Аллаха, явились къ тебѣ странниками изъ отдаленныхъ странъ; мы подвергались опасностямъ и лишеніямъ какъ днемъ, такъ и въ часы ночи, изъ желанія оказать тебѣ должную почесть и получить спасеніе черезъ твое ходатайство; ибо грѣхи наши сокрушили намъ хребетъ, и ты долженъ быть на-

шимъ заступникомъ у того, кто можетъ исцѣлить насъ. О спаси, спаси насъ, о пророкъ Аллаха!»

Молитва эта сопровождается такимъ плачемъ, рыданіемъ и стenanіями, что едва возможно разслышать свой собственный голосъ. Неграмотные внимательно прислушиваются къ словамъ чтеца, но такъ какъ не могутъ услѣдить за ними, то довольствуются тѣмъ, что подражаютъ движеніямъ его губъ и рта. При этомъ всѣ чувствуютъ такое благоговѣніе, что едва дерзаютъ прикоснуться пальцами къ рѣшеткѣ, не говоря уже о шелковой занавѣскѣ настоящей гробницы; взглянуть на эту послѣднюю удостоиваются лишь весьма немногіе. Какъ увѣрялъ меня одинъ образованный магометанинъ, она состоитъ изъ большого продолговатаго возвышенія, построеннаго изъ обыкновенныхъ камней, и такимъ образомъ совѣтъ не соотвѣтствуетъ фантастическому описанію нѣкоторыхъ христіанскихъ путешественниковъ, увѣряющихъ, что стальной гробъ Магомета виситъ на воздухѣ, вслѣдствіе двухъ магнитовъ, изъ которыхъ одинъ прикрѣпленъ къ потолку, а другой помѣщенъ на полу.—Тутъ же находятся и гробницы Абу Бэкира и Омара, каждая съ особеннымъ окошечкомъ въ упомянутой рѣшеткѣ, передъ которымъ правовѣрные очищаютъ свою совѣсть соотвѣтственною молитвой. Такъ какъ Омаръ изъ всѣхъ калифовъ, считаемыхъ узурпаторами, пользуется наибольшою ненавистью шіитовъ, то окошечко у его могилы постоянно приходится бдительно охранять, и каждому, кто позволить себѣ какимъ-либо образомъ выразить свое презрѣніе къ великому защитнику ислама, приходится строго поплатиться за свой проступокъ. Тѣмъ не менѣе, часто случается, что иранецъ, вмѣсто обычнаго «*Я Омаръ!*» (о Омарѣ), поспѣшно прокричитъ «*Я Химаръ!*» (о оселѣ) и затѣмъ дома очень хвалится своимъ геройствомъ. Мнѣ случалось даже видѣть иранцевъ, которые надписывали имя Омара на подошвахъ своихъ сапоговъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе цѣлый день топтать подъ ногами этого негодая.—Хотя посѣщеніе могилы пророка считается не столько долгомъ, сколько заслугою, тѣмъ не менѣе, очень немногіе изъ хаджи не выполняютъ этой священной обязан-

ности. Высшимъ идеаломъ въ глазахъ набожнаго мусульманина считается окончить свою жизнь въ Мединѣ, и многіе богатые и набожные люди удаляются туда на закатѣ своихъ дней. Ихъ называютъ муджавиръ, сосѣди пророка, и они уже напередъ радуются своему блаженству, воображая какъ они будутъ покоиться въ непосредственной близости отъ бранныхъ останковъ пророка и, въ день воскресенія, подъ его непосредственнымъ предводительствомъ первые попадутъ къ трону Аллаха.

Послѣ пяти или десятидневнаго пребыванія въ Мединѣ, называемой обыкновенно Муневвирэ (освященная), пилигримъ отправляется въ Мекку, слывущую подъ названіемъ Мукэрримэ (прославленная). Туда ведутъ четыре различныя дороги, изъ которыхъ всѣхъ употребительнѣе султанская дорога (Султанъ-іюли). Окружающая мѣстность и здѣсь въ главныхъ чертахъ своихъ непривлекательна и бесплодна; здѣсь также ничего не устроено для удобства путешественниковъ, и многіе благочестивые мусульмане, преимущественно изъ бѣднаго класса, не увидавъ божьяго дома, называемаго Каабой, жалко оканчиваютъ свое существованіе, задавленные въ толпѣ всадниковъ, муловъ, ословъ и верблюдовъ, въ то время, когда эти массы путешествующихъ, изъ боязни хищническихъ нападеній бедуиновъ, тѣснятся въ безпорядкѣ при проходѣ черезъ узкія ущелья, которыя такъ часто попадаютъ имъ на пути. На предпоследней станціи путники занимаются своимъ туалетомъ-хаджи. Здѣсь стригутъ волосы, бръются, снимаютъ всѣ свои одежды и облачаются въ „ирамъ“, т. е. мѣшокъ, состоящій изъ двухъ большихъ кусковъ полотна съ двумя отверстіями: для головы и для правой руки. Это богоугодное платье мало соотвѣтствуетъ практическимъ цѣлямъ, и его можно даже назвать вреднымъ, такъ какъ «ирамъ» очень вредно отзывается на здоровьѣ сѣверныхъ жителей, привыкшихъ къ болѣе теплomu платью. Солнечные удары составляютъ здѣсь не рѣдкость, а холодные вечера очень располагаютъ къ кров. поносу и всѣ эти обстоятельства, конечно, объясняютъ, какимъ образомъ изъ сотни пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку изъ приволжскихъ городовъ, съ Оксуса, Яксарта и изъ

долинъ Тіан-Шана, по крайней мѣрѣ тридцать награждаются Аллахомъ не благополучнымъ возвращеніемъ домой, но непробуднымъ сномъ въ священной аравійской землѣ. — Упомянутая станція находится еще на разстояніи сутокъ отъ Мекки, приходится еще проходить частью по скалистымъ обрывамъ, частью по желтому песку, среди котораго рѣдкими оазисами зеленѣютъ небольшія лужайки, пока наконецъ на слѣдующее утро, пройдя черезъ узкое ущелье, взорамъ не представится безпорядочная сѣрая масса домовъ, посреди которыхъ виднѣется дворъ мечети Каабы съ ея семью минаретами, видъ, приводящій всѣхъ пилигримовъ въ величайшее восхищеніе, въ настоящій экстазъ. Многія тысячи голосовъ единодушно испускаютъ радостный крикъ, къ которому примѣшивается восклицаніе «Lebeik! Lebeik! Ja Allah» (да будетъ воля твоя, о боже). Всѣ садятся, люди, невидѣвшіеся до сихъ поръ и неговорившіе другъ съ другомъ, бросаются другъ къ другу въ объятія, цѣлуются, плачутъ, кричатъ, вскрикиваютъ, какъ будто передъ ними открылись внезапно врата неземного блаженства. И вся эта радость, все это возбужденіе вызвано камнемъ, сохранившимся отъ языческихъ временъ, происхожденіе котораго также мало извѣстно поклонникамъ пророка, какъ и невѣрнымъ, и который тѣмъ не менѣе изъ года въ годъ уже болѣе 12 столѣтій зажигаетъ священный восторгъ въ душахъ многихъ милліоновъ богомольцевъ.

Не останавливаясь предъ сотнею различныхъ неудобствъ и непріятностей, которымъ подвергаются пилигримы въ городѣ, населенномъ совершенно чуждымъ имъ народомъ, бросимъ взглядъ на святилище Каабы, возвышающееся среди прямоугольнаго двора, окруженнаго портиками. Тупая башня, вышиною приблизительно въ 40 футовъ, во время богомолій всегда скрыта подъ длинными шелковыми занавѣсками. Входъ въ нее находится съ сѣверной стороны и такъ высокъ, что безъ помощи служителей храма въ него никакъ нельзя попасть. Простая лѣстница легко могла бы поправить все дѣло, но къ помощи ея не прибѣгаютъ, такъ какъ помощь, оказываемая богомольцамъ, приноситъ служителямъ храма не малый доходъ, а эти благочестивые люди умѣютъ пользоваться всѣмъ, что только имъ

представляется. Войдя наконецъ въ это темное, неудобное пространство, путнику представляется, при слабомъ свѣтѣ висящихъ съ колоннъ лампъ, съ правой стороны Маками Ибрагимъ (слѣдъ ноги Авраама), судя по величинѣ котораго, нога почтеннаго патріарха могла смѣло помѣряться съ десятью слоновыми ступнями. Съ правой стороны находится священный Земземскій ключъ, вѣроятно подземный ручей съ отверстіемъ въ родѣ колодца, вода котораго считается магометанами самую цѣлебную влагою и развозится ими въ самыя отдаленныя страны. Говорятъ, что капля этой воды, омочившая языкъ умирающаго, спасаетъ его отъ вѣчнаго огня; одна капля этой воды сохраняетъ женскую красоту и исцѣляетъ безплодіе женщинъ. На самомъ мѣстѣ воду эту почти совсѣмъ не употребляютъ, и совершенно естественно, такъ какъ она тепловатая, имѣетъ горьковато-соленый вкусъ и причиняетъ благочестивымъ богомольцамъ жестокіе поносы. О несравненный, драгоценный Земземъ! Мои спутники въ Средней Азіи цѣлыми мѣсяцами носили при себѣ эту воду въ круглыхъ стеклянныхъ сосудахъ, приготовленныхъ руками невѣрныхъ богемцевъ, и когда угрожала какая либо опасность, они прежде всего заботились о своей земземской водѣ, а потомъ уже о собственной жизни.— Но самую большою святынею въ Каабѣ считается само собою разумѣется таинственный черный камень (гаджари асвадъ), вдѣланный въ стѣну въ восточномъ углу, недалеко отъ двери, на высотѣ 4 футовъ. Камень этотъ, отъ котораго въ настоящее время сохранился только обломокъ, оправленный въ серебряную позолоченную рамку, составляетъ гордость не только маленькаго храма, но и всего мусульманскаго міра, и пилигримъ приближается къ нему со страхомъ и трепетомъ. Уже издали на него указываютъ пальцами и цѣлуютъ даже окружающій его воздухъ. Сотни людей окружаютъ камень и потому лишь немногимъ удастся тотчасъ же приблизиться къ нему; надо считать себя счастливымъ, если послѣ многократныхъ попытокъ, послѣ часоваго ожиданія удастся наконецъ прикоснуться тремя пальцами правой руки къ драгоценному сокровищу или поцѣловать его. Это, какъ уже сказано, самая торжественная минута всего богомолья. Въ Каабы, во

дворѣ мечети, расположены четыре макама, т. е. четыре гробницы основателей правовѣрныхъ сектъ: ганефитовъ, тафентовъ, гамбали-товъ и малекитовъ. Цѣлый день мѣста эти окружены толпою народа, въ которой можно различить то голое плечо, то бритую голову. Всѣ исполнены одною и тою же мыслью, и только по языку ихъ видно, что они притекли сюда изъ различныхъ странъ и различныхъ климатовъ. Впрочемъ, жизнь въ благородной Меккѣ, также какъ и въ другихъ городахъ съ религіознымъ значеніемъ, отличается грубымъ, отвратительнымъ развратомъ. Жаркія молитвы смѣняются всевозможными излишествами, и въ непосредственной близости отъ божьего дома происходятъ оргіи, превосходящія всякое описаніе. Впрочемъ, это относится не къ одной Меккѣ; я имѣлъ случай въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мѣстахъ поклоненія лично убѣдиться въ этомъ. Крайности, говорятъ, всегда соприкасаются, и это оправдывается и въ данномъ случаѣ, такъ какъ рѣдко можно встрѣтить болѣе безобразные притоны всякаго разврата, чѣмъ Мешхедъ и Кумъ въ Персіи.

До сихъ поръ мы очертили двѣ стороны великаго богомолья, теперь остается намъ еще описать третій, важный моментъ, такъ сказать конецъ всего, а именно, поклоненіе горѣ Арафа или Арафатъ, какъ называютъ ее турки. Здѣсь 9-го числа мѣсяца Зиль-Хиджэ говорится проповѣдь, которая при огромномъ числѣ слушателей, конечно доходить до ушей лишь немногихъ, но тѣмъ не менѣе, каждый пилигримъ считаетъ себя обязаннымъ присутствовать при ней. Уже за два дня передъ тѣмъ многія тысячи народа, завернутыя въ свои прамы, отправляются черезъ сѣверныя ворота Мекки къ этому холму, возвышающемуся всего на нѣсколько сотъ футовъ. Уже 7-го или 8-го числа названнаго мѣсяца Арафатъ окруженъ густою толпою народа; всѣ уступы голыхъ скалъ усыяны людьми, и для того, чтобъ дать имъ возможность дождаться съ нѣкоторыми удобствами 9-го дня, здѣсь устроены кофейни, цирюльни, и разнообразныя увеселительныя заведенія. Наконецъ, въ назначенный день, уже съ солнечнаго восхода всѣ пестрою массою отправляются къ холму, чтобы завоевать по возможности близкое мѣсто къ проповѣднику, стоящему

на вершинѣ холма. Но это далеко не легкая задача, въ особенности подъ жгучими лучами аравійскаго солнца, отъ котораго защищаютъ только жалкія складки ирама; за эту попытку многимъ приходится поплатиться жизнью, но за то они становятся мучениками въ глазахъ правовѣрныхъ и души ихъ переносятся прямо въ рай. Конечно, видъ этого устѣяннаго людьми холма въ этотъ день долженъ быть очень величественъ. Тысячи глазъ обращены на проповѣдника, и каждый разъ, когда этотъ послѣдній въ жару молитвы приподымаетъ руки къ небу, все это человѣческое чудовище приподымается какъ морская волна и раздается оглушительное: лебенкъ! лебеикъ! Въ настоящее время «лебеикъ» этотъ совершенно умѣстенъ, такъ какъ это ни что иное, какъ повтореніе извѣстныхъ словъ Авраама, когда патріархъ этотъ, изъ послушанія богу, готовъ былъ принести въ жертву своего единственнаго сына.

Когда проповѣдь окончена, всѣ, какъ помѣшанные, бросаются внизъ съ горы; поспѣшность эта предписана закономъ. И тутъ, дѣйствительно, представляются страшныя сцены, когда тысячи людей верхомъ и пѣшкомъ, въ темнотѣ ночи или при слабомъ свѣтѣ факеловъ, въ дикомъ бѣгѣ бросаются внизъ съ Арафата, перепрыгивая съ выступа на выступъ, сталкиваясь другъ съ другомъ и сбрасывая одинъ другаго съ горы. Когда наконецъ вся эта толпа достигнетъ перваго мѣста стоянки, всѣ возносятъ Богу молитву, бросаются другъ другу въ объятія и поздравляютъ другъ друга, что наконецъ удалось удостоиться чести назваться хаджи — титулъ который съ этой минуты каждый считаетъ себя вправе носить. Прежде чѣмъ оставить эту стоянку, каждый хаджи долженъ бросить черезъ плечо семь камней, направленныхъ въ сатану, пытавшагося здѣсь искушить Авраама. Но конечно, часто случается, что камни эти вмѣсто сатаны, попадаютъ въ голову какого-нибудь невиннаго пилигрима, и это всегда даетъ поводъ къ ссорамъ и дракамъ, которыми и заканчивается все это священнодѣйствіе. Наконецъ каждый изъ богомольцевъ долженъ еще принести въ долину Мина жертвоприношеніе въ память о жертвѣ Авраама. Бѣдные люди жертвуютъ яг-

ненка или барана, богатые-же приносят верблюда, и число жертвенных животных доходит иногда до нѣсколькихъ тысячъ. Конечно, жертвоприносители не могутъ сами потребить всего мяса и большая часть его оставляется (*ad majorem Dei gloriam*) подъ жгучими лучами аравійскаго солнца, вслѣдствіе чего въ этомъ зачумленномъ воздухѣ, развиваются первые зародыши холеры, которые для многихъ тысячъ пилигримовъ представляютъ ступень къ вѣчности и заносятся ими также въ Европу, не смотря на строгія мѣры, принятія въ послѣднее время холерною комиссіею. Окончивъ этотъ третій актъ богомолья, пилигримы поспѣшно собираютъ свои склянки съ земземскою водою и другія воспоминанія, и, съ легкимъ сердцемъ и еще болѣе легкимъ кошелькомъ, поворачиваютъ спину къ священному городу; въ это время въ Меккѣ царствуетъ не меньшее оживленіе, чѣмъ въ Карлсбадѣ по окончаніи сезона водъ. Набожные служители Бога, сторожи колодцевъ, хозяева квартиръ, гостинницъ и кофеенъ, фокусники и гетеры занимаются счетомъ своихъ заработковъ во время сезона; о Господѣ Богѣ, о черномъ камнѣ, объ Арафатѣ и о земземской водѣ они, конечно, думаютъ всего меньше; но затѣмъ уже заранѣе начинаютъ приготовляться къ будущему сезону, и шерифъ Мекки, этотъ благочестивый потомокъ пророка, часто даже устраиваетъ общественныя молитвы, чтобы выпросить у Аллаха многочисленныя посѣщенія набожныхъ пилигримовъ на будущій годъ.

А что же дѣлаютъ въ это время пилигримы? Они тоже вполнѣ довольны и весело начинаютъ свой длинный трудный обратный путь. Пускаясь въ дорогу, они никогда не забываютъ забрать съ собою въ шелковомъ мѣшечкѣ немножко земли изъ предполагаемаго жилища Магомета. Этотъ «хаки-мубарекъ» (благословенный конецъ) слыветъ превосходнымъ средствомъ противъ глазныхъ болѣзней. Въ мое время и мнѣ приходилось носить подобный мѣшочекъ за поясомъ, но совѣсть никогда не позволяла мнѣ посыпать этимъ пескомъ глаза больныхъ, какъ это дѣлали мои товарищи. Обратный путь проходитъ вообще гораздо скорѣй. Надежда на скорое свиданіе съ до-

машинными оживляетъ утомленные члены и заставляетъ терпѣливо переносить всѣ трудности путешествія. Награда, ожидающая путешественниковъ, вполне соответствуетъ вынесеннымъ имъ мукамъ и лишениямъ. Родственники и друзья идутъ имъ на встрѣчу на разстояніи нѣсколькихъ дней пути, и возвращеніе ихъ на родину празднуется съ большою торжественностью. Восторженная толпа разноситъ ихъ на рукахъ по улицамъ, всѣ толпятся къ нимъ, чтобы взглянуть на нихъ или дотронуться до ихъ платья въ надеждѣ, что на немъ сохранился еще какой либо атомъ пыли изъ священнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ; если я не ошибаюсь, обнять только что возвратившагося хаджи равняется одной двадцатой части заслуги всего этого богоугоднаго дѣла. Титулъ хаджи выставляется на печати, а впоследствии на могильномъ камнѣ и окружаетъ лицо, носящее его, почтеніемъ и уваженіемъ. Каждый хаджи принадлежитъ къ сословію патриціевъ, играетъ важную роль въ управленіи своею общиною и тѣмъ самымъ, болѣе чѣмъ всѣ другіе, обезпеченъ противъ произвола властей. Преимущества эти не лишены основанія, такъ какъ чело-вѣкъ, путешествовавшій въ теченіи многихъ лѣтъ, видѣвшій много чужихъ странъ и народовъ и получившій очень разнообразную опытность, конечно, заслуживаетъ занять видное мѣсто среди своихъ согражданъ. Но вліяніе этихъ богомолій отражается также на развитіи умственной жизни восточныхъ народовъ. Пилигримы служатъ почти единственными посредниками всѣхъ сношеній между жителями Азіи и Африки, и богомолья представляютъ такъ сказать, ежегодный конгрессъ всѣхъ поклонниковъ ислама.

Но Мекка и Медина находятся слишкомъ далеко, издержки пути какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, слишкомъ значительны, а число пилигримовъ, довольствующихся своимъ посохомъ и нищенской сумою, всетаки сравнительно мало. Между тѣмъ, такъ какъ весь свѣтъ желаетъ путешествовать, т. е. отправляться на богомолья, то набожные люди придумали установить мѣста для поклоненія и въ странахъ очень отдаленныхъ отъ Аравіи. Открытіе святыхъ гробницъ никогда и ни въ одной религіи не было сопряжено съ особыми затрудненіями.

Мусульманину представляется среди ночного мрака огненный столбъ; католику является ликъ мадонны, и вотъ въ одномъ мѣстѣ прославляютъ Лурдскую Богоматерь, а въ другомъ устанавливается поклоненіе Имамзату Н. Н. и такъ какъ священники на Востокѣ, также какъ и на Западѣ, умѣютъ позаботиться о томъ, чтобы подобныя чудодѣйственныя мѣста не оставались безъ посѣтителей, то во всѣ времена и во всѣхъ сектахъ мусульманства никогда не было недостатка въ священныхъ гробницахъ. Мы, конечно, не станемъ вдаваться въ подробное описаніе всѣхъ этихъ гробницъ, хотя многочисленныя „тескерен“ (жизнеописанія святыхъ) представляли бы очень богатый источникъ для подобнаго описанія. Здѣсь мы скажемъ только, что кромѣ Мекки и Медины, многія другія мѣста привлекаютъ ежегодно большое число богомольцевъ и пользуются большою славой. Къ нимъ принадлежать въ восточныхъ сунитскихъ областяхъ гробницы святаго Апака въ Кашгарѣ, Ахмеда-Эсери въ Туркестанѣ и Баха-Эддина въ Бухарѣ; шииты-же имѣютъ своего Мешхеда, Кума и Кербела. Послѣдніе трое были приобщены къ лику святыхъ мучениковъ болѣе изъ экономическихъ чѣмъ изъ религіозныхъ соображеній. Нѣкоторые мудрые правители Ирана желали положить предѣлъ ежегодному выходу такой массы денегъ въ Аравію и поэтому, для удобства своихъ набожныхъ подданныхъ, установили этихъ трехъ національныхъ святыхъ, почитаніе которыхъ оказалось столько же выгоднымъ для національнаго культа, сколько и для національной экономіи. Пышность и сокровища этихъ трехъ шиитскихъ мѣстъ поклоненія уже часто были описываемы. Я самъ много говорилъ о нихъ въ моихъ „странствованіяхъ по Персіи“, и такъ какъ я посѣщалъ нѣкоторые изъ этихъ мѣстъ не въ качествѣ путешественника, но какъ богомольецъ, то могу подтвердить, что богомольцы въ Кумѣ и Мешхедѣ, по лицемѣрію и въ тоже время по увлеченію нисколько не уступаютъ мекскимъ пилигримамъ. Гробницы шиитскихъ святыхъ съ ихъ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ, украшенныя золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями невольно возбуждаютъ восхищеніе посѣтителей. Сокровища эти обыкновенно составляютъ добровольные дары богатыхъ людей,

старającychся подкупить ими небесныя власти, также какъ это часто удавалось имъ относительно земныхъ. Существуетъ даже поговорка: „о, дервишъ! о святой! безъ денегъ ты и на небѣ будешь жалкимъ бродягой“. Гробницы эти уже архитектурой своей производятъ величественное впечатлѣніе. Куполь въ мечети Имамъ Риза, въ Мешхедѣ, покрытъ листовымъ золотомъ толщиною въ нѣсколько сантиметровъ и блескъ его, особенно при лучахъ восходящаго или заходящаго солнца, дѣйствительно превосходитъ всякое описаніе. Вся наружная стѣна одного минарета также покрыта толстымъ листовымъ золотомъ, а рѣшетки вокругъ гробницъ какъ въ Мешхедѣ, такъ и въ Кумѣ, состоятъ изъ массивныхъ серебряныхъ прутьевъ съ такими же массивными золотыми украшеніями. Чрезъ громадныя, покрытыя толстыми серебряными досками, двери входятъ во внутренность этихъ гробницъ, въ которыхъ взорамъ пилигримовъ представляется дѣйствительно баснословное великолѣпіе. Сотни нишъ, украшенныхъ пестрыми барельефами и арабскими яркими цвѣтовъ, окружаютъ гробницы, а стѣны украшены лазуревою эмалью на золотомъ фонѣ. Понятно, что бѣдный мусульманскій пилигримъ, вступая въ эти пышныя залы, невольно поддается вліянію этой роскоши и великолѣпія и еще болѣе начинаетъ проникаться почтеніемъ къ высокимъ качествамъ покоящагося здѣсь святаго. Никогда не забуду я вида всѣхъ этихъ пилигримовъ, толпящихся вокругъ серебряной рѣшетки той или другой гробницы, ихъ плачь, вопли и рыданія и то жадное вниманіе, съ которымъ неграмотные изъ нихъ слѣдили за словами, выходящими изъ устъ муллы. Я самъ видѣлъ, какъ обильныя слезы текли по щекамъ дѣтей, также какъ и по чернымъ и сѣдымъ бородамъ. Я былъ даже свидѣтелемъ, какъ женщины ударяли себя въ грудь и присоединялись къ общему покаянному *pater noster*. Я нисколько не сомнѣваюсь, что все это умиленіе дѣйствительно основывалось на искренней набожности, но я также не могу умолчать, что встрѣчалъ въ этихъ магометанскихъ священныхъ мѣстахъ также не мало лицемерія, и притворства. Однажды въ мечети, одинъ неграмотный пилигримъ—скряга, которому не хотѣлось платить гоно-

рарій офіціальному стражу гробницы за прочтеніе молитвъ, обратился ко мнѣ съ просьбою оказать ему эту услугу. Онъ сталъ немножко позади меня и я очень добросовѣстно началъ прочитывать ему въ слухъ суры корана и арабскія молитвы. Въ началѣ онъ шепотомъ повторялъ за мною слова, но вскорѣ я услышалъ за моею спиною слѣдующій разговоръ. А. «Ужъ болѣе 5 дукатовъ, конечно, не стоитъ твоя кляча». Б. «Клянусь святымъ Аббасомъ я самъ заплатилъ за нее 12» и т. д. Съ негодованіемъ обернулся я назадъ и увидѣлъ, что мой будущій Мешхеди вступилъ въ торгъ съ однимъ знакомымъ,—очень своеобразное занятіе для пилигрима у гроба святаго Имама Риза.

Тоже можно сказать и о Кумѣ, составляющемъ мѣсто поклоненія женщинъ *par excellence*. Въ этомъ мѣстѣ подъ позлащеннымъ куполомъ покоятся бранные останки сестры мученика Имама Риза—святой Фатимы, извѣстной обыкновенно подъ названіемъ Мессуме-и-Фатима (непорочная Фатима). Уже одно прикосновеніе къ ея саркофагу достаточно, чтобы изцѣлить бесплодную женщину (въ Персіи бесплодіе считается большимъ несчастіемъ), чтобы вернуть утраченную любовь или увядшую красоту и, что всего важнѣе, чтобы заслужить небесное прощеніе за всякій грѣхъ невѣрности. Вокругъ гробницы этой святой магометанки на полмили разстилается громадное кладбище. На этомъ кладбищѣ покоятся женщины изъ самыхъ отдаленныхъ частей Ирана — вѣроятно, бѣдныя грѣшницы, знавшія за собою тяжкіе грѣхи супружеской невѣрности и желавшія въ день страшнаго суда явиться предъ судилищемъ Господа подъ непосредственнымъ предводительствомъ «непорочной». Мессуме-и-Фатима виновна можетъ быть въ томъ, что прекрасныя дочери Кумы въ настоящее время такъ легко даютъ себя совратить съ пути добродѣтели, такъ какъ ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ городѣ Персіи нельзя найти столькихъ легкомысленныхъ дѣвъ, какъ въ Кумѣ — въ этомъ священномъ мѣстѣ для всѣхъ персидскихъ женщинъ. Слава объ этомъ печальномъ состояніи, конечно, распространилась очень далеко и тѣмъ не менѣе тысячи дамъ отправляются ежегодно на поклоненіе

этой святыни. Даже принцессы теперешней династии вѣли воздвигнуть себѣ мавзолей подъ этимъ позлащеннымъ куполомъ. Здѣсь покоятся также два каджара. Они оба при жизни были большими любителями женскаго пола. Одинъ изъ нихъ Фетъ Али-шахъ имѣлъ 800 законныхъ женъ. Поэтому неудивительно, что онъ и послѣ смерти желалъ покониться въ женскомъ обществѣ.

Послѣ Мешхеде и Кумы особымъ почтеніемъ пользуются у шиитскихъ иранцевъ Кербела и Недшефъ, гдѣ погребены великій Али и его сынъ, мученикъ Гуссейнъ. Путь къ этимъ священнымъ городамъ ведетъ чрезъ страну враждебныхъ сунитовъ и, кромѣ того, небезопасенъ отъ хищническихъ нападений бедуиновъ. Поэтому, попасть въ эти города очень трудно и опасно. Но на что только не рѣшится шиитъ въ честь героевъ своей вѣры, которые, оставленные и покинутые всѣми подъ мечами убійцъ, изнемогая въ мукахъ жажды, охотно жертвовали своею жизнью для славы шиитской вѣры. Поэтому путешествіе въ степь, лежащую къ югу отъ Багдада, считается очень богоугоднымъ дѣломъ и человѣкъ, предпринимающій это путешествіе, пользуется титуломъ Кербели, тогда какъ посѣтители Мешхеде называются Мешхедеи. Изъ 50 персидскихъ богомольцевъ едва-ли 5 отправляются въ Мекку; всѣ же остальные посѣщаютъ упомянутыя мѣста поклоненія и если имъ не удастся посѣтить ихъ при жизни, то оставляютъ приказаніе, чтобы туда перенесли ихъ бранные останки. Всѣ желаютъ путешествовать и отправляться на богомолье, и, конечно, можно сказать, не ошибаясь, что умственная подвижность и превосходство персовъ надъ всѣми ихъ другими единовѣрцами въ большей степени зависитъ именно отъ этихъ частыхъ странствованій и богомолій.

Дервиши.

На народовъ Востока, при ихъ склонности ко всевозможнымъ преувеличеніямъ, религія, соединенная съ многочисленными таинственными и странными обрядами, конечно, должна была дѣйствовать сильнѣе, нежели сухое, хотя бы и убѣдительное слово. Къ религіознымъ братствамъ и къ ихъ представителямъ народъ уже искони питалъ любовь и восхищеніе, тогда какъ на простыхъ священниковъ и теологовъ глядѣлъ развѣ только съ почтеніемъ. Этимъ и объясняется продолжительная ожесточенная борьба между улемами и дервишами, борьба, которая, конечно, повторилась бы и въ исторіи христіанскаго духовенства, еслибы набожные и дальновидные отцы церкви съ самаго начала не подчинили себѣ монаховъ и не обратили ихъ въ орудіе своей воли. Что религіозный духъ магометанъ принималъ такое направленіе—это, конечно, никого не должно удивлять. Кому хоть разъ удалось видѣть дервиша въ его одеждѣ, каждая застегжка которой служить извѣстнымъ символомъ, кто хоть разъ присутствовалъ при его богослуженіи, состоящемъ изъ прыжковъ, безумныхъ танцевъ и круженій, которыми онъ желаетъ выразить свою фантазію, разгоряченную любовью къ Богу, тотъ, конечно, пойметъ, что подобный человѣкъ и всѣ его дѣйствія вполнѣ должны соотвѣтствовать экзальтированному воображенію мусульманина. Набожный человѣкъ на Западѣ довольствуется тѣмъ, что возносить горячую молитву къ своему Творцу и старается развить въ своемъ сердцѣ

чувства любви и страха Божьяго. Но для мусульманина подобное поведение кажется холоднымъ и поверхностнымъ. Онъ желаетъ выразить свое уваженіе къ Богу въ экстазахъ, въ бѣсноватыхъ выходкахъ, онъ желаетъ лишиться сознанія и исполнѣ убѣжденъ, что духъ, разставшись на время съ тѣломъ, всего лучше ведетъ созданіе къ создателю и всего вѣрнѣе можетъ войти въ сношеніе съ божествомъ. Въ этомъ, по моему мнѣнію, надо искать главную причину существованія дервишей—этого страннаго явленія восточной жизни,—надъ описаніемъ которыхъ пробовали себя много талантливыхъ людей; но такъ какъ я самъ одно время принадлежалъ къ этому ордену, то, оставляя въ сторонѣ всякія теоретическія соображенія, займусь простымъ описаніемъ ихъ.

Замѣчаешь ли ты среди этой кучки народа, любезный читатель, человѣка, отличающагося отъ всѣхъ остальныхъ по своей одеждѣ, производящаго какое-то странное впечатлѣніе своимъ неподвижнымъ взоромъ и нервными подергиваніями и напоминающаго всѣми своими движеніями — все равно: сидитъ ли онъ, стоитъ ли или ходитъ — полупомѣшаннаго? Ты видишь передъ собою дервиша. Это живое олицетвореніе всѣхъ странностей, которыя могутъ зародиться только въ разгоряченной фантазіи фанатическаго азіата. Его шапка сдѣлана изъ войлока, изъ волосъ жертвеннаго верблюда или жертвеннаго барана, или же она суконная и въ этомъ случаѣ составлена изъ трехъ кусковъ. По этой суконной шапкѣ, по большей части краснаго цвѣта, выведены чернымъ шитьемъ нѣкоторые стихи изъ Корана, особенно любимые его братствомъ, или же отдѣльныя буквы или слова мистическаго содержанія. Бортъ ея украшенъ бахромою, которая не столько защищаетъ отъ лучей солнца, сколько мѣшаетъ приподымать взоры къ верху, такъ какъ рожденный землею долженъ всегда устремлять взоры на землю. Когда дервишъ подвигнется въ ряду своего братства, на что у различныхъ орденовъ требуется различное время, то его духовный глава (*pir*) разрѣшаетъ ему обвить свою шапку извѣстнымъ числомъ оборотовъ полотняныхъ полотенецъ. Эти различные обороты отъ 5 до 9 называются *тэрками*, въ букваль-

номъ переводѣ «покинутые», и должны символически представлять то дѣйствіе, посредствомъ котораго изгоняются или правильнѣе—связываются извѣстныя страсти. Напримѣръ, при первомъ оборотѣ дервишъ говорить: «Этимъ связываю я себялюбіе», при второмъ — «этимъ связываю я алчность», при третьемъ — «этимъ связываю я голодъ» и т. д., и каждый связавшій всѣми девятью оборотами девять главныхъ страстей, вполне убѣжденъ, что теперь онъ уже закаленъ отъ всякаго грѣха. Этотъ взглядъ дервишей на чалму значительно разнится отъ болѣе поэтическихъ толкованій муллы. Последний видитъ въ своей чалмѣ саванъ покойника, который каждый благочестивый человѣкъ долженъ носить какъ *momento mori*. Обыкновенный мусульманинъ носить на себѣ столько аршинъ полотна, сколько нужно на два или на три савана, благочестивый же человѣкъ—въ семь разъ больше, и такъ какъ я въ былое время принадлежалъ къ числу послѣднихъ, то не могу вспомнить съ особымъ удовольствіемъ объ этомъ, вначалѣ чрезвычайно неудобномъ, головномъ уборѣ.

Къ костюму дервина, кромѣ *кулахъ* (колпака) относится еще *хирка* (плащъ). Эта часть одежды можетъ состоять изъ одного куска, но лучше, если она составлена изъ различныхъ пестрыхъ лоскутковъ. Лоскутки эти накладываются другъ на друга въ пестромъ безпорядкѣ и сшиваются грубыми бичевками или толстыми нитками, и притомъ большими стежками, а для того, чтобы придать этому ширка совершенный видъ нищенской одежды нижній край его не долженъ быть подрубенъ или обрѣзанъ прямо, но долженъ висѣть лохмотьями (*El fakru, fachri*) «Я горжусь моею нищетой», сказалъ пророкъ тотъ самый пророкъ, про котораго злая молва утверждаетъ, что онъ обладалъ большими сокровищами. И его примѣру слѣдуютъ и его ученики. Однажды мнѣ случилось гостить у главы одного братства въ средней Азіи, который, хотя и владѣлъ нѣсколькими домами и помѣстьями, но все таки носилъ хиркаи-дервишанъ, весь въ лохмотьяхъ и заплаткахъ, но только съ внутренней стороны, снаружи же плащъ его былъ покрытъ дорогимъ атласомъ, такъ что онъ могъ, смотря по надобности, одѣвать-

ся то на правую сторону, то на изнанку. Члены нѣкоторыхъ братствъ носятъ вмѣсто верхней одежды кафтанъ безъ рукавъ или поддевку, называемую хайдари. Хайдаръ было, какъ извѣстно, однимъ изъ прозвищъ Али, уже носившаго подобную одежду. Хайдари эта часто бываетъ украшена разноцвѣтными полосами, числомъ до 12, которыми намечается на 12 имамовъ. Одному ордену въ Индіи верхнею одеждою служить тигровая или леопардовая шкура, но она должна одѣваться не на платье, но прямо на голое тѣло, и, согласно обряднымъ предписаніямъ, составлять всю одежду этихъ чистоплотныхъ и благочестивыхъ монаховъ.

Немаловажную роль въ туалетѣ дервиша играетъ кемеръ (поясъ); если онъ шерстяной, то называется *тайбендъ*, если же состоитъ изъ нѣсколькихъ разноцвѣтныхъ, узловатыхъ веревокъ, то извѣстенъ подъ названіемъ *камбери*. Одинъ изъ этихъ узловъ диль-баги (язычный) долженъ связывать злословіе; другой же бель-баги (узелъ чреслъ) обуздывать плотскія страсти. Относительно послѣдней заповѣди, поясъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ чресла и мужественность считаются идентичными, откуда и происходитъ библейское выраженіе «плодъ, отъ моихъ чреслъ» или, какъ говорятъ турки, охлажденіе чреслъ (*gonorrhoe*). Поясъ этотъ застегивается иногда пряжкой, въ которую вправленъ большой камень, извѣстный подъ названіемъ канаадъ-таши (камень довольства), служащій напоминовеніемъ тѣхъ камней, которые носятъ при себѣ бѣдные дервиши для утоленія чувства голода. Какъ параллель къ разсказанному выше шарлатанству съ нищенскою мантией, я не могу не упомянуть, что мы часто приходилось видѣть дервишей, которые участвовали въ лукулловскихъ пиршествахъ и тѣмъ не менѣе ни за что на свѣтѣ не согласились бы разстаться съ своими камешками въ поясѣ. Впрочемъ камни эти имѣютъ еще и другое значеніе: а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда священное имя Бога должно быть произнесено 1001 разъ, то это совершается обыкновенно въ обществѣ 6-ти или 10-ти дервишей, изъ которыхъ каждый носитъ въ поясѣ 25 камешковъ; онъ раскладываетъ ихъ передъ собою и, чтобы не сбиться со счета, при каждомъ повтореніи священнаго

имени, откладываетъ одинъ камешекъ въ сторону. Когда, такимъ образомъ, въ обществѣ 10 дервишей, каждый четыре раза переберетъ свои камешки, достигнется число 1000. Слѣдуетъ упомянуть еще, что камень въ поясѣ ордена бегташей извѣстенъ подъ названіемъ «пеленгъ» (леопардъ) и всегда бываетъ семиугольнымъ — намекъ на 7 небесъ, на 7 земель, на 7 морей и на 7 планетъ. При извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, шейхъ 7 разъ одѣваетъ и снова снимаетъ этотъ поясъ, приговаривая при этомъ:

- 1) Я связываю себялюбіе и развязываю великодушіе.
- 2) Я связываю гнѣвъ и развязываю кротость.
- 3) Я связываю скупость и развязываю щедрость.
- 4) Я связываю невѣжество и развязываю богобоязнь.
- 5) Я связываю страсть и развязываю любовь къ Богу.
- 6) Я связываю голодъ и развязываю нравственное насыщеніе.
- 7) Я связываю бѣсовское и развязываю божеское. *)

Чтобы завершить наше описаніе костюма дервиша, надо упомянуть еще о *таджѣ* (вѣнецъ), какъ называется шапочка шейха. Также какъ на шаха и кедахъ (князя и нищаго) указываютъ какъ на двѣ противоположности общества, — точно также вѣнецъ дервиша и вѣнецъ князя составляютъ очень излюбленную параллель. Въ первомъ изъ нихъ выражается *non plus ultra* презрѣнія къ міру, а во второмъ тахітмъ земнаго величія, и такъ какъ, принимая въ соображеніе непрочность всякаго земнаго величія и измѣнчивость судьбы, нищій имѣетъ также мало причины стыдиться своей шапки, какъ князь — гордиться своимъ вѣнцомъ, то, вслѣдствіе этого, между обоими должно существовать извѣстное равенство, которое и существуетъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ дервишъ во всякое время имѣетъ право приближаться къ князю и даже садиться съ нимъ рядомъ, не дожидаясь приглашенія.

Дервишъ постоянно обязанъ носить съ собою различныя принадлежности или атрибуты, которые частью составляютъ его неизбѣж-

*) См. The Dervishes by J. P. Brown. London 1868. стр. 146.

ный *vade mesum*, а частью служа символическими украшеніями. 1) *теберъ* — родъ топора съ короткою рукояткою, украшенный мистическими надписями и служащій для борьбы со страстями, которыя представляются набожному мечтателю въ тѣлесной формѣ, такъ что иногда, въ минуты своего экстаза, дервишъ, размахивая топоромъ, восклицаетъ: «теперь поразилъ я тотъ или другой порокъ, ту или другую страсть». 2) Тесбихъ—четки, состоящія изъ 99 зернышекъ, которыя всегда носятъ за поясомъ. Эти 99 зернышекъ представляютъ, по мусульманскимъ понятіямъ, слѣдующіе 99 атрибутовъ Бога:

- 1) Богъ.
- 2) Всемиловитый.
- 3) Милосердый.
- 4) Святой.
- 5) Властитель.
- 6) Избавитель.
- 7) Податель вѣры.
- 8) Защитникъ.
- 9) Возвышенный.
- 10) Могущественный.
- 11) Дающій почетъ.
- 12) Творецъ.
- 13) Оживляющій.
- 14) Дающій форму.
- 15) Прощающій.
- 16) Богатый.
- 17) Подающій.
- 18) Питающій.
- 19) Разверзающій.
- 20) Всезнающій.
- 21) Стремящійся вверхъ.
- 22) Радующій.
- 23) Смирляющій.
- 24) Возвышающій.

- 25) Возвеличивающій.
- 26) Имѣющій обо всемъ попеченіе.
- 27) Всеслышущій.
- 28) Ясновидецъ.
- 29) Судящій.
- 30) Справедливый.
- 31) Сладчайшій.
- 32) Всезнающій.
- 33) Кроткій.
- 34) Великій (azim).
- 35) Сострадательный.
- 36) Благодарный.
- 37) Высокій.
- 38) Великій (Kebir).
- 39) Покровитель.
- 40) Хранитель.
- 41) Ведущій счеты.
- 42) Славный.
- 43) Благосклонный.
- 44) Наблюдающій.
- 45) Принимающій молитвы.
- 46) Распространенный.
- 47) Рѣшающій.
- 48) Любящій.
- 49) Возвышенный.
- 50) Источникъ всякаго существованія.
- 51) Вѣрующій.
- 52) Истинный.
- 53) Подающій.
- 54) Сильный.
- 55) Прочный.
- 56) Другъ.
- 57) Достойный хвалы.

- 58) Вычислитель.
- 59) Начинающій.
- 60) Пробуждающій.
- 61) Оживляющій.
- 62) Убивающій.
- 63) Вѣчный.
- 64) Всегда сущій.
- 65) Открывающій.
- 66) Блистающій.
- 67) Единственный.
- 68) Непреходящій.
- 69) Всемогущій.
- 70) Дающій власть.
- 71) Предшествующій.
- 72) Слѣдующій.
- 73) Первый.
- 74) Послѣдній.
- 75) Видимый.
- 76) Скрытый.
- 77) Управляющій.
- 78) Всевышній.
- 79) Благоклонный.
- 80) Возбуждающій раскаяніе.
- 81) Мститель.
- 82) Прощающій.
- 83) Добродушный.
- 84) Владѣлецъ всякаго имущества.
- 85) Господинъ надъ почестями и властями.
- 86) Уравновѣшивающій.
- 87) Формирующій.
- 88) Богатый.
- 89) Обогащающій.
- 90) Мѣшающій.

- 91) Вредящій.
- 92) Приносящій пользу.
- 93) Свѣтлый.
- 94) Руководитель.
- 95) Начало всего.
- 96) Конецъ всего.
- 97) Наслѣдникъ.
- 98) Путеводитель.
- 99) Многотерпѣливый.

Третья принадлежность дервиша—его гребень, *шане* или *таракъ*, которымъ члены извѣстныхъ братствъ расчесываютъ по обряду свои длинные, спускающіеся до плечъ волосы. Длинные волосы служатъ знакомъ отреченія отъ свѣта. Гребень, который передаетъ глава ордена въ извѣстное время, служить родомъ талисмана или духовнаго посредника. Часто приходилось мнѣ удивляться, видя, какъ эту туалетную принадлежность, сдѣланную изъ простаго самшитоваго дерева и по большей части необычайно грязную, подносили къ губамъ и цѣловали съ набожнымъ благоговѣніемъ. 4) *Аса* или *текіе*—короткая палка, украшенная на верхнемъ концѣ полумѣсяцемъ. При извѣстныхъ положеніяхъ она служитъ подпоркою для рукъ, въ особенности при употребленіи наркотическихъ средствъ. Но и въ этомъ случаѣ она служитъ набожному дервишу недолго, такъ какъ вскорѣ, усиленный смертельнымъ ядомъ, онъ теряетъ сознаніе и падаетъ на землю вмѣстѣ съ своимъ *текіе*. 5) *Кеикуль*—нищенская чаша въ формѣ разрезанной пополамъ скорлупы кокосоваго орѣха или тыквы. Она виситъ на цѣпочкѣ и во время путешествія — носится на спинѣ, въ другихъ же случаяхъ — въ рукахъ. Въ ней сохраняются остатки всѣхъ, собранныхъ дервишемъ кушаній, сладкихъ и кислыхъ, горячихъ и холодныхъ, жидкихъ и сухихъ, составляя далеко не аппетитное *tutti frutti*. Наконецъ 6) *кашакъ* — скребница, висящая на поясѣ, въ формѣ не полой ложки, на задней сторонѣ которой сдѣланы поперечные надрѣзы. Она служитъ для истребленія извѣст-

ныхъ, очень непріятныхъ паразитовъ, отъ которыхъ въ особенности страдаютъ странствующіе дервиши.

«Много разныхъ путей у Бога, но, какъ ни различны они, всё хороши и благотворны, если только ведутъ къ нему». На этомъ принципѣ основаны различныя братства *тарикъ*, въ буквальномъ переводѣ «пути», вслѣдствіе чего всё они считаются равными по достоинству и заслугѣ; лишь очень рѣдко случается, что одинъ какой-нибудь орденъ восхваляется надъ другимъ. Насчитываютъ вообще до 36 главныхъ орденовъ, между которыми Накишбенди въ Средней Азій, Ниметь-Уллахи и Хайдери въ Индіи и Персіи, Кадери, Руфай, Дшельвети, Хальвети, Саади, преимущественно же Мевлеви въ Оттоманской имперіи пользуются особенною извѣстностью.

Церемонія принятія новаго члена въ союзъ братства бываетъ различна у различныхъ орденовъ. Такъ напр., у Бекташей послушника раздѣваютъ почти до нага и представляютъ, въ нарочно предназначенной для этого залѣ, шейху. Съ толстою веревкою вокругъ шеи, въ сопровожденіи двухъ духовныхъ толмачей, появляется онъ предъ орденскимъ капитуломъ, состоящимъ изъ 12 членовъ—въ память 12 имамовъ,—изъ которыхъ каждый держитъ горящую свѣчу въ рукахъ. Его подводятъ къ «Мейданташи»—12-ти-угольному камню посрединѣ залы, на которомъ онъ помѣщается со скрещенными на груди руками, причемъ кисти рукъ должны опираться на плечи; при этомъ онъ долженъ склонить голову на правое плечо, и вообще все положеніе его должно выражать полнѣйшее самоуничиженіе. У другихъ орденовъ, такъ напр. у Мевлеви, послушникъ, послѣ того, какъ изберетъ себѣ Муршида (духовнаго путевода) долженъ въ теченіи тысячи одного дня исполнять самую черную, домашнюю работу. У другихъ орденовъ, послушники обязаны въ теченіи отъ 8 до 10 мѣсяцевъ предаваться обычному богослуженію, соблюдая строгій постъ. Многіе рассказывали о людяхъ, которые доводили себя до того, что ихъ ежедневная пища ограничивалась двумя оливками, и которые при такомъ страшно изнуряющемъ постѣ по цѣлымъ часамъ предавались молитвѣ. Это трудное послушаніе кончается не

раньше, чѣмъ когда послушникъ, исхудалый, какъ скелетъ, можетъ повѣдать о видѣніяхъ и снахъ, въ которыхъ ему представляются умершія личности, а иногда и самъ пророкъ. Насколько мнѣ извѣстно, видѣнія эти начинаются обыкновенно уже къ концу первой недѣли, но такъ какъ уставъ магометанскихъ орденовъ не допускаетъ толстощекихъ священнослужителей, и такъ какъ искренность этихъ видѣній начинаютъ признавать лишь послѣ долгихъ мученій, то обыкновенно послушникъ не рѣшается тотчасъ же повѣдать о нихъ. Члены магометанскихъ братствъ, въ матеріальномъ отношеніи, обставлены обыкновенно гораздо хуже, чѣмъ ихъ собратья на христіанскомъ Западѣ. Хотя въ прежнія времена набожные люди и заботились объ учрежденіи *текиевъ* (монастырей) или *калентеръ-хане* (пріютовъ для странствующихъ дервишей) и нерѣдко вспоминали о послѣднихъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, тѣмъ не менѣе дары эти никогда не были достаточны, чтобы обезпечить жителямъ монастырей беззаботное существованіе. Кромѣ того, по уставу большинства орденовъ, нищенство строго воспрещается, и только въ крайнемъ случаѣ дервишу дозволяется принять подаяніе, но не иначе, какъ отвѣтивъ на него другимъ подаркомъ. Поэтому на Востокѣ часто можно встрѣтить нищенствующаго дервиша, предлагающаго прохожимъ чашку съ зубочистками; такимъ образомъ обходятъ онъ уставъ своего ордена, подобно тому, какъ лондонскіе нищіе обходятъ, подъ видомъ торговли спичками, строгія постановленія полиціи. Чрезвычайно странно, что, не смотря на все это, сословіе это имѣетъ такъ много приверженцевъ въ средней и восточной части магометанскаго міра. Это замѣчательное явленіе можно объяснить только восточною умѣренностью, въ соединеніи съ непреодолимою склонностью къ лѣни. Отростивъ себѣ волосы и бороду, одѣвшись въ лохмотья, увѣсивъ себя кешкулемъ, можно даже безъ гроша въ карманѣ, беззаботно пуститься въ путь и бродить съ одного конца страны въ другой. И преимущество это, конечно, очень заманчиво для несправимыхъ бродягъ. Однако, все это относится лишь къ странствующимъ дервишамъ. Призваніе же осѣдлыхъ дервишей со-

стоитъ въ томъ, чтобы выполненіемъ своихъ обязанностей пополнить значительный пробѣлъ въ умственной жизни магометанина. Но въ чемъ же состоятъ эти обязанности? Такъ какъ основы существованія дервиша и главная задача всей его жизни состоятъ въ постоянномъ обожаніи и восхваленіи Бога, то обязанность какъ всего ордена такъ и каждаго отдѣльнаго члена, состоитъ въ томъ, чтобы извѣстную часть дня проводить въ перечисленіи семи таинственныхъ именъ (*темакинъ*) или правильнѣе, семи атрибутовъ Бога:

- 1) La illaha il Allah (нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха).
- 2) Ia Allah (о Боже).
- 3) Ia Hu! (Онъ одинъ и нѣтъ другого).
- 4) Ia Hak! (О справедливый).
- 5) Ia Haj! (О живой).
- 6) Ia Kajjum! (О вседѣущій).
- 7) Ia Kahhar! (О мститель).

Для этой цѣли глава ордена устраиваетъ въ извѣстные часы дня, по большей части послѣ полудня или вечеромъ, замкнутые кружки, носящіе названіе *халка* (кольцо)—намекъ на безконечность Бога, на единодушіе братства и на непрерывный потокъ одушевленія, оживляющій отдѣльныхъ членовъ кружка. Халки эти собираются обыкновенно въ нарочно предназначенномъ для этого мѣстѣ: въ Шема-Ханѣ или въ Тевхидъ-Ханѣ, но иногда и просто въ саду или въ открытомъ полѣ, смотря по обстоятельствамъ. *Пиръ* или шейхъ, въ виду того духовнаго отношенія, въ которомъ онъ находится къ своимъ ученикамъ, представляетъ печать или драгоценный камень всего кольца дервишей и въ то же время служитъ символомъ исходящаго изъ него потока вдохновенія, который, пройдя по Муридамъ (членамъ братства) снова возвращается къ нему. Когда *Пиръ*, по большей части личность съ внушительною внѣшностью — займетъ свое мѣсто, то каждый изъ дервишей въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, собирается съ мыслями, т. е. складываетъ руки на груди, склоняетъ голову на грудь и старается отвлечь свои мысли отъ земли и отъ всего земнаго и перенестись въ высшую, духовную сфе-

ру. Этотъ періодъ молитвы представляетъ интересную минуту торжественной тишины. Всѣ закрываютъ глаза и можно видѣть, какъ у нѣкоторыхъ вздымается грудь отъ затрудненнаго дыханія, тогда какъ другіе глухимъ стономъ выражаютъ происходящую въ нихъ внутреннюю борьбу. Наконецъ *Ширъ*, сначала тихимъ, а потомъ все болѣе и болѣе громкимъ голосомъ начинаетъ возглашать ту или другую *кафиду* (похвалу): это по большей части поэтическія, написанныя возвышеннымъ слогомъ, притчи или стихотворныя произведенія, производящія на слушателей поистинѣ потрясающее дѣйствіе. Въ началѣ дервиши прислушиваются съ напряженнымъ вниманіемъ. Головы ихъ неподвижно покоятся на груди, глаза закрыты, и только, когда то или другое мѣсто поэмы, декламируемой шейхомъ, произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе на слушателей, восторгъ ихъ проявляется въ громкомъ возгласѣ «Алла! Алла!» за которымъ слѣдуютъ вскрикиванія: «Я ху! Я хакъ! Я кагаръ». Этими возгласами, которые въ то же время служатъ знаками духовнаго проникновенія, выражается высшая степень одобренія. Они повторяются чрезъ извѣстные промежутки времени и становятся все сильнѣе и чаще, такъ что наконецъ голосъ читающаго шейха совершенно заглушается въ дикомъ хорѣ дервишей.

Такъ какъ у всѣхъ мусульманъ существуетъ повѣрье, даже глубокое убѣжденіе, что непрерывное, восторженное повтореніе священныхъ словъ должно перейти наконецъ въ плоть и въ кровь, и что каждый правовѣрный, послѣ часоваго упражненія, невольно долженъ увлечься и впасть въ экстазъ, то вслѣдствіе этого совершенно понятно, что странныя театральныя проявленія восторга въ подобныхъ халкахъ кажутся совершенно естественными въ глазахъ магометанъ. Мнѣ нерѣдко случалось присутствовать при подобныхъ молитвахъ. Нѣсколько разъ я даже самъ служилъ духовнымъ звеномъ въ этой цѣпи и поэтому попробую описать нѣсколько сценъ, основываясь на своихъ собственныхъ ощущеніяхъ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Когда возгласъ «*Ja Hu*» «*Ja Hakk*» начинаетъ издаваться чаще и сильнѣе, всѣ дервиши мало-по-малу приподымаются изъ своего сторбленнаго положенія. Сидя на корточкахъ, они начинаютъ двигаться тѣломъ въ ту и другую сторону, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, и наконецъ, когда придутъ въ состояніе непрерывной вибраціи, начинаютъ рядомъ проворныхъ движеній, то приподымать руки къ глазамъ, то класть ихъ на колѣни, то снова складывать ихъ на груди. Это первая стадія экстаза. У многихъ кровь бросается въ лицо; они дико вращаютъ глазами; опущенная голова принимаетъ теперь горделивую осанку и движется съ такою быстротою, что у слабонервныхъ зрителей невольно начинается головокруженіе. Во время этихъ тѣлодвиженій, быстро повторяемыхъ одно за другимъ, возгласы принимаютъ характеръ глухаго завывающаго урагана. По всему замѣтно, что теперь готовится вспышка и она дѣйствительно проявляется во

ВТОРОЙ СЦЕНЪ.

Внезапно, какъ будто подъ вліяніемъ электрической искры, дервиши прыгиваютъ съ своихъ мѣстъ и начинаютъ, смотря по уставу своего братства, либо держась за руки, либо каждый отдѣльно, *Девръ* — круженіе или духовную пляску. Образуя большое кольцо, пляшущіе носятся какъ будто бы въ водоворотѣ и въ безумныхъ порывахъ предаются своему *телькину*. „Мевлеви“, такъ говоритъ одинъ турецкій писатель, „соединяются какъ братья въ общей любви къ Богу, чтобы принести ему свое поклоненіе въ обители любви, подъ мелодическіе звуки флейты—символь гармоніи всѣхъ его созданій“. Подражая вращенію небесныхъ свѣтилъ, они выражаютъ свою радость и восторгъ въ круговой пляскѣ, и вздохами и стонами проявляютъ свое стремленіе и жгучую страсть къ нему. Кольцо танцующихъ распадается иногда на нѣсколько маленькихъ колець, и наконецъ остается лишь нѣсколько танцоровъ. Тогда начинается

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

картина крайняго предѣла экстаза или олицетвореннаго безумія. Пляшущіе приходятъ въ совершенное изступленіе: блѣдные какъ смерть, облитые потомъ, съ разставленными руками и полузакрытыми глазами, кружатся они почти безсознательно во всѣхъ направленіяхъ, сбрасывая съ себя головной уборъ и части одежды, и когда тотъ или другой изъ нихъ, истощенный страшными усиліями, уже готовъ упасть, сильнѣйшіе товарищи опять подхватываютъ его, и шейхъ, который въ это время также оставилъ свое мѣсто и присоединился къ толпѣ безумствующихъ учениковъ, одобряетъ его продолжать пляску. Теперь намъ представляется картина самаго дикаго безумія — настоящій адскій танецъ: плачь, вопли, завыванія, стоны и вздохи превосходятъ всякое описаніе. Сцена эта называется *халетомъ*, въ буквальномъ переводѣ «состояніе», въ религіозномъ значеніи — моментъ блаженства, во время котораго земное созданіе, проникнутое божествомъ, способно къ нечеловѣческимъ подвигамъ. Во время этого *халета* дервиши извѣстныхъ братствъ схватываютъ приготовленные заранее острые ножи, копыя или мечи и наносятъ себѣ ими такія глубокія раны, что кровь льется съ нихъ ручьями. У другихъ братствъ, преимущественно у Руфаетъ, безумствующимъ подносятъ горячее желѣзо. Шейхъ бормочетъ молитву надъ раскаленнымъ металломъ, дышетъ на него, остерегаясь при этомъ однако коснуться его губами, тогда какъ дервиши схватываютъ его, лижутъ, кусаютъ, держатъ его между зубами и наконецъ охлаждають его въ своемъ ртѣ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ подобныхъ безумцевъ схватилъ горящій уголь изъ горшка, положилъ его въ ротъ, продержалъ его тамъ нѣсколько времени и затѣмъ выплюнулъ его уже совершенно охлажденнымъ.

Европейскому читателю эти странныя сцены покажутся, можетъ быть, совершенно невѣроятными. Даже образованный азіатецъ видитъ въ нихъ одно преступное фиглярство. Но принципъ «*mundus vult decipi, ergo decipiatur*» составляетъ повидимому основное правило

магометанскихъ братствъ; — всюду встрѣчаемъ мы то же юродство; и хотя послѣ подобныхъ изступленій шейхъ помочить рану, происшедшую отъ укола или обжога, своею слюною, подышетъ на нее, пробормочетъ извѣстныя молитвы и увѣритъ толпу, что она совершенно заживетъ въ 24 часа, я, тѣмъ не менѣе, самъ имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ противномъ. Настоящимъ чудомъ слѣдуетъ считать ту готовность, съ которою дервиши добровольно подвергаются подобнымъ пыткамъ. Члены извѣстныхъ орденовъ, въ особенности въ мусульманской Индіи, едва вылечившись отъ добровольно нанесенныхъ себѣ ранъ, съ непостижимою ревностью подвергаютъ себя новымъ страданіямъ. Случается также, въ моментъ *Халеа*, что дервиши, такъ напр, Саади, хватаютъ ядовитыхъ змѣй, раскусываютъ ихъ на нѣсколько частей и иногда даже проглатываютъ ихъ. По преданію, Саадъ-эд-динъ, основатель этого ордена, рубилъ однажды въ лѣсу дрова и, за неимѣніемъ веревки, связалъ свою вязанку тремя огромными змѣями, не будучи укушенъ ими, и это же драгоцѣнное свойство неприкосновенности отъ змѣй перешло и на его послѣдователей. Къ братству Саади принадлежатъ также и тѣ безумцы, которые подвергаются *доцезу* (т. е. даютъ топтать себя) эти послѣдніе встрѣчаются, впрочемъ, теперь еще только въ Египтѣ. Шейхъ дервишей, на обратномъ пути изъ мечети, получаетъ очень странное доказательство почтенія отъ своихъ учениковъ. Они ложатся на животъ посреди дороги и заставляютъ своего духовнаго главу; съ его довольно толстою клячею — лошади поповъ жирны во всѣхъ странахъ — проѣхать по себѣ. Лошадь весьма часто сама останавливается, но попускаемая бѣгущими позади ея дервишами, рѣшается наконецъ продолжать свою дорогу черезъ плечи и спины безумцевъ. При этомъ происходитъ такой трескъ и хрустѣніе, которые заглушаются только безумными возгласами; „Аллахъ! Аллахъ! Яху! Яхакъ!“ и дервиши утѣшаютъ себя въ поломанныхъ членахъ сознаніемъ совершеннаго ими богоугоднаго подвига. Существуетъ повѣрье, что шейхъ можетъ даже проѣхать по стеклу, не разбивъ его — чудо, заставляющее предполагать, что тѣло его не тяжелѣе перышка.

Я опять повторяю, что настоящимъ чудомъ во всемъ этомъ фокусѣ, надо считать то самоотверженіе, то презрѣніе къ смерти, которыя выказываютъ при этомъ дервиши и свойства эти, конечно, основываются на томъ слѣпомъ фанатизмѣ и непоколебимой вѣрѣ, которая характеризуютъ всѣхъ азіатовъ ниснихъ классовъ общества. Къ тому же *Халетъ* составляетъ самый вѣрный источникъ доходовъ дервишей. Любовь къ необыкновенному привлекаетъ множество зрителей, большинство которыхъ приходитъ не съ пустыми руками. Многіе больные и хворые ищутъ исцѣленія въ предполагаемой чудодѣйственной силѣ *Халета*, и нельзя представить себѣ болѣе отвратительнаго и, въ тоже время, болѣе комическаго зрѣлища, какъ видѣть всѣхъ этихъ больныхъ женщинъ или дѣтей, толпящихся вокругъ бѣснующихся, покрытыхъ пѣною и потомъ, дервишей и прижимающихъ больную руку, больной глазъ и т. д. къ одеждѣ безумцевъ. Страшная непостижимая набожность, думалъ я часто, когда мнѣ случалось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ. Въ особенности интересовали меня, въ то время когда я самъ принадлежалъ къ дервишамъ, безумныя вспышки моихъ товарищей. Мое инкогнито составляло меня также участвовать въ ораніи „яху, яхакъ! Аллахъ! Аллахъ! ху, ху“. Но мнѣ не доставало внутренней вѣры; поэтому повторенія эти имѣли на меня только утомительное дѣйствіе, тогда какъ товарищи мои дѣйствительно представлялись мнѣ личностями, которыя въ пароксизмѣ страсти способны были совершать невѣроятное.

„Если даже къ золоту примѣшиваются шлаки“, такъ говорили мнѣ не разъ въ Персіи, „то можно ли удивляться, что даже и между богоугодными членами ордена дервишей находятся обманщики или фальшивые дервиши“. Въ такихъ фальшивыхъ дервишахъ дѣйствительно нѣтъ недостатка. Для нихъ, призваніе ихъ служить только предлогомъ для удовлетворенія земныхъ страстей, и они пользуются подѣ защитой своей хирка если не богатою, то во всякомъ случаѣ, удобною для бродяжничества жизнью. Этихъ фальшивыхъ дервишей въ особенности часто можно встрѣтить въ рядахъ странствующихъ дервишей (калентеръ). Они не образуютъ особаго ордена и наби-

раются въ особенности изъ восточныхъ мусульманъ. Древняя католическая поговорка: „кто много странствуетъ, рѣдко спасается“ подтвердилась и въ исламѣ, такъ какъ странствующіе дервиши часто бываютъ большими наглецами и эксплуатируютъ невѣжество низшихъ слоевъ общества въ невѣроятной степени. Выставляемая на видъ цѣль ихъ жизни состоитъ въ набожныхъ странствованіяхъ къ гробницамъ магометанскихъ святыхъ во всѣхъ странахъ свѣта. Избѣгая даже малѣйшаго намека на земныя цѣли, снабженные только одѣяніемъ и атрибутами набожнѣйшихъ членовъ братства, они скитаются съ одного конца магометанскаго міра въ другой. Согласно писанію, странствующій дервишъ обязанъ имѣть всѣ 10 качествъ собаки: 1) онъ долженъ всегда быть голоднымъ; 2) не имѣть отечества; 3) проводить ночи безъ сна; 4) не оставлять послѣ смерти наслѣдниковъ; 5) не покидать своего господина даже въ случаѣ дурнаго обращенія; 6) довольствоваться самыми неудобными и скромными мѣстечками; 7) оставлять свое мѣсто по желанію другаго; 8) даже побитымъ возвращаться на прежнее мѣсто, если тамъ дадутъ ему хлѣбъ; 9) оставаться на извѣстномъ разстояніи отъ обѣденнаго стола, и 10) не вспоминать о покинутомъ мѣстѣ, когда слѣдуетъ за своимъ господиномъ. Станнымъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ качествъ собаки, за исключеніемъ перваго пункта, я могъ замѣтить лишь немного слѣдовъ у многочисленныхъ знакомыхъ моихъ, принадлежащихъ къ странствующимъ дервишамъ. Обыкновенно же я находилъ у нихъ совершенно противоположныя качества. Въ дерзости и навязчивости ихъ я могъ убѣдиться въ Стамбулѣ, гдѣ они толпами, въ 8 или 10 человѣкъ, нападаютъ съ отвратительными криками и шумомъ на жилища знатныхъ эфенди и удаляются не раньше, какъ получивъ требуемые подарки. Также ведутъ они себя въ Персіи и въ Средней Азіи. Много могъ бы я поразсказать исторій объ ихъ утонченныхъ мошенничествахъ. Всего наглѣе хозяйничаютъ они въ провинціи и въ деревняхъ. Часто случается встрѣтить въ домѣ богатаго человѣка дервиша, съумѣвшаго одурачить хозяина и втянуть его въ сѣти своихъ таинственныхъ мошенничествъ. Весь домъ почитаетъ дервиша

настоящимъ святымъ, все ему открыто. Но вдругъ онъ объявляетъ неожиданно, что долженъ опять пуститься въ путь вслѣдствіе какого нибудь почнаго видѣнія. Все семейство оплакиваетъ его отъѣздъ до тѣхъ поръ, пока чрезъ нѣсколько дней не откроется, что вмѣстѣ съ нимъ пропали также и нѣсколько драгоценныхъ украшеній. Даже лукавые персіане и тѣ попадаются въ сѣти дервишей. Одинъ изъ родственниковъ теперешняго персидскаго шаха принималъ однажды въ своемъ домѣ подобнаго почтеннаго гостя, слышавшаго великимъ алхимикомъ, и ханъ уже заранѣе предавался мысли, что вся его конская сбруя, тазы для воды и т. д. вскорѣ будутъ превращены въ блестящее золото. Восемь лотовъ чистаго золота, брошенные въ плавильный тигель, вмѣстѣ съ другими металлами должны были давать по обѣщаніямъ обманщика, фунтъ чистаго золота. Однако этотъ отъявленный врагъ всѣхъ земныхъ благъ, съумѣлъ дѣйствовать такъ искусно, что почтенный ханъ остался съ комкомъ никуда негодной руды, тогда какъ дервишъ исчезъ куда-то, богато нагруженный чистымъ золотомъ. Христіанская Европа также не всегда обезпечена отъ ихъ мошенничествъ. Довольно странно, что дервиши, приходящіе изъ далекой Индіи, Кашмира и Средней Азіи посѣщаютъ изъ года въ годъ Гюль-баба въ Будапестѣ — мечеть святаго очень сомнительнаго характера и встрѣчаютъ самый дружественный пріемъ въ Венгріи. Въ деревняхъ они обыкновенно останавливаются у католическаго духовенства, которому рассказываютъ удивительнѣйшія вещи о Кудѣ (Іерусалимѣ), въ которомъ, какъ увѣряютъ, сами бывали не разъ. Не очень строгіе относительно обряднаго предписанія о пищѣ эти набожные дервиши закупаютъ жаркое изъ свинины глоткомъ добраго венгерскаго вина и вообще не отказываются отъ всевозможныхъ услажденій своей плоти. Мнѣ вспоминается одинъ много пространствовавшій дервишъ изъ Себдзевара, въ Персіи, который остановился на нѣкоторое время въ Пестѣ, часто посѣщалъ меня и всегда представлялся такимъ набожнымъ, что я невольно началъ вѣрить въ него. Однажды онъ заболѣлъ и нашелъ пріютъ въ городскомъ госпиталѣ. Когда я посѣтилъ его тамъ, то онъ обвинилъ въ

своей болѣзни Абъ и Хава (воду и воздухъ), т. е. климатъ столицы. Случайно подошелъ къ намъ ординаторъ больницы и тутъ, къ моему не малому удивленію, я узналъ, что отнюдь не абъ и хава, но слѣдствія посѣщенія извѣстныхъ домовъ привели сюда моего благочестиваго пріятеля. Да, правду говоритъ старая турецкая пословица „Chirkadan derwischlik belli olmaz“! Раса еще не дѣлаетъ монаха.

Высокая порта въ Константинополѣ и ея столпы.

Подъ словомъ „высокая порта“ — Бабъ-Али — современный турокъ понимаетъ какъ собраніе всѣхъ высшихъ сановниковъ Оттоманской имперіи, такъ и то мѣсто, гдѣ эти послѣдніе собираются для своихъ совѣщаній. На Востокѣ, въ противоположность Западу, дверь или ворота исхони считались самымъ почетнымъ мѣстомъ всего дома. Уже патріархъ Авраамъ принималъ Архангела передъ входомъ въ палатку, и эта часть жилища и теперь еще сохранила прежнее значеніе какъ у кочевыхъ, такъ и у осѣдлыхъ обитателей Востока. Въ особенности проявляется это у народовъ туранскаго происхожденія. Киргизы никогда не совѣщаются со своими единоплеменниками о публичныхъ или частныхъ дѣлахъ внутри палатки, а всегда передъ входомъ въ нее, также поступаютъ и китайскіе ванги въ Кашгарѣ, Аксу и другихъ городахъ и высшія власти въ Коканѣ, Бухарѣ и Хивѣ. Правители этихъ странъ принимаютъ даже своихъ подданныхъ, обсуждаютъ дѣла и дѣлаютъ распоряженія не иначе какъ на террасѣ передъ дверью дома. Обычай этотъ объясняетъ, почему на турецкомъ языкѣ слово „Ворота“ равнозначно со словомъ судилище или резиденція высшаго чиновника. Точно также, какъ въ Персіи уже во времена Сефевидовъ, названіе Али-Капи обозначало мѣсто-пробыванія высшихъ чиновниковъ, точно такъ и у турокъ употребляется слово «Порта». Не только каждая столица, но и каждый об-

ластной городъ имѣетъ свою «Капи», и хотя европейскія нововведенія пытаются въ настоящее время измѣнить это старое слово обозначеніями: министерство, трибуналъ и т. д., однако туркамъ и другимъ народамъ Азіи трудно отвыкнуть называть высшую судебную палату или другое какое-либо присутственное мѣсто иначе, какъ «Кани» или Бабъ: ворота.

Названіями «Могучія Ворота» или «Высокія Ворота» обозначаютъ различныя положенія и права соотвѣтствующихъ властей, и словомъ этимъ намекается даже на степень ихъ подкупности. По турецки, взятки или побочные доходы, какъ говорятъ вѣжливые люди, называются *«капіальти»*, т. е. то, что находится подъ воротами, и въ названіи этомъ безспорно заключается отличный намекъ на подарки, которые проситель не смѣетъ приносить открыто въ домъ судьи, но долженъ тихонько подсовывать подъ ворота. Такъ какъ ворота частныхъ жилищъ часто состоятъ изъ колоннъ, то неудивительно, что и Ворота зданія государственнаго также покоятся на столпахъ. Столпы эти суть министры, которые дѣйствительно называются *Эркіани-Девлетъ*—столпы правленія. На нихъ лежитъ тяжелая обязанность правленія государствомъ и глава ихъ извѣстенъ подъ именемъ «визиря», т. е. «обремененный тяжестью». Архитектоническаго различія коринѣскихъ, дорійскихъ и другихъ колоннъ, еще не усвоили себѣ восточные жители; они характеризуютъ своихъ сановниковъ просто какъ желѣзные, стальные и каменные столпы. Конечно, все это ничто иное, какъ вздутые, пустые титулы, такъ какъ многіе изъ такъ называемыхъ стальныхъ столповъ государства оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, просто полусгнившими, очень ненадежными бревнами.

Порта, называемая на народномъ языкѣ Паша Капизи, состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ присутственныхъ мѣстъ: 1) домъ великаго визиря и его канцелярія, 2) министерство иностранныхъ дѣлъ съ его секретаріатомъ и съ бюро переводовъ; 3) Меджлизи-вала или высшій государственный совѣтъ, въ которомъ участвуютъ начальники различныхъ министерствъ; 4) Меджлизи-Акіаме-Адліе, или совѣтъ верховнаго суда, въ то-же время министерство

внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ правомъ назначать и отрѣшати губернаторовъ и второстепенныхъ офицеровъ; 5) Амеди-дивани-хумаюмъ канцелярія, стоящая въ прямомъ сношеніи съ частною канцелярією султана и Порты. Остальныя Дикастеріи правленія, какъ напр. министерство полиціи, финансовъ, торговли, народнаго просвѣщенія, военное и морское, а также Вакфъ (министерство богоугодныхъ заведеній) и т. д. находятся въ различныхъ зданіяхъ и соотвѣтственные начальники ихъ отправляются въ высокую Порту лишь тогда, когда приглашеніе Меджлизи-вали призываетъ ихъ туда для какого нибудь важнаго совѣщанія. Кромѣ того существуетъ еще нѣсколько присутственныхъ мѣстъ, которыя строго говоря уже не относятся сюда: бюро четырехъ различныхъ религіозныхъ обществъ а именно: католиковъ, православныхъ, грековъ-уніатовъ и евреевъ; канцелярія церемоніймейстера и изготовителя султанскихъ подписей (тугра), и наконецъ государственная школа и бібліотека для обученія французскому языку, которыя всѣ, также какъ и бюро переводовъ, относятся къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Что касается до различныхъ классовъ чиновниковъ, то между статскими первое мѣсто занимаетъ *Муширъ* (маршалъ). Ему присвоенъ титулъ «девлети», т. е. блаженный. Онъ получаетъ ежемѣсячное жалованье отъ 80 до 120 тысячъ піастровъ — я говорю о времени моего пребыванія въ Турціи — и за нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже египетскій вице-король по чину не былъ выше мушира и только къ титулу его прибавлялось «Убхетли» (изобилующій). Муширъ отправляется въ должность не иначе, какъ въ европейскомъ экипажѣ. Если онъ въ тоже время и великій визирь, то ему сопутствуютъ два офицера изъ арміи и два кавасса (полицейскихъ) верхомъ. Кромѣ того за нимъ слѣдуютъ двое слугъ и неизбѣжный чибукчи; послѣдній, также верхомъ, съ длиннымъ чубукомъ, торчащимъ изъ футляра. Велико то почтеніе, которое всюду оказывается муширу; но еще значительнѣе тѣ суммы, которыхъ стоитъ ему содержаніе толпы слугъ, родственниковъ и питомцевъ, такъ что, не смотря на огромное жалованье, ни одинъ муширъ не въ состояніи покрыть этихъ расходовъ, если не имѣетъ

частнаго состоянія. У военных также существуют муширы, но эти послѣдніе считаются ниже первыхъ, какъ потому что число ихъ больше, такъ и потому что они получаютъ гораздо меньшее жалованье. За муширомъ слѣдуетъ въ чиновной іерархіи—Рюте-и-Бала (высокій чинъ), распадающійся на два класса. Ему принадлежитъ титулъ *утуфетли* (милостивый). За нимъ слѣдуютъ Рютбе-и-Ула, также распадающіеся на два класса съ титуломъ *сеадетли* (блаженный), затѣмъ *мутемайзъ* или Рютбе-и-Саніе, чинъ въ которомъ находится большинство начальниковъ канцелярій и которому присвоенъ титулъ *изетли-эффендимъ* «ваше превосходительство». Далѣе слѣдуютъ Саніе № 2, которымъ также принадлежитъ титулъ *изетли-эффенди*. За ними начинаются чины низшихъ чиновниковъ. Рютбе-и-Салифе (третій классъ) величаемый *рифатли* (возвышенный) и Рютба-и-Рабіе (четвертый классъ), съ титуломъ «*футуветли*» «ваше благородство». Наконецъ *minores gentium* чиновнаго міра величаютъ *хаміетли* (ревностными). Между духовенствомъ высшій чинъ составляетъ *шейхъ-уль-исламъ*, за нимъ слѣдуетъ Судуру и пять различныхъ пайевъ (степеней) стамбульскій, священныхъ городовъ, Биляде-Арбія, Румелин и Анатолин. Положеніе военныхъ въ чиновной іерархіи выражается преимущественно въ чинахъ офицеровъ. Въ арміи находится большое число мушировъ; даже многіе пашы и дивизионные и бригадные генералы стоятъ по чину ниже нѣкоторыхъ эффенди статскихъ властей. Для объясненія названія, «паша» слѣдуетъ сказать, что этотъ титулъ, придаваемый какъ статскимъ такъ и военнымъ чиновникамъ, между первыми принадлежитъ только муширамъ и мутесарифамъ (губернаторамъ втораго разряда), хотя-бы по чину своему они принадлежали къ мутемайямъ; у военныхъ-же чиновъ пашою называется каждый офицеръ, начиная съ полковника. За пашою слѣдовалъ прежде титулъ Бей, которому европейцами ошибочно придается значеніе князя, какъ это дѣйствительно дѣлалось въ прежнія времена; въ настоящее-же время за пашою слѣдуетъ эффенди, просто господинъ, а за эффенди Ага. Впрочемъ, въ употребленіи двухъ послѣднихъ титуловъ совѣмъ не стѣсняются, и въ

особенности, вышедшее теперь почти совѣтъ изъ употребленія, слово „Вей“ употребляется даже часто какъ ласка для дѣтей высшихъ чиновниковъ, а также въ среднемъ сословіи. Эффенди имѣетъ уже болѣе серьезное значеніе. Въ обыкновенной жизни эффенди называютъ вообще человѣка грамотнаго; въ чиновномъ-же мірѣ титулъ этотъ прилагается часто къ высокопоставленнымъ лицамъ, и даже принцы крови часто ставятъ возлѣ своего имени титулъ «эффенди».

Но довольно объ этихъ различныхъ чинахъ и должностяхъ, такъ какъ объ этомъ предметѣ уже достаточно писалось въ различныхъ статистическихъ и другихъ сочиненіяхъ о Турціи. Займемся теперь другою, менѣе доступною и менѣе извѣстною стороною этого предмета и познакомимъ читателя съ тѣми умственными свѣдѣніями, которыя требуются для принятія въ Порту и съ тѣми качествами, которыми долженъ обладать молодой Османлисъ, чтобы имѣть право рассчитывать получить современемъ титулъ столпа государства. Въ прежнія времена молодой человѣкъ, стремящійся къ тому, чтобы сдѣлаться вполне образованнымъ человѣкомъ, по восточнымъ понятіямъ, прежде всего долженъ былъ имѣть хорошій почеркъ, хорошо знать персидскій и арабскій языки и отличаться «стилистическимъ талантомъ», въ особенности-же быть самому знатнаго происхожденія или по крайней мѣрѣ опираться на протекцію какого нибудь высокопоставленнаго лица. Въ настоящее время болѣе всего обращается вниманія на знаніе французскаго языка. Географія, исторія, физика, математика и другія науки никогда не требовались отъ чиновниковъ. И дѣйствительно, прежніе чины Порты легко обходились безъ нихъ въ своей служебной дѣятельности. Въ наше-же время свѣдѣнія эти необходимы, такъ какъ высокопоставленные чиновники приходятъ въ постоянныя сношенія съ нашей дипломатіей и, при введеніи у себя дома разныхъ европейскихъ учреждений, часто попадаютъ въ просакъ вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ свѣдѣній. То, что знаютъ современные, выдающіеся члены турецкихъ министерствъ, то приобрѣли они по большей части уже тогда, когда были на службѣ; въ былое время, эффенди и паша получали свое образованіе прежде, чѣмъ

занять эти должности, въ настоящее-же время какъ школьное, такъ и высшее образованіе пріобрѣтается уже въ самой Портѣ, и этимъ именно отличается старая турецкая государственная жизнь отъ новой. По правиламъ, юный сынъ эффенди лишь тогда можетъ быть приписанъ къ той или другой канцеляріи, когда окончитъ съ успѣхомъ 4 класса въ школѣ *руиди* и когда достигнетъ по меньшей мѣрѣ, 16-ти или 18-ти лѣтняго возраста. Но, какъ я могъ убѣдиться, правила эти далеко не всегда соблюдаются, и въ различныхъ *калеммахъ* (канцеляріяхъ) можно найти иногда даже 10-ти лѣтнихъ дѣтей. Человѣкъ непривычный, вступая напр. въ бюро корреспонденціи министерства иностранныхъ дѣлъ и видя вокругъ себя на диванахъ цѣлую толпу, сидящихъ на корточкахъ дѣтей и юношей, можетъ подумать, что зашелъ въ дѣтскую школу, а не въ присутственное мѣсто перваго разряда.

Когда такимъ образомъ молодые эффенди походили въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ эти государственныя заведенія для призрѣнія дѣтей, тогда обваруживается, имѣть ли тотъ или другой изъ нихъ призваніе къ внутреннимъ или иностраннымъ дѣламъ и вообще къ чиновной карьерѣ. Если искателю не удалось въ теченіи всего этого времени выказать себя въ глазахъ *хальфы* (начальника канцеляріи) дѣльнымъ писцомъ (мюзевидомъ), то онъ имѣетъ мало шансовъ на повышеніе; многимъ же въ это время, и къ числу ихъ, конечно, принадлежатъ самые даровитые и прилежные, удалось уже повыситься до степени *мубеиза*, а если, кромѣ того, при помощи частныхъ уроковъ они еще настолько научились французскому языку, что могутъ прочесть всего Телемака или понимаютъ отдѣлъ «*faits divers*» въ «*Journal de Constantinople*», то въ нихъ уже возникаетъ тайное желаніе быть причисленными, какъ *attaché* къ тому или другому посольству; если же обстоятельства благопріятствуютъ имъ, то поступить въ канцелярію Амедіе — въ этотъ высшій изъ калемовъ. Въ канцелярію эту принимаются лишь сыновья самыхъ знатныхъ турокъ, и даже простые писцы получаютъ тамъ больше жалованья, нежели многіе начальники канцеляріи въ другихъ департаментахъ. Амедіе

имѣетъ большое значеніе вслѣдствіе той посредствующей роли, которую она занимаетъ относительно правителя государства, такъ какъ всѣ рѣшенія Порты, по дорогѣ къ Сералу, должны проходить чрезъ Амедіе. Для лучшаго знакомства съ современнымъ чиновнымъ міромъ Порты, его слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи, изъ которыхъ первую можно назвать національною, а вторую интернаціональною. Люди, причисляющіе себя къ первой категоріи, отличаются сильнымъ пристрастіемъ ко взглядамъ прежней Оттоманской бюрократіи и, какъ уже было упомянуто, обращаютъ особенное вниманіе на совершенство въ *китабетъ* (въ слогѣ). Китабетъ составляетъ альфу и омегу всѣхъ ихъ стремленій; они говорятъ о немъ и днемъ и ночью, мѣрятъ все на свѣтѣ по этому масштабу и мои постоянныя, многолѣтнія наблюденія надъ усиліями этихъ людей, убѣдили меня еще больше въ томъ, что на Востокѣ всегда жертвуютъ сущностью изъ за формы. Последними учителями въ этой бесполезной литературной болтовнѣ были: Акифъ-паша, Пертавъ паша и Рифаадъ-паша, и такъ какъ современные ихъ послѣдователи слишкомъ запутались въ лабиринтѣ турецко-арабско-персидскихъ нарѣчій, чтобы ознакомиться съ европейскими языками, то они принуждены по большей части ограничиваться департаментомъ внутреннихъ дѣлъ. Многіе изъ числа ихъ дѣлаются начальниками соотвѣтствующихъ канцелярій или провинціальными губернаторами.

Вторая категорія служить представительницею молодой Турціи. Занятія и стремленія ея также болѣе соотвѣтствуютъ духу времени. Какъ уже было замѣчено, молодые люди научаются французскому языку уже въ самой Портѣ, или же ихъ посылаютъ, для изученія послѣдняго, въ одну изъ европейскихъ столицъ—къ сожалѣнію всего чаще въ Парижъ, гдѣ они посѣщаютъ конечно Jardin Mabille и различные *café-chantans* гораздо чаще, чѣмъ *collège* и, вмѣсто западной цивилизаціи, привозятъ домой такіе нравы, которые не дѣлаютъ чести намъ, европейцамъ. Въ научномъ отношеніи они также не далеко уходятъ отъ первыхъ, хотя, большей части, продукты научныхъ стремленій Европы извѣстны имъ, по крайней мѣрѣ, по имени.

Исключенія изъ этого очень рѣдки. Между ними надо упомянуть напр. объ Ахмедѣ-Вефикѣ-Эффенди, прославившемся своими изысканіями въ землѣдѣніи, о Дервишѣ-пашѣ, отличившемся въ металлургіи и объ Эдгемѣ-пашѣ, извѣстномъ своими обширными свѣдѣніями въ области коммерческихъ наукъ. Писать по французски, нѣмецки и англійски умѣютъ лишь немногіе и только Али-паша, прежній великій визирь, который своимъ яснымъ, чистымъ французскимъ слогомъ приобрѣлъ извѣстность даже во Франціи, составлялъ блестящее исключеніе изъ сказаннаго. За то между турками, гораздо чаще встрѣчаются люди, бѣгло и свободно изъясняющіеся на иностранныхъ языкахъ, и это не удивительно при той быстротѣ пониманія и при томъ рѣдкомъ талантѣ къ языкамъ, которыми отличаются всѣ восточные народы вообще.

Послѣ всего сказаннаго о столпахъ порты, не лишнимъ будетъ упомянуть о краеугольныхъ камняхъ ея, т. е. о прислугѣ. Къ ней относятся хранители сапоговъ, набиватели трубокъ, хранители кафтановъ или сюртуковъ и т. д. Но какое же вліяніе могутъ имѣть всѣ эти лица на систему правленія высшихъ турецкихъ чиновниковъ. Такъ спросятъ меня, вѣроятно, многіе изъ моихъ европейскихъ читателей. Конечно, европейскому путешественнику случалось замѣчать съ удивленіемъ ту интимность, которая часто существуетъ на Востокѣ между слугою и господиномъ. Уже въ прежнія времена различіе въ положеніи европейскаго и азіатскаго слуги относительно своего господина обращало на себя вниманіе многихъ; отношеніе это сохранилось неизмѣннымъ и до нашего времени, и мы можемъ поэтому, не задумываясь, назвать подчиненную прислугу высокой Порты властью втораго разряда. Конечно, видя одну изъ этихъ личностей, раболѣпныхъ на словахъ, услужливыхъ и заискивающихъ по манерамъ, никому не придетъ въ голову, что личность эта нерѣдко управляетъ сердцемъ и умомъ, перомъ и кошелькомъ высокопоставленнаго пашы или эффенди и вообще имѣетъ на него большее вліяніе, нежели всѣ его жены и даже чѣмъ все его многочисленное семейство вмѣстѣ взятое. Но вліяніе слуги не ограничивается только домашнимъ

хозяйствомъ своего господина. Оно отражается на дѣлахъ Порты, при назначеніи или при отрѣшеніи того или другого чиновника, при рѣшеніи большихъ процессовъ и даже при обсужденіи многихъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. Конечно, и у насъ на Западѣ могли-бы мы подыскать примѣры подобныхъ же отношеній между господиномъ и его камердинеромъ. — Но въ древней, проникнутой патріархальнымъ духомъ, Азіи, подобныя отношенія встрѣчаются гораздо чаще и выражаются гораздо рѣзче. Постоянныя дразни и пербранки внутри гарема, никогда не прекращающіяся женскія интриги, часто дѣлають эту часть дома, предназначенную для семейства, ненавистною для самого хозяина. Чтобы избавиться хотя на время отъ этихъ вѣчныхъ передрагъ, онъ спасается въ другую часть дома—въ селамликъ (мужское отдѣленіе). Скука и одиночество заставляютъ его искать себѣ здѣсь товарищей, и такъ какъ на Востокѣ слуги всегда считались не просто полезными машинами, но помощниками и друзьями, то сближеніе между ними и господами совершается довольно легко. Сближенію этому способствуетъ еще, не только въ Турціи но и во всей Азіи, извѣстный порокъ, которому предавались уже древніе греки, и ловкій, вкрадчивый слуга умѣетъ обыкновенно, въ очень короткое время, завладѣть всѣмъ довѣріемъ своего господина. Съ годами, взаимныя отношенія становятся еще фамиллярнѣе. Проживъ 10 лѣтъ въ одномъ домѣ слуга начинаетъ называться «Эмекъ-Даръ», т. е. человѣкъ, перенесшій много трудовъ и считается уже настоящимъ членомъ семейства. Отпустить Эмекъ-Дара, не обезпечивъ его, считалось бы такимъ же безчеловѣчнымъ поступкомъ, какъ отправить безпомощнаго ребенка одного и безъ средствъ на чужбину. Часто случалось мнѣ удивляться, какимъ образомъ слуги эти, по большей части родомъ изъ Анатоліи, не имѣющіе, поверхъ вѣшняго лоска стамбульской цивилизаціи, ни малѣйшаго новатія ни объ Европѣ, ни о государственной жизни вообще, ни о дипломатіи, ни о правленіи,—какимъ образомъ говорю я, эти люди, по большей части даже безграмотные, могли пріобрѣсти такое неограниченное вліяніе на своего болѣе образованнаго господина и даже сдѣлаться его довѣренными

совѣтниками. Причина этого явленія объяснилась мнѣ лишь послѣ многолѣтняго пребыванія на Востокѣ. Въ слабости этой можно упрекнуть не одну изъ выдающихся знаменитостей Турціи, которые въ оправданіе себѣ, ссылаются обыкновенно на прирожденное остроуміе и на восточную проницательность, замѣняющія по большей части у подобныхъ слугъ, отсутствіе положительныхъ свѣдѣній. Такъ какъ люди эти, которыхъ *de facto* можно назвать всѣмъ, только не слугами, имѣютъ значительное вліяніе на дѣла Порты, то мы займемся ими сообразно ихъ чину.

Къ первой категоріи относятся *каракулаки*—родъ тайныхъ агентовъ великаго визиря—и *кафтанъ агасси*. Первые, хотя и имѣютъ извѣстный официальный оттѣнокъ, однако все таки относятся къ прислугѣ. Господинъ употребляетъ ихъ для тайныхъ порученій какъ въ кругу самой Порты, такъ и къ служащимъ внѣ ея чиновникамъ. По большей части они бываютъ людьми уже не молодыми и опытными, и хотя имъ запрещено отпускать себѣ бороду, въ знакъ ихъ зависимаго положенія, тѣмъ не менѣе все ихъ обращеніе съ высшими чиновниками свидѣтельствуетъ, что въ нихъ въ значительной степени развито самолюбіе и сознаніе собственного достоинства. Принимающій ихъ паша или эффенди никогда не забываетъ, что долженъ чтить въ ихъ лицѣ пославшаго ихъ. Вообще отношенія этихъ вліятельныхъ слугъ къ чиновному міру чрезвычайно своеобразны. Въ частной жизни кафтанъ-агасси занимаетъ тоже мѣсто какъ каракулаки въ общественной. Муширы и другіе высшіе чиновники берутъ своихъ кафтанъ-агасси изъ числа эмекдаровъ. Нерѣдко случается, что господинъ и слуга бываютъ соединены очень интимными узами. Свѣтъ хорошо знаетъ объ этихъ отношеніяхъ, и каждый, желающій добыть себѣ благосклонный пріемъ у паши, не забываетъ запастись сперва расположеніемъ его кафтанъ-агасси. Высшіе эффенди обращаются съ нимъ съ фамиллярностью, совсѣмъ не приставшею ихъ высокому положенію; нисшіе эффенди окружаютъ его всевозможными вѣжливостями, а какой нибудь таде-катибъ (т. е. пѣшій писецъ), какъ называется низшій классъ турецкихъ чиновниковъ, обязанъ даже выказывать

ему почтене. Да, кафтаны-агасси вліятельный человѣкъ! По слабости-ли памяти или по лѣни, высокопоставленный чиновникъ по большей части ваходится въ полнѣйшемъ невѣденіи о лицахъ, ищущихъ у него аудіенціи. Кто онъ таковъ? откуда онъ? что ему надо? Все это вопросы, отвѣчать на которые предоставляется кафтаны-агасси и, такъ какъ онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ своего господина, то представленіе и рекомендація просителя если не исполнѣ, то во многомъ зависить отъ него. Явленіе это дѣйствительно составляетъ далеко непохвальную черту въ турецкой чиновной жизни. Къ сожалѣнію, однако, факта этого стричать нельзя и въ Турціи совершенно немислмы визири безъ вліятельнаго кафтаны-агасси.

Спускаясь еще ступеню ниже, мы встрѣчаемъ *чибукчи*, этого ганимеда турецкой табачной амврозіи. Чибукчи, неразрывно связанный съ турецкою любовью къ куренію и покою, слѣдуетъ подобно тѣни, за каждымъ эффенди, имѣющимъ какія либо притязанія на знатность, богатство или почетъ. Отъ ранняго утра и до поздняго вечера, не уходитъ онъ ни на шагъ отъ своего господина. Все равно—работаетъ ли послѣдній дома, принимаетъ ли гостей, занимается ли общественными или официальными дѣлами, отправляется ли на базаръ, на прогулку или въ баню, сидитъ ли онъ въ Портѣ за грудю накопившихся официальныхъ бумагъ—всюду слѣдуетъ за нимъ его чибукчи. Удивительно ли послѣ этого, что этотъ послѣдній сумѣлъ пріобрѣсти себѣ значительную долю довѣрія своего господина. Съ длиннымъ чубукомъ въ одной и съ жестянымъ блюдцемъ, служащимъ подставкою, въ другой рукѣ, проходитъ онъ, съ дерзкимъ видомъ, чрезъ залу совѣта, и, въ то время, какъ присѣвъ на корточки подаетъ своему господину трубку, огонь и чашу, до ушей его долетаетъ не одна государственная тайна. Нерѣдко случается ему также, умѣстившись у самой занавѣски двери, пробраться и въ запрещенныя мѣстечки, чтобы лучше подслушать все, что происходитъ въ совѣтѣ, и такимъ образомъ узнаетъ онъ многія важныя государственныя дѣла и рѣшенія. Если онъ прислуживаетъ при высшемъ совѣтѣ, то всѣхъ ранѣе знаетъ, кто назначенъ губернаторомъ провин-

ціи, или посланникомъ, кто выбранъ для того или другого порученія и т. д., и лишь немногіе изъ ихъ числа достаточно простодушны, чтобы не понять какую прибыль могутъ они извлечь изъ своихъ свѣдѣній. Чибулки высокой порты служатъ бродячими газетами и лучшими покупателями ихъ новостей являются драгоманъ (толмачи при посольствахъ). За недостаткомъ же лучшей пубрики они довольствуются тѣмъ, что передаютъ другъ другу всѣ собранныя новости. Вслѣдствіе постоянного взаимнаго обмѣна между ними устанавливаются прочныя связи, такъ что чибулки, служащіе напр. при меджлизи-аккіаме-аудіе обмѣниваются своими извѣстіями только съ чибулками, состоящими при высокомъ совѣтѣ, или при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Чибулки одного изъ высшихъ калемовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ до разговоровъ съ чибулками, служащемъ при одномъ изъ низшихъ калемовъ. Охота за новостями составляетъ для многихъ изъ нихъ источникъ богатой прибыли, и нерѣдко случалось мнѣ удивляться тому способу, которымъ они предлагаютъ свой товаръ. Большинство изъ нихъ, въ особенности старшіе, находятся въ извѣстныхъ сношеніяхъ съ европейскими посольскими толмачами второго и третьяго разряда. Господа эти—эти бродячія вывѣски европейскаго вліянія въ Портѣ, расхаживающіе съ такимъ надменнымъ, видомъ, поигрывая своими тросточками, по различнымъ канцеляріямъ въ полномъ убѣжденіи, что представляютъ въ своемъ лицѣ увѣнчанную главу своего аккредитованнаго у Порты пачальника, нисколько не гнушаются вступать въ какомъ нибудь скромномъ уголкѣ, въ интимные разговоры съ чибулками. Юный, расфранченный турконе-навистникъ замскиваетъ передъ турецкимъ слугою, ухаживаетъ за нимъ, старается выманить у него ту или другую тайну и, конечно, платитъ за все чистыми деньгами. Едва успѣлъ онъ, аффектированно безпечною походкою покинуть Порту, и вернуться въ Перу, какъ уже телеграфная проволока разноситъ къ тому или другому двору все подслушанное чибулкомъ. Много важныхъ новостей доходитъ такимъ образомъ до посланниковъ или до телеграфныхъ бюро и, лишь нѣсколько дней спустя обнародывается официальное подтвержденіе.

Такъ ведутся дѣла въ Высокой Портѣ. Послѣ этого, конечно никто не упрекнетъ меня за то, что я приписалъ столько важности чибукчи.

Кромѣ этого собиранія новостей, они, вмѣстѣ съ кафтанъ-агасси, часто становятся орудіями для веденія разныхъ интригъ и для примиренія несогласій. Ускоренія или замедленія въ исполненіи какого либо рѣшенія также зависятъ часто отъ чибукчи. Такъ какъ онъ несетъ домой «торбу» (мѣшокъ съ документами, портфель) и лишь вечеромъ разлагаетъ передъ своимъ господиномъ нужныя бумаги, то часто случается, что какое нибудь дѣло, съ умысломъ-ли, или просто по турецкой безпечности и разсѣянности, приходитъ къ рѣшенію гораздо позднѣе другихъ. Случается даже, и мнѣ самому пришлось видѣть, нѣсколько подобныхъ примѣровъ — что какой нибудь крайне важный документъ попадетъ изъ торбы, для которой первое мѣсто по возвращеніи домой — табачная комната, въ табачный ящикъ, а иногда и въ сундукъ слуги подъ его грязное бѣлье или въ какое нибудь другое, подобное мѣсто. Тотъ, кому благопріятствуетъ счастье или кто въ состояніи «зажечь свѣтильникъ даровъ», можетъ, конечно, снарядить поиски за утраченною вещью, но менѣе счастливые люди должны начинать свой процессъ съизнова. Ну, станеть ли кто послѣ этого сомнѣваться въ важности чибукчи? Въ соединеніи съ ними находятся и «каведши» — присмотрщики за провизіей, двое которыхъ приставлены къ каждому калему. Чѣмъ важнѣе калемъ, тѣмъ большімъ вліяніемъ пользуются и эти слуги и тѣмъ значительнѣе конечно ихъ прибыль. Ежемѣсячные счета составляютъ они вмѣстѣ съ чибукчами. Вообще, эффеңди завтракаютъ дома, но страсть къ лакомствамъ, а иногда и болѣе продолжительныя засѣданія, составляютъ ихъ нерѣдко подкрѣплять себя и въ самой Портѣ. Каведши и Килердши играютъ ту же роль для низшихъ классовъ турецкаго общества, какъ чибукчи для толмачей и чиновниковъ. Послѣдніе лишь тогда доступны и благосклонны къ бѣдному крестьянину или ремесленнику, когда какой нибудь каведши, чрезъ посредство чибукчи, рекомендуетъ его вниманію паши или эффеңди.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть еще о привратникахъ. Они обязаны слѣдить за входящими и выходящими, и сверхъ того, на нихъ лежитъ не менѣ важная обязанность принимать верхнюю обувь у каждаго входящаго чиновника и возвращать ему ее снова, при его выходѣ. По предписанію, каждый, входящій въ правительственное бюро, обязанъ оставлять верхнюю обувь у входныхъ дверей. Однако, въ настоящее время, этому правилу подчиняются лишь бѣднѣйшіе классы и низшіе эфенди; высшій же свѣтъ и высокопоставленные чиновники, пріѣзжающіе верхомъ или въ каретахъ, оставляютъ свои калоши только передъ дверями своихъ соотвѣтственныхъ калемовъ. Обязанность брать на сохраненіе верхнюю обувь всѣхъ посѣтителей Порты, число которыхъ доходитъ нерѣдко до многихъ сотенъ, распределяется между нѣсколькими привратниками. Одинъ и тотъ же капидши принимаетъ иногда отъ сотни до полутора ста калошъ, не раздавая за нихъ номерованныхъ билетиковъ и всегда возвращаетъ каждую пару соотвѣтственному хозяину, никогда не спутывая. Хранитель обуви не только обладаетъ способностью запоминать наружность каждаго, кого видѣлъ хотя разъ, но умѣетъ угадывать положеніе, занятіе и происхожденіе входящаго по формѣ его калошъ и по тому какъ онъ снимаетъ ихъ. Къ высокопоставленному лицу сѣшнитъ онъ на встрѣчу и низко наклоняется, чтобы дать послѣднему возможность опереться о его плечо, при сниманіи калошъ. Знатность эфенди или, говоря точнѣе, сумму ежемѣсячнаго бакшиша (на чай), на который можно рассчитывать отъ него, можно вѣрно опредѣлить по той поспѣшности, съ которою капидши предлагаетъ ему свои услуги. Какъ бы ни спотыкался иной кіатибъ, о сложенную передъ дверьми кучу калошъ, какіе бы гнѣвные взоры ни металъ онъ на хранителя обуви, по поведенію этого послѣдняго, мы всегда можемъ опредѣлить съ точностью, какъ обстоятъ дѣла турецкаго денди. Особымъ вліяніемъ эти хранители обуви не пользуются; лишь изрѣдка собираютъ стъ нихъ свѣдѣнія о появленіи того или другаго чиновника и о томъ, сколько времени пребывалъ онъ въ Портѣ.

Намъ остается еще только бросить бѣглый взглядъ на жизнь и занятія Порты во время присутственныхъ часовъ.

10 часовъ утра. Кто желаетъ сдѣлать смотръ всѣмъ господамъ чиновникамъ различныхъ категорій на ихъ пути въ присутственныя мѣста, тотъ долженъ встать со мною у крутого подъѣзда, называемаго *Джисалогму юкушу*. Здѣсь проходятъ настоящія сливки турецкаго общества на своемъ пути изъ тѣхъ частей города, которыя служатъ квартирами моднаго свѣта. Богатые люди либо проносятся въ легкихъ фаэтонахъ, либо пробѣгаютъ шагомъ, сопровождаемые толпою слугъ. Чѣмъ выше ихъ чинъ, тѣмъ ниже встрѣчающая ихъ Теменна—поклонъ, при которомъ правая рука прикладывается поочередно то къ груди, то ко лбу. Многіе простираютъ свое почтеніе до того, что кланяются въ землю и на иныхъ лицахъ написано даже какъ будто бы сожалѣніе, что они не могутъ опуститься еще на нѣсколько футовъ ниже. Инициатива взаимныхъ поклоновъ должна исходить отъ старшаго, а не отъ младшаго. Высокаго почитателя встрѣчаютъ обыкновенно стоя и лишь тогда, когда онъ легкимъ движеніемъ руки, улыбкою или кивкомъ головы выкажетъ свое привѣтствіе, у окружающихъ начинается гимнастика теменна. Пѣшкомъ приходятъ лишь бѣдные люди и тѣ немногіе, которые изъ за моціона придерживаются европейскихъ обычаевъ и вслѣдствіе этого слывуть у турокъ эксцентриками. Эффенди, отправляющагося въ Порту, легко узнать по его лошади, сѣдлу и одеждѣ. Лошади, у турокъ стараго закала, покрыты большимъ, широкимъ, бархатнымъ чапракомъ, уздечка и сѣдла ихъ ботато украшены; они сами носятъ большіе неуклюжіе башмаки и калоши, панталоны въ видѣ шароваръ, широкіе сюртуки и феску, ниспадающую до самой шеи. Они сидятъ на сѣдлѣ, нагибаясь впередъ; взоръ ихъ, «задумчивый безъ мысли», отличается какою то кроткою неподвижностью и въ то время, какъ лѣвая рука ихъ держится за привязь, правая машинально перебираетъ четки. Слѣдующій за нимъ пѣшкомъ конюхъ соответствуетъ костюму своего господина; онъ либо грекъ изъ Хіоса, либо албанецъ стараго закала. Вслѣдствіе долгаго упражне-

нія онъ научился поспѣвать за лошадыю: вѣдь не даромъ же исходилъ онъ уже столько лѣтъ ту же дорогу, сопровождая своего господина. Молодой эффенди развѣзжаетъ на полуевропейскомъ сѣдлѣ и лошадь его покрыта не чапракомъ, а бѣлымъ потникомъ или небольшимъ войлокомъ. Его костюмъ сшитъ въ Перѣ, по новѣйшей модѣ. Калоши его имѣютъ только носки и ихъ скорѣе можно назвать сандалями. Онъ носитъ лайковыя перчатки, въ рукахъ у него вмѣсто четокъ, изящный хлыстикъ, а голова всегда откинута назадъ. Появленіе двухъ такихъ разнородныхъ типовъ другъ возлѣ друга представляетъ любопытное зрѣлище. Тоже различіе можемъ мы замѣтить и на пѣшеходахъ. Молодежь или молодая Турція расхаживаетъ, помахивая легкими тросточками. Старому турку трудно поспѣть за нею. Не только широкое платье и дородность, но и его понятія о приличіяхъ не позволяютъ ему ходить скоро. Молодой турокъ идетъ одинъ безъ сопровожденія слугъ, турокъ же стараго поколѣнія показывается въ публичѣ не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ провожатыхъ, изъ которыхъ одинъ несетъ за нимъ длинный чубукъ въ суконномъ футлярѣ и мѣшокъ съ табакомъ, а другой — большой кожаный портфель для бумагъ. Въ этихъ мелочныхъ внѣшнихъ отгѣнкахъ проявляются очень рѣзко различные взгляды молодой и старой Турціи, которые выступаютъ на видъ при всякомъ переворотѣ. Мы еще разъ вернемся къ этому, теперь же войдемъ внутрь Порты, чтобы познакомиться поближе съ нѣкоторыми бюро.

Войдемъ сначала въ бюро корреспонденціи для иностранныхъ дѣлъ (харджи назарети мектубчѣадази), въ эту школу для малолѣтнихъ турецкихъ чиновниковъ, о которой было уже упомянуто выше. Она состоитъ изъ большой продолговатой гостиной, стѣны которой уставлены обычными диванами, обитыми краснымъ сукномъ. Все пространство, насколько можетъ окинуть глазъ, наполнено сидящими, поджавъ ноги, писцами, по большей части очень молодыми людьми больными или здоровыми, богатыми или бѣдными на видъ. Между каждыми двумя писцами находится четырехъ-угольная подушка или ящикъ, замѣняющій письменную конторку, на которомъ размѣщены

письменные принадлежности. Послѣднія состоятъ изъ 8 или 10 небольшихъ фарфоровыхъ сосудовъ, разставленныхъ по величинѣ; въ сосудахъ заключаются болѣе или менѣе жидкія черныя и красныя чернила, вода, маленькія губки, и золотой или голубой песокъ; а вокругъ ихъ разложены, на маленькомъ подносѣ, тростниковыя перья, перочинные ножики, пліуары и бумажныя ножницы. Прежде всѣхъ являются на поле дѣятельности тѣ, которые не успѣли выполнить въ теченіи ночи задачи, заданной имъ начальникомъ бюро и спѣшать окончить свою работу въ ранніе утренніе часы. Между 9 и 10 часами бюро еще довольно пусто. Комнаты начинаютъ наполняться лишь къ 11 часамъ. Подымается шумъ, говоръ, перекрикиванія, начинается рядъ поклоновъ, словомъ невообразимая суматоха. Одни стоятъ около дивана, другіе сидятъ; изъ одной группы доносятся веселые разговоры, въ другой предаются ребяческимъ шуткамъ и шалостямъ; одни завтракаютъ, другіе пьютъ кофе, третьи чинятъ перья, четвертые бранятъ своихъ слугъ, и лишь только тогда, когда появится хальфа, — начальникъ бюро, и займетъ свое мѣсто, все внезапно приходитъ въ порядокъ. На красныхъ диванахъ толпятся эфенди въ черныхъ сюртукахъ. Всѣ принимаются за работу и, въ первую четверть часа, можетъ показаться, что здѣсь центръ оживленной дѣятельности и настоящаго прилежанія. Но это положеніе дѣлъ сохраняется недолго, и появленіе какого-либо драгомана съ повелительнымъ голосомъ или другой какой либо посторонней личности — турецкія бюро мало отличаются отъ базара или отъ европейской кофейни — внезапно нарушаетъ порядокъ. Одинъ изъ чиновниковъ, забывъ о работѣ, принимаетъ визиты, другой старается умиротворить своимъ краснорѣчіемъ какого нибудь кредитора, не оставляющаго его въ покоѣ, даже въ бюро. Вскорѣ отъ тишины первой четверти часа не остается и слѣдовъ, и она уже не водворяется болѣе въ теченіи остальнаго дня. Само собою понятно, что при подобномъ положеніи дѣла, работы дѣлается мало. Многократно пытались прибѣгнуть къ реформамъ, но всѣ предпринятые съ этой цѣлью мѣры терпѣли полнѣйшую неудачу. Всѣ восточные жители, какъ турки, такъ и другіе, никакъ

не могутъ привыкнутьъ къ усидчивой машинообразной работѣ, и тѣ-же порядки какъ въ бюро корреспонденціи, встрѣчаемъ мы и въ другихъ мѣстахъ.

Такое же зрѣлище представляется намъ даже въ залахъ, назначенныхъ для важнѣйшихъ совѣщаній. Войдемъ напр. въ залу Ахкіаме-Адліе въ 11 часовъ утра, т. е. въ то время, когда собираются члены совѣта. Это все важные господа, которые, въ видѣ уступки духу времени, сидятъ не на диванахъ, но на креслахъ, разставленныхъ полукругомъ, каждое изъ которыхъ такъ велико, что на немъ удобно могло бы помѣститься цѣлое европейское семейство; оно, какъ видно, служить не для сидѣнія на европейскій ладъ, а для сидѣнія съ поджатыми ногами. У каждого кресла стоитъ небольшой столикъ въ видѣ конторки. Здѣсь также можно различить бѣднѣйшихъ и болѣе дѣятельныхъ членовъ и богатыхъ и менѣе занятыхъ. Иной эффенди или паша, живущій на разстояніи всего какихъ-нибудь 20 шаговъ отъ Порты, входитъ однако съ явными признаками утомленія. Совсѣмъ изнеможенный, бросается онъ въ кресла, тяжело вздыхаетъ, потягивается, а чубукъ, между тѣмъ, уже торчитъ въ его полуоткрытыхъ губахъ. Да, нелегкое дѣло подняться во второй этажъ, хотя бы и поддерживали васъ въ это время двое слугъ! Я зналъ многихъ считавшихъ необходимымъ отдыхать по крайней мѣрѣ съ четверть часа послѣ всякой, самой короткой прогулки. Въ Ахкіаме-Адліе настоящая жизнь начинается также лишь съ приходомъ президента. Тѣ или другія важныя бумаги прочитываются вслухъ, и хотя у всѣхъ пыхтящихъ и покуривающихъ членовъ, спрашиваютъ ихъ мнѣнія, однако, лишь немногіе изъ нихъ принимаютъ участіе въ томъ, что происходитъ; другіе же, во время самыхъ оживленныхъ преній, предаются разговорамъ съ своими сосѣдями объ искусствѣ ихъ повара, ихъ чибукчи или о какомъ-либо другомъ столь же важномъ дѣлѣ, и многіе возвращаются домой, не составивъ себѣ даже малѣйшаго понятія о томъ, что происходило въ ихъ присутствіи. Между тѣмъ тутъ часто идетъ дѣло объ очень важныхъ вопросахъ, напр. о низложеніи того или другаго губернатора за взятки или за какое-либо

другое преступленіе, или о рѣшеніи процессовъ, касающихся очень большихъ состояній. Правда, нерѣдко случается также, что разбираются маловажныя, ничтожныя мелочи. Такъ напр. одинъ жалуется на другаго за то, что тотъ продалъ ему жемчужину съ восточнаго берега Чернаго моря, поручившись, что она никогда еще не была въ оправѣ и не украшала ожерелья ни въ одномъ гаремѣ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ оказалось противное. Дѣло это признается чрезвычайно важнымъ; призываются муллы и знатоки, и пока въ сосѣдней комнатѣ констатируютъ фактъ на самомъ *corpus delicti*, обѣ спорящія стороны сопоставляются одна съ другою передъ мудрымъ совѣтомъ. Въ другой разъ появляется какой-нибудь мечтательный христіанинъ или мусульманинъ, чтобы испросить у высшаго совѣта позволеніе откапывать кладъ въ извѣстной мѣстности. Съ самымъ серьезнымъ видомъ рассказываетъ проситель, какъ ночное видѣніе, въ образѣ блуждающаго огонька, указало ему мѣсто въ Анатоліи или Румеліи, гдѣ зарытъ кладъ. Мудрые сановники выслушиваютъ его терпѣливо и даже вступаютъ съ нимъ въ переговоры о той части прибыли, которая должна достаться на долю правительства. Съ нимъ заключаютъ контрактъ, который скрѣпляютъ правительственною печатью, совѣмъ не подозрѣвая, повидимому, всего безумія этихъ переговоровъ.

Лишь въ залахъ высшаго совѣта можно замѣтить тотъ оттънокъ серьезности и торжественности, который характеризуетъ засѣданія высшихъ сановниковъ въ Европѣ. Комнаты меблированы въ самомъ изящномъ европейскомъ вкусѣ; члены совѣта по большей части все пожилые, положительные люди, разговариваютъ между собою не тороясь. По закону, сюда берутся въ чибукчи и привратники лишь глухонѣмые, чтобы обезпечить тайну совѣщаній. Члены совѣта, по большей части высоко-интеллигентные люди. Всѣ убѣждены, что они обладаютъ способностью читать въ глазахъ и выраженіи лицъ и вслѣдствіе этого могутъ проникать въ глубокія политическія тайны, хотя съ другой стороны и существуетъ подозрѣніе, что ихъ позна-

комили съ положеніемъ вещей нѣкоторыя нескромныя взгляды, запущенныя въ портфели министровъ.

Жизнь и занятія Порты находятся въ наибольшемъ оживленіи отъ 11 до 2 часовъ пополудни. Внутренность всѣхъ бюро очень подходитъ къ уже очерченной нами картинѣ. Гораздо болѣе интересное зрѣлище представляетъ внѣшнее пространство: корридоры, переднія и т. д. Тамъ представляется намъ картина самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и своеобразныхъ личностей. Къ озабоченной, шныряющей взадъ и впередъ прислугѣ, примѣшиваются толпы просителей, праздношатающихся и любопытныхъ посѣтителей, нищенствующихъ, женщинъ и непризрѣнныхъ сиротъ. Здѣсь встрѣчаетесь вы съ продавцомъ булокъ или сыра, тамъ — съ разнощикомъ шербета или сластей; въ другомъ мѣстѣ вамъ предлагаютъ письменныя принадлежности, книги, различныя части одежды, украшенія и т. д. Въ тѣ дни, когда раздается ежемѣсячное жалованье, а это происходитъ очень неправильно, иногда лишь разъ въ 3 мѣсяца, — наружныя залы Порты, въ которыхъ толпятся разношники, маклера и т. п. народъ, скорѣе походятъ на базаръ, нежели на присутственное мѣсто перваго разряда.

Наша картина была бы неполною, еслибы мы не упомянули еще о шутахъ, расхаживающихъ по различнымъ калемамъ, чтобы развлекать бѣдныхъ эфенди въ ихъ утомительной (!) работѣ. Люди эти играютъ также роль посредниковъ въ бракахъ и любовныхъ дѣлахъ. Подобно тому, какъ каждая часть города въ Константинополѣ имѣетъ своихъ особыхъ собакъ, которыя не допускаютъ туда чужихъ четвероногихъ товарищей, также и въ каждомъ калемѣ существуютъ свои особые шуты, дурачества которыхъ не нашли бы цѣнителей въ другихъ калемахъ. Праздношатающіеся и нищіе также составляютъ здѣсь постоянныхъ гостей; подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ имъ удалось выклянчить себѣ ежемѣсячное вспомошествованіе, на которое подписались или сами чиновники, или, что случается чаще, которое вычитается изъ общаго бюджета. Дурно понятое чувство состраданія у частныхъ лицъ, также какъ и у правительства, порождаетъ на

Востокъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. Не легко разстаться съ старыми нравами!

Да не сочтетъ благосклонный читатель эту слабую картину Высокой Порты за выраженіе моей антипатіи къ Турціи. Я могу завѣрить, что въ картинѣ этой заключается вѣрное, взятое изъ жизни изображеніе того положенія дѣлъ, которое я самъ могъ наблюдать въ теченіе моего многолѣтняго пребыванія въ Константинополѣ. Покуда я жилъ на берегахъ Босфора, оно всегда возбуждало мое негодованіе, но впослѣдствіи, когда я ближе познакомился съ чиновною жизнью персидской столицы, съ судопроизводствомъ у узбековъ и таджикизовъ, Порты, со всѣми ея недостатками и уродливостями, показала мнѣ образцомъ порядка и справедливости. Хотя исторія и повѣствуетъ намъ о примѣрномъ управленіи многихъ извѣстныхъ азіатскихъ князей, хотя и теперь еще передаются рассказы о Гарунъ-аль-Рашидѣ, о Малекъ-шахѣ, законодателѣ Солиманѣ, о великомъ Аббасѣ, объ Экберъ-шахѣ въ Индіи и о многихъ другихъ, тѣмъ не менѣе всѣ они составляли лишь счастливое исключеніе, вообще же, пока не пополнится недостатокъ въ любви къ трудолюбію, въ силѣ воли, въ энергичныхъ стремленіяхъ и въ другихъ качествахъ, необходимыхъ для основанія прочныхъ социальныхъ и государственныхъ отношеній, до тѣхъ поръ на всемъ Востокѣ, не исключая и Турціи, сохранятся всѣ пороки, уродующіе тамъ правленіе и чиновную жизнь. Босфоръ уже началъ вступать на новый путь. Многіе уже отказались отъ старыхъ обычаевъ, но удастся ли исполнѣ этотъ процессъ возрожденія — это покажетъ будущее.

Караваны.

Изъ различныхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ моего многолѣтняго пребыванія на Востокѣ, ни одно не оставило во мнѣ столько пріятныхъ поэтическихъ воспоминаній, какъ приключенія мои во время караванной жизни, продолжавшейся иногда много мѣсяцевъ. Хотя путешествія каравановъ соединены съ трудностями, которыя часто превышаютъ силы европейца, тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ не производить сильнаго впечатлѣнія даже на самого прозаическаго человѣка, подъ условіемъ, разумѣется, что онъ чувствуетъ себя своимъ человѣкомъ между спутниками и питаетъ живой интересъ ко всѣмъ своеобразностямъ этой чисто восточной жизни.

Подобно тому, какъ Аріостъ заставляетъ своихъ средневѣковыхъ героевъ скорбѣть объ изобрѣтеніи пороха, точно также и Кероглу, сказочный герой Турціи, желаетъ, чтобы гнѣзда змѣй поселились въ мозгу того человѣка, который познакомилъ свѣтъ съ чернымъ порошкомъ діавола и этимъ уничтожилъ прежніе рыцарскіе нравы. Тоже, чѣмъ былъ порохъ для рыцарства, тѣмъ оказались желѣзные дороги и другіе европейскіе пути для каравановъ на Востокѣ. Правда, что эти нововведенія угрожаютъ многимъ князьямъ лишь въ далекомъ будущемъ и, вѣроятно, пройдетъ еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ пышавшій огненный конь изгонитъ тяжелаго верблюда. Еще и донинѣ путешествуютъ, такъ какъ путешествовали въ то время, и постараемся набросать нѣсколько чертъ изъ этой романтической картины.

Слово «караванъ» есть искаженіе персидскаго керванъ или правильнѣе кіарванъ, кіарбанъ и значить «охраняющій дѣла» или «защита дѣла» — названіе, въ которомъ отлично высказывается первоначальная цѣль и значеніе каравана. Дѣйствительно, взгляды этотъ на нихъ преобладаетъ и въ настоящее время, потому что чѣмъ спокойнѣе страна, чѣмъ безмятежнѣе политическія и соціальныя отношенія извѣстной мѣстности, тѣмъ меньше чувствуется необходимость путешествовать большимъ караваномъ. Если желаютъ выразить non plus ultra безопасности, то говорятъ, что «ребенокъ съ корзиною, полною червонцевъ на головѣ, можетъ пройти по этой дорогѣ». Строго говоря, подобная безусловная безопасность никогда не существовала ни на Востокѣ, ни на Западѣ Азіи. Однако, фактъ, что караваны утрачиваютъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ въ Азіи устанавливается болѣе прочный порядокъ, подтверждается тѣмъ, что въ Турціи настоящіе караваны встрѣчаются лишь въ провинціяхъ Иракъ или Арабиستانъ и въ Сурѣ, гдѣ собираются ежегодно караваны богомольцевъ, которые выходятъ изъ Скутари, на Босфорѣ, собираются въ Дамаскѣ и оттуда отправляются чрезъ пустыню въ Мекку. Въ другихъ же частяхъ государства, не смотря на попадающіеся тамъ и сямъ шайки разбойниковъ, путешествуютъ лишь небольшія общества и то больше изъ скуки, чѣмъ изъ страха. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Персіи, гдѣ всѣ желаютъ путешествовать караванами, какъ изъ моды, такъ и изъ осторожности. Модные караваны встрѣчаются на дорогѣ изъ Тавриса въ Тегеранъ или изъ Тегерана въ Бендебуширъ, а также на пути въ Рештъ и Сари. Но восточная часть Ирана сохранила свой первобытный среднеазиатскій характеръ, и на пути изъ Шираза въ Керманъ или чрезъ Іездъ, Тебесъ въ Мешедъ страхъ нападенія отважныхъ дикихъ, хорошо вооруженныхъ белуджей заставляетъ путешественниковъ соединяться большими и сильными караванами, также какъ и на хоросанской дорогѣ изъ Тегерана въ Мешедъ страхъ отъ туркменовъ, политическіе безпорядки и непосредственное сосѣдство хищныхъ кочевниковъ заставляютъ усиливать караваны. Понятно поэтому, что въ Средней Азіи, т. е.

въ Туркестанѣ, Афганистанѣ и въ восточномъ Туркестанѣ караваны сохранили тоже значеніе, какое имѣли много столѣтій тому назадъ. Въ упомянутыхъ странахъ, не присоединяясь къ караванамъ, могутъ путешествовать лишь большіе господа и нищіе. Первыхъ охраняетъ сильный конвой, вторымъ же служатъ защитой ихъ лохмотья. Каждый чувствуетъ себя тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ въ большемъ обществѣ онъ путешествуетъ. Совсѣмъ безопасныхъ дорогъ существовало прежде лишь очень немного въ Средней Азіи, причемъ онѣ находились по большей части въ сосѣдствѣ съ центромъ власти, менѣе же безопасно была дорога изъ Бухары въ Герать, чрезъ Карши-Керки, а также дорога, ведущая изъ Бухары въ Хиву, такъ какъ безопасность первой зависитъ отъ политическихъ отношеній Бухары къ Афганистану, а послѣдней—отъ расположенія хивинскаго хана. Всего же опаснѣе считались какъ прежде, такъ и теперь дороги изъ Бухары или изъ Хивы чрезъ туркменскія степи въ Персію. Какъ бы ни многочисленъ былъ караванъ, онъ можетъ проходить по этимъ дорогамъ не иначе, какъ заручившись защитой туркменовъ, и даже тогда безопасность ихъ не безусловная, такъ какъ на конвой часто нападаютъ другіе туркмены, не имѣющіе доли въ платѣ каравана.

На основаніи сказаннаго, самые большіе караваны, заключающіе въ себѣ иногда до 2,000 вьючныхъ и верховыхъ животныхъ, встрѣчаются въ настоящее время лишь въ Средней Азіи, пограничной съ Россіей. Подобные караваны выходятъ обыкновенно изъ Туркестана чрезъ Герать въ Персію, Кабулъ или Кандахаръ. Я слышалъ отъ одного ташкентскаго купца, и другой лично знакомый мнѣ узбекскій купецъ подтвердилъ его слова, что нерѣдко всѣ животныя подобнаго каравана, отправляющагося въ Оренбургъ или Семипалатинскъ, составляютъ собственность одного человѣка. При обыкновенныхъ условіяхъ караванъ въ Туркестанѣ, почитаемый совершенно безопаснымъ опытными путешественниками, заключаетъ въ себѣ отъ 300 до 500 животныхъ, тогда какъ такое число надо принять лишь для тѣхъ каравановъ въ Персіи, которые отправляются изъ Іезда или Мешеда въ Таврисъ и Эрзерумъ.

Собирание каравана имѣетъ много общаго съ возникновеніемъ города; подобно тому, какъ послѣдній укрѣпляется преимуществами и привилегіями, такъ и первый усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ большимъ вліяніемъ и почтеніемъ пользуется начальникъ каравана. Совершенно правильно будетъ также назвать караванъ странствующимъ торговымъ городомъ, такъ какъ большинство путешественниковъ преслѣдуютъ коммерческія цѣли и лишь изрѣдка случается встрѣтить караванъ, состоящій преимущественно изъ путешественныхъ для удовольствія или изъ богомольцевъ, что почти равнозначуще на магометанскомъ Востокѣ. Въ Персіи, гдѣ ежегодно до 500,000 человекъ различнаго возраста и положенія отправляются путешествовать, всего чаще можно встрѣтить подобные караваны богомольцевъ. Сравненіе каравана съ городомъ вѣрно еще въ одномъ отношеніи, такъ какъ подобно тому, какъ въ восточныхъ городахъ богатые люди занимаютъ центръ, а бѣднѣйшіе тѣснятся къ окраинамъ, такъ и въ караванахъ, богатые купцы и знатные путешественники занимаютъ центръ, тогда какъ люди, лишенные средствъ, тѣснятся къ бокамъ или составляютъ аррьергардъ или авангардъ. Каждый караванъ имѣетъ своихъ мелочныхъ торговцевъ, ремесленниковъ, имамовъ, нищихъ и шарлатановъ. Въ Персіи къ караванамъ присоединяются даже гетеры, и, уже послѣ двухъ или трехъ-дневной жизни вмѣстѣ, путешественники обыкновенно знаютъ другъ друга также коротко, какъ жители маленькаго азіатскаго городка. Роль *кетчуда* (градоначальника) въ послѣднихъ принимаетъ въ караванѣ *карванбаши*, а въ караванахъ богомольцевъ *мчауизъ*. Кетчуда пользуется значительнымъ вліяніемъ, въ Хивѣ и Коканѣ ему предоставляется даже право надъ жизнью и смертію. Они суть странствующие правители, обыкновенно сопровождаемые своимъ секретаремъ и имамомъ, которые мало-помалу такъ привыкаютъ къ этому положенію, что даже и тогда, когда пріобрѣтутъ себѣ значительное состояніе, предпочитаютъ странствовать цѣлыми годами по безплоднымъ степямъ охотнѣе, чѣмъ спокойно наслаждаться пріобрѣтеннымъ въ своихъ родныхъ городахъ. Животныя, употребляемыя по большей части въ караванахъ, суть

верблюды, лошади и мулы. Последніе встрѣчаются однако лишь въ Персіи и Турціи, такъ какъ въ Средней Азіи считаютъ безбожнымъ уничтожить аристократію лошади скрещиваніемъ съ осломъ. По пригодности для перевозки тяжестей верблюдъ занимаетъ первое мѣсто. Онъ, правда, движется на половину не такъ быстро, какъ лошадь или мулъ, но за то въ состояніи выносить вчетверо большую тяжесть, и за исключеніемъ зимняго времени, не нуждается ни въ кормѣ, ни въ чисткѣ скребницею. Въ Персіи обыкновенно считается, что лошадь въ состояніи перенести 250 фунтовъ, необыкновенно сильные персидскіе мулы поднимаютъ 300 фунтовъ, тогда какъ силы верблюда опредѣляются по слѣдующимъ отношеніямъ: самыми слабыми верблюдами считаются туркменскіе изъ пустынь сѣверной Персіи, верблюды изъ Іезда, Шираза и Кирмана, которые самое большое могутъ поднять 400 фунтовъ; за ними слѣдуютъ двугорбые азіатскіе верблюды, которые, въ извѣстномъ возрастѣ, могутъ поднять до 5 центнеровъ, тогда какъ уже упомянутые въ моемъ путешествіи верблюды изъ Андчое и Герата, а также изъ арабской пустыни носятъ иногда отъ 6 до 8 центнеровъ. Навьюченные такою необыкновенною тяжестью животныя, правда, могутъ подняться лишь съ большимъ усиленіемъ и при этомъ необходимо облегчать ихъ, нѣсколько приподнявъ тяжесть, но разъ ставши на ноги, они могутъ съ такою огромною тяжестью на спинѣ путешествовать отъ 4 до 5 часовъ, неостанавливаясь.

Особое вниманіе обращается на установленіе равновѣсія при нагрузкѣ верблюда. Животное, у котораго выюки расположены равномерно съ обѣихъ сторонъ спины, можетъ совершенно безвредно идти въ теченіи многихъ дней и даже недѣль, тогда какъ при дурномъ размѣщеніи тяжести, уже послѣ нѣсколькихъ переходовъ, на его спинѣ открываются тяжелыя рапы, и сильно страдающій верблюдъ скоро становится совершенно негоднымъ для употребленія. Выюкъ верблюдовъ имѣетъ обыкновенно продолговатую или широкую форму, тогда какъ выюкъ на лошадяхъ и на мулахъ долженъ представлять компактную круглую или четырехъугольную форму. Менѣе терпѣливые мулы стараются часто, посредствомъ прыжковъ въ бокъ, сбросить

съ себя свою тяжесть и задають много работы прислугѣ, которой постоянно приходится навьючивать ихъ снова. Быстрота и выносливость этихъ животныхъ очень зависитъ отъ свойства дороги и отъ климатическихъ условій. По этому и по продолжительности пути опредѣляются и цѣны, требуемыя за наемъ этихъ животныхъ. Весною, когда свѣжій кормъ находится въ избыткѣ, цѣна въ Персіи за наемъ лошадей или муловъ, а также въ средней Азіи за наемъ верблюдовъ сравнительно невелика, но она сильно повышается зимою.

Когда караванъ совершенно сформировался и приблизилось время его отхода, всѣ участвующіе въ немъ приходятъ въ лихорадочное волненіе. Отправленіе въ путь представляетъ значительное испытаніе для нервной системы европейца. Постоянныя замедленія и проволочки влѣдствіе самыхъ ничтожныхъ причинъ дѣлають его совершенно больнымъ отъ нетерпѣнія, тогда какъ житель Востока терпѣливо подчиняется судьбѣ и въ состояніи ждать цѣлыми недѣлями, не выходя изъ себя. То задерживаетъ губернаторъ города, то неаккуратность того или другаго купца, то неблагоприятный гороскопъ или еще неустановившаяся безопасность пути; наконецъ блаженное слово «отправленіе въ путь» становится дѣйствительностью. Въ различныхъ частяхъ города замѣтно необычайное оживленіе. Всюду видны маленькія группы. При взаимныхъ рукопожатіяхъ, при крикѣ, шумѣ и всевозможной суматохѣ проходятъ онѣ узкій базаръ ихъ города. Но, выйдя за ворота, когда путешественникъ уже воображаетъ себя, что путешествіе дѣйствительно началось, послѣ какого нибудь получасоваго перехода весь караванъ останавливается снова. Въ городѣ произошли первые сборы, внѣ его происходятъ вторые. И дѣйствительно, обыкновенно случается, что почтенный мусульманинъ, хотя готовился къ отъѣзду въ теченіи многихъ недѣль, все таки умудрился забыть какую-нибудь часть своей одежды, тѣ или другіе припасы. На послѣдніе сборы назначается еще полдня и лишь тогда начинается настоящее путешествіе. Какъ выглядитъ подобный большой караванъ можетъ представить себѣ путешественникъ лишь въ томъ случаѣ, если умственнымъ взоромъ представить себѣ населеніе цѣлаго

города со всею его собственностью и имуществом, со всѣми своими нравами, привычкамъ и индивидуальными особенностями своего характера, соединенное въ одномъ общемъ переходѣ. Длинный рядъ муловъ, верблюдовъ и лошадей навьюченныхъ тюками товаровъ представляетъ вѣрное изображеніе странствующаго базара, купцы, разъѣзжающіе рядомъ спереди или позади каравана, кричатъ, бранятся, ругаются на сѣдлѣ, также какъ и за конторками своихъ лавокъ, кое гдѣ можно увидѣть чиновника или знатнаго путешественника, окруженнаго своими слугами, которые верхомъ на лошади завариваютъ ему чай или набиваютъ ему трубку, причемъ онъ самъ предается также фантазіямъ и прихотямъ, какъ будто-бы утонулъ въ подушкахъ своего дивана, а не сидѣлъ въ сѣдлѣ на лошади. Въ другомъ мѣстѣ можно встрѣтить мулу съ серьезнымъ лицомъ. Животное, на которомъ разъѣзжаетъ духовное лицо или ученый, не должно дѣлать ненормальныхъ прыжковъ. Мулъ, оселъ или лошадь, подобно своему господину, долженъ опускать голову къ землѣ, вслѣдствіе этого и происходитъ названіе „кляча мулы“, которымъ обозначаютъ очень смиренныхъ лошадей. И дѣйствительно эти представители набожности и учености на Востокѣ держатъ себя въ своихъ мягкихъ, обитыхъ не кожею, а сукномъ сѣдлахъ совершенно также какъ въ совѣтѣ или мечети. Каждый путешественникъ занимаетъ въ караванѣ мѣсто, соответствующее своему положенію и никогда не переходитъ чрезъ свои права. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приходится карванбаши пускать въ дѣло свою власть, хотя онъ не мало гордится своею до извѣстной степени царскою властью. Онъ постоянно окруженъ родомъ двора и ему ставится въ обязанность заботиться о всѣхъ какъ свѣтскихъ, такъ духовныхъ путешественникахъ этого рода. Въ караванныхъ шутахъ, если я могу такъ выразиться, нѣтъ недостатка въ средней Азіи ни въ одномъ большомъ караванѣ, и уже костюмы ихъ, а какже и ихъ лошадь указываютъ на ихъ занятіе. При остановкахъ они нерѣдко даютъ представленія, поютъ пѣсни или рассказываютъ сказки и стараются занять общество во время отдыха, и такъ какъ житель Востока дома имѣетъ немного

больше удобствъ, чѣмъ въ дорогѣ, то понятно его пристрастіе къ путешествіямъ, которыя доставляютъ ему развлеченіе и перемѣну.

Кто желаетъ вполне насладиться караванною жизнью и пользоваться всѣми удобствами, возможными при такомъ путешествіи, долженъ выбрать себѣ лошадь, и притомъ иноходца или йорга, какъ называютъ его въ Турціи и Персіи. Къ иноходи, при которой животное идетъ качающеюся походкою приучаютъ лошадь, регулируя его шаги при помощи веревки, привязанной къ обѣимъ погамъ. Въ началѣ, походка эта очень трудна для лошади, колѣнные суставы у нея болѣзненно опухаютъ и лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упражненія можно освободить ее отъ путъ. Но ученіе дѣйствительно стоитъ потраченного на него труда, такъ какъ на хорошо выѣзженной лошади, да вдобавокъ еще при хорошемъ паланѣ (суконномъ сѣдлѣ), даже самое скучное путешествіе становится менѣе утомительнымъ. Правда, что тихая поступь лошади не вполне соответствуетъ вкусамъ западнаго челоуѣка, восточный же житель, руководствующійся правиломъ, что «сторопливость есть дѣло черта», считаетъ верхомъ наслажденія разѣзжать на слегка покачивающемся сѣдлѣ, окруженный вольною природою, подъ яснымъ, голубымъ небомъ. И онъ правъ до извѣстной степени! Конечно, всякій, познакомившійся съ прелестью путешествія на Востокѣ, согласится со мною, что ѣзда на верблюдахъ, лошадяхъ или мулахъ не можетъ быть такъ утомительна и не раздражаетъ нервы до такой степени, какъ ѣзда по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, — все равно, въ курьерскомъ ли поѣздѣ отъ Лондона до Ливерпуля или въ медленномъ *Bummelzug* австрійской желѣзной дороги. — Лошадь всего удобнѣе для верховой ѣзды, при путешествіи караваномъ или небольшимъ обществомъ; у муловъ, правда, довольно пріятная походка, но зато они принадлежатъ къ самымъ упрямымъ созданіямъ въ свѣтѣ. Когда весь караванъ находится въ движеніи, то мула возможно остановить лишь съ большими усиліями, и если всадникъ приучилъ его въ теченіи 2 или 3 дней идти рядомъ съ другимъ муломъ, то ужъ никакія усилія не въ состояніи заставить упрямое животное перемѣнить свое положеніе; онъ упорно остается

на мѣстѣ, его можно замучить до смерти, а онъ все таки не пус-
тится въ ходъ, пока опять не почувствуетъ рядомъ съ собою вче-
рашняго товарища. Еще значительнѣе неудобства при ѣздѣ на
ослѣ. Короткіе, неправильные шаги маленькаго животнаго раз-
дражаютъ нервы всадника, притомъ малѣйшая лужа приводитъ осла
въ ужасъ. Хлыстъ и шпоры производятъ на него дѣйствіе лишь въ
теченіи первыхъ дней, и необходимость постоянно погонять его уто-
мляетъ руки и ноги всадника не менѣе, чѣмъ если бы онъ шелъ
всю дорогу пѣшкомъ. А что сказать о страшномъ, раздирающемъ
ухо крикѣ ослонъ? Европейскій оселъ, что касается силы и тембра
его голоса, оказывается далеко не мастеромъ своего дѣла въ срав-
неніи съ своимъ азіатскимъ собратомъ. Самые могучіе крикуны—ослы
изъ Бухара и Кокана, за ними слѣдуетъ египетскій оселъ, а въ
третьей линіи надо поставить ослонъ Іезда и Кирмана; самыми же
скромными ослами безспорно слѣдуетъ признать ослонъ изъ туман-
наго Альбіона.

Лишь бѣдность или путешествіе по степи заставляютъ восточ-
наго жителя употреблять верблюда для верховой ѣзды. Не только
волнообразное движеніе животнаго, производящее родъ морской бо-
лѣзни, дѣлаетъ верблюда чрезвычайно неудобнымъ животнымъ, но
къ этому присоединяется еще невыносимый запахъ, распространяемый
этимъ неуклюжимъ кораблемъ пустыни на четыре или пять шаговъ
вкругъ себя. Этотъ запахъ, который нельзя сравнить ни съ какимъ
другимъ, чувствителенъ во всякое время, но въ особенности стано-
вится онъ мучителенъ для путешественника въ лѣтніе мѣсяцы, когда
животное не получаетъ достаточно воды для сваренія растущихъ въ
степи колючекъ. Лошадь можно тогда лишь съ большими усиліями
заставить подойти къ верблюду; несчастный же человѣкъ долженъ
высиживать цѣлыми часами на его спинѣ и вдыхать въ себя за-
чумленный воздухъ. Одежда, которую я носилъ во время поѣздокъ
на верблюдахъ, даже по прошествіи цѣлаго года не утратила еще
своего отвратительнаго запаха. Сверхъ всего этого, медленная и
тяжелая поступь животнаго также довольно непріятна. Самую при-

родою верблюды предназначены быть вьючным животнымъ. Дромадеры встрѣчаются рѣдко и кромѣ того чрезвычайно дороги. Разказы о чрезвычайной быстротѣ послѣднихъ дѣйствительно справедливы; у белуджестанъ и арабовъ встрѣчаются иногда подобные дромадеры; въ Туркестанѣ, насколько я могу судить по собственнымъ наблюденіямъ, они мало извѣстны, и казачьи верблюды, извѣстные своимъ быстрымъ бѣгомъ, все-таки уступаютъ въ этомъ отношеніи даже посредственной лошади. Но кромѣ верховой ѣзды, на Востокѣ существуютъ еще другія средства передвиженія, которыя мнѣ пришлось испытать почти всѣ. Къ нимъ относятся въпервыхъ уже часто упомянутыя кеджевы (висячія корзины), называемыя въ южныхъ частяхъ Средней Азіи и Индіи палеки. Онѣ до крайности неудобны, если поддерживаются лошадыми или мулами, но сносите, когда прикрѣплены къ спинѣ верблюда. Для европейца, конечно, не можетъ быть пріятнымъ высиживать цѣлыми часами скорчившись въ корзинѣ длиною въ 3 фута, и для него экипажъ этотъ становится настоящимъ орудіемъ пытки; сыны же Востока, съ дѣтства привыкшіе къ этому способу путешествія, находятъ его совершенно удобнымъ. Кеджевы эти снабжены иногда легкою крышею, а когда служатъ для женщинъ, то увѣшиваются занавѣсками, и въ такой качающейся клѣткѣ восточные люди дѣлаютъ иногда дальнія путешествія, не чувствуя никакихъ неудобствъ. Сносите становятся эти корзины на спинахъ верблюдовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ ширина ихъ достигаетъ до 4—5, а длина до 8 футовъ. Въ подобныхъ же корзинахъ перевозить путешественникъ, если дозволяютъ его средства, свою кладь, подушки и ковры. При этомъ угрожаетъ только одна опасность, отъ скверной привычки верблюдовъ, которые, когда ихъ мучатъ насѣкомыя, производятъ воздушные прыжки и при этомъ, безъ всякаго стѣсненія, сбрасываютъ съ себя деревянную корзину вмѣстѣ съ путешественникомъ. Но верхомъ удобствъ при путешествіи считаются на Востокѣ носилки тахт-и-риванъ, родъ подвижнаго трона. Онѣ имѣютъ форму кровати съ балдахиномъ и спереди и сзади поддерживаются. Само собою разумѣется, что этотъ способъ путешествія

самый дорогой, и имъ пользуются лишь очень знатные люди, хотя по моему мнѣнію онъ все-таки уступаетъ верховой ѣздѣ на иноходцѣ. За исключеніемъ носилокъ я имѣлъ много случаевъ познакомиться со всѣми способами передвиженія на Востокѣ. Всего утомительнѣе ѣзда на тяжело навьюченномъ животномъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы; не только медленная поступь измученнаго животного жестоко раздражаетъ нервы, но, сверхъ того, отвратительный запахъ отъ ранъ на спинѣ, отъ которыхъ избавлены лишь немногія изъ этихъ несчастныхъ четвероногихъ, чрезвычайно беспокоитъ путешественника и причиняетъ ему жестокія головныя боли. Ѣхать на подобномъ животномъ въ августѣ или присоединиться къ каравану съ трупами на дорогѣ въ Багдадъ,—рѣшительно одно и то же. Достаточно также пришлось мнѣ поломать кости въ среднеазіатскихъ телѣгахъ съ ихъ восемью или десятью зубчатыми колесами. Экипажъ этотъ, въ которомъ оси и колеса вертятся одновременно, возбуждалъ во мнѣ въ теченіе первыхъ часовъ сильную морскую болѣзнь; въ послѣдствіи, конечно, я привыкъ къ качкѣ; но надо имѣть татарскіе мускулы, чтобы остаться цѣлымъ и невредимымъ и безъ синяковъ отъ постоянныхъ толчковъ и перебрасываній со стороны въ сторону.

Однако, куда же завела меня классификація различныхъ способовъ передвиженія! Я и забылъ, что намѣревался представить нѣсколько поэтическихъ чертъ этой своеобразной картины восточной жизни. Да послѣдуетъ же читатель за мною въ Персію, гдѣ всего лучше сохранился первоначальный восточный типъ, и пусть присоединится со мною къ каравану во время ночнаго перехода.

Уже не разъ описывалось звѣздное небо иранской лѣтней ночи, какое разстилается надъ окрестностью, отдыхающею въ благотворной прохладѣ послѣ жгучаго лѣтняго зноя. Но хотя бы описанія эти были столь же многочисленны, какъ звѣзды на небѣ, однако я убѣжденъ, что ничье перо не будетъ въ состояніи описать эту очаровательную картину во всей ея естественной прелести. Какъ блѣдны, какъ ничтожны кажутся звѣзды нашихъ странъ, теряющіяся въ темной синевѣ неба, сравнительно съ серебристымъ блескомъ яркаго

звѣзднаго неба на Востокѣ! Не знаю—зависитъ ли это отъ яркаго сіянія, окружающаго ихъ, или отъ чистоты и прозрачности воздуха, но звѣзды восточнаго небосклона всегда казались мнѣ на-половину ближе, чѣмъ у насъ, въ холодной Европѣ. Въ подобную почъ пусть представить себѣ читатель картину каравана, который тянется, подобно длинной нити, по всей равнинѣ. Глубокая, торжественная тишина господствуетъ по всей дорогѣ. Всадники, тепло укутанные отъ ночной прохлады, сидятъ въ согнутомъ положеніи на своихъ сѣдлахъ; опущенные поводья и все болѣе и болѣе слабѣющие голоса погонщиковъ, повидимому, усыпляютъ и самыхъ животныхъ, наклоняющихъ голову къ землѣ. Удары копытъ то о мягкій песокъ, то о болѣе твердую почву глухо отзываются въ темной дали. Тишина нарушается только звономъ колокольчиковъ, про чудное, потрясающее дѣйствіе которыхъ Гафизъ говоритъ: «Жалобные звуки издають колокольчики, когда на животныхъ возлагають бремя»; красота природы возбуждаетъ даже у самыхъ низшихъ членовъ каравана поэтическое настроеніе. Путеводитель каравана затягиваетъ какую-нибудь извѣстную пѣсню; къ нему присоединяется вся толпа слугъ и погонщиковъ муловъ, и вскорѣ весь хоръ повторяетъ какую-нибудь поэму любимаго поэта. Сцена эта, въ особенности, когда мнѣ случалось отстать отъ каравана или нѣсколько опередить его, всегда производила на меня чарующее дѣйствіе, и съ невольною боязнью старался я исчислить по пути плеядъ на небосклонѣ, какъ долго остается мнѣ еще наслаждаться этимъ зрѣлищемъ. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль, даже мѣсяцевъ, предпринималъ я одинокія ночныя путешествія, совсѣмъ забывая объ опасности быть ограбленнымъ туркменами или попасться имъ въ плѣнъ, и зрѣлище очаровательной картины каравана во время нашего перехода заставляло меня совершенно забывать о ночномъ покоѣ.

Но вотъ уже свѣтаетъ! На Востокѣ поднимаются лучи утренней зари, подобно огненнымъ копьямъ, все выше и выше; звѣзды блѣднѣютъ и стыдливо уступаютъ дорогу Оріону, который выступаетъ изъ за горы, распространяя вокругъ себя торжественное сіяніе восточ-

наго разсвѣта. Во многихъ частяхъ Азіи случалось мнѣ слѣдить за восходомъ солнца, но нигдѣ не представлялся онъ мнѣ столь величественнымъ, какъ въ пустынной степи, отдѣляющей Персію отъ Хивы. Этотъ переходъ отъ ночи къ дню едва еще сталъ замѣтенъ по внезапному пониженію температуры, какъ уже торжественно-унылый голосъ муэцины: «Hejjua es selat! Hejjua es selat!» (вставайте на молитву!) напоминаетъ полудремлящимъ объ ихъ обязанностяхъ къ Создателю. Даже животныя понимаютъ повидимому этотъ призывъ и внезапно останавливаются. Всѣ сходятъ, производятъ свои омовенія, и безъ всякихъ приказаній и распоряженій образуется длинный рядъ молящихся, во главѣ которыхъ становится обыкновенно какой-нибудь имамъ съ серебристою бородою. Между тѣмъ становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе, члены кочепѣютъ отъ утренняго холода, и въ то время, какъ путешественники склоняются въ набожной молитвѣ, животныя, отдыхая отъ утомленія ночного перехода, стоятъ возлѣ нихъ неподвижно, и магометане приписываютъ это, конечно, ихъ врожденному чувству набожности. Наконецъ, когда вся толпа колѣно-преклоненныхъ правовѣрныхъ, съ поднятыми кверху руками, издала послѣдній возгласъ: «Allahu Akber», показывается Фебъ во всемъ своемъ сіяніи и внезапно превращаетъ капли росы на былинкахъ и кустарникахъ въ милліоны жемчужинъ. Эта утренняя картина каравана представляетъ особенно чудное зрѣлище у магометанъ и огнепоклонниковъ; у индусовъ она уже не такъ поразительна, но во всей ея прелести можно наблюдать ее при переходѣ большого каравана богомольцевъ изъ Меджеда въ Кербелу.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о станціяхъ или мѣстахъ стоянки каравановъ, на которыхъ также представляется не мало своеобразныхъ сценъ и картинъ. Караваны всего охотнѣе располагаются по близости городовъ, но не внутри ихъ. Тотчасъ по прибытіи, путешественники отправляются въ самый городъ за покупками и прежде всего заботятся о кормѣ для животныхъ и о пищѣ для себя, и каждый, кому дозволяютъ только средства, возвращается назадъ, тяжело нагруженный покупками; даже бѣднѣйшіе умѣютъ на-

полнить свои суммы при помощи нищенства, раздачи благословеній и тому подобнаго религіознаго мошенничества. Вполнѣ понятно, что каждый предпочитаетъ предаваться покою въ кругу своихъ караванныхъ спутниковъ, а не въ городѣ, такъ какъ въ послѣднемъ каждый чувствуетъ себя чужимъ, между первыми же—своимъ человекомъ. Общительность очень развита на Востокѣ, и я всегда находилъ пріятное развлеченіе, переходя при остановкахъ отъ одной группы къ другой, чтобы поболтать или выпить стаканъ чаю въ обществѣ. Караванъ представляетъ замкнутый семейный кружокъ; различные члены его болтаютъ, шутятъ между собою и поддерживаютъ такіа дружественныя сношенія, какъ будто находятся въ кругу товарищей дѣтскихъ лѣтъ. Станціи каравановъ очень важны для экономическихъ отношеній тѣхъ мѣстностей, по которымъ проходитъ дорога. По крайней мѣрѣ, въ Средней Азійи и въ Персіи многія деревни и колоніи живутъ единственно караванами. Каждый домъ имѣетъ тамъ своихъ постоянныхъ посѣтителей, каждый купецъ можетъ рассчитывать на постоянныхъ покупателей, и ничто не можетъ такъ хорошо объяснить пристрастія восточныхъ жителей къ привычкамъ, передающимся по преданію, сохраняющимся стереотипно, какъ именно то, что на каждой станціи своего перехода путешественникъ можетъ рассчитывать найти извѣстныя удобства. Отъ Оша (Уша, города въ восточномъ Коканѣ) далеко до Трапезунта; но по всей длинѣ этой полосы Азійи найдется лишь немного станцій на всемъ маршрутѣ, которыя не славились бы тѣмъ или другимъ преимуществомъ.

Кромѣ Индіи, культурная жизнь которой, вслѣдствіе европейскаго духа правленія, начинаетъ мало-по-малу приближаться къ западной, на всемъ великомъ материкѣ этой древней части свѣта до сихъ поръ проведена всего одна линія желѣзныхъ дорогъ, а именно отъ Смирны въ Айдинъ; другія же линіи, отъ Багдада въ Кербелу и изъ Тегерана въ отстоящій отъ него не болѣе, какъ на часъ Шахъ-Абдуль-Азимъ, до сихъ поръ еще не готовы. Поэтому придется, вѣроятно, еще значительное время, прежде чѣмъ можно будетъ пере-

носиться въ экстренномъ поѣздѣ изъ одного пункта Азіи въ другой. Но и въ этомъ случаѣ, если Россіи удастся выполнить предположенную дорогу отъ Чернаго моря до Каспійскаго, а Англіи гигантскую линію черезъ Багдадъ въ Индію, и тогда, говорю я, истинный сынъ Востока всегда, когда только возможно, предпочтетъ путешествіе караваномъ, болѣе соответствующее его правамъ, обычаямъ, темпераменту и привычкамъ, путешествію по желѣзной дорогѣ, какъ это онъ дѣлаетъ и теперь между Александріей и Суэцомъ.

Базары и базарная жизнь.

То, чѣмъ былъ для римлянина его *forum publicum*, чѣмъ сдѣлались для современнаго еврoneyца его биржа, кофейни и клубы, общественныя прогулки и другія увеселительныя мѣста, тѣмъ служить для восточнаго жителя его базаръ. Мужчина, котораго гонятъ изъ узкаго семейнаго круга скука или домашнія распри и другія житейскія передраги, спасается на базаръ, чтобы разсѣяться шумомъ и говоромъ постоянно проходящей толпы. Жѣнщина также отправляется на базаръ и расхаживаетъ по нему цѣлыми часами либо для того, чтобы сдѣлать небольшія покупки, либо, просто, чтобы уладить свой взоръ видомъ пестрыхъ предметовъ роскоши и великолѣпныхъ матерій; нерѣдко привлекаетъ ее туда и тайное желаніе наткнуться на интересное приключеніе въ пестрой толпѣ. Въ суровое время года здѣсь находятъ себѣ вознагражденіе за отсутствіе душистаго газона и тѣнистой зелени, хотя, конечно, вознагражденіе очень слабое, если принять въ соображеніе нездоровый воздухъ въ этихъ мѣстахъ. Чиновники и ученые также убиваютъ здѣсь все свое свободное время; не рѣдко можно встрѣтить здѣсь и высокихъ сановниковъ, и даже нѣкоторые правители строили себѣ небольшія помѣщенія подъ куполообразною крышею рынка, занимающаго центръ, чтобы изъ защищенныхъ рѣшеткою оконъ наблюдать за подвижною, оживленною жизнью своихъ подданныхъ, а иногда и примѣшивались *incognito* къ толпѣ.

Базаръ служить рынокомъ не только для торговли, но и для произведеній ремеслъ и промышленности, и извѣстныя отдѣленія какъ бы умышленно неправильно построенныхъ лавокъ назначены исключительно для различныхъ товаровъ, что, впрочемъ, никогда не соблюдается въ дѣйствительности при пристрастїи всѣхъ восточныхъ жителей къ живописному безпорядку. Точно такъ же и издѣлія различныхъ ремесленниковъ должны складываться въ особыхъ отдѣленіяхъ. Таковъ по крайней мѣрѣ первоначальный порядокъ; но какъ теперь, такъ, по всей вѣроятности, и прежде онъ никогда не соблюдался съ педантичностью. Отдѣленія для продавцевъ полотна, для шорниковъ, слесарей, портныхъ, красильщиковъ, продавцевъ бумаги и книгъ, для дрогистовъ, продавцевъ различныхъ пряностей и табаку, для саножниковъ, шапочниковъ, оружейниковъ, для золотыхъ дѣлъ мастеровъ, для каменщиковъ и т. д. существуютъ только по названію, такъ какъ систематическій порядокъ нарушилъ бы пестрое смѣшеніе, столь прїятное для глаза восточнаго жителя. И такимъ образомъ базаръ, въ особенности въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи и центральной Азіи, представляетъ картину самаго пестраго безпорядка, самаго невообразимаго смѣшенія. Въ то время, какъ въ одной изъ лавокъ купецъ, неподвижный какъ статуя, сидитъ среди высокихъ грудъ мѣшковъ и тюковъ съ товарами, поджидая покупателей, которыхъ соблаговолить послать къ нему всемогущій фатумъ, рядомъ съ нимъ жужжитъ и пилитъ колесо токаря или клокочетъ и кипитъ котелокъ харчевника, осыпая мечтательнаго фаталиста съ одной стороны стружками и опилками, а съ другой обдавая его душистыми парами и прїятно щекочащимъ его обоняніе запахомъ жаркаго. Въ другомъ мѣстѣ замѣчаемъ мы кузницу; мѣхи раздуваются, пламя шуршитъ и пышитъ, и молотки поддерживаютъ адскій шумъ. Рядомъ же съ нею находится городская школа. Грязные и оборванные, но тѣмъ не менѣе красивые какъ картинки, ребятишки окружаютъ тощаго и исхудалаго учителя — педагогія и дородность считаются чуть ли не вездѣ несомнѣстными, — и такъ какъ, вслѣдствіе страшнаго шума, до ушей нашихъ не доходитъ ни одного словечка,

то мы можемъ судить лишь по полуоткрытымъ ртамъ и по движенію лицъ о ходѣ урока. Недалеко отъ этой кузницы, въ углу, помѣстился публичный писецъ; онъ немного тугъ на ухо—можетъ быть, вслѣдствіе постоянного шума молотковъ,— и поэтому непостижимо, какъ онъ успѣваетъ слѣдить за шепотомъ покрытой покрываломъ дамы, диктующей ему письмо, — вѣроятно, любовное посланіе. Противъ него находится цирюльня. У одного изъ посѣтителей все лицо и голова покрыты густою мыльною пѣною и обрабатываются скверною, туною бритвою какого-нибудь мѣстнаго Фигаро, который сбрасываетъ излишекъ мыльной пѣны съ пальцевъ на улицу, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что въ ту же минуту передъ нимъ проходитъ продавецъ горячихъ блиновъ. Другой изъ посѣтителей издаетъ жалобные крики, подвергаясь операціи выдергиванія зуба, тогда какъ подъ сосѣднимъ сводомъ оружейникъ постукиваетъ пальцемъ о предлагаемый клинокъ, чтобы убѣдить покупателя его серебрястыми звуками, что это настоящая хоразанская сталь. Словомъ, невозможно описать всѣхъ разнообразныхъ сценъ и странныхъ контрастовъ, которые представляетъ посѣтителю жизнь внутри базара, совершенно открытаго съ одной стороны.

Но достаточно о внутренности лавокъ. Еще болѣе интересное зрѣлище представляетъ намъ вся эта толпа людей, шатающихся здѣсь съ ранняго утра до поздняго вечера. Шумъ, говоръ, непрерывный гулъ отражаются отъ высокаго свода зданія, такъ что, выйдя изъ базара, кажется, будто внезапно переселился въ вымершій городъ. Въ восточныхъ частяхъ магометанскаго міра, сохранившихъ всѣ примитивные обычаи, базаръ начинаетъ оживляться уже съ самаго ранняго утра. Съ послѣдними шагами удаляющагося ночного сторожа совпадаетъ скрытъ открывающихся воротъ базара. Собаки, растянувшись среди дороги, еще дремлютъ утренняя сномъ, когда лавки уже открываются и появляются первые посѣтителы. Во всякомъ обществѣ всегда находится классъ привилегированныхъ лѣнтяевъ, и въ Азіи онъ въ особенности многочисленъ. Онъ доставляетъ главный контингентъ тѣхъ посѣтителей базара, которые появляются сюда

первыми, расхаживаютъ безцѣльно взадъ и впередъ или же опускаются въ извѣстныхъ мѣстахъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ проводятъ цѣлые часы на одномъ и томъ же мѣстѣ. Къ нимъ присоединяются разносчики, которые, за недостаткомъ настоящей лавки, разносятъ свои товары подъ мышкою, а другою рукою выставляютъ покупателю какую-нибудь заманчивую штучку и громкимъ голосомъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, выставляютъ преимущество своего товара. Къ этимъ дѣловымъ баритонамъ примѣшиваются отъ времени до времени гнусливые возгласы продавца провизіи, бродячаго харчевника, булочника, продавца сыра, овощей, плодовъ или пирожковъ. Одинъ изъ нихъ чмокаетъ ртомъ, чтобы показать, какъ вкусны его продукты: «ахъ, какъ сладко! какъ вкусно! ахъ, какъ хорошо!» Каждый кричитъ особеннымъ голосомъ, сопровождаемымъ особыми жестами, и надъ всѣми этими криками возвышается иногда возгласъ «Ja Hu! Ja Hakk!» какого-нибудь случайно проходящаго дервиша. Къ этому хаосу голосовъ присоединяются еще жалобно-слезливое, гнусливое «Sahib-ul-chajiat!» (о благодѣтельный человѣкъ!) или шипящее «Schejin lillah!» (подайте что-нибудь ради Бога!) какого-нибудь оборваннаго нищаго-калѣки, приподымающаго высоко надъ толпою свою нищенскую чашку въ ожиданіи подаванія сострадательныхъ лицъ. Но апогеи своей достигаетъ этотъ концертъ въ ту минуту, когда караванъ оставляетъ каравансарай, и длинный рядъ навьюченныхъ верблюдовъ или муловъ прокладываетъ себѣ дорогу сквозь густую толпу людей. Стоны и ворчанье верблюдовъ, громкія приказанія путевода каравана, сопровождаемыя раздражающимъ ухо крикомъ осла, на которомъ онъ сидитъ, дѣлаютъ этотъ гвалтъ многихъ сотенъ голосовъ поистинѣ оглушительнымъ. Но всего страннѣе при этомъ, что весь этотъ длинный рядъ вьючныхъ животныхъ умудряется положить себѣ дорогу сквозь эту странную сумятицу праздныхъ зѣвакъ и покупателей, пугливыхъ женщинъ и испуганныхъ дѣтей, спящихъ собакъ и прыгающихъ какъ безумные дервишей, не нанося ни себѣ, ни другимъ ни малѣйшаго вреда. Можно подумать, что какъ людямъ, такъ и животнымъ врождена природная увертливость и

миролюбивость. Подобно тому, какъ человѣкъ предусмотрительно отскакиваетъ въ сторону или назадъ, такъ и неуклюжій съ виду, сердитый верблюдъ подвигается впередъ съ крайнею осторожностью. Быть ушибленнымъ или раздавленнымъ въ толпѣ, какъ это часто случается въ Европѣ, вещь совершенно неслыханная въ Азіи. Шумъ и толкотня никогда не унимаются на базарахъ, но все-таки въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторое различіе, смотря по времени дня; своего высшего пункта достигаетъ оживленіе на базарѣ въ ранніе утренніе и въ поздніе вечерніе часы; въ обѣденное же время, въ особенности въ лѣтніе мѣсяцы, на базарѣ сравнительно тихо. Оживленіе измѣняется также по времени года, но въ особенности замѣчаются въ немъ разные оттѣнки, смотря по различіямъ народныхъ элементовъ. Базаръ дѣйствительно представляетъ вѣрнѣйшее изображеніе нравовъ и характера народа. Такъ, въ Турціи продавецъ въ своей лавкѣ проявляетъ замѣчательное спокойствіе, не разгорячается при предложеніи своихъ товаровъ и не пристаётъ назойливо къ покупателю; то же можно сказать и о толпящихся покупателяхъ. Въ персидскихъ же базарахъ мы замѣчаемъ совершенно противное. Купецъ, предлагая свой товаръ, даетъ полную волю своему краснорѣчію. Его руки и ноги, лицо, длинная борода и высокая шапка, — все приходитъ въ движеніе; пророкъ, всѣ святые, даже самый Коранъ призываются имъ въ свидѣтели истины его словъ; онъ не говоритъ, но убѣждаетъ и назойливо навязываетъ свой товаръ. А такъ какъ покупатель, съ своей стороны, хорошо знакомъ съ его штуками, то противопоставляетъ ему то же оружіе. Поэтому, вся сцена скорѣе напоминаетъ жаркую ссору, чѣмъ миролюбивую торговую сдѣлку, и такъ же, какъ одиночныя лица, поступаетъ и вся снующая по базару толпа. Базары въ Таврисѣ, Тегеранѣ, Испагани и Меджедѣ представляютъ очень своеобразную картину умственной и физической подвижности иранскаго народа. Тамъ двигаются быстрѣе, говорятъ больше и скорѣе, — вообще, проявляютъ гораздо большее оживленіе, чѣмъ въ подобныхъ мѣстахъ въ Средней Азіи и въ Турціи, и можно даже сказать, что въ Турціи во весь годъ не происходитъ

столько дракъ и потасовокъ, сколько въ теченіе одного дня на большихъ базарахъ юга Персіи.

Вообще же базарная жизнь, со всѣми соединенными съ нею особенностями, представляетъ естественное, неизбѣжное слѣдствіе безцвѣтной, скрытой и обособленной домашней жизни магометанскаго общества. Проходя по тихимъ, пустыннымъ улицамъ какого-нибудь восточнаго города, невольно приводящимъ на память сказанія о мертвыхъ городахъ, начинаешь понимать потребность въ какой-нибудь реакціи или противоположной крайности, и эту крайность, эту противоположность, дѣйствительно, представляетъ базаръ. Слово это, въ обширномъ значеніи своемъ, означаетъ не только рынокъ, но и общественную жизнь вообще. Базаръ служитъ форумомъ не только частнымъ лицамъ, но и правительству. Преступникъ, которому собираются отрѣзать руку или ухо, или котораго заклеить другимъ подобнымъ образомъ, прогуливается передъ экзекуціей по базару, и въ Персіи существуетъ даже обычай, что наказанный самъ разноситъ отрѣзанный у него членъ въ чашѣ, собирая подаяніе сострадательныхъ людей. Женщина, потерпѣвшая какое-либо оскорбленіе—вообще, всякій пострадавшій отъ насилія, становится на самомъ оживленномъ мѣстѣ базара и передаетъ свою жалобу проходящимъ, чтобы возбудить ихъ сочувствіе. Самыя важныя государственныя дѣла, самыя интимныя происшествія въ домашней жизни важныхъ сановниковъ, даже князей, обсуждаются на базарѣ безъ страха и стѣсненія. Всего замѣчательнѣе та быстрота, съ которою распространяется всякая новость, конечно, измѣняясь, по мѣрѣ распространенія, какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ размѣрахъ. Изъ четырехъ словъ, сказанныхъ на одномъ концѣ базара, сдѣлаются двадцать, прежде чѣмъ они достигнутъ другого конца. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Дня черезъ два послѣ моего пріѣзда въ Герать я замѣтилъ, проходя по базару, пару старыхъ, но не совсѣмъ еще изношенныхъ сапоговъ, вывѣшенныхъ для продажи передъ лавкою персидскаго купца. Не смотря на угнетающую меня тогда нищету, суровая погода побудила меня пожертвовать моими послѣдними денжонками для пріобрѣтенія этого пред-

мета роскоши, и я вступилъ поэтому въ переговоры съ персіаниномъ. Отъ старыхъ сапоговъ мы перешли къ новымъ, отъ новыхъ къ путешествіямъ, отъ путешествій къ чуждымъ странамъ и народамъ, и такъ какъ въ теченіе нашего разговора, продолжавшагося какіе-нибудь четверть часа, я невольно далъ замѣтить, что мнѣ не совершенно чуждъ таинственный народъ инглизовъ или френговъ (англичанъ или европейцевъ), то мой персіанинъ тотчасъ же заподозрилъ во мнѣ переодѣтаго представителя этого богатаго народа и потому оказался крайне любезнымъ въ отношеніи меня и, въ надеждѣ на будущія блестящія дѣла со мною, уступилъ мнѣ сапоги за баснословно-дешевую цѣну. Я скоро догадался, въ чемъ дѣло, но нисколько не обезпокоился этимъ, взялъ мои сапоги и отправился далѣе. Прошло какихъ-нибудь десять минутъ послѣ этого, когда я опять вошелъ въ лавку жизненныхъ припасовъ, чтобы купить себѣ хлѣба. Къ моему величайшему изумленію, мнѣ вдругъ предложили вопросъ, не принадлежу ли я къ той партіи пилигримовъ, въ средѣ которыхъ находится переодѣтый богатый англичанинъ, и правда ли, что онъ собирается купить весь городъ Гератъ, представлявшій тогда кучу развалинъ. Когда я вернулся въ каравансарай, то слухъ этотъ уже распространился до невѣроятнаго и привлекъ туда цѣлую толпу любопытныхъ. Только послѣ того, какъ признали этого британскаго Креза во мнѣ, самомъ жалкомъ изъ всѣхъ бѣдняковъ, и увидѣли меня сидящимъ на голой землѣ за чисто-восточнымъ занятіемъ и пристающимъ къ моимъ завистникамъ и любопытнымъ съ просьбою о подаванні, съ настойчивостью, присущую моему званію, только тогда меня оставили въ покоѣ, хотя все-еще сохраняли на мой счетъ нѣкоторое сомнѣніе. Нѣчто подобное случилось со мною и въ Бухарѣ, и англичане во время революціи синаевъ въ 1857 году могли на дѣлѣ убѣдиться, какъ могуча, какъ настойчива, иногда даже какъ опасна можетъ сдѣлаться такъ называемая *Bazar gossip* (базарная сплетня).

Въ настоящее время, когда все на магометанскомъ Востокѣ стремится къ своему упадку, когда величіе, блескъ, великолѣпіе и даже самая жизнь представляются только бѣднымъ отблескомъ невосвратно

минувшаго прошлаго, значеніе базаровъ также значительно упало. Старые мало-по-малу пустѣютъ, а новыхъ не строятся. Да и къ чему? Тамъ, гдѣ расшатались всѣ основы государственнаго существованія, гдѣ справедливость и общественная безопасность извѣстны только по имени, тамъ не можетъ быть и рѣчи о правильной торговлѣ, и вслѣдствіе этого эмпоріи, каравансарай и базары становятся совершенно излишними. Даже благотворительность, желаніе увѣковѣчить свое имя великолѣпными постройками, та благородная страсть, которой обязаны своимъ существованіемъ многіе базары въ Азін, проявляется теперь все рѣже и рѣже; да и гдѣ найти теперь богатыхъ купцовъ, высокихъ сановниковъ или князей, имѣющихъ желаніе или возможность употреблять свое состояніе на такія дѣла? Въ Оттоманской имперіи базары теперь уже почти совершенно утратили прежнее значеніе. Въ Персіи мы встрѣчаемъ еще развалины ихъ,—развалины, еще достаточно великолѣпныя и величественныя, чтобы, освѣщенные свѣтомъ историческаго воспоминанія, возбуждать нашу фантазію. Какова напр. должна была быть жизнь на базарахъ въ Таврисѣ во время Хелагидовъ? Подъ базаровъ сводами отражалась вся жизнь исполинской столицы; китайцы и монголы, татары, индійцы, персы, арабы, греки и итальянцы толпились здѣсь въ самыхъ пестрыхъ костюмахъ; произведенія природы и искусства самыхъ отдаленныхъ странъ скоплялись здѣсь въ пространнхъ магазинахъ. Судя по рассказамъ средневѣковыхъ путешественниковъ, нужны были цѣлые дни, чтобы освоиться нѣсколько съ лавками однихъ шелковыхъ матерій и дорогихъ тканей, а подати, платимыя одними продавцами полотентъ, были достаточны для содержанія учителей и учениковъ многихъ школъ. Каковъ былъ напр. базаръ въ Испагани во времена Сефидовъ? Thevenot и Chardin рассказываютъ намъ чудеса о баснословныхъ сокровищахъ и богатствѣ, о нестрой толпѣ людей. Даже въ настоящее время путешественникъ можетъ бродить цѣлыми часами по запущенному, пустынному пространству этого базара, и я самъ никогда не забуду того подавляющаго впечатлѣнія, которое произвела на меня прогулка здѣсь. Тамъ, гдѣ выставлялись прежде со-

кровища и роскошь цѣлаго свѣта, царствуетъ теперь мертвенная тишина; тамъ, гдѣ раздавался цѣлый день оглушающій шумъ суетливой толпы, мелькаютъ теперь въ ночные часы, подобно привидѣнїямъ, пугливыя летучія мыши. Великолѣпіе базаровъ погибло безвозвратно.

Христіане и евреи.

I.

Уже въ самомъ названіи «восточные христіане», какъ обозначаютъ исповѣдниковъ христіанской религіи на Востокѣ, заключается двоякій и необыкновенный интересъ. Путешественникъ невольно предается надеждѣ найти въ этихъ христіанахъ людей родственныхъ ему по духу и связанныхъ съ нимъ узами общей религіи; съ другой же стороны культуро-историки и дипломаты хотятъ видѣть въ нихъ привилегированныхъ посредниковъ, предназначенныхъ для перенесенія западной культуры и западныхъ идей на Востокъ и для возбужденія новыхъ силъ и новой свѣжести въ этой древней, одряхлѣвшей части свѣта. Но оба эти мнѣнія основаны на совершенно ошибочныхъ представленіяхъ: чтобы охарактеризовать нашихъ почтенныхъ азіатскихъ единовѣрцовъ, надо бы соединить всѣ пороки, всѣ недостатки, всѣ суевѣрія и всѣ предрасудки, свойственные послѣдователямъ Магомета различныхъ цвѣтовъ и нарѣчій, и къ этой почтенной суммѣ недостатковъ присоединить еще значительную дозу низкопоклонства и испорченности, коварства и лживости: но въ то же время и упорной настойчивости и выносливости: тогда получится довольно вѣрный прототипъ представителя христіанскаго населенія на Востокѣ. Что отличительныя черты этого изображенія должны возбуждать въ насъ, если только мы отбросимъ въ сторону всякое религіозное пристрастіе, еще большее отвращеніе и негодованіе, чѣмъ характеристичныя черты магометанъ,—виолнѣ понятно. Отрицать этотъ грустный фактъ невозможно, и причины его слѣдуетъ искать какъ въ

исторической, такъ и въ религіозной и этнографической области, хотя я съ моей стороны, конечно, не возьмусь за подобный трудъ. Я поощажу также читателя перечисленіемъ различныхъ христіанскихъ сектъ, число которыхъ не менѣ дюжины, такъ какъ подробное изслѣдованіе вопроса о полномъ, половинномъ или четвертномъ божествѣ Христа совсѣмъ не входитъ въ мою задачу. Я обращу только вниманіе на три выдающіяся національности, а именно на армянскихъ, греческихъ и сирійско-халдейскихъ христіанъ, которыхъ я постараюсь представить читателю въ неприкрашенномъ видѣ, какъ относительно ихъ домашняго, такъ и относительно ихъ религіознаго и политическаго существованія. Кого не поражали, во время кратковременнаго пребыванія, не говоря уже о продолжительномъ путешествіи, на Востокѣ, тѣ широко-костые люди, съ коренастымъ тѣломъ, большою головой, густыми бровями, темными, но тусклыми глазами и крупными чертами лица, которые встрѣчаются повсюду, отъ Паронамизскихъ горъ до Дуная, отъ Кавказа до Явы, то поодиночкѣ, то массами, на всевозможныхъ ступеняхъ развитія и соціальнаго положенія, во всемъ разнообразіи цвѣтовъ и одѣяній? Всѣ они носятъ на себѣ рѣзкіе признаки общности и родства, выступающіе наружу лишь въ видѣ слабого, едва замѣтнаго огонька, внутри же разгорающіеся въ могучее пламя, славяющее всю эту длинную цѣпь членовъ въ одно неразрывное цѣлое. Народъ этотъ, уступающій по географическому разсѣянію только развѣ жидамъ и цыганамъ, не иной, какъ армяне, или *эрмэни*. Но надо очень остерегаться излишняго обобщенія этого названія, такъ какъ фракція армянъ, приверженная Риму, считаетъ его кровною обидой и называетъ себя *католикками*. Слово армянинъ считается у нихъ бранью, и тѣмъ не менѣ они-то въ сущности самые настоящіе армяне. Давно уже миновало время процвѣтанія этого народа, время политическаго господства великой и малой Арменіи и каменные руины Анн и Сиса, въ окрестностяхъ Эрзерума и Эрцингіана возбуждаютъ въ настоящее время гораздо болѣе живой интересъ въ европейскомъ путешественникѣ, чѣмъ въ туземныхъ потомкахъ прежнихъ великихъ противни-

ковъ на реянь и Рима. Но что значать мертвые камни въ сравненіи съ живымъ словомъ священныхъ преданій и легендъ, живущихъ въ воспоминаніи сотенъ тысячъ, или миллионъ и дѣйствующихъ и по сю пору подобно тайной пружинѣ? Хадчаторъ (Erucidatus) погонщикъ муловъ, шествующій рядомъ со мной по крутой тропинкѣ понтійскихъ горъ ровно ничего не знаетъ о развалинахъ прежнихъ армянскихъ церквей. Оханъ, мой попутчикъ, купецъ изъ Тебриса, что-то слышалъ о нихъ, а вартабетъ (монахъ) изъ Утчъ-Килиса, монастыря по дорогѣ въ Баязидъ, уже достаточно умѣетъ поразсказывать о нихъ. Поглаживая свою густую, длинную бороду съ просѣдью, наморщивъ густыя, черныя брови, онъ пространно разсказываетъ предполагаемому эфенди (т. е. мнѣ), на правильномъ турецкомъ нарѣчій, о прежнемъ величій и могуществѣ армянской церкви, т. е. ея священнослужителей. Но съ полнымъ убѣжденіемъ и воодушевленіемъ будетъ говорить вамъ о прошломъ своего народа лишь назаріанъ, константинопольской красной, одѣтый по-европейски. Онъ вполне знакомъ съ различными эпохами своей отечественной исторіи, равно какъ и съ единовременными политическими событіями въ сосѣднихъ странахъ, и глубоко вкоренилась въ него вѣра въ великое будущее армянскаго народа, которому суждено послѣ долгаго порабощенія восторжествовать надъ всѣми своими врагами.

Нельзя лучше охарактеризовать этотъ сильный, неотесанный, во всѣхъ отношеніяхъ коренастый народъ, какъ представивъ читателю четырехъ упомянутыхъ личностей, какъ представителей четырехъ главныхъ классовъ или сословій. Хадчаторъ или, пожалуй, Агопъ, если послѣднее имя покажется читателю благозвучнѣе, родомъ изъ Вана, армянскаго гнѣзда среди высокихъ скалъ, на крутыхъ уступахъ которыхъ начертаны кельскими письменами воспоминанія о персидскихъ подвигахъ. Разобрать ихъ стоило жизни одному нѣмецкому ученому Шульцу. Изъ своей бѣдной родины, которой постоянно угрожаютъ копыя курдовъ, нашъ Хадчаторъ направился къ берегу, гдѣ постоянно есть спросъ на широкія, могучія плечи и на сильные мышцы для переноски товаровъ, а этими преимуществами щедро надѣлила

мать-природа своихъ армянскихъ дѣтей. Въ теченіе многихъ лѣтъ переносилъ Хадчаторъ чертовски-тяжелые, франкскіе тюки съ бумажными и полотняными товарами съ кораблей въ требизондской гавани на высокорасположенный ханъ, пока наконецъ не сколотилъ, при помощи своей широкой спины, достаточный капиталецъ, чтобы купить себѣ нѣсколько вьючныхъ животныхъ и завести собственное экспедиціонное предпріятіе. То, что приходилось прежде таскать его собственной спиной, то переносить теперь, насчетъ иранскихъ купцовъ, спины его ослонъ, въ Эрзерумъ и другія мѣста; самъ же хозяинъ рассказываетъ тутъ же рядомъ, болтая и пошучивая, но въ то же время постоянно разсчитывая въ головѣ, насколько плата, назначенная за перевозъ, превыситъ издержки на ячмень, солому и постой; его заботятъ лишь цѣны на солому и ячмень; о собственномъ же пропитаніи онъ и не думаетъ, такъ какъ его ежедневная порція хлѣба и лука, конечно, стоитъ дешевле, чѣмъ кормъ самаго скромнаго осленка. Тѣмъ не менѣе Хадчаторъ на видъ и силенъ, и здоровъ, и, судя по его оборванному дорожному платью, конечно, никто не подумалъ бы, что его домъ и дворъ содержатся очень порядочно, что дѣти его тепло одѣты, сыто накормлены и получаютъ хорошее образованіе. Кто отъ природы одаренъ болѣе предприимчивымъ духомъ, возьмемъ хоть для примѣра Агопа или Серкиза, тотъ продолжаетъ свой путь съ морскаго берега въ Стамбулъ, этотъ центръ земныхъ сокровищъ, людскихъ стремленій и рѣшеній судьбы. Здѣсь представляются ему различныя карьеры, которыя онъ можетъ избрать сообразно своимъ наклонностямъ и прирожденнымъ талантамъ. Если ему далось искусство гнуть спину, вкрадываться и заискивать, то онъ поступаетъ въ услуженіе въ какой-нибудь мусульманскій домъ, т. е. причисляется къ *айвамъ*, этимъ самымъ низшимъ изъ слугъ, которые должны довольствоваться самыми темными уголками дома для ночлега и выполнять самую черную работу, но которые тѣмъ не менѣе, благодаря господству патріархальныхъ нравовъ, считаются членами семейства и почти всегда умудряются сколотить себѣ хотя небольшое состояніице. Если же новоприбывшій болѣе довѣряетъ

силѣ и крѣпости своихъ мышцъ, чѣмъ гибкости своей спины, то предпочитаетъ стать хаммаломъ, т. е. носильщикомъ; добываетъ себѣ *семеръ*, маленькую, набитую соломой кожаную подушку, на которой разноситъ небольшія тяжести, или же нагружаетъ себѣ на плечи *сирикъ*, длинный шестъ, при помощи котораго, въ сообществѣ съ нѣсколькими товарищами, выдѣлываетъ тѣ геркулесовскія штуки, которыя невольно возбуждаютъ удивленіе въ каждомъ европейскомъ посѣтителѣ Перы. Нерѣдко случается видѣть, какъ четыре подобныхъ хаммала, при помощи крайне простаго механическаго приспособленія двухъ шестовъ, возносятъ чуть ли не бѣгомъ на крутую гору грузъ въ 15 или даже 20 центнеровъ вѣсомъ. Каждая жила раздулась на ихъ голыхъ ногахъ, кровь бросилась имъ въ лицо, земля сотрясается подъ ихъ тяжеловѣсными шагами, и эти-то люди, со стальными лопатками, питаются самою жалкою пищею, живутъ въ нездоровыхъ жилищахъ и часто бываютъ лишены даже ночнаго покоя, такъ какъ нерѣдко выполняютъ, сверхъ того, еще должность ночныхъ сторожей при магазинахъ. Но вотъ оба они, одинъ при помощи своихъ крѣпкихъ мышцъ, другой, благодаря врожденной выносливости, пробили себѣ дорогу на жизненномъ пути; оба сколотили себѣ небольшой капиталецъ и начинаютъ подумывать о возвращеніи въ свою бѣдную, родную долину, гдѣ они будутъ слыть Крѣзами, возбуждать общее удивленіе рассказами о всемъ пережитомъ ими и, въ качествѣ прежнихъ слугъ высокихъ сановниковъ, внушать къ себѣ не только почтеніе, но даже страхъ. Многіе изъ этихъ агоновъ и серкизовъ возвращаются домой хаджами; они доставили себѣ роскошь путешествія ко гробу Христову, видѣли чудесный огонекъ въ іерусалимскомъ соборѣ въ свѣтлое воскресенье, участвовали не въ одной свалкѣ съ греками и на свою долю получили не малое число ударовъ со стороны турецкихъ миротворцевъ. Но синяки и ссадины, полученные на святыхъ мѣстахъ, заживаютъ скоро; зато ореолъ святости и религіознаго рвенія остается на всю жизнь.

Итакъ мы, въ сообществѣ этихъ двухъ характерныхъ личностей, добрались до ихъ родины; приедемъ поближе къ коренному

армянину. Земледѣліе всегда составляло любимое занятіе этого народа, котораго столько же влечетъ къ плугу врожденная физическая сила и выносливость, какъ грека его тѣлесная и умственная изворотливость къ торговлѣ. Однако земледѣліе у армянъ никакъ не можетъ быть причислено къ пріятнымъ и прибыльнымъ занятіямъ. Жалкій заработокъ, добытый тяжелымъ трудомъ, идетъ сначала на удовлетвореніе довольно, впрочемъ, скромнаго и умѣреннаго аппетита армянскаго духовенства, а затѣмъ его расклеиваютъ сборщики податей, и здѣсь такіе же обжоры, какъ и въ другихъ странахъ; наконецъ, когда армянскій поселянинъ заплатитъ такимъ образомъ дань «богу и кесарю» то и тогда не можетъ пользоваться въ безопасности жалкимъ остаткомъ: разъ десять въ годъ подвергается онъ нападеніямъ сосѣднихъ хищниковъ-курдовъ, которые грабятъ его, а нерѣдко и убиваютъ, если только онъ пытается защищать свое добро. И это вовсе не преувеличеніе; не разъ во время моихъ путешествій случилось мнѣ проѣзжать по армянскимъ деревнямъ, въ которыхъ всѣ взрослые, здоровые мужчины должны были изъ года въ годъ проводить всѣ ночи на стражѣ на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ, изъ боязни нападеній своихъ сосѣдей, курдовъ. Поистинѣ нужна желѣзная выносливость, чтобы выдержать подобное существованіе! И не смотря на все это, почти всѣ армяне достаточны, даже зажиточны, выказываютъ замѣчательное пристрастіе къ денежнымъ дѣламъ, т. е. къ ростовщичеству и, лишь только чувствуютъ себя въ безопасности, подъ охраною мѣстныхъ властей, за которую, правда, не дешево пришлось имъ заплатить, какъ тотчасъ же начинаютъ въ свою очередь немилосердно стричь подвластныхъ имъ, злополучныхъ барановъ. Лишь только армянину удалось скопить небольшой капиталецъ онъ тотчасъ мѣняетъ родную деревню на провинціальный городъ; затѣмъ онъ ищетъ еще болѣе обширное поле для своей дѣятельности и изъ провинціального города перебирается въ столицу, гдѣ никогда нѣтъ недостатка въ расточительныхъ, безпечныхъ эфенди, беяхъ и пашахъ и гдѣ онъ изъ темнаго ростовщика переходитъ въ блестящее положеніе откупщика податей или банкира.—На мѣсто прежняго чор-

батши онъ прибрѣтаетъ теперь титулъ челеби (господинъ) *). Правда, что онъ господинъ только по имени. Любопытно видѣть, съ какою льстивостью, съ какимъ собачьимъ низкопоклонствомъ предлагаютъ эти господа свои деньги и свои услуги и затѣмъ какъ нагло и немилосердно высасываютъ всѣ соки изъ довѣрившейся имъ жертвы. Прежде, во времена неограниченнаго турецкаго произвола, часто встрѣчалось обратное отношеніе; эффенди, бей или паша терпѣливо давалъ армянину высасывать себя, но лишь только послѣднему удавалось туго набить свой кошелекъ, расправа съ нимъ была не долга; злополучнаго банкира обвиняли въ обманѣ или подлогѣ и рубили ему голову или вѣшали его, а сконченное имъ по крохамъ состояніе заразъ возвращалось къ прежнему владѣльцу. Этотъ вынужденный конецъ провозглашался потомъ подвигомъ рѣдкой преданности слуги къ господину. Могила усопшаго украшалась статуей, съ головою подъ мылкою или подъ ногами, и семейство покойника желало выразить этимъ вовсе не нанесенную ему обиду, но свою преданность, и случалось вовсе не рѣдко, что сыновья казненнаго въ свою очередь становились банкирами убійцы своего отца, обогащались и затѣмъ, во второмъ или третьемъ поколѣніи, кончали совершенно такимъ же кровавымъ образомъ. Трудно рѣшить, для которой изъ двухъ сторонъ было позорнѣе такое поведеніе! Въ настоящіе дни, когда уже не турки, но европейскіе посланники задаютъ тонъ на Босфорѣ, когда каждый изъ этихъ армянскихъ ростовщиковъ находится подъ открытымъ или тайнымъ покровительствомъ того или другого посольства и можетъ очищать свои жертвы безъ боязни своевременнаго возстанова, — слѣдствіемъ этого оказывается постепенное, но неминуемое обѣдненіе всего турецкаго общества. Весь капиталъ, за очень немногими исключеніями, находится теперь въ рукахъ армянъ, изъ среды которыхъ выходятъ главные биржевые дѣятели. Трудно пред-

*) Названія эти лишь въ самое послѣднее время стали придаваться христіанамъ; прежде они составляли исключительную принадлежность мусульманъ.

принять что-нибудь противъ этихъ могучихъ, безсовѣстныхъ дѣльцовъ, и, право нельзя не согласится, со старикомъ Ротшильдомъ, который утверждалъ, что если всѣхъ евреевъ и армянъ со всего свѣта запереть въ залѣ одной и той же биржи, то не пройдетъ и полчаса, какъ всѣ деньги первыхъ перейдутъ въ карманы послѣднихъ. Впрочемъ, въ похвалу современныхъ армянскихъ биржевиковъ нельзя не замѣтить, что они вообще охотно и щедро удѣляютъ часть своихъ честно или нечестно нажитыхъ капиталовъ, на дѣла общечеловѣческой пользы, и очень можетъ статься, что посѣтитель превосходныхъ школъ, устроенныхъ ими въ Константинополѣ, Венеціи, Римѣ и Парижѣ, увлеченный пользою этихъ учреждений, не станетъ разбирать очень строго источникъ тѣхъ доходовъ, на которые они содержатся.

Армяне играютъ немаловажную роль и какъ ремесленники, хотя лишь въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя уже много столѣтій тому назадъ развились въ ихъ народѣ. Кто не можетъ пускать драгоценный металлъ въ ростъ, тотъ желаетъ, по крайней мѣрѣ постоянно имѣть дѣло съ нимъ, и поэтому большинство золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Турціи — армяне. Къ армянамъ принадлежатъ также многіе портные, кожевники и повара, что свидѣтельствуешь объ общности вкусовъ у поработенныхъ и поработившихъ, точно такъ же, какъ нельзя отрицать между ними и нѣкотораго родства въ обычаяхъ и нравахъ; такъ напр. строгость гаремнаго заключенія соблюдается у армянъ не менѣе, чѣмъ у мусульманъ. Въ этой общности надо искать объясненіе того страннаго факта, что хотя османъ, изъ всѣхъ райевъ, всего интенсивнѣе ненавидитъ армянина, тѣмъ не менѣе находится съ нимъ въ постоянныхъ и очень тѣсныхъ сношеніяхъ; такъ какъ изъ всѣхъ христіанъ армяне оказываются самыми чистокровными сынами Востока. Не только въ дома мелкихъ и важныхъ сановниковъ, но и во дворецъ султана всегда былъ открытъ доступъ армянину, который изъ всѣхъ чужестранцевъ пользуется наибольшимъ довѣріемъ. Никто не умѣетъ лучше его льстить слабостямъ магометанскаго повелителя и усыплять подозрительность тирана оиміа-момъ расточаемыхъ похвалъ. Этимъ объясняется, что выносливый,

плотно сплоченный армянскій народный элементъ гораздо менѣе другихъ національностей пострадалъ подѣ игомъ турецкаго владычества; онъ гнется и подлаживается, но сломать его нельзя, и между тѣмъ какъ въ настоящее время босняки, болгары, албанцы, даже греки — магометане, насчитываются цѣлыми сотнями тысячъ, почти не встрѣтишь армянина, исповѣдника ислама. Возможно, даже вѣроятно, что во времена процвѣтанія мусульманско-татарскаго владычества, въ 13 и 14 столѣтіяхъ, происходили одиночныя обращенія; но не было примѣровъ, чтобы армяне цѣлыми массами отказывались отъ своей религіи, и эта упругость, эта на дѣлѣ испробованная устоячивость, служатъ, конечно, самыми вѣрными гарантіями для національной будущности этого народа. Тихо, безъ шума, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія, началось въ первыя десятилѣтія нашего вѣка дѣло національнаго пробужденія армянскаго народа, и ежедневно можно видѣть, что даже закоренѣлые матеріалисты настоятельно преслѣдуютъ умственныя стремленія своего народа. Древне-армянскій языкъ и армянская исторія, которыми прежде занимались лишь немногіе изъ духовенства, въ темныхъ, монастырскихъ кельяхъ, теперь уже стали преподаваться почти во всѣхъ элементарныхъ школахъ въ большихъ городахъ и скоро, вѣроятно, сдѣлаются общимъ достояніемъ; именно потому, что народъ этотъ, безъ шума, безъ фразъ, съ твердою, похвальною устоячивостью взялся за дѣло своего возрожденія, можно ожидать его успѣха. Изъ всѣхъ христіанъ въ Азіи, армяне, числомъ около трехъ милліоновъ, всѣхъ больше возбуждаютъ сочувствіе въ своихъ западныхъ братьяхъ и всѣхъ болѣе заслуживаютъ лучшаго будущаго.

Не обращая вниманіе на большое географическое распространеніе армянъ, о которомъ было упомянуто въ началѣ, мы занимались до сихъ поръ лишь турецкою частью этого народа. Значительное число армянъ находится также подѣ русскимъ подданствомъ, и многіе изъ нихъ встрѣчаются въ англійскихъ владѣніяхъ въ Азіи, а именно въ большихъ торговыхъ городахъ. Въ Туркестанѣ ихъ никогда не терпѣли; въ Кабулѣ съ теченіемъ времени водворилось нѣсколько

армянскихъ семействъ, но изъ всѣхъ мусульманскихъ государствъ послѣ Турціи, въ Персіи насчитывается нынѣ наибольшее число армянскихъ подданныхъ. Однако, принимая въ соображеніе незначительное число армянъ въ послѣдней изъ упомянутыхъ странъ, невольно приходишь къ мысли, что древняя вражда между сассанидами и велико-армянами не потухла и до сихъ поръ, хотя уже болѣе тысячелѣтія уступила мѣсто дружественнымъ, миролюбивымъ сношеніямъ. И до извѣстной степени это дѣйствительно справедливо, такъ какъ большинство армянскихъ колоній въ Иранѣ водворены тамъ насильственно. Персидская анархія и шінтскій фанатизмъ, конечно, никогда не могли казаться привлекательными въ глазахъ христіанскихъ чужестранцевъ, и потому, не смотря на древнія льготы, дарованныя дальновиднымъ шахомъ Аббасомъ армянамъ, поселеннымъ Араксомъ въ одномъ изъ предмѣстій Испагана, новая Джульфа никогда не стала цвѣтущею, и въ настоящее время развѣ только блескъ русскаго ордена св. Станислава, висящаго на шеѣ здѣшняго епископа, поддерживаетъ нѣсколько надежды христіанскихъ подданныхъ шаха, подверженныхъ, велѣдствіе неграмотности и безсилія персидскаго правительства, всевозможнымъ несправедливостямъ. Въ самой средѣ армянъ произошелъ расколъ, такъ какъ европейское вліяніе, послужившее къ обращенію нѣсколькихъ семействъ въ католицизмъ, вызвало здѣсь самую ожесточенную вражду сектъ.

II.

Чтобы познакомиться со вторымъ представителемъ христіанства на Востокѣ, мы должны обратиться изъ сѣверныхъ областей Турціи нѣсколько болѣе на югъ, туда, гдѣ и климатъ мягче, и растительность роскошнѣе, и человѣкъ вкрадчивѣе и изворотливѣе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи грекъ, дѣйствительно, можетъ служить вѣрнымъ представителемъ климатическихъ условій своей родины. Уже самая выѣшность его составляетъ разительный контрастъ съ его армянскими

единовѣрцами. Черты его лица, его рѣчь, тѣлодвиженія,—словомъ, весь человѣкъ, носитъ на себѣ отпечатокъ извѣстной ловкости или, если хотите, утонченности. Онъ готовъ былъ бы всегда танцовать вмѣсто того, чтобы ходить, пѣть, вмѣсто того, чтобы говорить, фантазировать вмѣсто того, чтобы разсуждать, и тѣ же признаки легкомыслія и поверхностности отражаются и на его политической и религіозной жизни, на его торговлѣ, на всѣхъ его поступкахъ, такъ что можетъ показаться, будто обдуманность, серьезность и основательность совершенно несвойственны его природѣ. Что тѣсныя сношенія съ христіанскимъ и, преимущественно, съ французскимъ западомъ не могли не образовать изъ людей съ подобными врожденными склонностями весьма своеобразныя личности, понятно само собою, и вовсе не удивительно, что изъ среды ихъ выработались самые искусные обезьяны западной культуры на Востокѣ. За два десятилѣтія тому назадъ нерѣдко можно было встрѣтить въ Перѣ грека, который, на вопросъ: «Etes vous grec»? преспокойно отвѣчалъ «Je suis français» (твердые, шипящіе звуки, а также «ö» и «ü» совершенно чужды и неудобопроизносимы для греческаго языка), и, конечно, новопріѣзжій европеецъ, еще не развѣрившійся въ мечты о классической Греціи, не могъ не подивиться тому, что потомокъ древнихъ гелленовъ считаетъ себя обязаннымъ стыдиться своей національности и отказываться отъ нея. Это французофильство составляетъ, впрочемъ, только варіантъ прежняго туркофильства, нѣсколько экземплировъ котораго сохранилось и по сю пору. Особенно живое воспоминаніе сохранилъ я о личности одного логовета (турки выговариваютъ лохфета), котораго я встрѣтилъ въ домѣ моего начальника, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ. Человѣкъ этотъ слылъ за новѣйшаго Улисса, и его переходы изъ конаковъ турецкихъ властей во дворецъ русскаго посольства, изъ дома шейха уль-Ислама въ жилище греческаго патріарха, дѣйствительно, заслуживали быть если не воспѣтыми, то, по крайней мѣрѣ, описанными. Въ воображеніи я все-еще какъ-будто вижу передъ собою тощую фигурку лохфета, сохранившаго, не смотря на преклонныя лѣта, необычайную подвижность и провор-

ство, въ ту минуту, когда онъ, строго соблюдая всѣ правила турецкаго кодекса приличій, помѣстился, поджавъ ноги, на диванѣ рядомъ съ пашею и велъ съ нимъ тихій разговоръ, зорко подмѣчая все своими огненными глазками. Мое присутствіе, повидимому, сильно стѣсняло его, и всякій разъ, когда взоръ его украдкой обращался на меня, тонкія губы его, какъ бы невольно, издавали какую-нибудь необычайную и неумѣренную похвалу преимуществамъ ислама и турецкаго правленія или какую-нибудь подобную же, наглую и льстивую ложь. Лукавый фанариотъ, конечно, догадывался, что европеецъ въ турецкомъ домѣ изучаетъ не только языки и литературу, и остерегался дать ему средство изобличить себя. Замѣчательная загадка: какимъ образомъ подавленное въ прахъ греческое христіанство могло отвоевать себѣ преимущества отъ побѣдоноснаго ислама, разрѣшается сама собою, когда видимъ на дѣлѣ греческую хитрость, зангрывающую съ турецкою ограниченностью; тогда вполнѣ становится понятнымъ, какимъ образомъ греки не только существуютъ, но и добиваются значительныхъ почестей и наживаютъ большія богатства.

Въ этомъ логоостѣ мы имѣемъ образецъ высшихъ слоевъ греческаго общества. За нимъ слѣдуетъ такъ-называемая интеллигенція, люди, носящіе лакированные сапоги и лайковыя перчатки, — слѣдовательно, считающіе себя представителями самой утонченной западной культуры; они также болтаютъ по французски, и ихъ голосъ всегда слышенъ громче всѣхъ, когда въ кофейняхъ въ Перу или Смирнѣ или въ обществѣ новоприбывшихъ европейцевъ, зайдетъ рѣчь о турецкомъ варварствѣ. Прислушаемся къ рѣчамъ какого-нибудь подобнаго Димитраки Паолаки или Антуанаки, когда онъ, сидя за круглымъ столомъ какой-нибудь перуанской кофейни, за рюмочкой absinthe, оживляющей его національное воодушевленіе, начинаетъ громить турокъ. Каждое слово его — громовой ударъ, въ каждомъ жестѣ выражается презрѣніе; онъ дико поводитъ глазами, сжимаетъ кулаки и если бы въ эту самую минуту не приблизился къ нему кельнеръ съ протянутою рукою, требуя плату за водку — а слово *платить* для грека ненавистнѣе всего турецкаго отродья — кто знаетъ къ чему

бы повело это благородное негодованіе. Вотъ какую картину видѣли мы въ Перѣ. Но отправимся теперь въ Константинополь и тамъ поглядимъ на нашего Димитраки, Паолаки или Антуанаки; какимъ то покажется онъ намъ въ турецкомъ конакѣ, передъ турецкимъ эфенди? Онъ помѣстился на самомъ крайнемъ стулѣ, возлѣ двери, да и то, изъ скромности, сѣлъ на самый кончикъ. Со сложенными на груди руками, съ опущенными глазами, съ нагнутою впередъ головой, онъ сладко и вкрадчиво расточаетъ самую тонкую лесть; вы не услышите отъ него ничего, кромѣ увѣреній въ самой безкорыстной преданности, въ самой глубокой благодарности къ туркамъ. Словомъ, нашего пріятеля точно подмѣнили и только глазъ пророка могъ бы предугадать въ Димитракѣ за рюмкою водки — Димитраки въ пріемной эфенди. Метаморфоза эта обусловлена, само собою разумѣется, хорошими основаніями, такъ какъ нашему представителю культуры на Востокѣ прежде всего нужны деньги на водку, на лакированные сапоги, на лайковые перчатки и на другія потребности утонченной цивилизаціи, деньги съ которыми онъ разстается съ большимъ трудомъ когда дѣло идетъ о дѣйствительно полезномъ, напр. о греческихъ школахъ или о греческой литературѣ. Но самую интересную черту въ характерѣ этихъ грековъ составляетъ безспорно рѣзкій контрастъ между ихъ пристрастіемъ къ франкской мишурѣ и ихъ ожесточенною ненавистью къ самимъ франкамъ, которые, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, возбуждаютъ ихъ злобы даже болѣе турокъ и въ особенности стали имъ ненавистны въ послѣднее время, когда многіе европейцы, поселившіеся на Востокѣ, составляютъ очень опасныхъ конкурентовъ въ дѣлахъ торговли и, между прочимъ, открываютъ глаза туркамъ на сомнительную честность грековъ. Что греки, въ этой борьбѣ за существованіе, обзываютъ стоящихъ на дорогѣ европейцевъ, *франкскими собаками* Skylifrankoi, можетъ показаться не совсѣмъ послѣдовательнымъ, но все таки, до извѣстной степени понятнымъ, но что у этихъ самыхъ собакъ, которыхъ обвиняютъ во всѣхъ бѣдахъ и несчастіяхъ, постигшихъ въ послѣднее время великую гелленскую націю, настоятельно требуютъ помощи въ національномъ дѣлѣ и за-

тѣмъ, вмѣсто благодарности, кидаютъ въ нихъ грязью — это я никогда не могъ уяснить себѣ. О вы славные воины, павшіе въ битвѣ при Миссолунги, вы бѣдные герои Наварина, потомки ваши истиннѣ заслужили себѣ другую славу!

• Низшіе слои общества, собственно греческій народъ, представляетъ больше хорошихъ сторонъ. Вообще довольно дѣятельный, хотя далеко не столь работающій какъ армянинъ, греческій торговецъ табакомъ или пряностями, плотникъ, каменщикъ, рыбакъ и т. д. можетъ считаться, пока не наживетъ себѣ небольшого капитала, порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ, насколько грекъ вообще можетъ быть честнымъ. Но лишь только удалось ему скопить себѣ деньжонокъ, какъ уже духовныя лица — духовенство всюду отличается своимъ чутъемъ въ этомъ отношеніи — чаще начинаютъ появляться въ его домѣ. Его убѣждаютъ пожертвовать что нибудь на поклону святаго образа и вообще принять участіе въ бѣдной церкви. Изъ церкви попадаетъ онъ въ казино, гдѣ невообразимо много выпивается раки и много толкуется о политикѣ, такъ какъ послѣ библіи, газеты составляютъ любимое чтеніе грековъ, каждый изъ которыхъ интересуется политикой — склонность, составляющая рѣзкую противоположность съ тѣмъ невѣроятнымъ невѣжествомъ, въ которомъ безсовѣстное, необразованное духовенство удерживаетъ греческій народъ. Такимъ образомъ нажившійся сколько нибудь грекъ, втягивается мало по малу въ сладкое *dolce far niente*, къ которому такъ склоненъ по самой природѣ, начинаетъ предаваться всевозможнымъ порокамъ и въ этомъ заключается причина, почему всѣ стремленія греческаго народа къ первенству остались до сихъ поръ неуспѣшными, не смотря на всю его умственную упругость, физическую подвижность и другія преимущества, и почему, съ виду такой неуклюжій, неповоротливый армянинъ имѣетъ гораздо болѣе шансовъ на основаніе прочной, національной независимости чѣмъ грекъ, уже столько столѣтій трубящій о своемъ культурно-мировомъ призваніи.

III.

Чтобы остаться вѣрнымъ принятой нами классификаціи по достоинству, слѣдуетъ упомянуть, послѣ грековъ, о семитскихъ христіаняхъ, которые, хотя говорятъ языкомъ Магомета, но въ теченіе болѣе двѣнадцати столѣтій противились его ученію. Успѣхъ этотъ однако скорѣе слѣдуетъ приписать суровости и неприступности ихъ скалистой родины, нежели благородству и устойчивости ихъ характера, такъ какъ даже при поверхностномъ знакомствѣ съ полосой земли, населенной маронитами, малкитами и несторіанцами, можно уже убѣдиться, что народамъ этимъ только вслѣдствіе того удалось защитить крестъ отъ бурнаго напора волнъ магометанскаго завоеванія, что долины и горныя ущелья ихъ родины, хотя были и не безъизвѣстны завоевателямъ, но были расположены такъ укрыто, что не возбуждали ихъ предпримчиваго духа. Такимъ образомъ, пока долины и ущелья эти не привлекали вниманія мусульманъ и не посѣщались европейцами, міръ въ нихъ не нарушался ни распрями между различными христіанскими сектами, ни неудовольствіями между побѣдителями и побѣжденными, и это положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока христіанская Европа не сочла себя обязанною вступить за своихъ единовѣрцевъ въ Азію. Первые дары любви оказались драконовыми зубами, посѣянными католицизмомъ; когда же еще, вскорѣ послѣ того, въ дѣло вмѣшалась дипломатія, преслѣдующая повидимому высоко-гуманныя цѣли, то представилось дѣйствительно некрасивое зрѣлище: христіане одного языка и одного происхожденія то рѣзались между собой, то тратили свои силы въ безумной, бесплодной борьбѣ противъ болѣе могучей и болѣе многочисленной рассы. Тамъ гдѣ всѣ страсти возбуждены, гдѣ никогда не снимается оружіе, не можетъ быть и рѣчи объ умственномъ или о матеріальномъ развитіи; поэтому нельзя удивляться, что эти арабы христіане пали гораздо ниже армянъ и грековъ.

Если мы обратимъ наше вниманіе на *маронитовъ* отъ Тарабула до Самда, на этихъ питомцевъ Франціи и Рима, то во вліятельномъ духовенствѣ тотчасъ-же откроемъ настоящихъ виновниковъ въ печальномъ положеніи народа; дѣйствительно духовенство это, распоряжаясь самовластно душами и кошельками изувѣрной толпы — а здѣсь всѣ изувѣры—тиранить сирійскихъ христіанъ несравненно болѣе, чѣмъ всѣ мандаты изъ Константинополя или чѣмъ весь ославленный аравійско-мусульманскій произволъ. Своими немногими крохами образованія, пріобрѣтенными частью въ самомъ Римѣ, частью подъ его вліяніемъ—многіе изъ нихъ говорятъ съ грѣхомъ пополамъ по французски, итальянски и даже по латыни—христіане эти вполнѣ способны возбудить живое сочувствіе въ католической Европѣ, которое они съ своей стороны очень ловко умѣютъ обращать въ звонкую монету; такъ какъ конечно ни одинъ пилигримъ ко гробу Христа, во время своего путешествія по Либанону, не устоитъ противъ краснорѣчія маронитскихъ священниковъ и невольно развяжетъ свой кошелекъ. Такимъ же успѣхомъ увѣнчиваются старанія монаховъ, посланныхъ въ католическую Европу съ нищенскою сумою. Они собираютъ подаянія на церковь, на часовню или на школу—но какъ бы непріятно удивились благочестивые податели, еслибы знали, что деньги ихъ пойдутъ не на священные постройки, но на обновленіе дома, на заложеніе новой террасы или на расширеніе конышенъ его святости епископа или патріарха. Епископы эти и патріархи дѣйствительно большіе господа, римскіе паши въ буквальномъ смыслѣ слова, которые отъ настоящихъ нашихъ отличаются только тѣмъ, что свита ихъ чибукчей, держателей стремени и т. д. состоитъ не изъ простыхъ мірянъ, но изъ монаховъ и духовныхъ лицъ различныхъ степеней. Зимній дворецъ патріарха въ Сукѣ и его лѣтняя резиденція въ Води-Кадишѣ напоминаютъ скорѣе роскошныя палаты восточнаго деспота, нежели жилище духовнаго пастыря народа, страждущаго втеченіе многихъ вѣковъ подъ магометанскимъ игомъ.

Каковъ господинъ, таковъ и слуга. То что было сказано о

маронитскомъ духовенствѣ приложимо также и къ маронитскому народу, съ тою только разницей, что первое состоитъ изъ притѣснителей и обманщиковъ, второй же изъ притѣсненныхъ и обманутыхъ. По вѣншности маронитъ очень напоминаетъ армянина и менѣе походить на грека; характеръ же его представляетъ смѣсь обѣихъ національностей. Какъ въ деревнѣ такъ и въ городѣ, все равно будетъ ли маронитъ сапожникомъ, ткачемъ, портнымъ или земледѣльцемъ, ему рѣдко удастся выйти изъ рядовъ мелкихъ торговцевъ. Онъ столь же угловатъ, неловокъ и неуклюжъ какъ армянинъ, но ему недостаетъ выносливости и настойчивости послѣдняго и, хотя онъ и пытается подражать лукавству и хитрости грековъ, но ему никогда не достигнуть ихъ умственной живости. Однимъ словомъ: этотъ небольшой народецъ, въ какихъ нибудь 20000 душъ, предки котораго вели когда то такія прибыльные дѣла съ крестоносцами, совѣмъ не достоинъ той нѣжности, съ которой относится или по крайней мѣрѣ относилась къ нему католическая Франція. Ошибкою французскаго правительства было также желаніе сдѣлать изъ маронитовъ точку опоры его вліянія на Востокъ. О *мелкитахъ*, греко-католическихъ аравитянахъ, числомъ тысячъ въ 50, идетъ вообще довольно хорошая молва. Какъ по вѣншности, такъ и по характеру они мало отличаются отъ своихъ магометанскихъ соплеменниковъ. Они никогда не прибѣгали къ европейскому покровительству, ревниво придерживаются арабскаго языка и столько же гордятся своей національностью, какъ чалмоносные послѣдователи пророка. Возможно, что именно вслѣдствіе этого послѣдняго качества, мелкиты менѣе подвергались преслѣдованіямъ, чѣмъ остальные христіане Либанова; тоже можно сказать и о *несторіанцахъ* въ Курдистанѣ, которые цѣлыми вѣками жили среди разбойничьихъ курдовъ, не подвергаясь никакимъ нападеніямъ съ ихъ стороны, а лишь тогда пострадали отъ кровопролитной, опустошительной войны съ Бедръ-ханъ-беемъ, когда къ нимъ явились американскіе миссіонеры, чтобы подѣлиться съ этими христіанскими пастухами, пребывавшими до тѣхъ поръ въ блаженномъ, первобытномъ состояніи, дарами «истинной вѣры». Но относительно цѣнности этихъ

даровъ между американскими и англійскими священнослужителями произошло несогласіе, и бѣдныхъ несторіанцевъ до тѣхъ поръ тянули то въ ту, то въ другую сторону, пока они не сдѣлались жертвою кровавыхъ хищныхъ курдовъ и рѣка Цабъ не окрасилась кровью болѣе сотни тысячъ христіанъ. Эта страшная рѣзня положила конецъ апостолическимъ трудамъ соперничающихъ протестанскихъ миссій; но та же исторія повторилась въ еще большихъ размѣрахъ въ Иранѣ, а именно въ его восточной части. Здѣсь Римъ со своими лазаристами выступилъ третьимъ борцомъ на арену прозелитизма. Бѣдные несторіанцы рѣшительно недоумѣвали, откуда взялся этотъ внезапный интересъ къ ихъ судьбѣ со стороны ихъ такъ-называемыхъ европейскихъ единовѣрцевъ, о которыхъ они до тѣхъ поръ заботились очень мало уже потому, что ихъ собственныя понятія о христіанствѣ были очень смутны и что между всѣми этими чужестранными проповѣдниками они не различали американцевъ, англичанъ и французовъ, но всѣхъ принимали за франковъ, а не за халдановъ (т. е. несторіанцевъ), слѣд. не за христіанъ. Въ началѣ сами миссіонеры не могли хорошенько уяснить себѣ символъ вѣры этихъ древнѣйшихъ христіанъ; такъ какъ священники ихъ находятся на самыхъ низшихъ ступеняхъ образованія и по строю и теократическому образу правленія патріархъ и остальное духовенство уважаются не столько за ихъ ученость и начитанность въ священныхъ книгахъ, написанныхъ на экстрангело (древне-греческомъ языкѣ), сколько за многочисленность стадъ и за число десятинъ земли. Теперь прошло уже болѣе полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ началось дѣло обращенія персидскихъ несторіанцевъ; но до сихъ поръ оно принесло лишь отрицательные результаты, если только не считать положительнымъ успѣхомъ то, что въ настоящее время пропасть несторіанскихъ священниковъ и писемъ съ просьбами о помощи возвращаются въ Европѣ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ одной Венгріи были уличены въ мошенничествѣ и переданы въ руки полиціи трое изъ этихъ длиннобородыхъ епископовъ.

Несторіанцевъ насчитываютъ до 200,000. Самый народъ сохранился въ Иранѣ.

нилъ въ своей фізіономіи лишь слабыя слѣды своего семитскаго происхожденія, но по характеру рѣзко отличается отъ окружающаго мусульманскаго населенія. Несторіанецъ связанъ со своимъ духовенствомъ, представляющимъ мѣстную аристократію, узами строго патріархальнаго образа правленія. По образу жизни онъ умѣренъ, робокъ, даже трусливъ, вообще выказываетъ явные признаки того подавленія, — которому въ теченіе цѣлыхъ столѣтій подвергался со стороны сиссанидовъ, арабовъ, турокъ, монголовъ и персовъ. Въ первые вѣка христіанской эры несторіанцы распространяли свое вліяніе до самыхъ восточныхъ частей Азіи. Мервъ, Самаркандъ, Кангаръ и Хотъ имѣли своихъ епископовъ; казалось, кресту было суждено выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ буддизмомъ. И насколько иначе сложились бы судьбы центральной Азіи, еслибы магометанство было подавлено въ самой колыбели!

IV.

Нельзя представить себѣ положенія болѣе своеобразнаго и въ то же время болѣе печальнаго, чѣмъ положеніе евреевъ въ мусульманской Азіи; хотя и въ ихъ доли бываютъ иногда облегченія, но въ общей сложности она все-таки гораздо тяжелѣе судьбы христіанъ. Если Европа въ прежніе вѣка преслѣдовала этихъ живыхъ мумій азіатской исторіи, то это проявленіе среднеазіатской грубости объясняется до извѣстной степени ненавистью фанатиковъ ко врагамъ Христа, распявшимъ его. Но у мусульманъ, не признающихъ исторіи распятія, у которыхъ евреи не имѣютъ никакого отношенія къ Isa и Merjem (Иисусу и Маріи) Корана, это не можетъ служить объясненіемъ ненависти, и тѣмъ непостижимѣе, почему названія яхуди, джехудъ или чуфутъ (жидъ) считаются на Востокѣ самою оскорбительною бранью; языкъ оказывается даже слишкомъ слабымъ, чтобы выразить все презрѣніе мусульманъ къ жидамъ. Ошибочно было бы также искать объясненія этой страшной ненависти въ упорныхъ войнахъ Магомета съ евреями въ Аравіи, такъ какъ изъ 10,000

мусульманъ врядъ ли найдется хоть одинъ, знающій, въ какомъ отношеніи находился пророкъ къ арабійскимъ евреямъ. Замѣчательно также, что многія точки соприкосновенія въ обрядахъ обоихъ вѣроисповѣданій, какъ напр. провозглашеніе извѣстныхъ животныхъ нечистыми, убіеніе скота положеннымъ образомъ, обрядныя омовенія и т. д., не только не сблизили исповѣдниковъ той и другой религіи, не смотря на ихъ тысячелѣтнее общее сожительство, но еще расширили раздѣлявшую ихъ пропасть. Еврей представляется въ глазахъ мусульманина вдвойнѣ невѣрнымъ, такъ какъ онъ отрицаетъ не только Магомета, но и Христа; впрочемъ, это обстоятельство мало принимается въ соображеніе; ненависть и презрѣніе къ сынамъ Израиля сдѣлались укоренившимся преданіемъ и передаются отъ отцовъ къ дѣтямъ, какъ печальное наслѣдіе народовъ древней исторіи позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Всего страннѣе, что современные евреи въ Азіи совсѣмъ не даютъ предлога этой ненависти, этой упорной враждебности, такъ какъ по основнымъ чертамъ своего національнаго характера во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше христіанскаго населенія на Востокѣ и безспорно заслуживаютъ лучшаго обращенія. По своимъ понятіямъ, правда, еврей мало чѣмъ отличается отъ остальныхъ восточныхъ жителей. Онъ такой же ослѣпленный фанатикъ, такъ же упорно держится старыхъ преданій, его религія представляетъ такую же пеструю смѣсь суевѣрій и невѣроятныхъ чудесъ, онъ такъ же поклоняется гробницамъ святыхъ и отпечаткамъ ихъ священной ступни и т. д.; однако вѣковое притѣсненіе еще не въ такой мѣрѣ подавило въ немъ всѣ благородныя побужденія, какъ въ его христіанскихъ товарищахъ по несчастью. Онъ трусъ, но не измѣнникъ; вспыльчивъ, мститель, но, вообще, по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ скорѣе способенъ внушить иностранцу состраданіе, чѣмъ презрѣніе. Здѣсь, какъ и всегда, виѣшнее притѣсненіе послужило къ скрѣпленію семейныхъ узъ и заставило азіатскихъ евреевъ силотиться между собою еще тѣснѣе, чѣмъ даже ихъ европейскихъ собратьевъ. Не смотря на множество еврейскихъ общинъ въ Константинополѣ, на берегахъ Босфора не

встрѣтишь ни одного нищаго жида. Еврейскій мальчикъ уже съ десятиаго года жизни приучается самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ; предлагая ли спички прохожимъ, служа ли толмачомъ или дѣлаясь разнощикомъ или маклеромъ — евреи на Востокѣ выбираютъ обыкновенно тѣ же отрасли торговли, какъ и у насъ, — каждый въ душѣ питаетъ надежду сдѣлаться со временемъ «Камондо» (турецкимъ Ротшильдомъ), и если это не удастся ему, то ужь, конечно, не по его собственной винѣ; его выносливость и умѣренность дѣйствительно безпримѣрны, и между тѣмъ, какъ на улицахъ Перы и Стамбула, особенно въ извѣстныя времена года, часто встрѣчаются пьяные греки и армяне, пьяный жидъ составляетъ величайшую рѣдкость. Правда, что подобная добродѣтель была необходима евреямъ, особливо въ Турціи, чтобы сколько-нибудь упрочить ихъ существованіе. Тамъ имъ приходилось страдать не только отъ мусульманскаго, но и отъ греческаго и отъ католическаго фанатизма. Всего меньше притѣсняли ихъ турки, всего больше греки; можно бы подумать, что послѣдніе желали вымѣстить на евреяхъ тѣ насилія, которыя имъ самимъ приходилось терпѣть отъ мусульманъ. Здѣсь представлялся подавленному восточно-христіанскому фанатизму единственный случай выпустить свою затасненную злобу, такъ что, не смотря на всю терпимость Солимана, спасающаго многіе тысячи жидовъ отъ мечей и костровъ испанской инквизиціи, положеніе ихъ въ Турціи все-же оставалось довольно печальнымъ. Такъ было прежде, и положеніе дѣлъ мало измѣнилось и по сую пору, такъ какъ греческое высокомеріе еще выросло подъ европейскимъ покровительствомъ; евреи же пользуются со стороны Европы лишь слабою, временною защитою. Въ Турціи жидовъ въ насмѣшку называютъ «Kekeres», и въ этомъ словѣ выражается все, что имъ приходилось терпѣть съ давнихъ поръ. «Que quieres?» т. е. что тебя надо? зачѣмъ пристаешь? (евреи въ Турціи все-еще сохранили ломанное нарѣчіе своей прежней испанской родины), эти слова составляютъ единственный протестъ жида противъ своихъ притѣснителей. Когда мальчика бьютъ или дразнятъ, когда старика

дергаютъ за бороду, — слышится только жалобное «Que quieres?» (Что я тебѣ сдѣлалъ? Что тебѣ отъ меня надо?)

Общій взглядъ на всѣхъ евреевъ отъ береговъ Босфора до отдаленнаго Кокана, приводитъ къ убѣжденію, что по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ Востоку, уменьшается какъ число, такъ и богатство ихъ общинъ. Чѣмъ отдаленнѣе мѣстность отъ западнаго вліянія, тѣмъ меньше число живущихъ въ ней евреевъ. Страны, подвластныя современной оттоманской имперіи, искони составляли ихъ любимое мѣсто пребыванія, но въ средніе вѣка они селились преимущественно во восточной, нынѣ же въ западной ея части. Регенсбургскій равнинъ (равнинъ Петахія), посѣтившій въ 1217 г. своихъ азіатскихъ единовѣрцевъ, нашелъ въ Мосулѣ болѣе 6,000, въ Дамаскѣ 10,000, въ Низибѣ 3,000 евреевъ и рассказываетъ о праздникѣ, вблизи Багдада, на который собралось до 80,000 человекъ, тогда какъ въ настоящее время все еврейское населеніе въ азіатской Турціи едвали достигаетъ половины этого числа. Багдадъ, который евреи принимаютъ за древній Вавилонъ, представляетъ однако, послѣ Константинополя и Салоникъ, наибольшую жидовскую колонію на Востокѣ. Въ этомъ пашалыкѣ обитаетъ болѣе 20,000 сыновъ Израиля, и старый плачъ: «Сидѣли мы на рѣкахъ Вавилона и плакали» уже не примѣнимъ теперь, такъ какъ багдадскій еврей пользуется, подъ защитою богатой и вліятельной общины, многими преимуществами, въ которыхъ не напрасно завидуютъ ему единовѣрцы въ болѣе восточныхъ частяхъ Азіи. Занятія его понынѣ тѣ же, какъ и во времена калифовъ, съ тою только разницею, что новѣйшія учрежденія и новѣйшая наука разсѣяли окружавшій его прежде ореолъ. Прежніе большіе купцы и откупщики податей превратились въ простыхъ ростовщиковъ, искусные врачи оказались шарлатанами; но колдовствомъ и такъ-называемою черною магіей они занимаются и по сю пору, и при этомъ не мало услугъ оказываетъ имъ то понятіе о чемъ-то темномъ, таинственномъ, которое народъ въ восточной Азіи привыкъ связывать съ личностью еврея. Багдадскіе жида занимаютъ, впрочемъ, также и нѣкоторыми ремеслами, а именно окрас-

кою шелковых матерій—искусствомъ, перешедшимъ къ нимъ, если я не ошибаюсь, отъ израильскихъ выходцевъ изъ Бухары—; а также охотно становятся золотыхъ дѣлъ мастерами и на этомъ поприщѣ оказываются очень искусными. Въ общей сложности евреи въ Багдадѣ, хотя и тамъ предразсудокъ составляетъ изъ нихъ совершенно отдѣльную касту, выказываютъ болѣе чувства собственнаго достоинства и выступаютъ смѣлѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ азіатской Турціи. Въ нихъ, повидимому, все-еще живетъ воспоминаніе о могуществѣ насси (еврейскихъ царей), и рошъ гелуту (главы плѣнныхъ). Въ настоящее время этихъ насси замѣняютъ не столько официальные хахамъ-баши (верховные раввины), сколько несмѣтно-богатые банкиры; одинъ изъ этихъ послѣднихъ, по имени Данииль—Ротшильдъ азіатскихъ евреевъ—внушалъ даже большое почтеніе первымъ чиновникомъ султана.

Евреи въ Багдадѣ говорятъ уже не на ломанномъ испанскомъ нарѣчій, но по-арабски, точно такъ же, какъ евреи въ Персіи говорятъ по большей части на персидскомъ языкѣ, къ которому примѣшиваютъ множество еврейскихъ словъ. Обѣ эти народныя вѣтви считаютъ себя потомками евреевъ, оставшихся тамъ послѣ ихъ перваго плѣненія, и въ Иранѣ мнѣ случалось встрѣчать нѣсколько семействъ, выдававшихъ себя за нѣкотораго рода патриціевъ и говорившихъ, въ знакъ своего аристократическаго происхожденія, поеврейски, конечно, съ значительною примѣсью персидскихъ словъ, что замѣчается также и въ книжномъ языкѣ, которымъ до сихъ поръ остается еврейскій. Въ политическомъ и социальномъ отношеніи евреи въ Иранѣ стоятъ гораздо ниже своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Фанатизмъ персидскихъ мусульманъ, господствующая анархія и, главное, алчность персіянъ,—вотъ причины этого печальнаго явленія. Даже въ болѣе значительныхъ общинахъ, какъ напр. въ Гамаданѣ, Ширазѣ и Тегеранѣ, евреевъ презируютъ и всячески притѣсняютъ. Еще въ самое новѣйшее время ходили слухи объ одномъ autod-a-fé въ Гамаданѣ, а во время моего пребыванія въ Тегеранѣ одинъ ученый раввинъ спасся отъ грозившей ему смерти только благодаря заступничеству французскаго посланника. Разъяренная толпа уже собиралась забить бѣд-

няка до смерти, такъ какъ враги обвиняли его въ колдовствѣ, слѣдствіемъ котораго была смерть перваго ребенка любимой жены шаха. Обвиненіе это основывалось на томъ, что злополучный раввинъ случайно прошелъ черезъ ворота Тегерана въ ту самую минуту, когда скончался ребенокъ; въ этихъ двухъ обстоятельствахъ нашли причинную связь, и бѣдняка приговорили къ смерти. Подобныя же тривіальныя причины лежатъ въ основаніи и другихъ преслѣдованій евреевъ, происшедшихъ въ послѣднія десятилѣтія, такъ напр. въ убійствахъ въ Мешгедѣ, гдѣ она бѣдная жидовка, съ больною рукой, убила, по совѣту персидскаго врача-шарлатана, уличную собаку, чтобы приложить ее внутренности къ больному мѣсту. Ее заподозрили въ умерщвленіи младенцевъ — преступленіи, такъ часто взводимомъ на евреевъ, и это было гибелью какъ для нея самой, такъ и для ея единовѣрцевъ. Даже и въ настоящее время евреи, насильно обращенные въ исламъ, принуждены открыто слѣдовать предписаніямъ господствующей религіи, тогда какъ въ тайнѣ, за предѣлами Мешгеда, они по-старому поклоняются Іеговѣ.

Ни въ городѣ, ни въ деревнѣ не встрѣчалъ я болѣе печальнаго зрѣлища, чѣмъ группу живущихъ вмѣстѣ или путешествующихъ обществомъ евреевъ. Одѣтые въ самыя бѣдныя платья, грязные, нечесанные, на тощихъ, исхудалыхъ лошадяхъ или мулахъ, проходятъ эти евреи, точно ночные призраки, поодаль отъ остальнаго каравана. Робко, боязливо оглядываются они по сторонамъ, всюду подозрѣвая недоброе, постоянно ожидая нападенія, не броситъ ли кто въ нихъ камнемъ, не настигнетъ ли ихъ ружейная пуля или ударъ саблей, такъ какъ персіянинъ, просто изъ злорадства, всегда готовъ напасть на нихъ, забросать ихъ грязью или разорвать ихъ одежду. При первой тревогѣ всѣ они, подобно испуганнымъ овцамъ, собираются въ одну кучу, приподымая руки кверху, но не для обороны, а лишь для того, чтобы закрыть себѣ глаза. Много, если какой-нибудь сѣдобородый старецъ рѣшится выразить свой протестъ робкимъ «*Mekun dschuni aga!*», т. е. «перестань, добрый господинъ!» И при всемъ томъ обычай, привычка, можетъ быть, любовь къ родинѣ достаточно

могучи, чтобы приковать эти безъ малаго 20,000 израилитовъ къ странѣ, гдѣ они живутъ въ постоянномъ страхѣ, гдѣ даже въ домахъ своихъ они продѣлываютъ, для большей безопасности, на мѣсто дверей печкообразныя отверстія, черезъ которыя можно пролѣзть не иначе, какъ согнувшись, и гдѣ, — о жестокая иронія, — имъ представляется зарабатывать свое жалкое существованіе лишь въ роли публичныхъ пѣвцовъ и танцоровъ. Быть персидскимъ евреемъ и цѣлыми часами выплясывать передъ своими бездушными притѣснителями, — вотъ по-истинѣ самая ужасная участь, какую только можно выдумать! Всего удивительнѣе, что евреи селятся даже среди самыхъ беспощадныхъ, туркменскихъ хищниковъ; въ Мервѣ, вѣчно-оглашаемомъ бряцаніемъ цѣпей, находится даже цѣлая еврейская община. Среди туркменовъ, впрочемъ, евреи сами превращаются въ полу-туркменовъ, сохраняя, однако, неизбѣжные пейсики и головной уборъ. Туркменскій еврей также имѣетъ свою палатку, своего коня, своихъ персидскихъ рабовъ, которыхъ порядкомъ мучить и колотить. Его курсъ на биржѣ сообразуется по мѣстнымъ обычаямъ съ большею или меньшею удачею того или другаго хищническаго набѣга туркменовъ на Иранъ. Всего болѣе надо удивляться его сравнительной безопасности среди этихъ дикихъ ордъ, не признающихъ никакихъ законовъ. Туркменъ питаетъ къ еврею, какъ къ колдуну, суевѣрный страхъ и потому оставляетъ его въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что не можетъ его продать въ рабство, такъ какъ дѣти Израиля по сю сторону степи слишкомъ презираются, чтобы сдѣлаться даже предметомъ торговли. Возможно, что въ настоящее время въ Бухарѣ и другихъ средне-азіатскихъ городахъ положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось подъ русскимъ вліяніемъ; но всякій, кому случалось прежде видѣть въ Церевшанѣ еврея, опоясаннаго вокругъ чреселъ веревкой, обязаннаго немедленно слѣзть съ лошади или осла при встрѣчѣ съ правовѣрнымъ и получающаго ежегодно, въ знакъ своей подчиненности, двѣ официальные пощечины отъ мѣстныхъ властей, — конечно, сочтетъ неразрѣшимую загадку, какъ могъ онъ избрать эту страну своею отчизною?

Мусульманскіе народныя типы.

Если многимъ изъ европейскихъ столицъ можно сдѣлать упрекъ, то онѣ представляютъ не вполне вѣрное изображеніе этическихъ и социальныхъ особенностей народа, то упрекъ этотъ ни къ одной изъ нихъ не примѣняется въ такой мѣрѣ, какъ къ Константинополю—центру и средоточію западно-турецкаго міра. Подобно тому, какъ нарѣчіе, называемое стамбульскимъ, по мягкости звуковъ, по множеству иностранныхъ словъ и по вычурности и непринужденности выраженій, отличается отъ грубаго кореннаго турецкаго языка, точно такъ же отличается и стамбульскій турокъ отъ своихъ соплеменниковъ въ Анатоліи. «Платье красить человѣка», и дѣйствительно, среди всего смѣшенія расъ на берегахъ Босфора, турка всегда можно узнать по его фескѣ или чалмѣ, по его длинной *джуббѣ* и по широкимъ шароварамъ. Завитые волосы, стоячій воротникъ, фракъ и лайковыя перчатки вполне достаточны для того, чтобы превратить прототипъ восточной расы людей, которымъ такъ восхищаются наши туристы, въ настоящаго европейца. Турокъ въ Константиноплѣ не сохранилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, ни малѣйшихъ признаковъ расовыхъ особенностей. Ни лицевой уголъ, ни форма его глазъ, лба или подбородка не обличаютъ въ немъ туранца. То же самое, но только еще рѣзче, можно сказать и объ его нравственныхъ свойствахъ. Развращенность, шаткая нравственность и полное отсутствіе чувства благородства и патріотизма, отличающіе современныхъ эфенди, упоминались уже не

разъ. Къ сожалѣнію, дѣйствительность оказывается еще гораздо хуже, чѣмъ это можно было бы заключить по извѣстной намъ до сихъ поръ картинѣ. Этотъ классъ людей, воспитанный тиранническимъ произволомъ, вполне отчуждился отъ нравственныхъ понятій прежняго міровоззрѣнія, замѣнивъ утраченное нестѣсняемою жаждою наслажденія; онъ поклоняется только мишурѣ и стремится только къ одному: награть какъ можно больше сокровищъ, для того, чтобы потомъ безумно растратить ихъ. Для этого класса ничто не свято: онъ не уважаетъ никакихъ нравственныхъ законовъ. Покрытый лоскомъ западной культуры, онъ освободился отъ драконскихъ законовъ восточнаго деспотизма только для того, чтобы предаваться самымъ грубымъ страстямъ. Это сужденіе можетъ показаться строгимъ, но тѣмъ не менѣе оно справедливо, и мы уже потому обязаны высказать его, что въ Европѣ очень распространено ошибочное мнѣніе, по которому съ отвратительнымъ образомъ эфенди смѣниваютъ вообще всѣхъ турокъ. Между тѣмъ, это самая вопіющая несправедливость.

Надо сознаться, что древняя азійская поговорка: «El arab scherifetun, el adschem zarifetun, w'et turk kesifetun» — («араویتянинъ благороденъ, персіянинъ изнѣженъ, а турокъ неуклюжъ»), заключаетъ въ себѣ много справедливаго. Но неуклюжесть эта прикрываетъ значительную дозу искренности и правдивости, которыми я невольно восхищался каждый разъ, когда мнѣ представлялся случай имѣть дѣло съ турецкимъ селяниномъ въ Анатоліи. Бѣдныя тѣни народа, стремящагося исполинскими шагами къ своему вымиранию! Дрожащія жертвы безсовѣстнаго класса чиновниковъ! Жалкіе образцы рѣдкой кротости и покорности! Кто могъ оставаться равнодушнымъ, входя во дворъ какого-нибудь турецкаго крестьянина въ Сивѣ, Энгюри или Харпутѣ? Представьте себѣ, читатель, потомка мужественныхъ героевъ, пришедшихъ съ далекаго Востока, чтобы основать государство на развалинахъ византійско-христіанской имперіи. Все, какъ вокругъ него, такъ и въ немъ самомъ, свидѣлствуетъ объ его крайней нищетѣ. Одежда, обувь и головной уборъ, — въ лохмотьяхъ, и только взглядъ его и осанка слабо напоминаютъ о преж-

нихъ властителейъ; домъ его — развалина; поле его не воздѣлано садъ его запущенъ; сабля заржавѣла; лошади и рогатый скотъ выродились. Если спросить его о причинѣ этой нищеты, то онъ отвѣтитъ сначала: «Kismet! Nasib!» (судьба, фатумъ); но если пристать къ нему съ дальнѣйшими разспросами, то онъ сознается, что «господа въ Константинополѣ» суть главные виновники его жалкаго положенія. Во всемъ свѣтѣ трудно найти существо болѣе замученное, болѣе страдальческое, чѣмъ этотъ членъ турецкаго народа, который, въ глазахъ европейцевъ, смѣшивающихъ его съ испорченнымъ эфенди въ Константинополѣ, представляется главнымъ орудіемъ тиранніи, главнымъ виновникомъ тѣхъ бѣдствій, которымъ подвержены христіане на Востокѣ. Бѣдный турокъ, будь то крестьянинъ, ремесленникъ или землевладѣлецъ, почти вовсе не виновенъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершаются отъ его имени; онъ самъ страдаетъ отъ нихъ болѣе всѣхъ, и еслибы была возможность освѣтить страны Азіи свѣтомъ статистики, то онѣ представили бы ужасающую картину наденія турецкаго народа. Не говоря о частыхъ войнахъ, уже эпидеміи и нищеты, поощряемая безсовѣстностью чиповниковъ и врожденною лѣнью, срашно разрѣдили турецкое населеніе. Цѣлыя полосы земли, цѣлыя мѣстности, которыя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были густо населены и отлично воздѣланы, теперь совершенно необитаемы и запущены. Пройдетъ еще полстолѣтія, и, вѣроятно, уже совѣмъ не будетъ турокъ въ Анатолиі. Правда, что русскія завоеванія на югѣ Кавказа пригнали въ Оттоманскую имперію много туркменскихъ племенъ, которыя уже не могутъ на Араксѣ и Курѣ продолжать свою прежнюю кочевую жизнь, не могутъ предаваться хищническимъ набѣгамъ и переселились сюда въ надеждѣ продолжать древне-азіатскій образъ жизни подѣ покровительствомъ полумѣсяца. Но, по моему мнѣнію, это приращеніе къ населенію Анатолиі скорѣе послужитъ къ ея вреду, нежели къ ея пользѣ.

Дѣйствительно, нельзя не сожалѣть о томъ, что ничѣмъ помочь этому злу. Какъ уже было сказано, османы на своей древней родинѣ, не смотря на много типическихъ недостатковъ, все-же предста-

вляють прекрасное явленіе среди народовъ древняго міра. Они не лишены благородства, искренности, проникнуты чисто-патріархальными чувствами и отличаются неограниченнымъ гостепріимствомъ. Какъ часто, вступая подъ ихъ убогій кровъ, вспоминалъ я невольно о строгости и чистотѣ нравовъ счастливыхъ гомерическихъ временъ! «Откуда ты пришелъ? кто ты такой?» — Эти вопросы предлагаются гостю только при прощаніи. Хозяинъ предоставляетъ гостю лучшую комнату, предлагаетъ ему лучшій кусокъ за столомъ и считаетъ оскорбленіемъ, если при прощаніи ему предлагаютъ плату за употребленное. Никогда не забуду я о тѣхъ вечерахъ, когда, при свѣтѣ тусклой лучины, я читалъ моимъ хозяевамъ вслухъ изъ грязной старой книги. Старый и малый, женщины и дѣти, хозяинъ и слуги — всѣ окружали меня въ живописныхъ положеніяхъ, всѣ прислушивались къ моимъ словамъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и даже бѣднѣйшіе изъ нихъ охотно пріютили бы меня вмѣстѣ съ моею лошадью въ теченіе многихъ дней, ради этого удовольствія. Поистинѣ прискорбно видѣть турецкаго крестьянина, страдающаго подъ тяжелымъ игомъ, подъ которое онъ подпалъ столько же вслѣдствіе безсовѣстнаго правленія, сколько вслѣдствіе врожденной лѣни и безпечности.

Нѣсколько лучше складывается судьба аравитянина, — этого второго представителя мусульманскихъ подданныхъ Порты. Правда, аравитянинъ раздѣляетъ всѣ страданія турка; но нищета еще не вполне прибила его къ землѣ. Многія особенности его національной индивидуальности даютъ ему возможность выше держать голову и смѣлѣе обращать свои взоры къ будущему. Если мы взглянемъ, напр., на аравитянина, жителя городовъ, на человѣка промышленности и торговли, то тотчасъ же убѣдимся въ томъ, что извѣстное выраженіе «Nuhefai Arab», т. е. «тощій, жилистый аравитянинъ» не есть только этнографическое выраженіе, но, дѣйствительно, основывается на его физическихъ особенностяхъ. Турокъ говоритъ шутя, что все различіе между арабомъ и его конемъ состоитъ въ *абѣ* (плащѣ). Но какъ у перваго дородность всегда соединяется съ умственной неповоротливостью, точно такъ же у аравитянина, а именно у жителя пустыни

стройное и сухое тѣло всегда сопровождается умственной живостью, подвижностью и необузданною страстью къ свободѣ. Аравитянинъ, по самой природѣ своей, умѣренъ, воодушевленъ рѣдкою національною гордостью и хотя уже за много столѣтій подпалъ подъ иго турокъ, но до сихъ поръ смотритъ на нихъ, какъ на народъ, стоящій гораздо ниже его, какъ на варваровъ, которыхъ не облагородилъ даже самъ Исламъ. Поэтому, если мы считаемъ себя въ правѣ пророчить аравитянамъ болѣе блестящее будущее, нежели туркамъ, то основываемъ это пророчество на ихъ національных особенностяхъ и на томъ чувствѣ собственного достоинства, которое возвышаетъ ихъ надъ всѣми другими магометанскими подданными Порты. До сихъ поръ аравитянамъ всегда недоставало только путеводительной звѣзды. Но если когда-нибудь произойдутъ знаменательные перевороты въ управленіи этого народа, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что вслѣдствіе ихъ умственной упругости, ихъ способности къ приспособленію, Востокъ, подъ руководствомъ аравитянъ, если и не вполне возродится, то во всякомъ случаѣ болѣе приблизится къ Западу, нежели подъ управленіемъ османовъ.

Подъ защитою естественныхъ укрѣпленій своей родины, арабскій народъ гораздо менѣе пришелъ въ прикосновеніе съ христіанскимъ Западомъ, нежели даже жители самыхъ отдаленныхъ частей магометанскаго свѣта. Одни края большаго полуострова подпали подъ европейское вліяніе; внутренняя же часть страны, о которой мы до сихъ поръ имѣли свѣдѣнія лишь отъ единичныхъ путешественниковъ, остается все-еще въ томъ же самомъ положеніи, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Даже европейскіе купцы, эти смѣлые піонеры Запада, еще не проложили себѣ туда дороги. Кто возьметъ на себя поэтому предсказать, какимъ образомъ сложатся обстоятельства, когда однажды, чрезъ проложеніе исполнскихъ предположенныхъ путей сообщенія въ Азіи, пробудятся отъ своего сна тѣ милліоны аравитянъ, предки которыхъ оставили намъ такіе величественные памятники своей дѣятельности?

Однако, куда зашелъ я? Моя задача не вдаваться въ историческія

мечты, но рисовать живые народные типы. Поэтому мы оставим арабовъ въ ихъ отдаленныхъ родныхъ степяхъ и познакомимся лишь съ тѣми народными элементами, которые уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій кочуютъ по большимъ дорогамъ изъ Средней Азіи въ восточные города на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей и до сихъ поръ ведутъ еще вполне кочевой образъ жизни. Всего интереснѣе, безспорно, та длинная цѣпь, которую образуютъ турецкіе народы, начиная отъ хладныхъ береговъ Лены до береговъ Адриатическаго моря, — цѣпь, отдѣльные члены которой еще до сихъ поръ сохранили типы прошлаго и, такъ сказать, представляются какъ отдѣльныя главы въ историческомъ ряду.

Къ османамъ, уже всосавшимъ въ себя много чужестранныхъ элементовъ и въ физическомъ отношеніи уже утратившимъ свои отличительные признаки, — прикасаются на Востокѣ иранскіе турки. Этотъ рослый народъ, не смотря на тѣсныя сношенія въ теченіе болѣе шести столѣтій съ персами, еще до сихъ поръ сохранилъ многія черты первобытнаго турецкаго типа. Онъ составляетъ главное населеніе почти всего сѣвернаго края современной Персіи, такъ же, какъ и большей части Закавказья, и уже по внѣшнему виду, съ перваго взгляда, рѣзко отличается отъ настоящихъ персовъ, какъ по своимъ массивнымъ формамъ, такъ и по крупнымъ чертамъ лица и по нѣкоторой тяжеловѣсности въ рѣчахъ и въ мысляхъ. Не смотря на тѣсныя сношенія, въ теченіе многихъ столѣтій, со вкрадчивыми и подвижными сынами Персіи, иранскій турокъ никогда не могъ сдѣлаться настоящимъ персіяниномъ. Правда, онъ научился лгать и обманывать такъ же, какъ сыновья юга, но хитрость его гораздо грубѣе и прозрачнѣе. Какъ тѣло, такъ и умъ его менѣе гибки, зато болѣе устойчивы, и благодаря этому, удалось ему сохранить всѣ свои народные особенности, которыя съ незапамятныхъ временъ предназначили его къ роли властителя и воина. Съ упорной настойчивостью держится онъ древнихъ обычаевъ и тѣхъ склонностей и привычекъ, которыя предки его принесли съ собою изъ степей Средней Азіи. Его свадебныя и похоронныя пѣсни все тѣ же, какъ и у сыновъ пу-

стыни; его увеселенія также сохранили древній характеръ, а тамъ, гдѣ лишь что-нибудь сопротивлялось его національнымъ страстямъ, онъ оставлялъ эти страны и предпочиталъ выселеніе подчиненію. Слова эти подтверждаются на Закавказьи, подпавшемъ съ начала нынѣшняго столѣтія подъ русское владычество, и на западныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Число терекмовъ, каракалпаковъ, шейх-севендовъ и другихъ полукочевыхъ турокъ увеличилось болѣе, чѣмъ на одну треть со времени русскихъ завоеваній; они охотно переселились въ страну ненавистнаго сунитскаго султана, предпочитая постоянную борьбу съ курдами подчиненію «начальникамъ» (русскимъ чиновникамъ). Турки, правда, представлялись имъ опорой Ирана противъ вѣдшихъ нападеній, но оказались также ошлотомъ противъ умственного развитія ихъ новой родины.

Это послѣднее обстоятельство покажется особенно прискорбнымъ, если мы вспомнимъ объ умственныхъ способностяхъ иранцевъ, о которыхъ уже часто была рѣчь. Потомки древнихъ персіянъ, числомъ до 3 милліоновъ, несомнѣнно значительно бы измѣнили судьбу древняго міра, еслибы не были подчинены арабамъ и туркамъ. Этотъ народъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ нашего вниманія. По вѣнности своей онъ мало отличается отъ дошедшихъ до насъ изображеній его предковъ, которыми мы восхищаемся на древнихъ памятникахъ въ Персеполѣ, Накши-Рустемѣ и въ другихъ мѣстахъ; о подвижности же, лукавствѣ и хитрости этого народа никогда нельзя сказать достаточно. Уже овальный окладъ лица персіянина, его тонкій носъ, прекрасный высокій лобъ и все выраженіе лица обличаютъ въ немъ человѣка съ развитыми умственными способностями. Его одежда, его пища, убранство его дома, — все носить на себѣ отпечатокъ тонкаго вкуса и чувства прекраснаго. Даже въ скромной роли погонщика муловъ чистокровный персіянинъ оказывается гораздо живѣе и остроумнѣе турецкаго *bel esprit* по профессіи. Но что ему отъ этихъ талантовъ, если вѣковая тираниія сдѣлала изъ него олицетвореніе обмана и коварства, если умъ его всегда былъ употребляемъ только на лукавство и влѣд-

ствіе этого образовалась цѣлая нація мошенниковъ. Этотъ печальный портретъ завершается еще непостоянствомъ и легкомысленностью. Персіянинъ представляется намъ остроумнымъ ребенкомъ, который никогда не развивается въ умнаго человѣка. Онъ способенъ предпринять что-нибудь великое, но чтобы выполнить предпринятое, ему недостаетъ какъ силы, такъ и устойчивости.

Къ востоку отъ османскихъ, къ западу отъ иранскихъ и къ сѣверу отъ арабскихъ народныхъ элементовъ находимъ мы курдовъ, укоренившихся въ горныхъ областяхъ сѣверной Мессопотаміи. Этотъ народъ живетъ здѣсь уже съ незапамятныхъ временъ, и такъ какъ горныя страны повсюду менѣе доступны какъ чужестраннымъ пришельцамъ, такъ и чужестраннымъ культурнымъ вліяніямъ, нежели плоскія открытыя мѣстности, то мы до сихъ поръ находимъ мало различія между современными курдами и тѣми кардухоями, которыхъ охарактеризовалъ нашъ старейшій, почтенный Геродотъ. Эти курды дѣйствительно представляютъ странный и своеобразный народъ. Они полны романтичности древнихъ временъ; они представляютъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки примитивнаго общества и всѣ тѣ своеобразности, которыя отличаютъ горныхъ жителей всѣхъ странъ и всѣхъ климатовъ. Если вы желаете, любезный читатель, составить себѣ понятіе о курдѣ, то представьте себѣ человѣка съ загорѣлымъ лицомъ, правильными чертами, смѣлыми глазами, орлинымъ носомъ, съ развѣвающимися волосами, черными, какъ воронье крыло, и съ головою, обвитою остроконечною чалмою; съ плечъ его ниспадаетъ широкій, яркій плащъ, *аба*; курдъ всегда вооруженъ длиннымъ копьемъ, щитомъ и саблею, къ которымъ иногда присоединяетъ и всевозможное огнестрѣльное оружіе новаго изобрѣтенія. Такъ же, какъ его библейское вооруженіе отличается отъ огнѣстрѣльнаго оружія бельгійской работы, такъ точно грубая, воинственная наружность человѣка контрастируетъ съ легкой, прозрачной тканью плаща. Все въ курдѣ вызываетъ поразительный эффектъ, и если курдъ на пышно украшенной лошади внезапно выскочитъ изъ какого-либо горнаго ущелья и съ громкими воинственными криками нападетъ на ничего неподо-

зрѣвающего, миролюбиваго путешественника, то жертвѣ уже не спастись отъ него. «Раздѣвайся и не шевелись»!—таково привѣтствіе курда. Путешественникъ обязанъ смирно положить все свое добро и имущество къ ногамъ курда и долженъ еще радоваться, если ему самому удастся уйти невредимымъ.

Точно такъ же и жилище курда, его хозяйство и обыденная жизнь несутъ на себѣ отпечатокъ древнихъ обычаевъ. Я сохранилъ далеко невосхитительное воспоминаніе о тѣхъ вечерахъ, которые мнѣ случалось проводить среди курдовъ, причѣмъ люди и животныя были скучены въ одно и то же пространство и мнѣ часто случалось сидѣть въ обществѣ до 40 буйволовъ. Подъ крышею они живутъ, само собою разумѣется, только во время зимы. Дыханіе до полусотни буйволовъ заражаетъ весь воздухъ, который можетъ выходить только чрезъ маленькое отверстіе надъ очагомъ, чрезъ которое въ то же время долженъ выходить и дымъ. Почтенному курду подобное существованіе представляется *non plus ultra* земнаго комфорта, и еслибы ему рассказать, что въ землѣ франковъ животныя ночуютъ въ стойлахъ, а люди въ своихъ спальняхъ, то онъ, конечно, тронулся бы ихъ судьбою и тономъ соболѣзнованія воскликнулъ бы: «бѣдные франки!» Пища его вполне соответствуетъ этому первобытному образу жизни. Молоко и ячменный хлѣбъ, ячменный хлѣбъ и молоко, — вотъ его постоянное кушанье, къ которымъ лишь изрѣдка присоединяются сыръ и конченное мясо. Лукъ и чеснокъ кажутся ему лакомствами, а жаркое составляетъ для него рѣдкость, хотя курды по профессіи скотоводы. Но самую прекрасную черту въ ихъ національномъ характерѣ и въ то же время счастье для нихъ составляетъ ихъ гостепріимство. Хотя добродѣтель эта выражается у нихъ не такъ рѣзко, какъ въ отдаленной Азіи, но во всякомъ случаѣ она достаточна для того, чтобы чрезвычайно облегчить сношенія съ ними и путешествіе по ихъ странѣ.

Какъ и всякое другое культурное вліяніе, исламъ—это коренное вѣроисповѣданіе Азіи—лишь съ трудомъ могъ пробраться и укорениться въ родныхъ ущельяхъ курдовъ. Ихъ мусульманское рвеніе

все-еще довольно сомнительно; ихъ можно назвать мусульманами лишь по случайности. Они не чувствуютъ никакой ненависти ни къ христіанамъ, ни къ поклонникамъ огня, и даже секты, раздѣляющія ихъ на шиитовъ и сунитовъ, служатъ имъ только предлогомъ для необузданнаго хищничества. Народъ этотъ съ свособразными обычаями и грубыми привычками составляетъ вѣтвь иранскаго семейства; они родные братья персовъ, отъ языка которыхъ ихъ собственный отличается только какъ діалектъ и съ которыми они имѣютъ много общаго относительно умственныхъ способностей. Это въ особенности замѣтно въ турецкихъ кружкахъ, и несомнѣнно, что многіе знаменитые ученые и государственные мужи османлисовъ родомъ курды. Вслѣдствіе космополитизма, отличающаго исламское общество, подобные случаи остаются незамѣченными; но этнографическому изслѣдователю они представляются многозначительными указаніями.

Прежде, чѣмъ снова взяться за нить описанія турецкихъ народныхъ типовъ на сѣверномъ краѣ Ирана, бросимъ еще взглядъ на афгановъ, гористая родина которыхъ находится на востокѣ Ирана. Афганамъ долго дѣлали честь принимать ихъ за евреевъ. Благочестивые толкователи библии и восторженные дѣти Израиля думали даже найти въ нихъ потерянные 10 колѣнъ. Сами афганы не мало содѣйствовали этому, такъ какъ ведутъ свое національное происхожденіе по прямой линіи отъ царя Саула. Что касается этническихъ доказательствъ этого страннаго родства, то сторонники его въ особенности придавали вѣсъ рѣзкимъ и частымъ гортаннымъ звукамъ, которыми богатъ афганскій языкъ, а также ихъ большому, крючковатому носу, который отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ азіатовъ. Но эта теорія языковъ не нуждается въ серьезномъ опроверженіи, такъ какъ на ней можно бы точно такъ-же основать и индо-арабское происхожденіе афгановъ. Еще менѣе доказательнымъ можетъ считаться *corpus delicti* ихъ носа, такъ какъ его высокая, орлиная форма вполне соотвѣтствуетъ смѣлой и рѣшительной внѣшности этого народа и его дикому воинственному характеру, кото-

рымъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не отличались евреи, а также ихъ необузданной любви къ свободѣ. Въ мужественной красотѣ нельзя отказать афганамъ. Въ простой-ли полотняной одеждѣ пастуха, съ развѣвающимися складками, въ полотняномъ-ли плащѣ, перекинутомъ черезъ плечо на манеръ римлянъ, въ воинственномъ-ли вооруженіи сердара (начальника),—афганы всегда приковываютъ къ себѣ наше вниманіе какъ прототипъ азіятскаго воина. Они дѣйствительно воины по самой своей природѣ. Пастухъ, вмѣсто посоха, носитъ на спинѣ длинную винтовку, крестьянинъ пашетъ свое поле не иначе, какъ съ мечомъ въ рукѣ, купецъ носитъ при себѣ цѣлый маленький арсеналъ; а что-же сказать о воинѣ? Онъ до такой степени буквально покрытъ современнымъ и древнимъ, холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, что даже и во время сна не разстается съ большею частью его. Этотъ преобладающій воинственный характеръ развился у афганскаго народа столько же вслѣдствіе гористой природы его родины, сколько и вслѣдствіе религіи, такъ какъ онъ уже со временъ газневидовъ находился въ постоянной войнѣ съ пограничными браманскими жителями Индіи, и война эта прекратилась только въ послѣднее время, такъ какъ мѣсто поклонниковъ Вишну заступили англичане, съ сѣвера же распространили свое могущество русскіе, а противъ численности и военного искусства британцевъ и русскихъ афганы безсильны. Сверхъ страсти къ войнѣ, афганъ раздѣляетъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны азіятскихъ воиновъ. Онъ такъ-же грубъ и необтесанъ, такъ-же суетливъ и въ то же время такъ-же гостепріименъ и до извѣстной степени такъ-же честенъ. Въ немъ такъ-же замѣтны проявленія высокихъ умственныхъ способностей. Но при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ оказывается такимъ же измѣнчивымъ и мстительнымъ, какъ и всякій другой азіятскій народъ. Какъ видно изъ этихъ словъ, афганъ представляетъ смѣшеніе добродѣтелей и пороковъ. До сихъ поръ онъ все-еще можетъ гордиться своею свободою, можетъ удовлетворять свои страсти къ анархіи. Но, судя по предшествующему, можно смѣло предсказать, что это положеніе дѣлъ продолжится теперь уже не болѣе нѣсколькихъ дѣсятилѣтій.

А теперь вернемся опять къ туркамъ *kat'exoch'amъ*, какъ должны мы назвать туранскихъ жителей Средней Азіи, хотя и тамъ населеніе городовъ, конечно, въ значительномъ меньшинствѣ уклонилось отъ чисто-турскаго типа чрезъ смѣшеніе съ иранскимъ первобытнымъ населеніемъ. Народы центральной Азіи, безспорно, отличаются очень своеобразнымъ типомъ и своеобразнымъ характеромъ и по своему географическому положенію, окруженные цѣпью непроходимыхъ степей, гораздо легче могли сохранить свои національныя особенности. Они, такъ сказать, находились на островѣ среди материка и покидали островъ лишь для кратковременныхъ хищническихъ набѣговъ, изъ которыхъ возвращались на родину, нагруженные награбленными сокровищами, или же рѣшались на организованныя, правильныя переселенія на западъ и югъ Азіи, чтобы захватить себѣ тамъ новую родину. При современномъ этническомъ положеніи центральной Азіи намъ представляются двѣ главныя группы: во-первыхъ, коренные турки, извѣстные подъ именемъ узбековъ, сартовъ и курамовъ, и во-вторыхъ, жители степей, которые, какъ бы они ни назывались, находятся въ близкомъ родствѣ между собой. Турокъ, житель городовъ или селянинъ, сохранилъ лишь мало слѣдовъ своей первобытной національности. Форма его головы и членовъ, носъ, лобъ и подбородокъ свидѣтельствуютъ объ его турецкомъ происхожденіи. По походкѣ и движеніямъ его можно назвать гораздо болѣе туркомъ, чѣмъ его братьевъ въ пустынѣ. Его обычаи и привычки также значительно искажены примѣсью чужестранныхъ магометанскихъ нравовъ; съ другой стороны, его обыденная жизнь и домашнее устройство значительно измѣнились подъ вліяніемъ иранской культуры и того народа, котораго онъ подчинилъ себѣ. Узбекъ какъ въ Хивѣ, Бухарѣ, Коканѣ, такъ и въ восточномъ Туркестанѣ, привыкшій къ деспотическому управленію собственной страны, никогда не будетъ въ силахъ противостоять христіанскимъ завоевателямъ, — все равно, будь то русскіе или англичане. Они, правда, также отличаются азіатскимъ упорствомъ и устойчивостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ проявляютъ замѣчательное послушаніе и покорность, когда прину-

дѣтъ ихъ къ этому настоятельная потребность, и подѣ владычествомъ царя они, вѣроятно, уже по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій обратятся въ то, чѣмъ уже сдѣлались ногайскіе татары въ Казани и въ Крыму, т. е. въ мирныхъ и прилежныхъ русскихъ подданныхъ.

Но совсѣмъ другое надо сказать о кочевникахъ. У нихъ мы находимъ тотъ духъ необузданной свободы, вѣчнаго кочеванія, первобытнаго образа жизни, который отличаетъ всѣхъ жителей пустыни отъ дальнаго сѣвера Азіи до границъ Ирана. Различіе въ проявленіяхъ этого духа зависитъ, главнымъ образомъ, отъ распространенія, свойствъ земли и климата различныхъ частей степи и столько же отъ историческихъ переворотовъ, происходившихъ въ степяхъ. Такимъ образомъ туркменъ, съ которымъ читатель уже достаточно познакомился изъ моихъ прежнихъ путешествій, представляетъ вѣрный снимокъ со своей степной родины, съ ея страшными холодами, жгучимъ солнцемъ, сыпучими песками и горькими солеными источниками. Каракалпакъ въ болотистой дельтѣ Оксуса — по занятіямъ преимущественно скотоводъ или земледѣлецъ и какъ по вѣшности своей, такъ и по поступкамъ, представляется намъ такимъ апатичнымъ, подавленнымъ, неуклюжимъ и неповоротливымъ, такимъ несообразительнымъ и слабохарактернымъ, какимъ можетъ быть только человѣкъ, выросшій среди мѣзмовъ зараженной болотистой мѣстности и проводящій свою жизнь въ тростникахъ въ 12 футовъ вышины. Каракалпакъ былъ всегда недобровольнымъ кочевникомъ, котораго перебрасывали обстоятельства съ береговъ Волги на устья Яксарта и оттуда снова на его прежнюю родину.

При ближайшемъ знакомствѣ съ обширную степною областью къ сѣверу отъ базиса населенія, казакъ, называемый неправильно киргизомъ, снова представляется намъ вѣрнымъ изображеніемъ той почвы, на которой жили его предки въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Въ этой степи, менѣе опасной, чѣмъ Гирканская, соляныя болота смѣняются чистыми озерами, песчаная пустыня — сочными пастбищами, колючки — тамарисовыми плантаціями. Оттого зависитъ лишь вполонину дикій характеръ казака, который, вообще, миролюбивъ.

вѣ и веселѣ туркмена и, не смотря на свое извѣстное пристрастіе къ барантамъ (хищнымъ набѣгамъ), никогда не становился такимъ неисправимымъ, безсовѣстнымъ и безпощаднымъ хищникомъ, какъ іомуды, чайдоры и текки.

Тоже самое можно сказать и о кипчакахъ и каракиргизахъ въ Коканѣ, кочующихъ въ долинахъ западныхъ отроговъ Тіань-шанскаго хребта, въ ущельяхъ снѣжныхъ Алайскихъ горъ и «на крышѣ свѣта» (памирской плоской возвышенности). Неудивительно поэтому, если они, соединяя въ себѣ своеобразныя черты горныхъ и степныхъ жителей, могли упорнѣе сохранить среди дикой природы своей родины дикость своего характера. У нихъ встрѣчаемъ мы турецкія особенности въ ихъ самомъ чистомъ видѣ. По физическимъ признакамъ ихъ расы они близко приближаются къ калмыкамъ и монголамъ, по правамъ же и обычаямъ представляютъ восточную границу, — послѣднюю станцію настоящихъ турокъ. Далѣе мы уже вступаемъ въ область буддистско-китайскаго вліянія и встрѣчаемся съ жителями восточнаго Туркестана, которые, не смотря на свое югурійское происхожденіе, сохранили меньше слѣдовъ туречества, чѣмъ каракиргизы и кипчаки.

Магометанскіе правители настоящаго времени.

Султанъ, шахъ, хедифъ и ханъ — все это титулы, которыми именуются помазанныя главы мусульманскаго Востока. Всѣ они называютъ себя «тѣнями Бога на землѣ», хотя, собственно, по праву, названіе это принадлежитъ одному султану. И, дѣйствительно, они тѣни, только не Бога, но минувшаго величія, померкшаго великолѣпія. Подобно свинцу, тяготеютъ они въ запущенныхъ пустыняхъ своей страны, на бѣдныхъ слояхъ своего народа. Они уже потому должны идти въ кругъ нашихъ наблюденій, что представляютъ главныхъ виновниковъ той нищеты, въ которой пребываетъ ихъ народъ, и что всякое улучшение въ печальномъ положеніи древняго міра вполне зависитъ отъ ихъ личностей и отъ ихъ произвола.

I.

Однажды, въ жаркій лѣтній день 1858 года, въ бухтѣ Чибуклу, на азіатскомъ берегу Босфора, я лежалъ растянувшись на травѣ въ тѣни платана и занимался чтеніемъ классическаго историческаго сочиненія «Hescht Bihischt» («восемь раевъ»). Эти восемь раевъ должны представлять восемь правленій первыхъ восьми султановъ оттоманскаго царствующаго дома. Я забавлялся высокопарными картинами и сравненіями персидскаго писателя, какъ вдругъ ко мнѣ по-

дошелъ кто-то сзади и, слегка тронувъ за плечо, проговорилъ слѣдующія слова: «кто ты, предающійся чтенію такимъ неприличнымъ образомъ? гдѣ научился ты такимъ манерамъ?» Быстро обернулся я назадъ и взглянулъ на нарушителя моего покоя, хотя, конечно, въ ту минуту мнѣ и въ голову не приходило, что я вижу предъ собою потомка тѣхъ самыхъ героевъ, о подвигахъ которыхъ я только-что читалъ. А между тѣмъ это было такъ на самомъ дѣлѣ. Самъ того не зная, я имѣлъ честь разговаривать съ Абдуль-Азисъ-эффенди, тогдашнимъ наслѣдникомъ Абдуль-Меджида, съ человѣкомъ, котораго каждый избѣгалъ, такъ какъ разговаривать съ наслѣдникомъ при жизни султана не совершенно безопасно и можетъ повести за собою грустные послѣдствія, въ прежнія же времена могло даже стоять жизни.

«Я венгерецъ», отвѣчалъ я, — «меня зовутъ Решидъ-эффенди; какъ видишь, я читаю тарихъ (историческое сочиненіе)». Протяжное «такъ», сказанное тономъ презрѣнія, было мнѣ отвѣтомъ. Затѣмъ эффенди окинулъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, быстро повернулся и продолжалъ свой путь, сопровождаемый значительною свитою, среди которой я замѣтилъ нѣсколько слугъ со знаками отличія султанскаго дворца. Лишь гораздо позднѣе узналъ я, что человѣкъ этотъ съ черными глазами, съ презрительнымъ выраженіемъ, со смуглымъ цвѣтомъ лица, небольшого роста, но крѣпкаго сложенія, съ густыми черными усами — бороду наслѣдникъ отпускаетъ только вступивъ на престолъ — былъ не кто иной, какъ Абдуль-Азисъ-эффенди, нынѣшній повелитель Турціи ¹⁾. Абдуль-Азисъ въ то время часто проходилъ по этой дорогѣ, ведущей къ его имѣнію, недалеко отъ бухты, гдѣ онъ могъ пользоваться болѣе свободнымъ существованіемъ, сбросивъ съ себя оковы дворцоваго этикета и не опасаясь аргусовыхъ глазъ шіюновъ, приставленныхъ къ нему его подозрительнымъ братомъ. Во дворцахъ Босфора, въ великолѣпныхъ залахъ Дольма-бакче, тогдашній

¹⁾ Книга эта вышла въ свѣтъ незадолго предъ послѣдними событіями въ Турціи.

Прим. переводч.

наслѣдникъ престола долженъ былъ чувствовать себя стѣсненнымъ, такъ какъ между наслѣдникомъ и султаномъ всегда существовали натянутыя и непріязненныя отношенія. Абдуль-Меджидъ старался выставить себя представителемъ современной европейской культуры. Онъ, по самой природѣ своей, былъ расположенъ къ нѣжности, питалъ пристрастіе къ нѣжнымъ идеямъ, нѣжнымъ чувствамъ и изящнымъ манерамъ и выше всего ставилъ тонкій вкусъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Братъ же его уже изъ противорѣчія выказывалъ совершенно обратный образъ мыслей. О немъ говорили, что онъ гораздо больше ожидаетъ добра для Турціи отъ древней формы правленія отъ древняго взгляда на отношенія къ западу, чѣмъ отъ безусловнаго подчиненія послѣднему и рабскаго подражанія франкамъ. Хотя этотъ образъ мыслей и не свидѣтельствовалъ объ умственныхъ способностяхъ тогдашняго наслѣдника, тѣмъ не менѣе этотъ упорно держался своихъ убѣжденій. Физическую силу онъ цѣнилъ гораздо выше, чѣмъ всѣ умственные преимущества. Одежда, кушанье и увеселенія нравились ему лишь въ томъ случаѣ, если носили на себѣ отпечатокъ неискаженнаго древняго турецкаго вкуса, и между тѣмъ, какъ братъ его заставлялъ европейскихъ виртуозовъ разыгрывать предъ нимъ симфоніи нашихъ великихъ музыкантовъ или представлять новѣйшія оперы на маленькомъ, роскошно убранномъ, домашнемъ театрѣ, — наслѣдникъ забавлялся въ своемъ вышеупомянутомъ имѣніи боемъ атлетовъ и не гнушался даже время отъ времени самъ одѣвать пропитанныя масломъ панталоны, чтобы выказать свою силу въ борьбѣ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Утомившись отъ подобныхъ занятій, онъ забавлялся пѣтушинымъ боемъ. Даже дѣвушки, черкешенки, должны были для его забавы вступать между собой въ поединокъ, а простые шуты коверкали передъ нимъ европейскіе обычаи, и чѣмъ грубѣе была карриатура, тѣмъ больше вызывала она одобренія и тѣмъ щедрѣе награждалась его высочествомъ, наслѣдникомъ. Въ этомъ имѣніи отражалась вся жизнь древне-турецкаго общества прежнихъ столѣтій.

Абдуль-Меджидъ, отъ котораго не могъ оставаться скрытымъ по-

добный образъ дѣйствій, съ большимъ неудовольствіемъ слѣдилъ за грубыми склонностями своего брата. Чтобы испытать его вкусъ, онъ послалъ къ нему хорошаго итальянскаго живописца, которому поручилъ убранство его дома, и не мало ужаснулся, увидя, что всѣ комнаты окрашены въ ярко-пунцовый цвѣтъ — любимый цвѣтъ Абдуль-Азиса. Непринятый лучшимъ константинопольскимъ обществомъ, Абдуль-Азисъ окружилъ себя товарищами и пріятелями, вполне соответствовавшими его грубой турецкой природѣ. Неврезъ-паша, извѣстный кутила изъ Скутари, — о которомъ европейскія газеты все-еще продолжаютъ говорить какъ о живомъ человѣкѣ, хотя онъ уже 2 года назадъ умеръ въ Вѣнѣ, вслѣдствіе неумѣреннаго пьянства, — уже тогда былъ другомъ и повѣреннымъ Абдуль-Азиса, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Респадомъ и Хосрефомъ, и не мало способствовалъ тому, что изъ старо-турецкаго наслѣдника выработался старо-турецкій султанъ. Абдуль-Азисъ уже тогда время отъ времени страдалъ помраченіемъ разсудка, припадками ярости, общимъ расслабленіемъ, расширеніемъ желудка и другими слѣдствіями неправильнаго образа жизни. Подъ строгою тайною передавали тогда другъ другу удивительные рассказы объ этомъ сынѣ Махмуда, неуступавшемъ своему отцу по дикой ярости и по стремленію къ деспотизму, но не выказывавшемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его энергіи и рвенія для предполагаемой пользы своего народа.

Съ подобными склонностями вступилъ нынѣшній султанъ Турціи на престолъ по смерти своего брата въ 1861 году, помня изреченіе: «*naturam expellas furco, tamen usque recurret*» или турецкую поговорку: «природа лежитъ надъ душою, т. е. сначала нужно удалить первую, чтобы достигнуть послѣдней», и, конечно, никто не удивится, что султанъ остался такимъ же, какимъ былъ наслѣдникъ, и что правила и страсти его еще болѣе развились по мѣрѣ увеличенія его могущества. Если прежде только узкому кругу его друзей приходилось переносить его капризы и причуды, то теперь отъ нихъ страдала цѣлая страна, цѣлый народъ. Пока Фуадъ и Али были въ живыхъ, пока эти совѣтники, переданные ему братомъ, оставались

вблизи его, султанъ еще былъ принужденъ сдерживать нѣсколько свои склонности, опасныя для всей страны. Абдуль-Азисъ отъ души ненавидѣлъ обоихъ этихъ сановниковъ и такъ страшился ихъ, что всегда чувствовалъ себя нездоровымъ, когда объявляли объ ихъ приходѣ. Но такъ какъ онъ не могъ или не смѣлъ избавиться отъ нихъ, то первые годы его правленія, конечно, не были самыми приятными для него самого. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что Наполеонъ III выразилъ желаніе видѣть султана въ числѣ своихъ гостей во время парижской выставки. Отказать великому французскому императору было невозможно. Удивительный Абдуль-Азисъ появился въ Европѣ, сопровождаемый Фуадъ-пашею, которому поручено было представить его европейскимъ дворамъ и европейскому обществу. Читатель легко можетъ догадаться, каково было на душѣ турецкаго величества при подобныхъ парадныхъ выѣздахъ. Ему были глубоко ненавистны европейскіе города, европейскія искусство и промышленность, наука и культура, и онъ все-таки долженъ былъ терпѣливо выслушивать наставленія Фуада — этого франка въ душѣ —, какъ принимать депутаціи отъ невѣрныхъ, какъ отвѣчать невѣрнымъ ораторамъ и пріятно улыбаться имъ. Нужно ли говорить, сколько пользы принесло такому правителю путешествіе на Западъ и близкое сношеніе съ западною культурою. Путешествіе это, конечно, не только не принесло пользы султану и его странѣ, но нанесло имъ страшный вредъ. Въмѣсто восхищенія, оно возбудило въ немъ ненависть и зависть, тѣмъ сильнѣе, что въ турецкомъ обществѣ не было недостатка въ людяхъ, выхваляющихъ восточную культуру на счетъ западной и что подобнымъ людямъ всегда былъ открытъ входъ къ султану; естественнымъ слѣдствіемъ было то, что правитель, расположенный къ старымъ понятіямъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, еще сильнѣе укоренился въ своей ненависти къ реформамъ. Тѣмъ временемъ смерть Фуада и Али освободила его отъ этихъ двухъ докучныхъ совѣтниковъ. Они были послѣ Рашидъ-паши единственными людьми, способными провести въ Турціи необходимыя реформы. Послѣ ихъ смерти Абдуль-Азисъ сдѣлался самодержцемъ въ полномъ смыслѣ этого

слова. Свободный отъ дикаго контроля янычаровъ и улемовъ, ограниченныхъ еще его отцомъ, не опасаясь общественнаго мнѣнія въ Европѣ, предъ которымъ всегда трепеталъ его братъ, освободившись, наконецъ, отъ совѣтовъ двухъ названныхъ сановниковъ, которые, какъ уже сказано, всегда внушали ему глубокое отвращеніе и которыхъ онъ терпѣлъ лишь потому, что не смѣлъ ихъ замѣнить другими, менѣе даровитыми, — Абдуль-Азисъ началъ теперь править по собственному произволу и вступилъ на ту политическую дорогу, которая привела теперь Турцію на край гибели и извнѣ скопила противъ нея тѣ грозныя тучи, которыя рано или поздно разразятся надъ этимъ государствомъ. Начиная съ этого времени, до изумленной Европы каждый мѣсяцъ, почти-что каждую недѣлю, стали доходить извѣстія о перемѣнѣ правителей на Босфорѣ. Сановники назначались и увольнялись, не успѣвъ еще прибыть на мѣсто назначенія; на важныя мѣста назначались люди, не имѣвшіе ни малѣйшихъ понятій о дѣлахъ; милость быстро смѣнялась немилостью, основываясь единственно на капризахъ властителя, которому наперерывъ льстили его мать, его жены и придворные и въ глазахъ котораго дѣла правленія казались гораздо менѣе важными и серьезными, нежели тѣ забавы и увеселенія, которымъ онъ предавался еще наслѣдникомъ въ упомянутомъ нами имѣніи.

Что правитель съ подобными наклонностями не могъ сдѣлать Турцію иною, чѣмъ какою она намъ является теперь, — понятно само собою. Паденію Турціи много способствовалъ характеръ ея нынѣшняго правителя. Въ юности онъ предавался тѣлеснымъ упражненіямъ и мужественнымъ играмъ, теперь же избѣгаетъ всякаго движенія и цѣлыми часами остается неподвижно, погрузившись въ мягкія подушки дивановъ своего дворца. При очень недостаточномъ восточномъ образованіи и полномъ незнаніи европейскихъ языковъ, вмѣсто чтенія ему служатъ очень примитивныя увеселенія, и на первомъ мѣстѣ — наслажденія стола. За обѣдомъ ему ежедневно подаютъ отъ 40—50 блюдъ, которыя онъ всѣ только пробуетъ; онъ кушаетъ лишь то, что остается у него на пальцахъ по однократномъ

погруженіи ихъ въ кушанье. Также поступаетъ онъ съ кофе и трубкой, которою онъ всегда затягивается только разъ. Затѣмъ онъ проводитъ время, посѣщая курятники, уродливыя картинныя галлерен, представленія шутовъ и паяцовъ и т. д. Въ то время, какъ Абдуль-Меджидъ, не смотря на свое слабое здоровье, ежедневно проводилъ по нѣскольку часовъ въ канцеляріи своего кабинета, пылкій правитель посѣщаетъ ее очень рѣдко и даже подписываетъ официальные бумаги въ своихъ покояхъ. Онъ очень равнодушенъ къ дѣламъ правленія и измѣняетъ своей обычной апатіи лишь тогда, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи денегъ или когда въ немъ внезапно проснется искорка военного самолюбія или пробудится желаніе придать себѣ новый блескъ построеніемъ новыхъ дворцовъ.

II.

Вторая личность въ ряду мусульманскихъ правителей Азіи представляется намъ въ лицѣ Насреддинъ-шаха, персидскаго царя, самодержца въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ султанъ, такъ какъ страна его и то общество, во главѣ котораго онъ стоитъ, сохранили болѣе азіатскихъ коренныхъ обычаевъ, чѣмъ Турція, и вслѣдствіе этого и его царственная личность украшена болѣе яркими погремужками восточнаго проявленія власти. Онъ полный самодержецъ, но тѣмъ не менѣе врядъ-ли кто станетъ завидовать блеску его земнаго величія. Какъ извѣстно, Насреддинъ-шахъ выросъ въ постоянномъ страхѣ отъ суроваго отца и происковъ матери, стремившейся лишить его жизни. Не удивительно поэтому, что страхъ, въ которомъ постоянно жилъ царскій ребенокъ, отразился на повелителѣ послѣ вступленія его на престолъ и придалъ его характеру тотъ оттѣнокъ нерѣшимости, который и въ зрѣлыхъ годахъ дѣлаетъ изъ него ребенка. Сравнительно съ его царственнымъ братомъ на Босфорѣ, Насреддинъ-шахъ представляется человѣкомъ мягкаго характера, правителемъ съ хорошими намѣреніями, сыномъ Востока въ обновленномъ изданіи. Онъ нѣсколько знакомъ какъ съ восточною, такъ и

съ западною культурою, понимаетъ нѣчто въ исторіи и литературѣ своего народа, и ему не чужды даже нѣкоторыя изъ европейскихъ наукъ, болѣе соотвѣтствующія его собственному вкусу. Онъ самъ пишетъ стихи, хотя, правда, довольно плохіе, знаетъ главныя эпохи въ исторіи своего народа, имѣетъ нѣкоторыя познанія въ географіи и составилъ себѣ болѣе ясное понятіе о франкскомъ обществѣ и франкской политикѣ, нежели многіе изъ его подданныхъ и предшественниковъ на иранскомъ престолѣ; вообще, онъ стоитъ на гораздо болѣе высокой ступени образованія, чѣмъ нынѣшній повелитель отомановъ.

Нельзя отрицать у него многихъ преимуществъ; но къ чему служатъ они всѣ въ виду громаднаго разстоянія между его собственнымъ образованіемъ и образованіемъ его народа? Персія, по интеллигенціи, отстала отъ Турціи уже на цѣлое столѣтіе. Жители послѣдней изъ этихъ странъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ насильно загоняются на школьныя скамьи, для усвоенія современнаго міровоззрѣнія, и невольно принимаютъ нѣкоторыя новѣйшія понятія, и еслибы была только на это воля, то Турція уже могла бы теперь стоять гораздо выше того, чѣмъ стоитъ на самомъ дѣлѣ. Персія же все-еще окружена густымъ туманомъ древне-азіатскихъ міровоззрѣній и древне-азіатскихъ предразсудковъ. Лучамъ западной культуры не удалось еще разсѣять этотъ туманъ; къ тому же страна слишкомъ мала, народъ слишкомъ бѣденъ, чтобы позволить себѣ роскошь дорогихъ культурныхъ экспериментовъ. И въ этомъ заключается причина, что персіяне, не смотря на неотрицаемыя умственныя способности, не смотря на всѣ преимущества свои предъ остальными жителями Востока, все-еще страдаютъ всѣми пороками и недостатками азіатовъ и все-еще представляютъ обломки древней Азіи со всѣми ея уродливостями. Подобному народу, конечно, мало могутъ принести пользы болѣе или менѣе ясныя взгляды, болѣе или менѣе развитый образъ мыслей самого правителя. Лишь мало-по-малу, въ очень незначительной степени, могутъ отразиться слѣды его дѣятельности, и если правитель къ тому же нерѣшителенъ и робокъ, подобно Насреддину-шаху, то не удивительно, что его

болѣе чѣмъ 40-лѣтнее правленіе прошло почти безслѣдно. Быть можетъ, этому результату способствовали также безнадежность и уныніе. Насреддинъ при всякомъ случаѣ выказываетъ замѣчательное отвращеніе къ своему двору, къ своему правленію, — словомъ, ко всему своему окружающему. Издержки его двора не могутъ и отдаленно сравниться съ издержками султана, такъ какъ послѣдній въ одинъ мѣсяцъ проживаетъ больше, чѣмъ первый въ цѣлый годъ. Гаремъ шаха состоитъ лишь изъ немногихъ женъ; о дворцахъ не можетъ быть и рѣчи. Вся роскошь, весь блескъ персидскаго шаха ограничивается содержимымъ нѣсколькихъ шкатулокъ съ драгоценностями, съ которыми онъ поэтому не расстаётся почти никогда, даже отправляясь на охоту. Похвальное различіе, замѣтное между индивидуальными особенностями обоихъ правителей, отражается также и на ихъ вкусахъ и увеселеніяхъ. Насреддинъ очень умѣренъ въ пищѣ и питьѣ и въ этомъ послѣднемъ отношеніи могъ бы служить даже похвальнымъ исключеніемъ не только между своими подданными, но и въ образованной Европѣ. Попойки во вкусѣ турецкаго султана рѣдко происходятъ при дворѣ персидскаго шаха. Въ то время, какъ Абдулъ-Азисъ цѣлыми днями не покидетъ своего дворца, Насреддинъ находитъ удовольствіе въ мужественныхъ упражненіяхъ, въ охотѣ и въ ѣздѣ верхомъ; даже во время самой суровой зимы онъ отправляется на охоту, и не одинъ избѣженный придворный долженъ противъ воли сопровождать своего господина въ теченіе цѣлыхъ недѣль, подъ холодомъ и дождемъ, въ дикихъ горахъ Эльбеирца.

Сопоставляя всѣ отличительныя черты характера Насреддина, мы должны сознаться, что при многихъ хорошихъ сторонахъ ему все-таки недостаетъ тѣхъ свойствъ, которыя всего необходимѣе для правителя-самодержца. Насреддинъ безспорно отличается такими тонкими чувствами, такою любовью, сираведливостью, какихъ можно ожидать только отъ персіянина, притомъ восточнаго потентата. Тщеславіе и любовь къ роскоши проявляются въ немъ менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать по тѣмъ поступкамъ, на которые обязываютъ его положеніе и санъ. Въ расточительности его также нельзя упрекнуть; его подо-

зрѣваютъ даже въ противномъ, и здравый смыслъ слишкомъ хорошо показываетъ ему настоящее положеніе Ирана, чтобы онъ могъ предаваться тѣмъ обманчивымъ иллюзіямъ, которыми такъ охотно убаюкиваетъ себя его царственный братъ на Босфорѣ. Когда поэтому идетъ рѣчь о жестокостяхъ и проявленіяхъ варварства во время его правленія, то эти послѣднія скорѣе слѣдуетъ приписать общему духу его страны и народнымъ обычаямъ, чѣмъ его личной инициативѣ. Въ послѣднее время, послѣ недавнихъ событій въ Персіи, пришлось даже защищать его до извѣстной степени отъ упрека въ нерѣшительности и слабохарактерности, такъ какъ ему пришлось выдержать упорную и неравную борьбу съ фанатическимъ духовенствомъ и строго-консервативнымъ, древне-азіатскимъ образомъ мыслей цѣлаго народа. Если персовъ можно упрекать во всѣхъ порокахъ, во всей распушенности, характеризующихъ азіятовъ, то ихъ шахъ меньше всего виновенъ въ этомъ, и только человѣкъ, хорошо знающій страну и ея обитателей, можетъ оцѣнить ту нравственную пропасть, которая отдѣляетъ послѣднихъ отъ ихъ правителя.

III.

Отъ древняго государства Хосроэ перейдемъ къ еще древнѣйшему царству Фараоновъ на берегахъ Нила и познакомимся съ третьимъ членомъ въ триумвиратѣ полуевропейскихъ представителей Ислама. Измаилъ-паша представляется во всѣхъ отношеніяхъ самою интересною личностью изъ всѣхъ, и въ двусмысленномъ блескѣ его вполнѣ вѣрно отражается весь обманчивый лоскъ ихъ величія. Не смотря на это, изъ всѣхъ трехъ онъ безспорно самый талантливый, и, принимая въ соображеніе усилъ, которымъ увѣнчивалась до сихъ поръ его дѣятельность, его можно назвать и самымъ счастливымъ изъ нихъ. Признавая себя въ Азіи пашею и сановникомъ султана, а въ Европѣ выставляя себя самостоятельнымъ царькомъ, этому внуку Мегмета-Али удалось не только упрочить свою власть въ странахъ Нила, но и бросить Европѣ столько пыли въ глаза, что его стали

признавать мудрымъ государемъ, самымъ цивилизованнымъ изъ всѣхъ правителей Ислама. Кому случалось видѣть Исмаиль-пашу въ переднихъ султанскаго дворца въ Константинополѣ — а сидѣть въ этихъ переднихъ ему приходится часто и долго —, кто видѣлъ, какъ онъ въ согбенномъ положеніи, со скрещенными на груди руками, стоитъ предъ Абдулъ-Азисомъ, котораго такъ превосходитъ въ умственномъ отношеніи, и даже послѣ многократныхъ приглашеній не рѣшается изъ почтенія сѣсть на стулъ, тотъ, конечно, съ трудомъ узналъ бы въ немъ того самаго вице-короля, который съ такимъ апломбомъ представляетъ себя самостоятельнымъ правителемъ при дворахъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Тамъ — поклоны, низкіе темѣны, богатые подарки, здѣсь — великіе планы на будущее, на завоеваніе цѣлой половины части свѣта, на возстановленіе царства Рамзесовъ и т. д. и т. д. Контрастъ, дѣйствительно, довольно рѣзкій; но онъ по силамъ 45-ти-лѣтнему сыну Ибрагима-паши. Не даромъ провелъ онъ свою юность въ Парижѣ; на берегахъ Сены научился онъ искусству политической комедіи, и, какъ офранцузившійся турокъ, съ официальной арабской національностью — слѣдовательно со смѣшеніемъ иранскихъ, туранскихъ и семитскихъ расовыхъ особенностей —, онъ имѣетъ много шансовъ превратить эту комедію въ главу исторической дѣйствительности, если только кто-либо изъ тысячи игроковъ европейской дипломатіи и парижскихъ и лондонскихъ царей биржи не разстроитъ внезапно всѣ его планы.

Египетъ гораздо ближе къ Европѣ и къ нашимъ интересамъ, нежели всѣ другія части магометанскаго міра, и потому не надо удивляться, если Каиръ, это зимнее мѣстопробываніе европейскихъ грудныхъ больныхъ, въ послѣднее десятилѣтіе сталъ значительно возвышаться надъ столицей Босфора. Это, правда, слѣдуетъ приписать личности нынѣшняго хедива, — личности, могущей представить очень полновѣсныя доказательства въ важномъ вопросѣ о способности къ цивилизаціи исламскаго народа. Я вполне соглашаюсь со мнѣніемъ многочисленныхъ и свѣдующихъ писателей о современномъ Египтѣ, касательно настоящей цѣны реформъ на берегахъ Нила. Конечно,

никто, хорошо знающій Азію, не станетъ возлагать слишкомъ большихъ надеждъ на высокопарныя прокламаціи вице-короля, обещающаго осчастливить свой народъ, упростить администрацію, преобразовать управленіе финансами, юстицію и школы, возродить торговлю и ремесла, и т. д. Однако одного нельзя не признать: Измаиль-паша далъ до сихъ поръ достаточно доказательствъ своей религіозной терпимости, и изъ всѣхъ мусульманскихъ потентатовъ настоящаго и прошлаго лишь онъ одинъ не придастъ никакого значенія словамъ «гяуръ» и «кафиръ» и совсѣмъ не возмущается, когда другіе царственные братья его прикладываютъ къ нему самому названіе «гяуръ». Въ настоящее время Измаиль-паша возложилъ на своего министра внѣшнихъ дѣлъ Нубаръ-пашу, христіанина (M. D'or), заботы объ улучшеніи народныхъ школъ. Христіане стоятъ во главѣ управленія финансами, и такъ какъ Измаиль-паша призываетъ къ себѣ многихъ христіанскихъ офицеровъ для расширенія границъ своего государства на югѣ, то намъ представляется странное зрѣлище христіанскихъ талантовъ, служащихъ орудіями распространенія полумѣсяца въ Африкѣ, — а завоеванія Ислама въ этой части свѣта далеко не незначительны.

Я повторяю снова: всѣ дѣйствія Измаила-паши быють на рекламу, на эффектъ; но многое въ нихъ нельзя не признать истиннымъ и солиднымъ. Вице-король находится теперь въ цвѣтѣ лѣтъ, и на его правленіе можно было бы возлагать болѣе блестящія надежды, еслибы только онъ не сдерживались очень основательнымъ страхомъ, что ему рано или поздно не хватить пороха, т. е. что онъ, по денежнымъ обстоятельствамъ, приблизится къ той же катастрофѣ, въ которую проваливается теперь его покровитель въ городѣ на семи холмахъ, на берегахъ Босфора. Измаиль-паша, правда, уже давно побѣдилъ предрасудки другихъ азіатовъ и счумѣлъ соединить княжескій санъ съ занятіями купца и промышленника: онъ ведетъ большую торговлю рисомъ и хлопчатую бумагою. Но, съ другой стороны, вице-король присвоилъ себѣ не только европейскій меркантильный духъ, но и старательно изучилъ манеры европейскихъ властителей и ста-

рается подражать имъ во всемъ. Его дворцовый театръ, его балетная труппа, его баснословная роскошь въ хозяйствѣ, деньги, платимыя европейскимъ органамъ прессы, и къ тому же большіе подарки, которые ему приходится дѣлать въ Константинополѣ,—стоятъ въ рѣзкой дисгармоніи какъ съ кассою вице-короля, такъ и съ приходною книгою торговца хлопчатой бумаги. Вслѣдствіе сильныхъ колебаній въ этомъ балансѣ, хедиву пришлось въ послѣднее время продать свои акціи въ Суэцкомъ каналѣ англійскому правительству; но и эта сдѣлка не могла удалить финансовую нищету. Поэтому все-еще остается открытымъ вопросъ: какъ долго можетъ продолжаться эта безсмысленная расточительность, и не придется ли еще Западу вмѣшаться въ дѣла Египта, не смотря на признанныя качества нынѣшняго правителя на берегахъ Нила.

IV.

Мы будемъ говорить теперь о ханахъ или эмирахъ, какъ они называютъ себя, и говорить въ общихъ чертахъ, такъ какъ всѣ они, въ сравненіи со своими западными царственными братьями и единовѣрцами, представляютъ довольно вѣрное изображеніе древнихъ историческихъ характеровъ. Они, правда, также отчасти не избѣгли европейскаго вліянія, хотя ихъ еще не освѣтили лучи современной культуры; эта послѣдняя, конечно, врядъ ли и достигнетъ ихъ, такъ какъ Европа вовсе не расположена на попытки къ культурной миссіи, потому что до сихъ поръ опытъ показалъ, что завоеванія должны предшествовать цивилизации, а при завоеваніяхъ личность туземныхъ князей мало принимается въ соображеніе.

Изъ всѣхъ нынѣ царствующихъ хановъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ, сынъ и преемникъ Достъ-Магомета, безспорно занимаетъ первое мѣсто по своимъ познаніямъ и ясному пониманію европейскаго положенія. Уже въ ранней юности ему пришлось познакомиться съ сынами Альбіона въ ихъ красномъ военномъ мундирѣ и съ ихъ бритыми лицами, и съ самаго дѣтства ему пришлось восхищаться страннымъ франк-

скимъ народомъ и, издѣваясь надъ нимъ, втайнѣ боятъся его. Одно время, вскорѣ послѣ несчастнаго похода англичанъ въ Афганистанъ, онъ началъ, правда, сомнѣваться въ непреодолимой силѣ франковъ, хотя его хитрый отецъ и старался убѣдить его въ противномъ. Вступивъ на престолъ, онъ, однако, повидимому, пришелъ къ болѣе благоразумному образу мыслей. Такъ какъ въ Афганистанѣ, да и всюду, правительство нуждается въ деньгахъ, а деньги, какъ знаютъ хорошо въ Азін, а отчасти и въ Европѣ, всего легче добыть отъ англичанъ, то и этому афганскому князю пришлось разстаться съ нѣкоторыми предразсудками и обратиться съ покорною просьбою о помощи чрезъ Пешаверь въ Калькуту. Это было исходною точкою и главною цѣлью всѣхъ его стремленій къ цивилизаціи. Болѣе всего онъ желалъ бы перенять у франковъ хорошую армію, хорошее вооруженіе и полную кассу для укрощенія непокорныхъ вассаловъ, а также, можетъ быть, и для удовлетворенія собственной алчности, такъ какъ нынѣшній правитель Афганистана прежде всего заботится о благосостояніи собственнаго семейства и, при той неизвѣстности, которою окружена вообще будущность его страны, ставитъ интересы своей династіи на второй планъ. Ширъ-Али-ханъ отличается очень непостояннымъ характеромъ и постепенно является то очень жестокимъ, то милосерднымъ. Такъ напр., онъ щадитъ своего даровитаго сына Якубъ-хана лишь изъ уваженія къ Англіи, иначе же давно послалъ бы его изъ узкой темницы на казнь. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ того, онъ выказываетъ чисто женскую слабость характера, и его легко растрогать до слезъ. По характеру своему — афганецъ, по одеждѣ и нравственному развитію — туркменъ, онъ все еще преслѣдуетъ тотъ идеалъ челоѣческаго совершенства, который представлялся 500 лѣтъ тому назадъ его народу, а именно выше всего ставитъ талантъ полководца и все затмѣвающую храбрость. Къ политическимъ спекуляціямъ онъ выказываетъ мало способностей, хотя страна его въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ очень серьезныхъ соображеній между лондонскимъ и прусскимъ кабинетами. Политическія комбинаціи внушаютъ ему, можетъ быть, такія же сим-

патін къ одному и антипатін къ другому государству. Но онъ не имѣетъ возможности слушаться ихъ, такъ какъ Ширъ-Али очень желалъ бы получить субсидію отъ обоихъ соперничающихъ франкскихъ государствъ, хотя не чувствуетъ расположенія ни къ одному изъ нихъ.

При всемъ томъ судьба его все же болѣе блестяща, чѣмъ судьба его *chers frères* по ту сторону Оксуса. Изъ нихъ двое, а именно правители Кокана и Хивы, уже совершенно утратили свою самостоятельность, тогда какъ третій, а именно Музафаръ-Эддинъ въ Бухарѣ, обязанъ нѣкоторою тѣною независимости только великодушію своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Человѣкъ этотъ—вѣрный прототипъ исламскихъ регентовъ, со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками, но безъ могучаго отпечатка матеріальнаго величія Саманидовъ и Сельджукидовъ. Какъ ни безумна была надежда возстановить его, однако онъ со рвеніемъ принялся за ея выполненіе, такъ какъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о революціи и переворотахъ послѣднихъ столѣтій. Онъ сомнѣвался даже въ самомъ существованіи Европы и, подобно своему отцу, приходилъ въ ярость, когда кто-нибудь осмѣливался упоминать въ его присутствіи объ Англіи, о существованіи которой онъ узналъ всего нѣсколько недѣль тому назадъ, какъ о великомъ государствѣ. Однако, русскіе штыки скоро облагоразумили Музафаръ-Эддина и убѣдили его въ его собственномъ невѣжествѣ и ослѣпленіи. Онъ былъ совершенно побитъ и спасся отъ полной гибели лишь благодаря своему спекулятивному уму. Онъ дѣйствовалъ сообразно турецкой пословицѣ, повелѣвающей цѣловать руку, которую не можешь отрубить, и по крайней мѣрѣ своею собственною жизнью обезпечивалъ себѣ тѣнь правленія. Что же будетъ послѣ,—это его заботитъ очень мало. По всей вѣроятности, онъ послѣдній изъ своего дома, послѣдній изъ князей на престолѣ Маверахъ-унъ-Нехера или Трансоксаніи. И это, конечно, большое несчастье для него самого, но отнюдь не для его народа, ни для отечества вообще.

На самой крайней восточной границѣ области Ислама представляется намъ еще одна личность властителя, съ которой мы должны

познакомить читателя. Это не кто иной, какъ Эмиръ-Якубъ-ханъ, новый повелитель восточнаго Туркестана, который въ послѣднее время въ глазахъ всего западнаго міра основалъ громадное государство и, такъ сказать, импровизировалъ эпоху древне-азіятской исторіи. Сынъ простаго таможеннаго чиновника, этотъ человѣкъ, съ однимъ мечемъ въ рукѣ, затопталъ въ грязь украшенные драконами знамена могучаго китайскаго императора, отбросилъ прежнихъ завоевателей за ихъ естественную границу и теперь править съ іерархическою строгостью, живо напоминающею мусульманскихъ государей среднихъ вѣковъ. Эмиръ Якубъ-ханъ энергиченъ, бдителенъ, уменъ, мужественъ, выносливъ, и, вообще, изъ него могъ бы выйти великій человѣкъ. Но его несчастье состоитъ въ томъ, что онъ разыгрываетъ свою роль не въ XII или XIII столѣтіи, а семью вѣками позже, и что ему приходится бороться не противъ китайцевъ и другихъ азіатовъ, а противъ могучей Россіи и созвѣздій европейской политики. Еслибы дѣло было иначе, то, вѣроятно, эмиръ Якубъ-ханъ былъ бы вторымъ Ченгисомъ, вторымъ Тамерланомъ. Во всякомъ случаѣ человѣкъ этотъ заслуживаетъ наше удивленіе.

.

Даже поверхностный взглядъ на эту галлерей властителей убѣждаетъ европейскаго читателя въ томъ, что судьба мусульманскихъ народовъ находится далеко не въ лучшихъ рукахъ. На Западѣ говорятъ: «каковъ народъ, таково и правительство». На Востокѣ же слѣдуетъ сказать совершенно противное. Въ древнія времена, дѣйствительно, встрѣчались въ томъ или другомъ государствѣ правители, которые, побуждаемые самолюбіемъ или сознаніемъ патріархальныхъ обязанностей, заботливо слѣдили за благосостояніемъ ввѣреннаго имъ народа и въ воспоминаніи потомковъ дѣйствительно заслужили названіе великихъ. Но въ послѣднія пять столѣтій число подобныхъ государей значительно уменьшилось. Въ Персіи послѣ смерти шаха Аббаса ни одинъ правитель не отличался въ этомъ отношеніи. Всюду мы встрѣчаемъ то же слѣпое преслѣдованіе узкихъ интересовъ и личныхъ

страстей, и нигдѣ не видимъ и слѣдовъ заботы о странѣ. Азія во многихъ отношеніяхъ должна была сбросить прежнюю одежду; но она еще не заказала себѣ новой. То же самое можно сказать и объ отношеніяхъ восточныхъ государей къ ихъ народамъ, а между тѣмъ эти народы больше нуждаются въ руководителяхъ, чѣмъ народы Запада. Поэтому, принимая въ соображеніе бездушный эгоизмъ ихъ государей, судьбу ихъ слѣдуетъ дѣйствительно назвать печальною.

ПОСЛОВИЦЫ.

Мы не можемъ лучше заключить рядъ нашихъ очерковъ, какъ познакомивъ читателя съ нѣкоторыми изъ тѣхъ народныхъ пословицъ, которыя истекають изъ чистаго неподдѣльнаго народнаго духа, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь мусульманскихъ народовъ и всего вѣрнѣе отражаютъ міровоззрѣніе, нравственность и обычаи того общества, обыденную жизнь, привычки и духъ котораго мы пытались изобразить въ этой книгѣ. Пословицы эти, извѣстныя въ описанныхъ странахъ каждому и, кромѣ того, окруженныя святостью преданія, пользуются тамъ большимъ уваженіемъ: османъ называетъ ихъ «словами отцевъ», татаринъ — «словами предковъ», аравитянинъ — «неизмѣнными примѣрами». Но всюду признаются онѣ квинтъ-эссенціей мудрости и считаются лучшимъ путеводителемъ въ жизни во всевозможныхъ случаяхъ, при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Пословицы эти можно встрѣтить какъ въ письменномъ, такъ и въ разговорномъ языкѣ, какъ во дворцѣ великихъ міра сего, такъ и подъ палаткою кочевника; и какъ ученые и образованные пользуются ими въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ и напыщенныхъ рѣчахъ, точно такъ же и кочевникъ всегда примѣшиваетъ къ своей рѣчи какую-нибудь пословицу, на которую смотритъ какъ на родъ талисмана. Повторяю, такое „слово отцевъ“ сынъ пустыни всегда принимаетъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица. Никакая логика, никакое убѣжденіе не могли-бы внушить ему мысль, противорѣчащую смыслу пословицы, и

консерватизмъ, прирожденный его характеру, ни въ чемъ не проявляется такъ сильно, какъ именно въ этой упорной, непоколебимой вѣрѣ въ мудрость и непогрѣшимость предковъ и ихъ изреченій. Въ виду этого, намъ кажется вовсе не излишнимъ представить нашему читателю маленькую антологию коренныхъ пословицъ. Многія изъ нихъ, именно османскія и узбекскія, собраны мною самимъ и отчасти уже сообщены ученому свѣту въ моихъ нѣмецкихъ и венгерскихъ филологическихъ трудахъ; здѣсь я въ первый разъ представляю ихъ болѣе обширному кругу читателей. Казанско-татарскія пословицы собраны трудами моего прежняго ученика, доцента г. Балинта, который вывезъ ихъ изъ своихъ путешествій среди татаръ, калмыковъ и монголовъ; другія я заимствовалъ изъ превосходныхъ работъ нѣмецкаго ученаго Радлова, заслужившаго такую прочную извѣстность своими изслѣдованіями въ тюркскихъ южносибирскихъ языкахъ.

Пословицы османскія.

1. Ремесло отца наследуется сыновьями.
2. Мелочная скупость приводитъ къ большому убытку.
3. Не вынуждай у несчастнаго жалобъ: сами скажутся.
4. Богъ сотворилъ братьевъ вмѣстѣ, а кошельки ихъ порознь.
5. Ложка, полная пищи, неоцѣненна.
6. Дитя не заплачетъ, мать не накормить.
7. Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ.
8. Горькому Бадриджану (растение *Solanum Melongena*) морозъ не вредить.
9. Маленькій подарокъ отъ сердца, большой отъ полного кошелька.
10. Кто ищетъ вреда, найдетъ его и у своего благодѣтеля.
11. Богъ дастъ человѣку лишь въ той мѣрѣ, въ какой просить душа.
12. Не обращай своего золотого имени въ мѣдъ.
13. Хотя-бъ ты былъ огнемъ, и тогда не спалилъ-бы больше мѣста, чѣмъ покроетъ твое тѣло (т. е. не грозись слишкомъ многимъ).
14. И туфля не осталась-бы на землѣ, еслибъ могла подняться на дерево (т. е. удалившись, не оставляетъ по себѣ никого, кто-бы оплакалъ ее).
15. Влюбленному и Багдадъ не далекъ.
16. Чеснокъ твой батька, чеснокъ и matka; откуда-жь такой ароматъ? (Мы знаемъ твой родъ, не чванься).

17. Дерево только съ молоду гнется.
18. Лучше безмездно работать, чѣмъ безмездно гулять.
19. Разумный врагъ лучше глупаго друга.
20. Золото не ржавѣетъ.
21. Влюбленный считаетъ себя слѣпымъ и замурованнымъ между четырьмя стѣнами.
22. Дуракъ носить сердце на языкѣ, умный носить языкъ на сердцѣ.
23. Между нами и вода не просочится (такая между нами тѣсная дружба).
24. Огонь горитъ лишь тамъ, куда упадетъ.
25. Не иди дальше, встрѣтивъ (на пути) человѣка, а иди, заслышавъ лай собаки.
26. Лишній запасъ пищи не вредить.
27. Есть на свѣтѣ люди и людишки.
28. Кто не знаетъ малаго, никогда не увидитъ и большаго.
29. Сѣвъ на ссуженную лошадь, скоро слѣзешь (потому что хорошею лошадью не ссужаютъ, а плохая скоро устаетъ).
30. Кровь, которой суждено вытечь, не останется въ жилахъ (т. е. судьбы не минуешь).
31. Смотри не на лошадь, а наблюдай ея норовъ.
32. Конь выступаетъ по хозяину. (Слуга богача смѣль и нахалень).
33. Открывай уста только на молитву.
34. Кто боится огня, бѣжитъ и дыма.
35. Двуостеръ, какъ персидская сабля.
36. Богача боятся и горы.
37. Сломалась телѣга, явится много совѣтчиковъ.
38. Что въ-время не ударить человѣку въ мысль, ударить въ голову.
39. Плачь не по мертвомъ, а по глумомъ.
40. Лишь-бы обо мнѣ говорили, хотя-бъ сравнивали съ гнилымъ яблокомъ.
41. Прежде, чѣмъ брать дочь, приглядишь къ ея матери.

42. Ухаживай за лошадыю какъ другъ, садись на нее какъ врагъ.
43. На молящаго не поднимаютъ меча.
44. Не связывайся съ голоднымъ; онъ говорить „я не стану ѣсть“ и все-таки набиваетъ себѣ брюхо.
45. Повязка на мою здоровую голову (говорится въ томъ случаѣ, если кто причинитъ себѣ ненужныя безпокойства).
45. Открой твой ротъ сѣверному вѣтру (т. е. отдохни. Въ Константинополѣ, въ жаркій лѣтній день, съ радостью привѣтствуютъ сѣверный вѣтеръ).
47. Подкладка дорожке покрышки (говорится о приготовленіяхъ, требующихъ слишкомъ большихъ издержекъ).
48. Горькое уничтожай горькимъ.
49. Не развязывай мѣшка (не разбалтывай тайны).
50. Если конь и умретъ, то остается пространство (которое онъ пробѣжалъ); умретъ герой, останется его имя.
51. У меня пусто въ карманѣ, но легко въ головѣ.
52. У него нѣтъ корзины съ яйцами на спинѣ (поэтому ты можешь его бить).
53. Ужъ не пробѣжала-ли черная кошка между нами? (на Востока, вообще, считаютъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ ссоры, если между двумя друзьями пробѣжитъ черная кошка.)
54. Зима приносить свой плодъ: огонь.
55. Кто вѣритъ въ Аллаха, тотъ никогда не будетъ покинутъ.
56. Малое вытекаетъ изъ большаго.
57. Утренняя пѣснь лучше вечерней радости.
58. На низенькаго осла каждый можетъ сѣсть.
59. Открыто мое чело, чисто мое лицо (по мнѣнію жителей Востока, преступникъ изъ стыда надвигаетъ чалму на лицо).
60. Даже бобы не смочатся у него во рту (говорится о болтунѣ, который ничего не можетъ утаить).
61. Его нога окоченѣла въ водѣ (т. е. его опровергли).
62. Не играй заразъ шерстью и огнемъ.
63. Слово „медъ“ еще не сладко во рту.

64. Не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня.
65. Яйцо сегодня лучше, чѣмъ курица завтра.
66. Онъ не остается на одной вѣтви (не держитъ своего слова, непостояненъ какъ птица).
66. Не ищи себѣ новой опоры, пока еще держится старая.
68. За грошъ не построишь девяти куполовъ (для большого пужно много).
69. Кому я не нравлюсь, пусть не дастъ мнѣ своей дочери въ жены.
70. Дочь продавца меда слаше и его товару.
71. Ну, наткнулся ты на цвѣтокъ, богатый медомъ (говорится въ насмѣшку тому, кто пытается выманить что-нибудь у скупца).
72. Онъ кормить меня баснями.
73. Должникъ блѣднѣетъ, но не умираетъ (когда съ него требуютъ платы).
74. Откусывай большіе куски, но не болтай слишкомъ много (не выставляй своего богатства на-показъ).
75. Спроси у продавца перца, сколько вреда наносятъ ласточки (не довѣрайся простоватой наружности).
76. Мучительные дни начинаются мучительнымъ новымъ годомъ.
77. Сколько недостатковъ найдется и у дочери священника!
78. Знаемъ мы глину, изъ которой ты сдѣланъ!
79. Дареному коню въ зубы не смотреть.
80. При такой жарѣ не устоитъ и ледъ (такихъ оскорбленій не снесетъ и самый холодный человѣкъ).
81. На днѣ можетъ показаться что-нибудь и получше, чѣмъ сверху.
82. Пустыми словами никого не накормишь.
83. Цвѣтокъ еще не дѣлаетъ лѣта.
84. Туча не дѣлаетъ зимы.
85. Это комета, которая является не всегда.
86. *Одинъ* негодяй можетъ повредить *семи* округамъ.
87. Ради одного покупателя не стоитъ заводить торговли.

88. Надо терпѣливо сносить руку судьбы.

89. Изъ-за *одной* розы садовнику приходится вырастить *тысячу* шиповъ.

90. Если у тебя нѣтъ долговъ, то поручись (и у тебя они будутъ); если у тебя нѣтъ работы, то сочини духовную (и будетъ работа).

91. Въ домѣ, гдѣ живутъ два нѣтуха, солнце встаетъ поздно.

92. Чтобы быть сытымъ одинъ день, надо работать два дня.

93. Онъ мѣняетъ цвѣтъ, какъ хамелеонъ.

94. Писано на льду (безъ содержанія).

95. Однимъ камнемъ не убьешь двухъ птицъ.

96. Учи старшаго, чтобы младшій сталъ уменъ.

97. Счастье, которое приходитъ внезапно, продолжается не долго.

98. Смотри не на начало, а на конецъ вещи.

99. Рѣшеніе судьбы не замедлитъ исполниться.

100. Спроси это у дѣтей (говорится о хорошо извѣстной вещи).

101. Если доска не прибита гвоздемъ, то ее уносить вѣтеръ (покинутый не далеко уйдетъ).

102. Еще музыка не играетъ, а онъ уже танцуетъ (преждевременная радость).

103. Толпѣ не разсыпаютъ каши.

104. Не стучись въ дверь къ другому, а не то постучатся и въ твою (т. е. не занимай).

105. Ребенокъ растетъ, глупый умнѣетъ (все мѣняется).

106. Не отъ долгой жизни, но отъ многихъ путешествій развивается разумъ.

107. Нѣтъ лучшихъ вѣсовъ, какъ вѣрный глазъ; никто не знаетъ больше того, кто знаетъ свои недостатки.

108. Кто много знаетъ, тотъ много и ошибается.

109. Что дарить пастухъ? Смолу.

110. Не ссорься, вотъ ужъ придетъ Чапонаглу (извѣстный задиранло, возбуждавшій всеобщій страхъ).

111. Я не ѣлъ сыраго; у меня нѣ-съ-чего болѣтъ животу (я не скрываю краденаго добра, мнѣ нечего бояться).

112. Переверни гуся, не-то пригорить (говори о чемъ-нибудь другомъ, а то наскучишь).

113. Пока тѣло еще живо, не умерла всякая надежда.

114. При дракѣ не слишкомъ-то разбираешь толчки.

115. Только рукою полною травы можно свести верблюда съ горы.

116. Ъшь и пей съ твоимъ другомъ, но не начинай съ нимъ дѣлѣ.

117. Кто скрываетъ свою болѣзнь, тотъ не найдетъ противъ нея лѣкарства.

118. Какъ можетъ онъ знать о приличіяхъ: онъ къ намъ какъ съ крыши свалился.

119. Онъ счастливо переплылъ море, а потонулъ въ ручѣ.

120. Лучше сносить побои на широкомъ мѣстѣ, чѣмъ быть сыто накормленнымъ на узкомъ.

121. Если я и не могу зажечь море, то, по крайней мѣрѣ, заставляю его кипѣть (напакошу моему врагу. какъ только могу).

122. Онъ еще не знаетъ, гдѣ свадьба, а уже беретъ съ собою горшокъ.

123. Упавшій въ море хватается даже за змѣю.

124. Другъ растрогиваетъ насъ до слезъ (печальною правдой); врагъ доводитъ насъ до смѣха (лестью).

125. Не продаютъ рыбы въ морѣ.

126. Помѣшаннымъ человѣкъ становится не отъ сладкаго арбуза (но отъ человѣка).

127. Не предоставляй удобнаго случая твоему врагу.

128. Для безумца каждый день байранъ (праздникъ).

129. Врагу хуже всего вредить лестию.

130. Кто ищетъ совѣта, тотъ уже перешелъ гору; кто отказывается отъ совѣта, собьется съ дороги.

131. Еслибы былъ всего одинъ нищій, то легко было бы накормить его даже сахаромъ.

132. Не дѣлають различія между тѣмъ, кто принесъ воду, и тѣмъ, кто разбилъ кувшинъ (этимъ намекается на непризнанное достоинство); пока лисица не научится хитрости, она успѣетъ потерять шкуру.

133. Переселяется портной: онъ несетъ на головѣ свои иголки (все свое имущество).

134. Портной не штопаетъ своего собственного платья.

135. Капля за каплей — образуется прудъ.

136. Кто гдѣ упалъ, тамъ и подымайся.

137. Нѣтъ неизлѣчимаго зла.

138. Ты сдѣлался чертомъ лишь со вчерашняго дня, поэтому сегодня еще погоди кушать людей (ты еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, не учи другихъ).

139. Тому, кто присоединяется ко всаднику на верблюдѣ, нужны большія ворота.

140. Когда идешь на рынокъ риса, не прекращай дома торговлю хлѣбомъ.

141. Нищему подали огурецъ, но онъ нашелъ его искривленнымъ и не принялъ его (нищіе очень требовательны).

142. Пока стоитъ джами (большое зданіе для молитвы, съ минаретомъ), не ходи въ другую мечеть (маленькій домъ для молитвы).

143. Лишь пожертвовавъ всѣмъ сердцемъ, можно завоевать сердце.

144. Влюбленный, незнающій печали, не будетъ цѣнить и радости.

145. Твои дѣла заслужили наказаніе; поэтому терпи.

146. Жизнь исходитъ отъ глотки (отъ ѣды).

147. Душа за душу, голова за голову (что даешь, то и получаешь).

148. Сердце слѣдуетъ за сердцемъ.

149. Какъ ни бѣгай лиса, а быть ей у мѣховщика.

150. Вѣдь ты не остался въ одной пещерѣ съ 10 сиротами (отчего же ты такъ печаленъ?)

151. Кто говоритъ правду, того изгоняють изъ 9 деревень.

152. Гора не сойдется съ горою, а человекъ встрѣтится съ человекомъ.

153. Помоги тебѣ Богъ, если у тебя процессъ съ судьей.

154. Девять слѣпцовъ съ одною палкой.

155. За добро всегда платять и всегда будутъ платить зломъ.

156. Испорченному верблюду пристало носить покрывало криво (т. е. по поступкамъ и одѣянію).

157. Отъ чужаго ожидай столько же добра, какъ отъ яда зловья.

158. Будемъ сидѣть криво, но говорить прямо.

159. Мясу слѣдуетъ быть кровавымъ, а воину — мужественнымъ.

160. До неба дальше двухъ шаговъ.

161. Сдѣлай доброе дѣло, брось его въ море; если не найдутъ рыбы, то Богъ во всякомъ случаѣ увидитъ.

162. Платить добромъ за добро долженъ каждый, но вознаграждать зло добромъ можетъ только хорошій человекъ.

163. Рукою раздавай, ногою нищи (нищѣ).

164. Смерть родилась на свѣтъ, а головную боль (вообще, болѣзнь) принесла съ собою только какъ предлогъ.

165. Никому не показывай свой посѣвъ.

166. Дѣлай то, что можешь.

167. Онъ даже на скалахъ собираетъ свою жатву.

168. Онъ самъ искалъ своей судьбы (шелъ навстрѣчу смерти).

169. Безъ повелѣнія судьбы никто не умретъ.

170. Общее развлеченіе становится праздникомъ.

171. Старый другъ не дѣлается врагомъ.

172. Хорошая работа не поспѣваетъ раньше шести мѣсяцевъ (скоро сработанное никуда не годится).

173. Кривъ корабль, но прямъ его путь.

174. Сдѣлать все возможное — еще не достойно похвалы.

175. Еслибъ дешевый товаръ стоилъ что-нибудь, то на толкучемъ рынкѣ все бы сіяло.

176. Земледѣлецъ желаетъ дождя, путешественникъ — сухой погоды.

177. Не забывай дѣлать столько добра, сколько можешь.

178. Ротъ другаго не мѣшокъ, который ты могъ бы связать по желанію.

179. Мы прошли съ тобою по тому же мосту, какъ и другіе.

180. Много тѣста даетъ большой хлѣбъ.

181. Мясо не соскакиваетъ съ гвоздя.

182. Раны, нанесенныя рукой, забываются; раны, нанесенныя языкомъ, остаются навсегда.

183. На хорошее слово отвѣтить тебѣ хорошимъ, на дурное — дурнымъ

184. Когда осель состарится, ему все-таки не даютъ первое мѣсто въ стойлѣ.

185. Храбрый человѣкъ не оглядывается ни направо, ни налево (т. е. говоритъ открыто, что ни придетъ ему на умъ).

186. Не побуждай веселаго на разговоръ (или онъ не послушаетъ тебя, или скажетъ то, что будетъ тебѣ непріятно).

187. Не заботься ни о комъ, закури свою трубку и будь веселъ.

188. Одно дѣло покупать дома, другое — на базарѣ.

189. Не трогай ничего, чего собственною рукою не положишь на мѣсто.

190. Никто не можетъ наѣсться хлѣбомъ, который еще въ печи (будущимъ никто не можетъ пользоваться).

191. Прежде обдумай, потомъ говори.

192. Невѣжа — не человѣкъ.

193. Послѣ выполненной работы сладко отдохнуть.

194. Рука не вѣсы.

195. Кто не испытать на себѣ руки другаго, тотъ считаетъ себя храбрымъ.

196. Судьба по капризу раздаетъ одному сѣбля, другому — не-сѣбля дыни.

197. Нищета—рубашка, сдѣланная изъ огня.
198. Онъ видѣлъ и знойные, и прохладные дни неба.
199. Хвастаться въ чужихъ странахъ то же, что пѣть въ банѣ (съ высокими сводами).
200. У чловѣка безъ родины нѣтъ и друзей.
201. Посмотри въ зеркало судьбы, какія увидишь тамъ картины.
202. Открой глаза, не то тебѣ ихъ откроютъ другіе.
203. Въ деревню, которую видишь передъ собою, не надо проводника.
204. Только соловей умѣетъ цѣнить розу (по мнѣнію жителей Востока соловей влюбленъ въ розу).
205. Онъ желалъ бы украсть даже цвѣтъ глазъ.
206. Не осмѣивай твоего сосѣда, не то онъ сядетъ тебѣ на шею.
207. Какъ много можетъ произойти, пока еще не восходитъ солнце (многое происходитъ заблаговременно).
208. Иди туда, куда тебя зовутъ; но и тамъ, гдѣ тебя не звали, сиди безъ стѣсненія.
209. Далеко отъ глазъ, еще дальше отъ сердца.
210. Даже въ горахъ, на которыя мы рассчитывали, вывалъ свѣтъ (если природа такъ непостоянна, то почему-же не быть непостояннымъ и чловѣку?)
211. Кто желаетъ розу, тотъ не долженъ брезгать и шипами.
212. Нѣтъ розы безъ шиповъ, нѣтъ гіацинтовъ безъ складокъ.
213. Находитъ гнѣвъ, уходитъ разумъ.
214. Отъ вѣры пронстекаетъ рвеніе.
215. Глаза обманщика всегда мокры.
216. Завистливое сердце не можетъ умиротворить даже благодѣяніе.
217. Честно заработанное добро уходитъ не скоро.
218. Противъ распушеннаго слуха не устоятъ и горы.
219. Слова правды бываютъ горьки.
220. Отъ слова «хакъъ» (богъ) останавливается даже вода.
221. Кто поступаетъ нечестно, кончается жалко.

222. При каждомъ дѣлѣ знаніе лучше незнанія.
223. Изъ малаго можетъ выйти большое.
224. Каждый говоритъ о своей родинѣ.
225. Онъ бѣжитъ, но все-таки бѣетъ въ барабанъ (онъ бѣжитъ изъ трусости и при этомъ грозитъ).
226. Каждому пожимай руку, никого не трепли по плечу.
227. Человѣкъ безъ таланта—то же, что дерево безъ плодовъ.
228. У каждого своя забота въ головѣ, у мельника—вода (последняя составляетъ его заботу).
229. За каждымъ поднятіемъ слѣдуетъ опусканіе, за каждымъ приходомъ—уходъ.
230. Наука облагораживаетъ тѣхъ, кто обладаетъ ею.
231. Человѣкъ нуждается въ людяхъ.
232. Двое голыхъ на мѣстѣ лишь въ банѣ.
233. Тебѣ сказали напиться, но не осушать ключа.
234. Никому не давай конца нити (не говори ни слова о тайнѣ).
235. Когда двое отказываются отъ своей религіи (т. е. даютъ фальшивую клятву), третій платится за это жизнью.
236. Въ одной шкурѣ не можетъ быть двухъ львовъ.
237. Это столько-же полезно, какъ къ вечеру открывать свою лавку.
238. Это то же, что рыть колодезь иглою.
239. Его нить вынесли на рынокъ (его будутъ судить, каковъ онъ).
240. Дважды напиться—то же, что разъ наѣсться.
241. Въ домѣ священника также трудно добыть пищу, какъ изъ глазъ покойника слезу.
242. Гдѣ двое говорятъ между собою, не становись третьимъ.
243. Къ одному столбу не привяжешь двухъ лошадей.
244. Для одной головы даны двѣ руки.
245. Въ одной рукѣ не снести *двухъ* дынь.
246. Кто долго выбираетъ между двумя мечетями, останется наконецъ безъ молитвы.

247. Возможно, о царь мой, что и море зажжется (если пожелашь этого).

248. Не сѣй мелко, не тки густо! (Не будь слишкомъ взыскателенъ).

249. Человѣкъ бываетъ то тверже камня, то нѣжнѣе розы.

250. Кто уже разъ вымокъ, тому нечего бояться дождя.

251. Однажды долженъ покраснѣть просящій, дважды отказывающій.

252. Конить не столько рука (работа), сколько зубъ.

253. Человѣкъ иногда сдвигаетъ горы съ мѣста, иногда-же не можетъ сдвинуть и ячменнаго зерна.

254. Врагъ человѣка—самъ человѣкъ.

255. Рынкомъ можно назвать только первый рынокъ.

256. Кто идетъ тихо, достигнетъ своей цѣли.

257. Вѣжить съ лопатою на пожаръ (т. е. намѣревается украсть).

258. На каждый годъ свой посѣвъ.

259. Еслибы даже онъ былъ дождемъ, то не оросилъ-бы ничьего поля (такой онъ негодяй).

260. Камень, который катится, не обрастаетъ мохомъ.

261. Не бери воду изъ 72 долинъ.

262. Хищная птица не живетъ долго.

263. Искусный воръ неожиданно нападаетъ на хозяина.

264. Прежде найди товаръ, потомъ требуй за него подать.

265. Фальшивый счетъ вернется даже изъ Багдада.

266. Пока онъ бѣжалъ отъ дождя, его настигъ градъ.

267. По одежкѣ протягивай ножки.

268. Человѣкъ старѣется, но не его сердце.

269. Кто съѣлъ змѣю, тому не поможетъ докторъ.

270. Земля—железная, небо—мѣдное (никто не внемлетъ моимъ мольбамъ).

271. Даже у земли есть уши.

272. Не вѣшивайся въ путанныя дѣла.

273. Что остается отъ жатвы, то принадлежитъ деревнѣ.
274. Негодаѣ всегда трусливы.
275. Если число воровъ увеличивается, то въ этомъ виновата безопасность судьи.
276. Когда покупаешь домъ, прежде приобрѣти себѣ сосѣда.
277. Хотя бы и муравей былъ твоимъ врагомъ, все-таки будь остороженъ.
278. Врагъ не молится за врага.
279. Не спрашивай у больного, нужно ли ему супу.
280. Человѣкъ, лысый ли, или съ золотыми кудрями, слѣпой ли, или зрячій,—все умираютъ.
281. Если кошка не можетъ достать мяса, то называетъ его нечистымъ.
282. Въ домѣ, гдѣ нѣтъ кошки, много мышей.
283. Каждый получаетъ награду по дѣламъ.
284. Острая сабля не разрѣжетъ ножны.
285. Иногда отказъ приличенъ и безумно-влюбленному.
286. Не нужно раздавать ни фальшивыхъ монетъ, ни фальшивыхъ обѣщаній.
287. Кто разъ слышалъ маленькій барабанъ, тотъ всегда прислушивается къ большому.
288. Пока мы не знаемъ дурнаго, мы не можемъ цѣнить хорошаго.
289. Испорченность не прилипчивая болѣзнь.
290. Родина не тамъ, гдѣ родился, а тамъ, гдѣ хорошо живется.
291. Не хорошо было бы, еслибы каждый зналъ свое положеніе.
292. Чѣмъ отличается бездушный господинъ отъ бѣднаго человека?
293. Онъ видитъ щенку въ глазу другаго, а бревна въ своемъ не видитъ.
294. Одинъ любитъ жирное, другой—кислое.

295. Одинъ не можетъ найти моста черезъ воду, другой—воды для питья.

296. Человѣка узнають по его друзьямъ.

297. Жалобы одного не трогаютъ другаго.

298. Къ чему плѣшивому гребенка изъ слоновой кости?

299. Упавшій по собственной винѣ не плачетъ.

300. Лучше потерять жизньъ, чѣмъ доброе имя.

301. Какъ бы ни была красива крестьянская дѣвушка, она никогда не можетъ быть граціозна.

302. Посмотри на рубецъ, и лишь тогда покупай полотно.

303. Идя на войну, не занимають меча.

304. Получивъ гуся, не скупись на курицу (какъ отвѣтный подарокъ).

305. Сосѣдъ принимаетъ курицу сосѣда за гуся.

306. Прислони голову къ крѣпкому камню.

307. За какимъ днемъ не слѣдовала ночь? (гдѣ найдешь безконечную радость?)

308. Если ты выгонишь меня въ дверь, то я вернусь черезъ трубу.

309. Не рой колодеца, самъ въ него упадешь.

310. Ходи по снѣгу, но не оставляй слѣдовъ (воруй ловко).

311. Настоящую помощь найдешь лишь у Бога.

312. Даже у муравья есть своя воля.

313. Отъ сердца къ сердцу есть дорога.

314. Кто входитъ безъ руки (безъ подарка), возвращается безъ справедливости.

315. У него полный животъ, но голодные глаза.

316. Онъ узнаетъ жилу, которую слѣдуетъ разрѣзать (онъ узнать, отъ кого можно пожитья).

317. Орелъ получилъ стрѣлу, но украшенную его собственными перьями (онъ нанесъ вредъ себѣ самому).

318. Кто любитъ сливки, долженъ носить корову въ карманѣ

(говорится тѣмъ, которые имѣютъ привычку выпрашивать у другихъ свои любимыя кушанья).

319. На незаслуженную похвалу никто не скажетъ «аминь».

320. Что суждено намъ судьбою, то подается намъ въ мискѣ.

321. Человѣкъ не можетъ быть безъ пороковъ.

322. Крылья муравья служатъ ему предвѣстниками его гибели (предупрежденіе людямъ, стремящимся кверху).

323. Что за бѣда, если онъ хромаетъ втайнѣ (т. е. гнѣвнѣ).

324. Разумъ 40 арабовъ не могъ-бы наполнить и фиговаго сѣмечка (по мнѣнію турокъ).

325. Крѣпость—нужно брать изнутри.

326. Вѣсть объ опасности распространяется быстро.

327. Гдѣ нѣтъ барана, тамъ и коза разыгрываетъ господина (на Востокѣ баранина считается лакомствомъ).

328. Умѣренность составляетъ неисчерпаемое сокровище.

329. Лучше совѣмъ не спать, чѣмъ видѣть сны страшные.

330. Одинъ кусокъ не насыщаетъ, но все-же веселитъ сердце.

331. Прежде выбери слова, потомъ говори.

332. Слово за словомъ, такъ завязывается рѣчь.

333. Слово не остается въ мѣшкѣ (не можетъ быть скрыто).

334. У посредника широкій мѣшокъ (такъ какъ даетъ не свое).

335. Состояніе есть заноза сердца.

336. Свѣча свѣтитъ не снизу.

337. Если ты въ публичномъ мѣстѣ отрѣжешь хвостъ своему ослу, то одинъ найдетъ его слишкомъ длиннымъ, другой слишкомъ короткимъ.

338. Изобразить горе въ лицѣ радости—вотъ настоящее искусство.

339. Очагъ—цвѣтникъ зимы.

340. Кто владѣетъ печатью—тотъ и Солиманъ (Солиманъ—сынъ Давида, герой восточнаго мифа, былъ обладателемъ чудесной печати).

341. Нельзя скрыть копье въ мѣшкѣ (шила въ мѣшкѣ не утаишь; дурная привычка всегда проявится).

342. Любовь не терпитъ раздѣла.

343. Не высовывай языка въ обществѣ, не протягивай руки въ дорогѣ (въ обществѣ не болтай, въ дорогѣ не раздавай).

344. Ъшь плодъ, не спрашивая о деревѣ (пользуйся даже краденымъ добромъ).

345. Отъ аравитянина мнѣ не надо ни сахара, ни пощечины.

346. Если желаешь, то можешь сдѣлаться и флейщикомъ.

347. Гдѣ раздѣлся, тамъ и одѣнся.

348. Не пей изъ рукъ глупца, даже еслибы онъ предлагалъ тебѣ живую воду (нектаръ).

349. Что роздаетъ твоя рука, то сопровождаетъ тебя и въ ту жизнь (т. е. милостыня).

350. Не дай сгорѣть ни вертелу, ни жаркому (все должно сохранять надлежащую форму).

351. Каковъ посѣвъ, такова и жатва.

352. Онъ даетъ столько шербегу, какъ только позволяетъ ему его жила (онъ ругаетъ его такъ, какъ только тотъ можетъ сносить).

353. Быстрое движеніе приноситъ благо.

354. Добрая воля—хорошій успѣхъ.

355. Если не будешь обращать вниманія на слова великихъ міра сего, то долженъ страдать подъ бременемъ горестей.

356. Это то же, что курить ладонъ въ Атмейданѣ (Атмейданъ—большая площадь въ Константинополѣ и когда-то служила мѣстомъ упражненій для стрѣлковъ изъ лука.

357. Ему довольно и одной туфли, чтобы справить байрамъ (праздникъ).

358. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

359. Кто встаетъ въ гнѣвѣ, обыкновенно садится съ изъязномъ.

360. Мщеніе слаще меда.

361. Онъ отыскиваетъ павшаго коня, чтобы снять съ него подкову (говорится о скрягахъ).

362. Быкъ умеръ, общество разошлось.

363. Умный былъ побить и моя спина это почувствовала.
364. Его связали шерстяными нитями (онъ находится въ опасномъ положеніи).
365. Кто любить пилавъ, тотъ носи съ собою ложку.
366. По середѣ можно судить, каковъ будетъ четвергъ.
367. Рись не подымается на поверхность воды.
368. Когда кушанье уже готово, не приливай къ нему воды.
369. Красиво и почтенно только богатое.
370. Одно—сахаръ, другое—глауберова соль (хотя оба одинаковаго цвѣта).
371. Платье еще не доказываетъ храбрости.
372. Шпора звучить и бряцаетъ, но только деньги всемогущи.
373. Свинецъ въ ухо черту (чтобы онъ не слышалъ; поговорка эта употребляется, если было произнесено какое-нибудь неприличное слово).
374. Будь остороженъ въ раздачѣ милостыни, чтобы не сдѣлать дурнаго поступка.
375. Не открывай рта для дурной рѣчи.
376. Кто раздастъ милостыню, живетъ долго.
377. Смотри не на тѣло, а на душу.
378. Спрашивай только спрашивай, и дойдешь до Каабы.
379. Вода успокоится раньше, чѣмъ врагъ.
380. Юности подобаетъ молчаніе, старости—разговоръ.
381. Господинъ любить терпѣливаго слугу.
382. Не приподымай шароваръ, пока не дойдешь до рѣки.
383. Софть увѣряетъ, что не ѣстъ чеснока, но если наткнется на него, то не оставитъ и шелухи.
384. Слишкомъ сильный укусъ портитъ даже свой собственный сосудъ (предающійся необузданному гнѣву самъ боленъ).
385. Лишнее нерѣдко пропадаетъ.
386. Онъ охотнѣе выдастъ голову, чѣмъ свою тайну.
387. Кто боится воробьевъ, тотъ не бросаетъ имъ крупы.
388. Слушатель будь умнѣ говорящаго.

389. Не заботься сегодня о томъ, что будешь ѣсть завтра.

390. Собственникъ доволенъ, а маклеръ жалуется (говорится о слугахъ, которые бережливѣе своихъ господъ).

391. Пришло утро, можетъ придти и счастье.

392. Вѣдь борода твоя посѣдѣла не въ мельницѣ (не притворяйся молодымъ).

393. Не привѣтствуй дважды глухаго (ужь таковъ его порокъ, что онъ не слышитъ).

394. Позднее раскаяніе ни къ чему не служить.

395. Съ терпѣніемъ ты и изъ тутоваго дерева получишь шелкъ.

396. Никому не принадлежащая доска, если не потерпитъ отъ вѣтра, то будетъ унесена горнымъ ручьемъ.

397. Хороша вода въ стаканѣ, хорошъ корабль на верфи.

398. Слово упало на ноги (не было приведено въ исполненіе).

399. Добрый другъ лучше родственника.

400. Муха знаетъ продавца лакомствъ.

401. Твое молчаніе пріятнѣе музыки (говорится болтунамъ).

402. Мала муха, а все-таки волнуется желудокъ.

403. Онъ положилъ свой капиталъ на спину кошки (говорится о безсовѣстныхъ управляющихъ).

404. Кто идетъ скоро, у того запутываются ноги въ платьѣ.

405. Прикажи лѣнтяю, и затѣмъ онъ самъ дастъ тебѣ совѣтъ.

406. Куй желѣзо, пока горячо.

407. Къ турку приходитъ разумъ слишкомъ поздно (турокъ заднимъ умомъ крѣпокъ).

408. Огородникъ не покушаетъ овощей.

409. Кто дожидается въ монастырѣ, получить супу (терпѣніе приводитъ къ цѣли).

410. Заяцъ слышалъ, что охотничья собака захромала (поэтому-то онъ и ходитъ такъ смѣло.

411. Рѣдко-разсаженная рѣдка лучше, чѣмъ насаженная густо (изобиліе не всегда хорошо).

412. Онъ и изъ камня выдавить воду (говорится о настойчивомъ человѣкѣ).

413. Трудно поднести подарокъ богатому.

414. Глаза скряги насытятся только въ землѣ.

415. Сошлись середины съ девяти лѣтъ.

416. Съ хромымъ осломъ не присоединяйся къ каравану.

417. Пока будутъ скряги, до тѣхъ поръ не будетъ недостатка въ разбойникахъ.

418. Вкрадчивыя слова могутъ даже выманить змѣю изъ норы.

419. Камень падаетъ на голову неожиданно.

420. Не наступай на голову спящей змѣѣ.

421. Онъ ожидаетъ помощи отъ летящей птицы (тщетная надежда).

422. Онъ пылить, какъ мѣшокъ изъ-подъ муки, только подъ палкой (только силою можно извлечь изъ него что-нибудь).

423. Наша мука просѣяна, повѣсимъ сито на гвоздь.

424. Издали даже барабанный бой звучить пріятно.

425. Дешевый укусъ слаще меда.

426. Дешевая говядина дастъ безвкусный супъ.

427. Побей нищенскій плащъ (намекъ на безпомощныхъ бѣдняковъ, съ которыми каждый все можетъ себѣ позволить).

428. Каковъ его уходъ, таковъ мой приходъ; каково его гѣсто (какъ онъ угощалъ меня), такова моя каша.

429. У кого большое состояніе, тотъ можетъ быть сострадательнымъ.

430. Все твое мыло не можетъ смыть всей накопившейся грязи.

431. Онъ, какъ масло, стремится на поверхность.

432. Голодный медвѣдь не пляшетъ.

433. Голодный зѣваетъ, влюбленный потягивается (когда не достигъ цѣли).

434. Голодная курица видитъ во снѣ хлѣбныя зерна.

435. Ожиданіе мучительнѣе огня.

436. По вечерамъ онъ предается пьянству, по утрамъ — карточной игрѣ и все-таки надѣется попасть въ рай.

437. Щедрость не уменьшаетъ богатства.

438. Съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ.

439. У невѣжи надо покупать почетъ.

440. Бѣшь мало и найми себѣ слугу.

441. Кто меня почитаетъ, тому я слуга; кто меня унижаетъ, тому я господинъ.

442. Разсерженный осель бѣжить быстрѣ лошади.

443. Бѣлая деньга хранится на черный день.

444. Текучая вода не сохраняетъ грязи.

445. Хромой скоро устаетъ.

446. Собака—все равно, бѣлая или черная — остается собакой.

447. Человѣкъ пестрь внутри (а не снаружи, какъ животное).

448. Совѣстливость составляетъ полурелигію.

449. Хитростью поймашь даже льва, силою не поймашь и сверчка.

450. Не разумно на чужой веревкѣ спускаться въ колодезь.

451. Снизу даже холмикъ кажется горой.

452. Посланный долженъ быть священнымъ.

453. Цѣловать руку—не истреплетъ рта.

454. Работаетъ орудіе, а рукамъ достается похвала.

455. Золотую руку и ножъ не рѣжетъ.

456. Сирота самъ отрѣзаетъ себѣ пуповину.

457. Многіе жалѣютъ о сиротахъ, мало кто помогаетъ имъ.

458. Не разсыпай муки на веревку (не дѣлай ничего бесполезного).

459. Не вѣрь своему другу: онъ только набиваетъ твою кожу соломой.

460. Коли себя швейной иглой, а чужаго шиломъ.

461. Кто имѣетъ дѣло съ медомъ, тотъ облизываетъ себѣ пальцы, (т. е. кто можетъ, тотъ крадетъ).

462. Что исходитъ изъ одного рта, распространяется на тысячи.

463. Изъ-за одной блохи онъ сжегъ все одѣяло (говорится о большой жертвѣ).

464. Изъ-за одного гроша онъ готовъ накинуть петлю на звѣзды (говорится о скрягѣ).

465. У меня всего одинъ плащъ, раскладываю его на землю и ложусь, гдѣ придется (говорится о холостомъ человѣкѣ).

466. Десяти воздержаннымъ довольно одной ложки.

467. Съ одной овцы двухъ шкуръ не дерутъ.

468. Соловья посадили въ золотую клѣтку, а онъ все-же воскликнулъ: «о, моя родина!»

469. Опытъ полезнѣе тысячи совѣтовъ.

470. Только подъ дождемъ научаешься цѣнить плащъ.

471. Большая голова сильно болитъ.

472. Горшокъ упалъ и нашелъ себѣ покрывку (т. е. случай приносить часто то, чего долго искали).

473. Какъ бы ни велика была мечеть, ея имамъ говорить лишь то, что знаетъ.

474. Хотя мечеть и обрушилась, но алтарь остался на мѣстѣ (слѣды красоты остаются).

475. Ему набили часы травой (т. е. его опровергли).

476. Не бросай камня въ болото (иначе запачкаешься).

477. Не путешествуй съ ребенкомъ: онъ будетъ смѣяться, если поклажа спадетъ у тебя со спины.

478. Излишнія ласки отвращаютъ любезную.

479. Гнилаго зданія нечего чинить.

480. Клинь выгоняется только клиномъ.

481. Не живи въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ доктора или судьи.

482. Даже безумный слышитъ голосъ справедливости.

483. Побѣдитель всегда правъ.

484. Войдя въ баню, потѣешь (каждое дѣйствіе несетъ свои послѣдствія).

485. Трудно накрыть домашняго вора.

486. Характеръ сидитъ подъ душой (т. е. исчезаетъ лишь послѣ смерти).

487. Кожевникъ выдѣлываетъ лишь ту кожу, которая ему нравится (занимаются воспитаніемъ лишь тѣхъ, къ которымъ чувствуютъ расположеніе).

488. Языкъ безъ костей.

489. Свѣтъ—жирный хвостъ (какъ хвостъ ангорскаго барана); кто умѣетъ имъ пользоваться, тому хорошо живется.

490. Среди друзей вѣшай пудами, въ торговлѣ же—золотниками.

491. Когда упадешь, обними землю.

492. Лице у нищаго черно (опозорено), но сума его полна.

493. Соперникъ не вредитъ, если откровененъ.

494. Красоту не добыть силою.

495. Насиліе не ведетъ къ соглашенію.

496. Если овца удалится отъ стада, то сдѣлается добычею волка.

497. Обращай вниманіе не на говорящаго, но на его рѣчь.

498. Когда законъ отрубаетъ палецъ, не бываетъ больно.

499. Запазла попадетъ именно въ тотъ глазъ, который больше всего берегутъ.

500. Онъ проводитъ воду подъ соломой (т. е. у него есть тайны).

501. Заяцъ сердился на гору, но она этого не замѣтила.

502. Сытый голоднаго не понимаетъ.

503. Мудрому достаточно понюхать розу.

504. Въ спѣшныя дѣла вмѣшивается самъ чертъ.

505. Влюбленному достаточно намека, дервишу повода (чтобы они тотчасъ-же вскипѣли).

506. На ногѣ отзывается вина безумной головы.

507. Разумъ заключается не въ возрастѣ, а въ головѣ.

508. Безродной птицѣ Богъ строить гнѣздо.

509. У безроднаго воина короткій языкъ и кривая шея (ему приходится много терпѣть и мало говорить).

510. Конецъ разлуки—свиданіе.

511. Онъ прошолъ сквозь кольцо судьбы (т. е. онъ многое испыталъ).

512. Надъ старѣющимъ волкомъ смѣются собаки.

513. Выѣстѣ съ сухимъ сгорить и мокрое.

514. «Кто всѣхъ красивѣе»? спросили однажды у ворона; «молтенцы», отвѣчалъ онъ.

515. Каштанъ освободился отъ скорлупы и теперь презираетъ ее.

516. Око видитъ, сердце просить,

517. Сердце жаждетъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ око.

518. Прекрасно то, что нравится сердцу.

519. Прежде, чѣмъ войти, подумай о выходѣ.

520. Одними словами не сдѣлаешь сыру.

521. Обратитъ горе въ радость—вотъ искусство жизни.

522. Лучше носить камни съ умными, чѣмъ присоединиться къ глупымъ.

523. Кто пьетъ вино въ долгъ, пьянъ дважды (первый разъ при питьѣ, второй разъ—при платѣ).

524. Каждого ягненка вѣшаютъ за его собственныя ноги.

525. Въ сердцѣ каждого человѣка скрывается левъ (сильная страсть).

526. Не считай каждого безроднаго человѣка своимъ отцомъ (не смотри на вѣшность).

527. Талантъ возбуждаетъ любовь, добродѣтель—почтеніе.

528. Когда у обманщика сгоритъ домъ, никто не повѣритъ ему.

529. Лѣнивая лошадь брыкается сильнѣе.

530. Если бы каждый снесъ свой умъ на рынокъ, то въ концѣ концовъ каждый купилъ бы свое собственное (каждый доволенъ своимъ умомъ).

Узбекскія пословицы.

1. Кто держится за два корабля, навѣрное потонетъ.
2. Стыдъ—хуже смерти.
3. Кто плачетъ отъ сердца, вызываетъ слезы даже у слѣпаго.
4. Конь въ тощемъ тѣлѣ — герой на чужбинѣ (оба выглядятъ скверно).
5. Умникъ не спотыкается дважды о тотъ же камень.
6. Какъ ни хвали русскаго, а глаза у него все-таки голубые (т. е. не красивые, по понятіямъ узбековъ).
7. Юноша можетъ умереть, старецъ долженъ умереть.
8. Черезъ-чуръ лстивый языкъ способенъ лизать до раны.
9. Кто боится воробьевъ, не долженъ сѣять проса.
10. Я говорю моей дочери, но съ тѣмъ, чтобы это слышали мои невѣстки.
11. Если оселъ легко навьюченъ, то приобретаетъ желаніе лечь на землю.
12. Выговоренное слово уже нельзя проглотить.
13. Полное сердце скоро развязываетъ языкъ.
14. Дымъ подымается только отъ чурбана (большаго пня).
15. Кто скоро говорить, скоро въ этомъ раскается.
16. Лучше живая мышь, чѣмъ мертвый левъ.
17. Кого поразить Богъ, того ударить и пророкъ своимъ посохомъ.
18. Одинъ говоритъ девятнадцать, другіе—однимъ меньше двадцати.

19. Сидящій на лошади не узнаетъ своего отца (вооруженный всадникъ не щадитъ даже своихъ ближайшихъ родственниковъ).

20. Когда ты умрешь, пусть могила будетъ тебѣ покойна.

21. Люди *говорятъ* другъ съ другомъ, животныя *облизываютъ* другъ друга.

22. Человѣка хватаютъ за языкъ (ловятъ на словѣ), животного за рога.

23. Всосанное вмѣстѣ съ молокомъ уходитъ только вмѣстѣ съ душою (пороки, прибрѣтенные въ молодости, искореняются только со смѣртью).

24. Открытый ротъ никогда не остается голоднымъ.

25. Золото искусило даже пророка Илію.

26. Не радуйся, когда выпадетъ свѣжій снѣгъ: за нимъ скоро послѣдуетъ холодъ; не радуйся также, когда посѣтитъ тебя попъ: ты скоро услышишь его просьбы.

27. Для хорошей лошади достаточно и одного хлыста, для дурной — недостаточно и тысячи.

28. Кто не утолится питьемъ, тотъ, конечно, не утолится и лизаньемъ.

29. Хорошія надежды составляютъ уже половину счастья.

30. Еслибы рука раздавала все, что общаетъ языкъ, то вскорѣ совѣтъ не было бы нищихъ: каждый былъ бы княземъ.

31. Два мулла составляютъ человѣка, одинъ мулла — только женщину.

32. Тотъ, изъ кого можетъ выйти прокъ, уже въ 15 лѣтъ становится человѣкомъ, негодный же и въ 40 остается ребенкомъ.

33. Здоровье — мое богатство, болѣзнь — мое несчастье.

34. Кто жаждетъ крови, скоро найдетъ жилу.

35. Путешествіе, хотя и далекое, всегда пріятно.

36. Дѣвушка, хотя и некрасивая, всегда пріятна.

Казанско-татарскія пословицы (изъ сборника Балинта).

О томъ, что дѣлается въ твоей деревнѣ, спроси въ другой; о томъ, что происходитъ въ твоёмъ домѣ, спроси у сосѣда.

Гнѣвъ голоднаго золь.

Отъ ѣды никто не умираетъ.

Не торопись, — опоздаешь.

Гдѣ валяется лошадь, — остается волосъ.

Погоняй лошадь не кнутомъ, а ячменемъ.

Пей много водки, но не пьянѣй.

Разломавшаяся телѣга идетъ на дрова, умершій волъ идетъ на мясо.

Идя тихо, догонишь и зайца.

Тихо идешь, далеко пройдешь; скоро идешь, не долго пройдешь.

Сказанное слово—какъ отрѣзанный ломотъ: всегда возвращается на прежнее мѣсто.

Отъ смерти и деньгами не откупишься.

Собака лаетъ, а волкъ идетъ своей дорогой.

У кого нѣтъ работы, тому нечего ѣсть.

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

На чьихъ санияхъ сидишь, того и пѣсню пой.

Что ни дѣлай невѣстка, свекрови все кажется криво.

Въ глазахъ свекрови брюхо невѣстки всегда кажется набитымъ.

Не каждый день ѣсть хлѣбъ съ масломъ.

Уѣзжая на одинъ день, запасись пищею на недѣлю.

Глазъ трусливъ, рука смѣла.

Не забывай о Богѣ, ищи помощи у царя.

Доброе имя лучше богатства.

Лучше быть слугою богатаго, чѣмъ сыномъ бѣдняка.

Что плюнешь вверхъ, то падеть на твою же голову.

Безъ посѣва нѣтъ и жатвы.

На больного садятся и мухи.

Щука умретъ, но зубы останутся.

Палка придаетъ жеребенку силы.

Съ дуракомъ худо и быть вмѣстѣ, худо и дѣлиться.

За свадьбою слѣдуетъ палка.

Терпѣливый сносить, нетерпѣливый — жалуется.

Слѣпой курицѣ всякая длинная трава кажется пшеницей.

Здоровая голова найдетъ себѣ шапку.

Какъ ни сладокъ медъ, а своего пальца подъ нимъ все-таки не укусишь.

На коня не кладутъ двухъ сбруй.

Какой палецъ ни укуси, все одинаково больно.

Сегодня милый братъ, завтра горькій чеснокъ, послѣзавтра — собачье отродье.

Слишкомъ расхваливаемая дѣвушка опозорится въ день свадьбы.

Отъ барана получается шерсть, а отъ людей подати.

Сытая собака не кусаетъ своего господина.

Алтайскія пословицы (по Радлову).

Ужь не хочешь ли поймать птицу въ поднебесьи, не думаешь ли поймать рыбу въ морѣ?

Видано ли, чтобы рога козла доросли до неба?

Видано ли, чтобы хвостъ верблюда доходилъ до земли.

Коршуна узнаютъ по полету, ловкаго человѣка по походкѣ.

Кто не умѣетъ ходить, портитъ дорогу.

Кто не умѣетъ говорить, портитъ разговоръ.

У иноходца — тысяча путей, у хитраго — тысяча словъ.

Когда видишь идущую лягушку, что ты спрашиваешь объ ея прыти?

Слова старика спрячь въ мѣшокъ, слова знатнаго — въ карманъ.

Подъ шубой живетъ человѣкъ, но кто его знаетъ; подъ сѣдломъ живетъ лошадь, но кто ее знаетъ (старайся узнавать всегда предметъ со всѣхъ сторонъ).

Справляй себѣ новое и надѣвай, старое зачинивай и надѣвай..

Въ вѣтряный день нѣтъ покоя, въ озабоченный день — нѣтъ сна.

Хотя и худой, но все-таки *твой* домъ; хотя и постная, но *твоя* каша.

Пуля плохаго стрѣлка летитъ всего на шесть сажень.

Кто чтитъ господина, самъ будетъ господиномъ; кто уважаетъ богатаго, самъ будетъ богатымъ.

Бѣшь, что бы тебѣ ни дали; смотри только, чтобы не попался камень подъ зубъ.

Что бы тебѣ ни дали, одѣнь это; смотри только, чтобы солнце не сожгло тебѣ спину.

Какого бы коня тебѣ ни дали — садись на него; смотри только, чтобы ноги не касались земли.

Когда я варю мясо, у меня нѣтъ для тебя супу.

Изъ двухъ моихъ словъ ни одного нѣтъ для тебя.

Старыя лошади назначены для войны, старые люди — для на-
смѣшки.

Сухая ложка ротъ деретъ.

У кого высокія мысли, не достигаетъ вечера; кто дѣлаетъ большіе шаги, не дойдетъ до двери.

Мужчина съ маленькой головой лучше женщины съ золотой головой.

Узда челоуѣка длинна, копыто лошади плоско.

Лошади узнають другъ друга по ржанью, люди — по разговору.

Хотя тебѣ дарятъ тощее, прими за жирное; хотя тебѣ дарятъ малое, прими за большое.

Пища у меня плохая, голова лысая.

Черная мысль величиною съ верблюда — хуже умной мысли величиною съ древесную губку.

Ворона, желавшая подражать гусю, вывихнула себѣ ногу.

Когда увидишь новое, не забывай себя отъ радости; когда увидишь старое, не презирай его.

Сегодня печень и легкія лучше, чѣмъ завтра кишки съ салникомъ.

Шею холостяка ѣстъ вошь, а его сбереженія поѣдаетъ песь.

Не точи то, что не можетъ рѣзать, не учи того, кто не хочетъ слушать.

Когда приготовишься умереть, не бросай своего хлѣба.

Прежде чѣмъ оставить мѣсто, застѣй твое поле.

Не смотри на красоту, но на внутреннія достоинства.

Кто борется съ морозомъ, поплатится ухомъ; кто борется съ господиномъ, поплатится головою.

На что уминому нужно 6 дней, то хитрый сдѣлаетъ въ 5.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ.

Не такъ иди, какъ разумъ придумалъ, а такъ, какъ Богъ рѣшилъ.

Никто не подходи къ дурной собакѣ, когда она разжирѣетъ.

Никто не подходи къ дурному человѣку, когда онъ разбогатѣетъ.

Въ сердцѣ женщины живетъ сіяющій вооруженный человѣкъ,
въ сердцѣ мужчины живетъ осѣдланная горячая лошадь.

Воротникъ старой шубы служить мнѣ воспоминаніемъ прошлаго.

Воротникъ новой шубы служить мнѣ воспоминаніемъ добраго времени.

Миротворецъ у народа то же, что пуговица на шубѣ.

Тотъ, у кого всего одна лошадь и кто пускается на ней въ перегонку, походить на человѣка, который въ выльзшей шубѣ вступаетъ въ поединокъ.

Съ ножемъ въ рукѣ не вступай въ споръ.

Съ арканомъ въ рукахъ не иди на ссору.

Кто дерется, тотъ устанетъ; кто ссорится, тотъ ослабѣетъ.

Не ходи на охоту съ человѣкомъ чужаго племени.

Не дѣлай дѣла съ сыномъ другаго отца.

Не видя воды, не снимай сапогъ.

Человѣкъ въ желѣзномъ платьѣ умретъ,

Человѣкъ въ кожаномъ платьѣ останется.

Когда ѣшь, не торопись;

Когда ѣдешь верхомъ, не останавливайся.

Гдѣ человѣкъ ѣдетъ, тамъ дорога,

Гдѣ онъ живетъ, тамъ народъ.

Весною бываютъ перебѣжки,

Осенью бываютъ единоборства.

Безъ племени нѣтъ человѣка,

Безъ мѣрки нѣтъ сапога.

Всякій олень покрытъ шерстью,

Всякій человѣкъ носить имя.

Чѣмъ влагать въ руку злаго, положи на дорогу добраго.

Не дѣлай добра злему,

Вымазывай протертую спину лошади.

И дурной человѣкъ можетъ принести пользу на войнѣ.

Не говори, будто отъ знатнаго не можетъ родиться дурной; отъ дурнаго не можетъ родиться знатный.

Когда что лежитъ возлѣ хорошаго, къ нему липнетъ хорошее; когда что лежитъ возлѣ дурнаго, къ нему липнетъ дурное.

Одно—быть скорымъ на языкъ, другое—быть скорымъ на ноги.

Когда ты зарабатываешь деньги, это для твоихъ наслѣдниковъ; когда ты зарабатываешь пищу, это для твоего желудка.

Иди по дорогѣ, хотя бы она была крута; женись на дѣвушкѣ, хотя она беременна.

Кто ловить рыбу, не разбогатѣетъ;

Что лежитъ на землѣ, не высохнетъ.

Желѣзо рѣжь коротко, дерево длинно.

Когда нѣтъ отца, сынъ никуда не годится; когда нѣтъ матери, дочь никуда не годится.

Сторожить дѣвушку трудноѣ, чѣмъ держать въ рукахъ раскаленный уголь.

Лошадь судятъ по жиру, человѣка по одеждѣ.

Еще не всякій стрѣлокъ, кто много стрѣляетъ;

Не всякій ораторъ, кто много говорить.

Далекое можно слышать, близкое — видѣть.

Корни дерева проникаютъ въ землю,

Корни человѣка проникаютъ въ народъ.

Рука человѣка услужлива, рука Божія могуча.

Давая подарокъ, старайся вернуть его назадъ.

Не бери дѣвушки, у которой дурная мать.

Не входи въ домъ съ дурной дверью.

Кто уже умеръ, того не спасетъ ни одинъ шаманъ.

Кто умираетъ отъ голода, того не спасетъ богатый.

Скрипучее сѣдло не даетъ покоя уху лошади.

Дуракъ хвалить свою жену, умный — свою собаку.

У кого поносъ, за тѣмъ бѣгаютъ собаки;

За шутомъ бѣгаютъ люди.

Горшокъ съ молокомъ перекипаетъ,

Безумный пробалтывается.

Нѣтъ рѣки безъ песку,

Нѣтъ народа безъ Бога.

Нѣтъ шубы безъ воротника,

Нѣтъ страны безъ законовъ.

Уважая могучаго, не свалишься на землѣ; уважая знатнаго, не пропадешь.

Не возносись надъ сильнымъ, слушайся знатнаго.

Уважая сильнаго, будешь долго жить.

Клеветникъ жретъ палку.

Клеветникъ погибнетъ; онъ продаетъ свою душу.

Обманщикъ пойдетъ въ преисподнюю; его постигнетъ мракъ.

Бѣшь хлѣбъ съ солью, говори невинныя рѣчи.

Кто соединить двѣ головы, тому будетъ благодать отъ Бога, а кто разъединить двѣ головы, тому будетъ наказаніе Божіе.

У завистливаго не бываетъ рубашки.

Когда есть что, хватай какъ вольгъ; когда же нѣтъ ничего, — будь сухъ, какъ сухая жила.

То, что ты заработалъ, служить твоему отцу и матери; то, чему ты научился, — тебѣ самому.

Изъ двухъ людей одинъ всегда выше другаго.

Когда всего одинъ человѣкъ, то шапка выше его.

Зачѣмъ ищешь ты въ странѣ навозу, когда въ ней нѣтъ скота?

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предисловіе	I
Домъ и дворъ	1
Семейная жизнь	12
Женщины	22
Свадьба поэта. Водевиль въ одномъ дѣйствіи	41
Одежда и украшенія.	53
Кушанья	77
Попойка	85
Табакъ и наркотическія средства.	96
Бани и омовенія	120
Школы	131
Образованіе	147
Праздники.	160
Богомольцы и богомолья	171
Дервиши	191
Высокая Порта въ Константинополѣ и ея столпы	211
Караваны	232
Базары и базарная жизнь	247
Христіане и евреи.	256
Магометанскіе народныя типы	281
Магометанскіе правители настоящаго времени	295

ПОСЛОВИЦЫ:

Османскія	315
Узбекскія	338
Казанско-татарскія	340
Алтайскія	342

